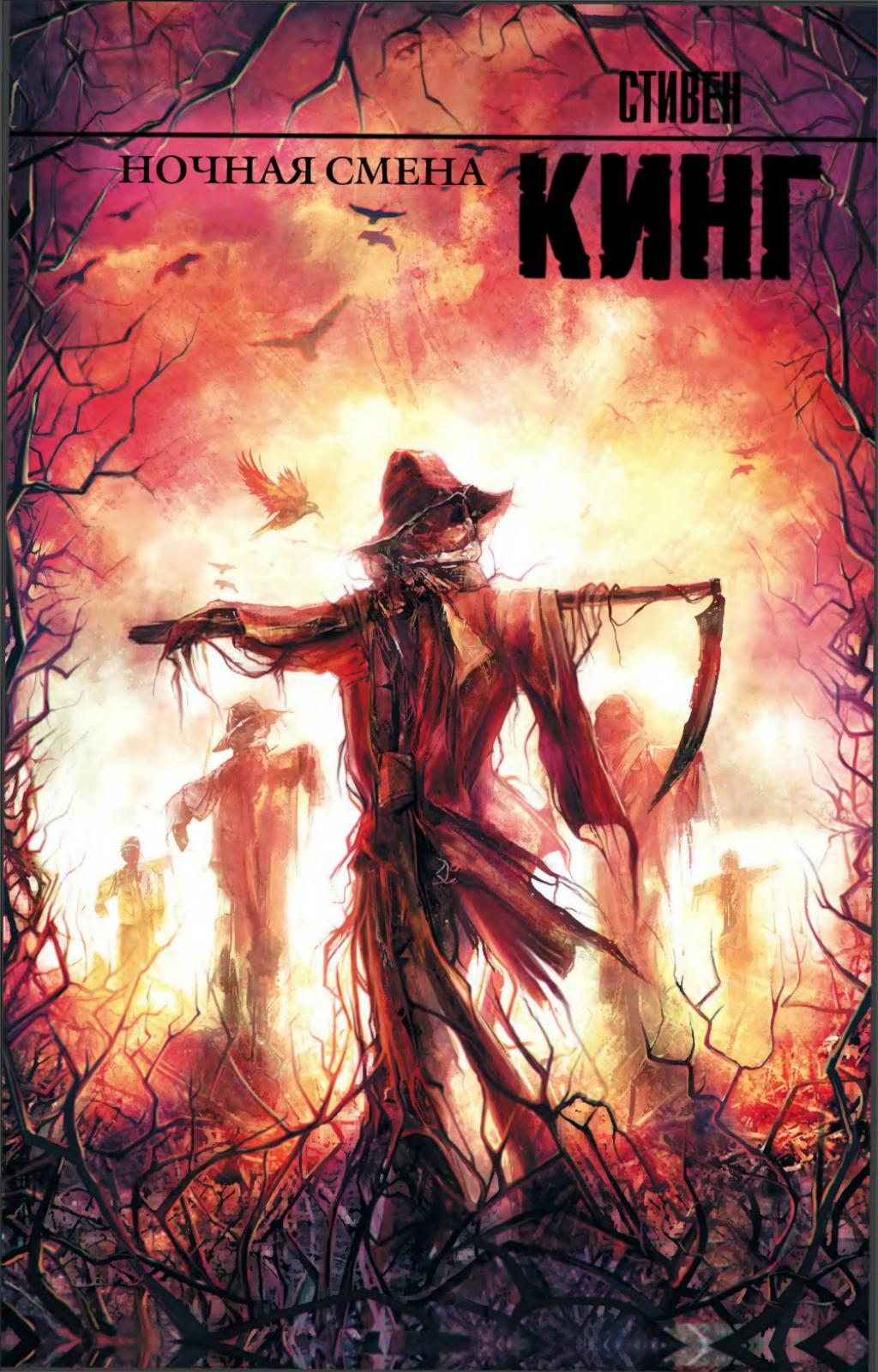

СТИВЕН

НОЧНАЯ СМЕНА

КИНГ

СТИВЕН

КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

НОЧНАЯ СМЕНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

K41

Серия «Король на все времена»

Stephen King

NIGHT SHIFT

Перевод с английского

Художник *B. Лебедева*

Компьютерный дизайн *B. Воронина*

Нечатается с разрешения издательства Doubleday,
an imprint of The Kiopf Doubleday Publishing Group,
a division of Random House, Inc.

и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

K41   Ночная смена : [сборник; перевод с английского] /
Стивен Кинг; Москва : Издательство АСТ, 2015. —
480 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-092566-7

Вы решились отправиться в странствие по закоулкам кошмаров, таящихся за гранью реальности. Здесь парят только безумие и паника. Здесь все, что кажется надежным и знакомым, может обернуться смертельно опасной ловушкой. Даже дневной свет здесь просачивается сквозь ночную тьму...

За поворотом дороги — мир, где под масками людей таится Серое Зло. Зло, в котором нет ни искорки человеческой души.

Новый поворот — и вот он, городок, где сверхсовременная мясорубка обрела свою собственную волю и разум.

Еще поворот — и трижды раскаются те, кто столкнется с одержимым Газонокосильщиком. Нетому что в глубинах его изломанной души таится Смерть.

И опять дорога делает поворот — в школу возвращаются мертвые, возвращаются с жаждой нести гибель живым. И надо продать душу дьяволу, чтобы дьявола победить...

Читайте сборник рассказов «Ночная смена» именно таким, как его задумал Стивен Кинг!

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Stephen King, 1976, 1977, 1978

ISBN 978-5-17-092566-7

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

На вечеринках (коих я по мере возможности стараюсь избегать) меня часто одаривают улыбками и крепкими рукопожатиями самые разные люди, которые затем с многозначительно таинственным видом заявляют:

— Знаете, мне всегда хотелось писать.

Я всегда нытался быть с ними вежливым.

Но теперь с той же ликующе-загадочной ухмылкой отвечаю им:

— А мне, знаете ли, всегда хотелось быть нейрохирургом.

На лицах тут же возникает растерянность. Но это не важно. Кругом полно странных растерянных людей, не знающих, куда себя приткнуть и чем заняться.

Если вы хотите писать, то пишите.

И научиться писать можно только в процессе. Не слишком пригодный способ для освоения профессии нейрохирурга.

Стивен Кинг всегда хотел писать, и он пишет.

И он написал «Кэрри», и «Жребий», и «Сияние», и замечательные рассказы, которые вы можете прочесть в этой книжке, и невероятное количество других рассказов, и романов, и отрывков, и стихотворений, и эссе, а также прочих произведений, не подлежащих классификации, и

Introduction, by John D. MacDonald. © 1998. Н. Рейн. Перевод с английского.

уж тем более, по большей части, — публикации. Слишком уж отталкивающие и страшные описаны там картины.

Но он написал их именно так.

Потому что другого способа написать об этом просто не существует. Не существует, и все тут.

Усердие и трудолюбие — прекрасные качества. Но их недостаточно. Надо обладать вкусом к слову. Упиваться, обжираться словами. Купаться в них, раскатывать на языке. Перечитывать миллионы слов, написанных другими.

Читать все, что только не попадет под руку, с чувством бешеної зависти или сподвигающего презрения.

А самое яростное презрение следует приберегать для людей, скрывающих свою полную беспомощность и бездарность за миогословием, жесткой структурой предложения, присущей германским языкам, неуместными символами, а также абсолютным отсутствием понимания того, что есть сюжет, исторический контекст, ритм и образ.

Только начав понимать, что такое вы сами, вы научитесь понимать других людей. Ведь в каждом первом встречном есть частичка вашего собственного «я».

Ну вот, собственно, и все. Итак, еще раз, что нам необходимо? Усердие и трудолюбие плюс любовь к слову, плюс выразительность — и вот из всего этого с трудом пробивается на свет Божий частичная объективность.

Ибо абсолютной объективности не существует вообще...

И тут я, печатающий эти слова на своей голубой машинке и дошедший уже до второй страницы этого предисловия и совершенно отчетливо представлявший сначала, что и как собираюсь сказать, вдруг растерялся. И теперь вовсе не уверен, понимаю ли сам, что именно хотел сказать.

Прожив на свете вдвое дольше Стивена Кинга, я имею основания полагать, что оцениваю свое творчество более объективно, нежели Стивен Кинг свое.

Объективность... о, она вырабатывается так медленно и болезненно.

Ты пишешь книги, они расходятся по миру, и очистить их от присущего им духа, как от шелухи, более уже невозможно. Ты связан с ними, словно с детьми, которые выросли и избрали собственный путь, невзирая на все те ярлыки, которые ты на них навешивал. О, если бы только это было возможно — вернуть их домой и придать каждой книге дополнительного блеска и силы!.. Подчистить, подправить страницу за страницей. Углубить, перелопатить, навести полировку, избавить от лишнего...

Но в свои тридцать Стивен Кинг куда лучший писатель, нежели был я в свои тридцать и сорок.

И я иснытываю к нему за это нечто вроде ненависти — так, самую малость.

И еще, мне кажется, знаю в лицо целую дюжину демонов, попрятавшихся в кустах вдоль тропинки, которую он избрал, но даже если бы у меня и существовал способ предупредить его об этом, он бы все равно не послушался. Тут уж кто кого — или он их, или они его.

Все очень просто.

Ладно. Так о чем это я?..

Трудолюбие, любовь к слову, выразительность, объективность... А что еще?

История! Ну конечно, история, что же еще, черт побери!

История — это нечто, случившееся с тем, за кем вы наблюдаете и к кому неравнодушны. Случиться она может в любом измерении — физическом, ментальном, духовном. А также в комбинации всех этих трех измерений.

И без вмешательства автора.

А вмешательство автора — это примерно вот что: «Бог мой, мама, ты только посмотри, как здорово я пишу!»

Другого рода вмешательство — чистой воды гротеск. Вот один из любимейших примеров, вычтанных мной

из прошлогоднего сборника бестселлеров: «Его глаза скользнули по передней части ее платья».

Вмешательство автора — это глупая или неуместная фраза, заставляющая читателя тут же осознать, что он занят процессом чтения, и оторвать его тем самым от историй. У бедняги шок, и он тут же забывает, о чем шла речь.

Другой разновидностью авторского вмешательства являются эдакие мини-лекции, включенные в ткань повествования. Кстати, один из самых прискорбных моих недостатков.

Образ должен быть выписан точно, содержать неожиданное и меткое наблюдение и не нарушать очарования повествования. В этот сборник включен рассказ под названием «Грузовики», где Стивен Кинг рисует сцену напряженного ожидания в авторемонтной мастерской и описывает собравшихся там людей. «Коммивояжер, он ни на секунду не расставался с заветным чемоданчиком с образцами. Вот и теперь чемоданчик лежал у его ног, словно любимая собака, решившая вздрогнуть».

Очень, как мне кажется, точный образ.

В другом рассказе он демонстрирует безупречный слух, придавая диалогу необыкновенную живость и достоверность. Муж с женой отпраздновали долгое путешествие. Едут по какой-то заброшенной дороге. Она говорит: «Да, Бёрт, я знаю, что мы в Небраске, Бёрт. И все же, куда это нас, черт возьми, занесло?» А он отвечает: «Атлас дорог у тебя. Так погляди. Или читать разучилась?»

Очень хорошо. И так просто и точно. Прямо как в нейрохирургии. У ножа имеется лезвие. Ты держишь его соответствующим образом. И делаешь надрез.

И наконец, рискуя быть обвиненным в иконоборчестве, должен со всей ответственностью заявить, что мне абсолютно плевать, какую именно тему избирает для своего творчества Стивен Кинг. Тот факт, что он в данное время явно упивается описанием разных ужасов из жизнеписи

привидений, ведьм и прочих чудовищ, обитающих в подвалах и канализационных люках, кажется мне не самым главным, когда речь заходит о практике его творчества.

Ведь вокруг нас происходят немало самых ужасных вещей. И все мы — и вы, и я — ежечасно иснытываем сумасшедшие стрессы. А детишками, в душах которых живет зло, можно заполнить Диснейленд. Но главное, повторяю, это все-таки история.

Взяв читателя за руку, она ведет его за собой. И не оставляет безразличным.

И еще. Две самые сложные для писателя сферы — это юмор и мистика. Под неуклюжим пером юмор превращается в погребальную песнь, а мистика вызывает смех.

Но если перо умелое, вы можете писать о чем угодно.

И похоже, что Стивен Кинг вовсе не собирается ограничиться сферой своих сегодняшних интересов.

Стивен Кинг не ставит целью доставить удовольствие читателю. Он пишет, чтоб доставить удовольствие себе. Я — тоже. И когда такое случается, результат нравится всем. Истории, доставляющие удовольствие Стивену Кингу, радуют и меня.

По странному совпадению во время написания этого предисловия я вдруг узнал, что роман Кинга «Сияние» и мой роман «Кондоминиум» включены в список бестселлеров года. Не поймите превратно, мы с Кингом вовсе не соревнуемся в борьбе за внимание читателя. Мы с ним, как мне кажется, конкурируем с беспомощными, претенциозными и псевдосенсационными произведениями тех, кто так и не удосужился научиться своему ремеслу.

Что же касается мастерства, с которым создана история, и удовольствия, которое вы можете получить, читая ее, то не так уж много у нас Стивенов Кингов.

И если вы прочли все это, надеюсь, что времени у вас достаточно. И можно приступить к чтению рассказов.

Джон Д. Макдональд

К ЧИТАТЕЛЮ

Давайте поговорим. Даваеете поговорим с вами о страхе.

Я пишу эти строки, и я в доме один. За окном моросит холодный февральский дождь. Ночь... Порой, когда ветер завывает вот так, как сегодня, особенно тоскливо, мы теряем над собой всякую власть. Но пока она еще не утеряна, давайте все же поговорим о страхе. Поговорим спокойно и рассудительно о приближении к бездне под названием безумие... о балансировании на самом ее краю.

Меня зовут Стивен Кинг. Я взрослый мужчина. Живу с женой и тремя детьми. Я очень люблю их и верю, что чувство это взаимно. Моя работа — писать, и я очень люблю свою работу. Романы «Кэрри», «Жребий», «Сияние» имели такой успех, что теперь я могу зарабатывать на жизнь исключительно писательским трудом. И меня это очень радует. В настоящее время со здоровьем вроде бы все в порядке. В прошлом году избавился от вредной привычки курить крепкие сигареты без фильтра, которые смолил с восемнадцати лет, и перешел на сигареты с фильтром и низким содержанием никотина. Со временем надеюсь бросить курить совсем. Проживаю с семьей в очень уютном и славном доме рядом с относительно

чистым озером в штате Мэн; как-то раз прошлой осенью, проснувшись рано утром, вдруг увидел на заднем дворе оленя. Он стоял рядом с пластиковым столиком для пикников. Живем мы хорошо.

И, одиако же, поговорим о страхе. Не станем повышать голоса и наивно вскрикивать. Поговорим спокойно и рассудительно. Поговорим о том моменте, когда добротная ткань вашей жизни вдруг начинает расползаться на куски и перед вами открываются совсем другие картины и вещи.

По ночам, укладываясь спать, я до сих пор привержен одной привычке: прежде чем выключить свет, хочу убедиться, что ноги у меня как следует укрыты одеялом. Я уже давно не ребенок, но... но ни за что не засну, если из-под одеяла торчат хотя бы краешек ступни. Потому что если из-под кровати вдруг вынырнет холодая рука и ухватит меня за щиколотку, я, знаете ли, могу и закричать. Заорать, да так, что мертвые проснутся. Конечно, ничего подобного со мной случиться не может, и все мы прекрасно это понимаем. В рассказах, собранных в этой книге, вы встретитесь с самыми разнообразными ночных чудовищами — вампирами, демонами, тварью, которая живет в чулане, прочими жуткими созданиями. Все они нереальны. И тварь, живущая у меня под кроватью и готовая схватить за ногу, тоже нереальна. Я это знаю. Но твердо знаю также и то, что, если как следует прикрыть одеялом ноги, ей не удастся схватить меня за щиколотку.

Иногда мне приходится выступать перед разными людьми, которые интересуются литературой и писательским трудом. Обычно, когда я уже заканчиваю отвечать на вопросы, кто-то обязательно встает и непременно задает один и тот же вопрос: «Почему вы пишете о таких ужасных и мрачных вещах?»

И я всегда отвечаю одно и то же: *Почему вы считаете, что у меня есть выбор?*

Писательство — это занятие, которое можно охарактеризовать следующими словами: хватай что можешь.

В глубинах человеческого сознания существуют некие фильтры. Фильтры разных размеров, разной степени проницаемости. Что застряло в моем фильтре, может свободно проскочить через ваш. Что застряло в вашем, запросто проскаивает через мой. Каждый из нас обладает некоей встроенной в организм системой защиты от грязи, которая и накапливается в этих фильтрах. И то, что мы обнаруживаем там, зачастую превращается в некую побочную линию поведения. Бухгалтер вдруг начинает увлекаться фотографией. Астроном коллекционирует монеты. Школьный учитель начинает делать углем наброски надгробных плит. Шлак, осадок, застрявший в фильтре, частицы, отказывающиеся проскаивать через него, зачастую превращаются у человека в манию, некую навязчивую идею. В цивилизованных обществах по негласной договоренности эту манию принято называть «хобби».

Иногда хобби перерастает в занятие всей жизни. Бухгалтер вдруг обнаруживает, что может свободно прокорить семью, делая снимки; учитель становится настоящим экспертом по частям надгробий и может даже прочитать на эту тему целый цикл лекций. Но есть на свете профессии, которые начинаются как хобби и остаются хобби на всю жизнь, даже если занимающийся ими человек вдруг видит, что может зарабатывать этим на хлеб. Но поскольку само слово «хобби» звучит мелко и как-то несолидно, мы, оиять же по негласной договоренности, начинаем в подобных случаях называть свои занятия «искусством».

Живопись. Скульптура. Сочинение музыки. Пение. Актёрское мастерство. Игра на музыкальном инструменте. Литература. По всем этим предметам написано столько книг, что под их грузом может пойти на дно целая флотилия из роскошных лайнеров. И единственное, в чем придерживаются согласия авторы этих книг, заключается

в следующем: тот, кто является истинным привержеицем любого из видов искусств, будет запиматься им, даже если не получит за свои труды и старания ни гроша; даже если наградой за все его усилия будут лишь суровая критика и брань; даже под угрозой страданий, лишений, тюрьмы и смерти. Лично мне все это кажется классическим примером поведения под влиянием навязчивой идеи. И проявляться оно может с равным успехом и в занятиях самыми заурядными и обыденными хобби, и в том, что мы так выспренно называем «искусством». Бампер автомобиля какого-нибудь коллекционера оружия может украшать наклейка с надписью: ТЫ ЗАБЕРЕШЬ У МЕНЯ РУЖЬЕ ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ УДАСТСЯ РАЗЖАТЬ МОИ ХОЛОДЕЮЩИЕ МЕРТВЫЕ ПАЛЬЦЫ. А где-нибудь на окраине Бостона домохозяйки, проявляющие невиданную политическую активность в борьбе с плановой застройкой их района высотными зданиями, часто налепляют на задние стекла своих пикапов наклейки следующего содержания: СКОРЕЕ Я ПОЙДУ В ТЮРЬМУ, ЧЕМ ВАМ УДАСТСЯ ВЫЖИТЬ МОИХ ДЕТЕЙ ИЗ ЭТОГО РАЙОНА. Ну и по аналогии, если завтра на нумизматику вдруг объявят запрет, то астроном-коллекционер вряд ли выбросит свои железные пенни и алюминиевые никели. Нет, он аккуратно сложит монеты в пластиковый пакетик, спрячет где-нибудь на дне бачка в туалете и будет любоваться своими сокровищами по ночам.

Мы несколько отвлеклись от нашего предмета обсуждения — страха. Впрочем, ненамного. Итак, грязь, застрявшая в фильтрах нашего подсознания, и составляет зачастую природу страха. И моя навязчивая идея — это ужасное. Я не написал ни одного рассказа из-за денег, хотя многие из них, перед тем как попали в эту книгу, были опубликованы в журналах, и я ни разу не возвратил присланного мне чека. Возможно, я и страдаю навязчивой идеей, но ведь это еще не *безумие*. Да, повторяю: я писал их не ради денег. Я писал их просто потому, что они при-

шли мне в голову. К тому же вдруг выяснилось, что моя навязчивая идея — довольно ходовой товар. А сколько разбросано по разным уголкам света разных безумцев и безумиц, которым куда как меньше повезло с навязчивой идеей.

Я не считаю себя великим писателем, но всегда чувствовал, что обречен писать. Итак, каждый день я заново прощеживаю через свои фильтры всякие шлаки, перебираю застрявшие в подсознании фрагменты различных наблюдений, воспоминаний и рассуждений, пытаюсь сделать что-то с частицами, не проскочившими через фильтр.

Луи Лямур, сочинитель вестернов, и я... оба мы могли оказаться на берегу какой-нибудь запруды в Колорадо, и нам обоим могла одновременно прийти в голову одиа и та же идея. И тогда мы, оиять же одновременно, искали бы неукротимое желание сесть за стол и перенести свои мысли на бумагу. И он написал бы рассказ о подъеме воды в сезон дождей, а я — скорее всего о том, что где-то там, в глубине, прячется под водой ужасного вида тварь. Время от времени высказывается на поверхность и утаскивает на дно овец... лошадей... человека, наконец. Навязчивой идеей Луп Лямура является история американского Запада; моей же — существа, выползающие из своих укрытий при свете звезд. А потому он сочиняет вестерны, а я — ужас-тики. И оба мы немного чокнулись.

Заятне любым видом искусств продиктовано навязчивой идеей, а навязчивые идеи опасны. Это как нож, засевший в мозгу. В некоторых случаях — как это было с Диланом Томасом, Россом Локридже, Хартом Крейном и Сильвией Плат* — нож может неудачно повернуться и убить человека.

---

* Томас, Дилан — английский поэт, символист; Локридж, Росс — американский писатель, автор детективов; Крейн, Харт — американский поэт; Нлат, Сильвия — американская поэтесса. Все эти литераторы преждевременно и трагически ушли из жизни. — Здесь и далее примеч. пер.

Искусство — это индивидуальное заболевание, страшно заразное, но далеко не всегда смертельное. Ведь и с настоящим ножом тоже надо обращаться умело, сами знаете. Иначе можно порезаться. И если вы достаточно мудры, то обращаетесь с частицами, засевшими в подсознании, достаточно осторожно — тогда поразившая вас болезнь не приведет к смерти.

Итак, за вопросом **ЗАЧЕМ ВЫ ПИШЕТЕ ВСЮ ЭТУ ЕРУНДУ?** — неизбежно возникает следующий: **ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ ЛЮДЕЙ ЧИТАТЬ ВСЮ ЭТУ ЕРУНДУ? ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ ЕЕ ПРОДАВАТЬСЯ?** Сама постановка вопроса подразумевает, что любое произведение из разряда ужастиков, в том числе и литературное, апеллирует к дурному вкусу. Письма, которые я получаю от читателей, часто начинаются со следующих слов: «Полагаю, вы счтете меня странным, но мне действительно понравился ваш роман». Или: «Возможно, я ненормальный, но буквально упивался каждой страницей «Сияния»...»

Думаю, что я нашел ключ к разгадке на страницах еженедельника «Ньюсвик», в разделе кинокритики. Статья посвящалась фильму ужасов, не очень хорошему, и была в ней такая фраза: «...прекрасный фильм для тех, кто любит, сбив склонность, поглазеть на автомобильную аварию». Не слишком глубокое высказывание, но если подумать как следует, его вполне можно отнести ко всем фильмам и рассказам ужасов. «Ночь живых мертвецов» (*The night of the Living Dead*) с чудовищными сценами каннибализма и матеребийства, безусловно, можно причислить к разряду фильмов, на которые ходят любители сбить склонность и поглазеть на результаты автокатастрофы. Ну а как насчет той сцены из «Изгоняющего дьявола» (*The Exorcist*), где маленькая девочка вылезает фасолевый суп прямо на рису священника? Или взять, к примеру, «Дракулу» Брэма Стокера, который является как бы эталоном всех современных романов ужасов, что, собственно, справедливо,

поскольку это было первое произведение, где отчетливо прозвучал психофрэйдистский подтекст. Там маньяк по имени Ренфелд пожирает мух, пауков, а затем — и птичку. А затем выблевывает эту птичку вместе с перьями и всем прочим. В романе также описано сажание на кол — своего рода ритуальное соитие — молоденькой и красивой ведьмочки и убийство младенца и его матери.

И в великой литературе о сверхъестественном часто можно найти сценки из того же разряда — для любителей сбавить скорость и поглазеть. Убийство Беовульфом* матери Греиделя; расчленение страдающего катарактой благодетеля из «Сердца сплетника» (*The Tell-Tale Heart*), после чего убийца (он же автор повествования) прячет куски тела под половицами; сражение хоббита Сэма с пауком Шелобом в финальной части трилогии Толкина**.

Нет, безусловно, найдутся люди, которые будут яростно возражать и приводить в пример Генри Джеймса***, который не стал описывать ужасов автомобильной катастрофы в «Повороте винта»; утверждать, что в таких рассказах ужасов Натаниела Готорна****, как «Молодой Гудмен Браун» (*Young Goodman Brown*) и «Черная мантия священника» (*The Minister's Black Veil*), в отличие от «Дракулы» напрочь отсутствует безвкусица. Это заблуждение. В них все равно показана «автокатастрофа» — правда, тела пострадавших уже успели убрать,

* «Беовульф» — наиболее значительный из сохранившихся памятников древнего англосаксонского эпоса. Ноэма дошла до нас в единственном рукописном варианте начала X в.

** Толкин, Джон Рональд (1892 — 1973) — английский писатель, автор сказочно-героической эпопеи «Властелин колец».

*** Джеймс, Генри (1843 — 1916) — американский писатель, с 1875 г. жил в Европе, мастер психологического романа. В числе его произведений — мистико-загадочный рассказ «Новорот винта» (*The Turn of the Screw*, 1898).

**** Готорн, Натаниел (1804 — 1864) — американский писатель, автор сборников рассказов «Легенды старой усадьбы» и «Снегурочка и другие дважды рассказанные истории».

но мы видим покореженные обломки и ияtna крови на обивке. И в каком-то смысле деликатность описания, отсутствие трагизма, приглушенный и размерейный тон повествования, рациональный подход, превалирующий, к примеру, в «Черной мантии священика», еще ужаснее, нежели откровенное и детальное описание казни в новелле Эдгара По «Колодец и маятник».

Все дело в том — и большинство людей чувствуют это сердцем, — что лишь немногие из нас могут преодолеть неукротимое стремление хоть искоса, хотя бы краешком глаза взглянуть на окруженное полицейскими машинами с мигалками место катастрофы. У граждан постарше — свой способ: утром опи первым делом хватаются за газету и первым делом ищут колонку с некрологами, посмотреть, кого удалось пережить. Все мы хотя бы на миг испытываем пронзительное чувство неловкости и беспокойства — узнав, к примеру, что скончался Дэн Блокер, или Фредди Принз*, или же Дженис Джоплин**. Мы иснытываем ужас, смешанный с неким оттенком радости, услышав по радио голос Пола Харви, сообщающего нам о какой-то женщине, угодившей под лопась пропеллера во время сильного дождя на территории маленького загородного аэропорта; или же о мужчине, заживо сварившемся в огромном промышленном смесителе, когда один из рабочих перепутал киопки на нульте управления. Нет нужды доказывать очевидное — жизнЬ полна страхов, больших и маленьких, но поскольку малые страхи постичь проще, именно они в первую очередь вселяются в наши дома и наполняют наши души смертельным, леденящим чувством ужаса.

Наш интерес к «карманным» страхам очевиден, но примерно то же можно сказать и об омерзении. Эти два ощущения странным образом переплетаются и порож-

* Принз, Фредди — молодой американский комик, чья карьера оборвалась в 1977 г.

** Джоплин, Дженис (1942 — 1969) — американская певица.

дают чувство вины... вины и неловкости, сходной с той, которую испытывает юноша при первых признаках пробуждения сексуальности...

И не мие убеждать вас отбросить чувство вины и уж тем более — оправдываться за свои рассказы и романы, которые вы прочтете в этой книге. Но между сексом и страхом явно прослеживается весьма любопытная параллель. С наступлением половой зрелости и возможностями вступать в сексуальные взаимоотношения у нас просыпается и интерес к этим взаимоотношениям. Интерес, если он не связан с половым извращением, обычно направлен на спаривание и продолжение вида. По мере того как мы осознаем конечность всего живого, неизбежность смерти, мы познаем и страх. И в то время как спаривание направлено на самосохранение, все наши страхи происходят из осознания неизбежности конца, так я, во всяком случае, это вижу.

Всем, думаю, известна сказка о семи сленых, которые хватали слона за разные части тела. Один из них принял слона за змею, другой — за огромный пальмовый лист, третьему казалось, что он трогает каменную колонну. И только собравшись вместе, сленые сделали вывод, что это был слон.

Страх — это чувство, которое превращает нас в сленых. Но чего именно мы боимся? Боимся выключить свет, если руки у нас мокрые. Боимся сунуть нож в тостер, чтобы вытащить прилипший кусочек хлеба, предварительно не отключив прибор от сети. Боимся приговора врача после проведения медицинского обследования; боимся, когда самолет вдруг проваливается в воздушную яму. Боимся, что в баке кончится бензин, что на земле вдруг исчезнут чистый воздух, чистая вода и кончится нормальная жизнь. Когда дочь обещает быть дома в одиннадцать вечера, а на часах четверть двенадцатого и в окно барабанит, словно песок, мелкая изморось, смесь снега с дождем, мы сидим и делаем вид, что страшно внимательно смотрим про-

грамму с Джоини Карсоном*, а на деле только и косимся на молчщий телефон и иснытываем чувство, которое превращает нас в сленых, постепено разрушая процесс мышления как таковой.

Младенец — вот кто поистине бесстрашиое создание. Но только до того момента, пока рядом вдруг не окажется мать, готовая сунуть ему в рот сосок, когда он, проголодавшись, начнет плакать. Малыш, только начинающий ходить, быстро познает боль, которую может причинить внезапно захлопнувшаяся дверь, горячий душ, противное чувство озоба, сопровождающее круп или корь. Дети быстро обучаются страху; опи читают его на лице отца или матери, когда родители, войдя в ванную, застают свое дитя с нузырьком таблеток или же безопасной бритвой в руке.

Страх ослепляет нас, и мы копаемся в своих чувствах с жадным интересом, словно стараемся составить целое из тысячн разрознеиных фрагментов, как делали те сленые со слоном.

Мы улавливаем общие очертания. Дети делают это быстрее, столь же быстро забывают, а затем, став взрослыми, учатся вновь. Но общие очертания сохраняются, и большинство из нас рано или поздно осознают это. Очертания сводятся к силуэту тела, прикрытоего простыней. Все наши мелкие страхи принлюсовываются к одиому большому, все наши страхи — это часть одиого огромного страха... рука, нога, палец, ухо... Мы боимся тела, прикрытоего простыней. Это наше тело. И основная притягательность литературы ужасов сводится к тому, что на протяженин веков она служила как бы репетицией нашей смерти.

К этому жанру всегда относились несколько пре-небрежительно. Достаточно вспомнить, что в течение довольно долгого времени истинными ценителями

---

* Карсон, Джон (1925—2005) — американский актер, звезда разговорного жанра на телевидении.

Эдгара По и Лавкрафта* были французы, в душах которых наиболее органично уживаются секс и смерть, чего никак не скажешь о соотечественниках По и Лавкрафта. Американцам было не до того, они строили железные дороги, и По и Лавкрафт умерли нищими. Фантазии Толкина тоже отвергались — лишь через двадцать лет после первых публикаций его книги вдруг стали пользоваться оглушительным успехом. Что касается Курта Воннегута, в чьих произведениях так часто проскальзывает идея «репетиции смерти», то его всегда яростно критиковали, и в этом урагане критики проскальзывали порой даже истерические нотки.

Возможно, это обусловлено тем, что сочинитель ужасов всегда приносит плохие вести. Ты обязательно умрешь, говорит он. Он говорит: «Плюньте вы на Орала Робертса**, который только и знает, что твердить: «С вами непременно должно случиться что-то хорошее». Потому что с вами столь же непременно должно случиться и самое *плохое*. Может, то будет рак, или иисульт, или автокатастрофа, не важно, но рано или поздно это все равно случится. И вот он берет вас за руку, креико сжимает ее в своей, ведет в комнату, заставляет дотронуться до тела, прикрытоего простыней... и говорит: «Вот, потрогай здесь... и здесь... и еще здесь».

Безусловно, аспекты смерти и страха не являются исключительной прерогативой сочинителей ужастиков. Многие так называемые иисатели «основного потока» тоже обращались к этим темам, и каждый делал это по-своему — от Федора Достоевского в «Преступлении и наказании» и Эдварда Олби*** в «Кто боится Вирджинии

---

* Лавкрафт, Говард Филипс — американский писатель, сочинитель готической мистики.

** Робертс, Орал (1918—2009) — американский евангелист, проповедник, основатель церкви Святости Пятидесятников.

*** Олби, Эдвард (р. 1928) — американский драматург, продолжатель традиций Аугуста Стриндберга и Теннесси Уильямса.

Вулф?» до Росса Макдональда с его приключениями Лью Арчера. Страх всегда был велик. Смерть всегда являлась великим событием. Это две константы, присущие человеку. Но лишь сочинитель ужасов, автор, описывающий сверхъестественное, дает читателю шанс узнать, определить его и тем самым очиститься. Работающие в этом жанре писатели, пусть даже имеющие самое отдаленное представление о значении своего творчества, тем не менее знают, что страх и сверхъестественное служат своего рода фильтром между сознанием и подсознанием. Их сочинения служат как бы остановкой на центральной магистрали человеческой психики, на перекрестке между двумя линиями: голубой линией того, что мы можем усвоить без вреда для своей психики, и красной линией, символизирующей опасность — то, от чего следует избавляться тем или иным способом.

Ведь, читая ужастики, вы же всерьез не верите в наисанное. Вы же не верите и в вампиров, ни в оборотней, ни в грузовики, которые вдруг заводятся сами по себе. Настоящие ужасы, в которые мы верим, — из разряда того, о чем писали Достоевский, Олби и Макдональд. Это ненависть, отчуждение, старение без любви, вступление в непонятный и враждебный мир неуверенной походкой юноши. И мы в своей повседневной реальности часто напоминаем трагедийно-комедийную маску — усмехающуюся снаружи и скорбно опустившую уголки губ внутри. Где-то, безусловно, существует некий центральный пункт переключения, некий трансформатор с проводками, позволяющий соединить эти две маски. И находится он в том самом месте, в том уголке души, куда так хорошо ложатся истории ужасов.

Сочинитель этих историй не слишком отличается от какого-нибудь уэльского «пожирателя» грехов, который, съедая олеяя, полагал, что берет тем самым на себя часть грехов животного. Повествование о чудовищах и страхах напоминает корзинку, наполненную разного

рода фобиями. И когда вы читаете историю ужасов, то вынимаете одни из воображаемых страхов из этой корзинки и заменяете его своим, настоящим — по крайней мере на время.

В начале 50-х киноэкраны Америки захлестнула целая волна фильмов о гигантских насекомых: «Они» («Them!»), «Начало конца» («The Beginning of the End»), «Смертельный богомол» («The Deadly Mantis») и так далее. И почти одновременно с этим вдруг выяснилось: гигантские и безобразные мутанты появились в результате ядерных испытаний в Нью-Мексико или на атолловых островах в Тихом океане (примером может также служить относительно свежий фильм «Ужас на пляже для иирушек» («Horror of Party Beach») по мотивам «Армагеддон под покровом пляжа» («Armageddon Beach Blanket»), где описаны невообразимые ужасы, возникшие после преступного загрязнения местности отходами из ядерных реакторов). И если обобщить все эти фильмы о чудовищных насекомых, возникает довольно целостная картина, некая модель проецирования на экран подспудных страхов, развившихся в американском обществе с момента приятия Манхэттенского проекта*. К концу 50-х на экраны вышел цикл фильмов, повествующих о страхах тинейджеров, начиная с таких эпических лент, как «Тинейджеры из космоса» («Teen-Agers from Outer Space») и «Капля» («The Blob»), в котором безбородый Стив Макквии** сражается с неким желеобразным мутантом, в чем ему помогают юные друзья. В век, когда почти в каждом еженедельнике публикуется статья о возрастании уровня преступности среди несовершеннолетних, эти фильмы отражают беспокойство и тревогу общества, его

---

* «Манхэттенский проект» — название правительственной научно-промышленной программы создания атомной бомбы, принятой администрацией Рузельта в 1942 г.

** Макквин, Стивен (1930—1980) — популярный американский актер кино и театра.

страх перед зреющим в среде молодежи будтом. И когда вы видите, как Майкл Лэндон* вдруг превращается в волка в фирменном кожаном пиджачке высшей школы, то тут же возникает связь между фантазией на экране и подспудным страхом, который иснытываете вы при виде какого-либо принурка в автомобиле с усиленным двигателем, с которым встречается ваша дочь. Что же касается самих подростков — я тоже был одиим из них и знаю по онты: монстры, порожденные на американских киностудиях, дают им шанс узреть кого-то еще страшней и безобразней, чем их собственное представление о самих себе. Что такое несколько выскочивших, как всегда не на месте и не ко времени, прыщиков в сравнении с неуклюжим созданием, в которое превращается паренек из фильма «Я был молодым Фраунштейном» (*I was a Teen-Age Frankenstein*). Те же фильмы отражают и подспудные ощущения подростков, что их все время пытаются вытеснить на задворки жизни, что взрослые к ним несправедливы, что родители их не понимают. Эти ленты символичны — как, впрочем, и вся фантастика, живописующая ужасы, литературная или снятая на пленку — и наиболее наглядно формулируют паранойю целого поколения. Паранойю, вызванную, вне всякого сомнения, всеми этими статьями, что читают родители. В фильмах городу Элмвилль угрожает некое жуткое, покрытое бородавками чудовище. Детишки знают это, потому что видели летающую тарелку, приземлившуюся на лужайке. В первой серии бородавчатель монстр убивает старика, проезжавшего в грузовике (роль старика блистательно исполняет Элиша Кук-младший). В следующих трех сериях дети пытаются убедить взрослых, что чудовище обретается где-то поблизости. «А ну, валите все вон отсюда, пока я не арестовал вас за нарушение комендантского часа!» — рычит на них шериф Элмвилля

*Лэндон, Майкл (1931—1991) — американский актер, режиссер, продюсер и сценарист.

как раз перед тем, как монстр появится на Главной улице. В конце смысленным ребятишкам все же удается одолеть чудовище, и вот они отираются отметить это радостное событие в местную кондитерскую, где сосут леденцы, хрустят шоколадками и танцуют джиттербаг* под звуки незабываемой мелодии на титрах.

Подобного рода цикл фильмов предоставляет сразу три возможности для очищения — не столь уж плохо для дешевых, сделанных на живую нитку картин, съемки которых занимают днём десять, не больше. И не случается этого лишь по одиой причине — когда иисатели, продюсеры и режиссеры хотят, чтобы это случилось. А когда случается, то опять же по одной причине, а именно: при понимании того, что страх, как правило, гнездится в очень тесном пространстве, в той точке, где происходит смычка сознательного и подсознательного, в том месте, где аллегория и образ счастливо и естественно сливаются в единое целое, производя при этом наиболее сильный эффект. Между такими фильмами, как «Я был тишейдженом-оборотнем» (*I was a Teen-Age Werewolf*), «Механическим апельсионом» Стэнли Кубрика, «Монстром-подростком» (*Teen-Age Monster*) и картиной Брайана Де Пальмы «Кэрри», явно прослеживается прямая эволюционная связь по восходящей.

Великие произведения на тему ужасов всегда аллегоричны; ииогда аллегория создается преднамеренно, как, к примеру, в «Звероферме» и «1984»**, ииогда возникает случайно — так, к примеру, Джон Рональд Толкин клянется и божится, что, создавая образ Темного Властелина Мордора, вовсе не имел в виду Гитлера в фантастическом

---

* Джиттербаг — быстрый танец с элементами акробатики под музыку свинг или буги-вуги, появился в 20-е гг. XX века, был особенно популярен в 40-е гг.

** Романы-антиутопии Джорджа Оруэлла (1903—1950), английского писателя, публициста. «Зверофера» известна отечественному читателю также под названием «Скотный Двор».

обличье, однако, по дружному мнению критиков, добился именно этого эффекта. Подобных примеров можно привести великое множество... возможно, потому, что, по словам Боба Дилана*, когда у вас много ножей и вилок, ими надо что-нибудь резать.

Работы Эдварда Олби, Стейбека, Камю, Фолкнера — в них тоже идет речь о страхе и смерти. Иногда об этом повествуется с ужасом, но, как правило, писатели «основного потока» описывают все в более традиционной, реалистической манере. Ведь их произведения вставлены в рамки рационального мира — это истории о том, что «могло случиться в действительности». И пролегают они по той линии движения, что проходит через внешний мир. Есть и другие писатели, такие как Джеймс Джойс, тот же Фолкнер, такие поэты, как Сильвия Плат, Т. С. Элиот и Энн Секстон**, чьи работы принаследуют миру символизма, среди подсознательного. Их генеральное направление пролегает по линии, ведущей «внутрь», живоискусственной «внутренней» пейзажи. Сочинитель же ужасов почти всегда находится на некоей промежуточной станции между этими двумя направлениями — по крайней мере в том случае, если он последователен. А если он последователен да к тому же еще и талантлив, то мы, читая его книги, вдруг перестаем понимать, грезим ли или видим эти картины наяву; у нас возникает ощущение, что время то растягивается, то стремительно катится куда-то под откос. Мы начинаем слышать чьи-то голоса, но не можем разобрать слов; сны начинают походить на реальность, а реальность протекает словно во сне.

Это очень странное место, удивительная станция. Там находится страшный и загадочный Дом на Холме,

*Дилан, Роберт (р. 1941) — автор и исполнитель фолк-музыки, борец за гражданские права.

**Элиот, Томас Стерн (1888—1965) — американский поэт, литературный критик, культуролог, лауреат Нобелевской премии по литературе (1948). Секстон, Энн (1828—1974) — американская поэтесса, символистка.

и поезда бегают то в одиом, то в другом направлении, и двери вагонов плотно закрыты; там в комнате с желтыми обоями ползает по полу женищина и прижимается щекой к еле заметному жирному отпечатку на половинце; там обитают человеко-пауки, угрожавшие Фродо и Сэмю, и модель Пикмена, и вендиго, и Норман Бейтс со своей ужасной мамашей. На этой остановке нет места яви и снам, есть только голос иисателя, приглушенный и ровный, повествующий о том, что порой добротиая с виду ткань вещей вдруг начинает расплзаться прямо на глазах — с удручающей быстротой и внезанностью. Он внушает вам, что вы хотите видеть автомобильную аварию, и да, он прав — вам хотелось бы. Замогильный голос в телефонной трубке... какое-то шуршание за стенами старого дома... о нет, вряд ли это крысы, какое-то более крупное существо... чьи-то шаги визу, в подвале, у лестницы... Он хочет, чтобы вы видели и слышали все это. Более того, он хочет, чтобы вы коснулись рукой тела, прикрытоего простыней. И вы тоже хотите этого... Да-да, и не вздумайте отрицать!..

Рассказы ужасов должны, как мне кажется, содержать вполне определенный набор элементов, но этого мало. Я твердо убежден в том, что в них должна быть еще одна штука, пожалуй, самая главная. В них должна быть рассказана история, способная заворожить читателя, слушателя или зрителя. Заворожить, заставить забыть обо всем, увести в мир, которого нет и быть не может. Всю свою жизнь я как иисатель был убежден в том, что самое главное в прозе — это история. Что именно она доминирует над всеми аспектами литературного мастерства, что тема, настроение, образы — все это не работает, если история скучна. Но если она захватила вас, все остальное начинает работать. И для меня всегда служили в этом смысле образцом произведения Эдгара Райса Берроуз*.

---

* Берроуз, Эдгар Райс (1875—1950) — американский писатель, автор фантастических и приключенческих романов.

Хотя его и нельзя, пожалуй, назвать великим иисателем, цену хорошо придуманной истории он прекрасно знал. На первой же странице романа «Забытая временем земля» (*«The Land That Time Forgot»*) герой, от лица которого ведется повествование, находит в бутылке рукоиись. И все остальное содержание сводится к пересказу этой рукоииси. И вот какими словами предваряет автор ее чтение: «Прочтите одпу страницу, и вы забудете обо мне».

Берроуз честно выполняет свое обещание — многие даже более одаренные иисатели на это не способны.

Даже в самом иитетлигентиом и терпеливом читателе сидит порок, заставляющий всех, в том числе и замечательных иисателей, скрежетать зубами: за исключением трех небольших групп людей никто не читает авторского предисловия. Вот исключения: во-первых, близкие родственники иисателя (обычно жена и мать); во-вторых, официальные представители иисателя (издательские люди, а также разного рода запуды), для которых главное — это убедиться, не оклеветал ли кого-либо иисатель во время своих скитаний по бурным волиам литературы. И, наконец, люди, которые тем или иным образом помогали иисателю. Эти последние хотят знать, не слишком ли много возомнил о себе иисатель и не забыл ли случайно, что не один он приложил руку к данному творению.

Остальные же читатели вполне справедливо полагают, что предисловие автора есть не что иное, как большой обман, многостраничная расцвеченная реклама самого себя, еще более назойливая и оскорбительная, чем вставки с рекламой различных сортов сигарет, на которые натыкаешься в середине книжонок в бумажных обложках. Ведь по большей своей части читатели явились посмотреть представление, а не любоваться режиссером, раскланивающимся в свете рамны. И они снова правы.

Итак, позвольте мне откланяться. Скоро начнется представление. И мы войдем в комнату и прикоснемся

рукой к укутенному в простыни телу. Но перед тем как распрошаться, я хотел бы отиять у вас еще две-три минуты. И поблагодарить людей из трех вышеупомянутых групп, а также из еще одной, четвертой. Так что уж потерпите немного, пока я говорю эти свои «спасибо».

Спасибо моей жене Табите, лучшему и самому суровому моему критику. Когда ей нравится моя работа, она прямо так и говорит; когда чувствует, что меня, что называется, занесло, тактично и нежно опускает на землю. Спасибо моим детям, Наоми, Джо и Оуэну, которые с необыкновенным для их возраста поиманием и сиисхождением относятся к странным занятиям своего папаши в кабинете визу. Огромное спасибо моей матери, умершей в 1973 году, которой посвящается эта книга. Она всегда оказывала мне поддержку, всегда находила 40—50 центов, чтобы купить конверт, куда затем вкладывала второй, оплаченный и с ее адресом, чтобы избавить сына от излишних хлопот, когда он собирается ответить ей на письмо. И никто на свете, в том числе даже я сам, не радовался больше мамы, когда я, что называется, наконец прорвался.

Из представителей второй группы мне хотелось бы выразить особую благодарность моему издателю Уильяму Дж. Томпсону из «Даблдей энд компани», который был столь терпелив ко мне, который с таким добродушием и неизменной приветливостью отвечал на мои ежедневные настырные звонки. И который проявил такое внимание и доброту несколько лет тому назад к тогда еще неизвестному молодому писателю и не изменил своего отношения до сих пор.

В третью группу входят люди, впервые опубликовавшие мои работы. Это мистер Роберт Э. У. Лоундес, первым купивший у меня два рассказа; это мистер Дуглас Аллен и мистер Най Уиллден из «Дьюджент паблишинг корпорейшн», купившие целую кучу других рассказов, последовавших за публикациями в «Кавалер» и «Джент», — еще

в те добрые старые и неторопливые времена, когда чеки приходили вовремя и помогали избежать неприятности, которую энергонадзор стыдливо называет «временным прекращением обслуживания». Хочу также выразить благодарность Илейи Джейджер, Герберту Шнэллу, Кэролайи Стромберг из «Нью американ лайбрери»; Джерарду Ван дер Льюпу из «Пентхауса» и Гаррису Дейистфри из «Космополитена». Спасибо вам всем.

И, наконец, последняя группа людей, которых бы мне хотелось поблагодарить. Всех вместе и каждого своего читателя в отдельности, не побоявшихся облегчить свой кошелек и купить хотя бы одну из моих книг. Если подумать как следует, то я прежде всего обязан этим людям. Ведь и этой книги без вас не было бы. Огромное спасибо.

Итак, на улице по-прежнему темно и моросит дождь. Но нас ждет увлекательная ночь. Потому как я собираюсь показать вам кое-что. А вы сможете потрогать. Это находится совсем неподалеку, в соседней комнате... Вернее, даже ближе, прямо на следующей странице.

Так в путь?..

*Бриджстон, штат Мэн
27 февраля 1977*

ИЕРУСАЛЕМОВ УДЕЛ

2 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

До чего же славно было вступить под промозглые, насквозь продуваемые своды Чейиелуэйта — когда после тряски в треклятой карете ноет каждая косточка, а раздувшийся мочевой пузырь требует немедленного облегчения, — и обнаружить у двери на фривольном столике вишневого дерева иисъмо, надписанное твоими неподражаемыми каракулями! Даже не сомневайся, что я принял их разбирать, едва позаботился о нуждах тела (в вычурно изукрашенной холодной уборной на первом этаже, где дыхание мое облачком повисало в воздухе).

Счастлив слышать, что легкие твои очистились от застарелых миазмов, и уверяю, что сочувствуя твоей моральной дилемме — как следствию излечения. Недужныйabolitionist, исцеленный под солицем Флориды, этого оплота рабства! Тем не менее, Доходяга, прошу тебя как друг, тоже побывавший в долине теней, — позаботиться о себе хорошенько и не смей возвращаться в Массачусетс, пока организм тебе не позволит. Что нам толку в твоем тонком уме и ядовитом пере, коли тело твое обратится во прах; и если южные области для тебя благотворны — есть в этом некая высшая справедливость.

Да, особняк и впрямь роскошен — в точности таков, как убеждали меня душеприказчики моего кузена, — хотя

и гораздо более зловещ. Стоит он на громадиом мысе милях в трех к северу от Фалмута и в девяти милях к северу от Портленда. Позади него — около четырех акров земли, где царит живоиснейшее запустение: тут тебе и можжевельники, и дикий виноград, и кустарники, и всевозможные выноны захлестывают каменные изгороди, отделяющие усадьбу от городских владений. Кошмарные копии греческих статуй слепо иялятся сквозь обломки и мусор с вершины каждого холмика — того и гляди набрасываются на одинокого путника, судя по их виду. Вкусы моего кузена Стивена, похоже, варьировались в самом широком диапазоне — от неприемлемого до откровенно кошмарного. Есть тут одна странноватая беседка, почти утонувшая в зарослях алоого сумаха, и гротеские солиечные часы посреди того, что в прошлом, верно, было садом. Этакий завершающий сумасшедший штрих.

Но вид из гостиной с лихвой искупает все: глазам моим открывается головокружительное зрелище — скалы у подиожия мыса Чейиелзайт и самой Атлантики! На всю эту красоту выходит гигантское пузатое око с выступом, а под ним притулился огромный, похожий на жабу секретер. А ведь отличное начало для романа, о котором я так долго (и наверняка запудно) рассказывал.

Сегодня день выдался пасмурным; слышится, что и дождик брызнет. Гляжу в око — мир словно карандашный эскиз: и скалы, древние и истертые, как само Время, и небо, и, конечно же, море, что обрушивается на гранитные клыки внизу со звуком, который не столько шум, сколько вибрация — даже сейчас, водя пером по бумаге, я ощущаю под ногами колыхание воли. И чувство это не то чтобы неприятно.

Знаю, дорогой Доходяга, ты моего пристрастия к уединению не одобряешь, но уверяю тебя — я доволен и счастлив. Со мной Кэлвии, такой же практичный, молчаливый и надежный, как и всегда; уверен, что уже к середине недели мы с ним на пару приведем в порядок

наши дела, договоримся о доставке всего необходимого из города — и залучим к себе отряд уборщиц для борьбы с нылью!

На сем заканчиваю — еще столько всего предстоит посмотреть, столько комнат исследовать — и не сомневаюсь, что для моих слабых глаз судьба заготовила с тысячу образчиков самой отвратительной мебели. Еще раз благодарю за письмо, от которого тотчас же повеяло чем-то родным и близким, — и за твои неизменные внимание и заботу.

Передавай привет жене; нежно люблю вас обоих,
Чарльз.

6 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Ну здесь и местечко!

Не перестаю на него удивляться — равно как и на реакцию обитателей ближайшей деревеньки по поводу моего приезда. Это своеобразное селение носит впечатляющее название Угол Проповедников. Именно здесь Кэлвии договорился о еженедельной доставке съестных припасов. Позаботился он и о второй нашей насущной потребности, а именно: о подвозе достаточного запаса дров на зиму. Одиако ж вернулся Кэл с видом весьма удрученным, а когда я полюбопытствовал, что его гнетет, мрачно ответил:

— Оии считают вас сумасшедшим, мистер Буп!

Я рассмеялся и предположил, что здешние жители, должно быть, прослышали, как я переболел воспалением мозга после смерти моей Сары — вне всякого сомнения, в ту пору я вел себя как безумный, чему ты безусловный свидетель.

Но Кэл уверял, что никто обо мне ничего не знает, кроме как через моего кузена Стивена, который договаривался о тех же самых услугах, насчет которых теперь распорядился я.

— Эти люди говорят, сэр, что всяк и каждый, кто поселится в Чейиелуэйте, либо сошел с ума, либо на верном пути к тому.

Можешь себе представить мое глубочайшее недоумение. Я осведомился, от кого именно исходит это потрясающее сообщение. Кэл ответил, что его направили к угрюому и вечно нъяному лесорубу по имени Томисон: он владеет четырьмястами акрами соснового, березового и елового леса и с помощью своих ияти сыновей заготовливает и продает древесину на фабрики в Портленд и домовладельцам округи.

Когда же Кэл, ведать не ведая о его странных предрассудках, дал Томисопу адрес, по которому следует доставить дрова, означенный Томисон вытаращился на него, открыв рот, и наконец сказал, что пошлет с грузом сыновей, белым дием и по прибрежной дороге.

Кэлвии, по всей видимости, неправильно истолковал мою озадаченность и, решив, что я огорчен, поспешил добавить, что от лесоруба за версту несло дешевым виски и что он прииялся молоть какую-то чушь про заброшенную деревню и родию кузена Стивена — и про червей! Кэлвии закончил деловые переговоры с одним из сыновей Томисона — как я поиял, этот угрюый мужлан был тоже не слишком трезв и благоухал отиудь не розами и лилиями. Я так понимаю, с похожей реакцией Кэл столкнулся и в Углу Проповедников, в сельском магазине, побеседовав с хозяином, хотя этот был скорее из породы сплетников.

Меня все это не слишком-то обеспокоило. Все мы знаем: поселян хлебом не корми, дай разнообразить жнзнь ароматами скандала да мифа, а бедолага Стивен и его ветвь семейства, надо думать, к тому весьма располагали. Как я объяснял Кэлу, человек, который разбился насмерть, свалившись едва ли не с собственного крыльца, неизбежно вызовет пересуды.

Сам дом не перестает меня изумлять. Двадцать три комнаты, Доходяга! От панелей на верхних этажах и от портретной галереи веет затхлостью, но разрушение их не коснулось. Войдя в спальню моего покойного кузена на верхнем этаже, я слышал, как за стеной возятся крысы — здоровущие, судя по звукам; прямо подумаешь, что это люди ходят. Не хотелось бы мне столкнуться с одиой из таких тварей в темноте — да и при свете дня не хотелось бы, чего уж там. Одиако ж я не заметил ии нор, ни помета. Странно.

В верхней галерее рядами висят скверные портреты в рамках, что, должно быть, целое состояние стоят. В некоторых прослеживается сходство со Стивеном — таким, как я его запомнил. Надеюсь, я правильно опознал дядю Генри Бупа и его жену Джудит; прочие мне незнакомы. Надо думать, одии из них — мой печально известный дед Роберт. Но семейная ветвь Стивена мне совсем неизвестна, о чем я искренне жалею. В этих портратах, пусть и не самого лучшего качества, сияет та же добродушная ирония, которой искрились иисьма Стивена к нам с Сарой, тот же светлый ум. До чего же глупы эти семейные ссоры! Обшаренный ящик иисьменного стола, несколько резких слов между братьями, которые вот уже три поколения как в могиле, — и ии в чем не повинные потомки безо всякой нужды разлучены друг с другом. Не могу не задуматься о том, как же мне повезло, что вы с Джоном Питти сумели связаться со Стивеном, когда уже казалось, что я отправлюсь вслед за Сарой под своды Врат, и как же досадио, что несчастный случай лишил нас возможности встретиться лицом к лицу. Многое бы отдал, чтобы послушать, как он станет защищать наследие достояние — эти жуткие скульптуры и мебель!

Но полио мне чернить усадьбу. Вкусы Стивена моим неозвучны, что правда, то правда, но под внешним лоском всех этих нововведений и дополнений встречаются подлинные шедевры (изрядное их количество зачехлено

в верхних покоях). Это и столы, и кровати, и тяжелые темные витые орнаменты из тикового и красного дерева; многие спальни и парадные комнаты, верхний кабинет и малая гостиная заключают в себе своеобразное мрачное очарование. Богатый сосновый паркет словно лучится внутренним тайным светом. Ощущается во всем этом спокойное достоинство; достоинство — и бремя лет. Пока еще не могу сказать, что внутреннее убранство мне нравится — но почтение вызывает. Любопытно посмотреть, как все станет преображаться вместе со сменой времен года в этом северном климате.

Надо же, как я разошелся-то! Жду ответа, Доходяга, — и поскорее! Пиши, как ты поправляешься, что нового у Питти и остальных. И, умоляю, не совершай ошибки и не нытайся навязывать свои взгляды новым южным знакомым *чересчур настойчиво* — я так понимаю, кое-кто из них может одиими словами не ограничиться, не то что наш велеречивый друг мистер Колхауп.

Твой любящий друг

Чарльз.

16 октября 1850 г.

Дорогой Ричард!

Здравствуй-здравствуй, как живешь-поживаешь? С тех пор как я поселился здесь, в Чейнелуэйте, я частенько о тебе думаю и уже надеялся и иисьмо от тебя получить — и тут вдруг пишет мне Доходяга и сообщает, что я позабыл оставить свой адрес в клубе! Но будь уверен, я бы в любом случае написал рано или поздно: порою мне кажется, что мои верные и преданные друзья — вот и все, что осталось в мире надежного и здравого. И, Господи милосердый, как же нас раскидало по свету! Ты — в Бостоне, исправно строчишь статьи для «Либерейтора» (кстати, им я тоже свой адрес послал), Хэнсон в очередной раз укатил развлекаться в Англию, будь он неладен, а бедный старица Доходяга лечит легкие в самом что ни на есть *логове льва*.

У меня тут все относительно неплохо, и будь уверен, Дик, я вышлю тебе подробнейший отчет, как только разберусь с кое-какими докучными событиями — думается, некоторые происшествия здесь, в Чейнелуэйт, и в окрестностях тебя изрядно заинтригуют — с твоим-то цепким умом юриста.

А между тем хочу попросить тебя о небольшом одолжении, если ты не против. Помнишь, на благотворительном обеде у мистера Клэри в поддержку общего дела ты мне представил некоего историка? Кажется, его Бигелоу звали. Как бы то ни было, он упомянул, что собирает разрозненные исторические сведения о той самой области, где я ныне живу: дескать, хобби у него такое. Так вот, моя нижайшая просьба: не связешься ли ты с иим и не спросишь ли, не известили ли ему хоть какие-нибудь факты, обрывки фольклора или *просто слухи* касательно крохотией покинутой деревушки под названием ИЕРУСАЛЕМОВ УДЕЛ близ городишко Угол Проповедников, на реке Ройял? Сама эта речушка является притоком Андрискоггии и впадает в него примерно одиннадцатью милями выше места впадения реки в море близ Чейнелуэйта. Я буду безмерно тебе благодарен; более того, вопрос этот, по всей видимости, очень важен.

Перечитал иисьмо; кажется, получилось и впрямь слишком коротко, о чем я искренне жалею. Но будь уверен, вскоре я все объясню, а до тех пор шлю самый теплый привет твоей супруге, обоим замечательным сыновьям и, конечно же, тебе самому.

Твой любящий друг

Чарльз.

16 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Расскажу тебе одну историю — нам с Кэлом она показалась несколько странной (и даже тревожной); пос-

мотрим, что ты скажешь. По крайней мере она тебя по-развлечет, пока ты там с москитами сражаешься!

Два дия спустя после того, как я отправил тебе свое предыдущее иисьмо, из Угла прибыла группка из четырех молодых барышень под надзором почтенной матроны устрашающе компетентного вида с именем миссис Клорис — дабы привести дом в порядок и побороться с пылью, от которой я чихал едва ли не на каждом шагу. Оии взялись за работу: причем все явно слегка нервничали. Одна трепетная мисс, прибирающаяся в верхней гостиной, даже взвизгнула, когда я неожиданно вошел в дверь.

Я спросил миссис Клорис, отчего все так (она обметала ныль в прихожей на нижнем этаже: волосы забраны под старый выгоревший платок, весь облик дышит не-преклонной решимостью — ты бы ее видел!). Она развернулась ко мне и решительно объявила:

— Им не по душе этот дом, и мне тоже не по душе этот дом, сэр, потому что *дурное* это место, и так было всегда.

У меня просто челость отвисла от неожиданности. А миссис Клорис продолжила, уже мягче:

— Ничего не хочу сказать про Стивена Буиа — достойный был джентльмен, что правда, то правда; я приходила к нему прибираться каждый второй четверг все то время, что он здесь прожил; и на его отца, мистера Рандольфа Бупа, я тоже работала, до тех пор, пока оии с женой не пропали бесследно в одиа тысяча восемьсот шестидесятому году. Мистер Стивен был человек хороший и добрый, вот и вы таки кажетесь, сэр (простите мие мою прямоту, я по-другому говорить не научена), но дом этот — дурное место, и всегда так было, и никто из Буиов не был здесь счастлив с тех самых пор, как ваш дед Роберт и его брат Филип рассорились из-за украденных (здесь она виновато помолчала) вещей в тысяча семьсот восемьдесят девятом году.

Ну и память у этих поселян, а, Доходяга?

А миссис Клорис между тем продолжала:

— Этот дом был построен в несчастье, несчастье обосновалось в нем, полы его заинтнаны кровью, — (а как ты, Доходяга, возможно, знаешь, мой дядя Рандольф был каким-то образом причастен к трагическому эизиду на подвальной лестнице, в результате которого погибла его дочь Марселла; в приступе раскаяния он покончил с собой. Стивен рассказывает об этой беде в одном из своих иисем ко мие, в связи с печальным поводом — в день рождения своей покойной сестры), — здесь пропадали люди и приключалось непоправимое.

Я здесь работаю, мистер Буп, а я не слепа и не глуха. Я слышу жуткие звуки в стенах, сэр, воистину жуткие — глухой стук, и грохот, и треск, и один раз — странные причитания, переходящие в хохот. У меня просто кровь застыла в жилах. Темное это место, сэр.

И тут миссис Клорис прикусила язык, как будто испугавшись, что выболтала лишнее.

Что до меия, я даже не знал, обижаться ли или смеяться, изобразить любонытство или прозаичное безразличие. Боюсь, победила ирония.

— А вы как себе это объясняете, миссис Клорис? Никак, призраки цеями гремят?

Но она лишь посмотрела на меия как-то странно.

— Может, и призраки тут есть. Да только не в стенах. Не призраки это стонут и плачут, точно проклятые, и гремят и бродят, спотыкаясь, впотьмах. Это...

— Ну же, миссис Клорис, — подзуживал ее я. — Вы и без того многое сказали. Осталось лишь докончить то, что вы начали!

В лице ее отразилось престранное выражение ужаса, досады, и — я готов в этом покляться! — благоговейной набожности.

— Некоторые — не умирают, — прошептала она. — Некоторые живут в сумеречной тени между мирами и служат — Ему!

И это было все. Еще несколько миинут я забрасывал ее вопросами, но миссис Клорис продолжала упорствовать, и я из нее более ни слова не вытянул. Наконец я отступил — опасаясь, что она, чего доброго, возьмет да и откажется от работы.

На этом первый эпизод закончился, но тем же вечером приключился второй. Кэлвии растоили визу камии, и я сидел в гостиной, задремывая над свежим номером «Интеллигентсера» и прислушиваясь, как под порывами ветра дождь хлещет по огромному выступающему окну. Столь уютно ощущаешь себя только в такие ночи, когда снаружи — ужас что такое, а внутри — сплошь тепло и покой. Но мгновение спустя в дверях появился взволиованный Кэлвии: ему, похоже, было слегка не по себе.

— Вы не сиите, сэр? — спросил он.

— Не то чтобы, — отозвался я. — Что там такое?

— Я тут обнаружил кое-что наверху — думается, вам тоже стоит взглянуть, — отвечал он, с трудом сдерживая возбуждение.

Я встал и пошел за ним. Поднимаясь по широким ступеням, Кэлвии рассказывал:

— Я читал книгу в кабинете наверху — довольно-таки странную, надо признаться, — как вдруг услышал какой-то шум в стене.

— Крысы, — отмахнулся я. — И это все?

Кэлвии остановился на лестничной площадке и очень серьезно взорвался на меня. Ламиа в его руке роняла причудливые, крадущиеся тени на темные драпировки и смутно различаемые портреты: сейчас они скорее злобно скалились, нежели улыбались. Снаружи пронзительно взвыл ветер — и снова неохотно попрятых.

— Нет, не крысы, — покачал головой Кэл. — Сперва за книжными шкафами послышалось что-то вроде глухого, беспорядочного стука, а затем кошмарное бульканье — просто кошмарное, сэр! И — царапанье, как будто кто-то пытается выбраться наружу... и добраться до меня!

Вообрази мое изумление, Доходяга. Кэлвин — не из тех, кто впадает в истерику и идет на поводу у разыгравшегося воображения. Похоже, здесь и впрямь есть какая-то тайна — и, возможно, неаппетитная.

— А потом что? — полюбопытствовал я. Мы прошли вниз по коридору: из кабинета на пол картинной галереи струился свет. Я опасливо поежился: в ночи вдруг разом стало крайне неуютно.

— Царапанье смолкло. Снустя мгновение топот и шарканье послышались снова, но теперь они удалялись. В какой-то миг наступила недолгая пауза — и клянусь вам, что слышал странный, почти невнятный смех! Я подошел к книжному шкафу и кое-как его сдвинул, полагая, что за ним, быть может, обнаружится перегородка или потайная дверца.

— И что, обнаружилась?

Кэл замешкался на пороге.

— Нет — зато я нашел вот это!

Мы вошли внутрь: в левом шкафу зияла прямоугольная черная дыра. В этом месте книги оказались всего-навсего муляжами: Кэл отыскал небольшой тайник. Я посветил в дыру: ничего. Только густой слой ныли — накопившийся, верно, за много десятилетий.

— Там нашлось вот что, — тихо проговорил Кэл и вручил мне пожелтевший лист бумаги. Это была карта, прорисованная тонкими, как паутинка, штрихами черных чернил: карта города или деревни. Зданий семь, не больше; под одним из них, с четко различимой колокольней, было подписано: «Червь Растворяющий».

В верхнем левом углу — в северо-западном направлении от деревушки — обнаружилась стрелочка. Под ней значилось: «Чайнелуэт».

— В городе, сэр, кто-то суеверно упомянул покинутую деревню под названием Иерусалемов Удел, — промолвил Кэлвин. — От этого места принято держаться подальше.

— А это что? — полюбоньтствовал я, ткнув пальцем в странную надпись под колокольней.

— Не знаю.

Мне тут же вспомнилась миссис Клорис, непреклонная — и вместе с тем напуганная до смерти.

— Червь, значит... — пробормотал я.

— Вам что-то известно, мистер Буп?

— Может быть... было бы любонытно взглянуть на этот городишко завтра — как думаешь, Кэл?

Он кивнул; глаза его всыхнули. Целый час убили мы на поиски хоть какой-нибудь бреши в стене за обнаруженным тайником; но так ничего и не нашли. Описанные Кэлом шумы тоже больше не повторялись.

В ту ночь никаких новых событий не воспоследовало, и мы благополучно легли спать.

На следующее утро мы с Кэлвином отравились на прогулку через лес. Ночью дождь стих, но небо было пасмурным и хмурым. Кэл поглядывал на меня с некоторым сомнением, и я поспешил его заверить: если я устану или если путь окажется слишком далеким, мне ничто не помешает положить конец этой авантюре. Мы взяли с собой дорожный ланч, превосходный компас «Бакуайт» и, разумеется, причудливую старинную карту Иерусалемова Удела.

День выдался странным и тягостным: все птицы молчали, ни один лесной зверек не шуршал в кустах, пока мы пробирались через густые и мрачные сосновые перелески на юго-восток. Тишину нарушал только звук наших собственных шагов да размеренный плеск валов Атлантического океана о скалы мыса. И всю дорогу нас сопровождал до страиности тяжелый запах моря.

Прошли мы не больше двух миль, когда нежданно-негаданно обнаружили заросшую дорогу (такие, если я не ошибаюсь, некогда называли «лежиевые»), что вела в нашем направлении. Мы зашагали по ней — и довольно быстро. Оба по большей части помалкивали. Этот день,

с его недвижной, зловещей атмосферой, действовал на нас угнетающе.

Около одиннадцати мы услышали шум бегущей воды. Дорога резко свернула налево — и на другом берегу бурлящей, синевато-серой, под цвет сланца, речушки глазам нашим, точно мираж, открылся Иерусалемов Удел!

Через речушку футов восемь в ширину были перекинуты заросшие мхом мостки. На другой стороне, Доходяга, стояла очаровательная маленькая деревенька — просто-таки само совершенство! Ветра и дожди, поистине дело, не прошли для нее бесследно — и все же сохранилась она на диво хорошо. У крутого обрыва над рекой сгрудилось несколько домов в строгом и вместе с тем величавом стиле, которым по праву славятся нуритане. Еще дальше, вдоль заросшей сорняками главной улицы, выстроились три-четыре торговые лавки и мастерские, а за ними к серому небу вздыпался шпиль церкви, обозначенной на карте. Смотрелся он неописуемо зловеще — краска облупилась, крест потускиел и покосился.

— Как подходит к этому городишке его название, — тихо проговорил Кэл рядом со мной.

Мы перешли ручей, вошли в поселение и приступили к осмотру. И вот тут-то, Доходяга, начинается самое необычное — так что готовься!

Мы прошли между домами: воздух здесь словно свинцом налился — тяжкий, вязкий, гнетущий. Дома пришли в упадок — ставни сорваны, крыши просели под тяжестью зимних снегопадов, заныленные окиа недобро ухмыляются. Тени неуместных углов и искривленных плоскостей словно бы растекались зловещими лужами.

Первым делом мы вошли в старую прогнившую таверну — отчего-то мы посчитали неловким вторгаться в один из жилых домов, где хозяева их когда-то искали уединения. Ветхая, высокоблеинная непогодой вывеска над щелястой дверью возвещала, что здесь некогда находился «Постоялый двор и трактир “Кабанья голова”». Дверь,

повисшая на одной-единственной петле, адски заскрипела; мы нырнули в полутьму. Затхлый, гнилостный запах повисал в воздухе — я едва сознания не лишился. А сквозь него словно бы пробивался дух еще более густой: тлетворный, могильный смрад, смрад веков и векового распада. Такое зловоние поднимается из разложившихся гробов и оскверненных могил. Я прижал к носу платок; Кэл последовал моему примеру. Мы оглядели залу.

— Господи, сэр... — слабо выдохнул Кэл.

— Тут все осталось нетронутым, — докончил фразу я.

И в самом деле так. Столы и стулья стояли на своих местах, точно призрачные часовые на страже: они насквозь пронылились и покоробились из-за резких перепадов температуры, которыми так славится климат Новой Англии, но в остальном прекрасно сохранились. Они словно ждали на протяжении безмолвных, гулких десятилетий, чтобы давным-давно ушедшие вновь переступли порог, заказали пинту пива или чего покренче, перекинулись в картишки, закурили глиняные трубки. Рядом с правилами трактирщика висело небольшое квадратное зеркало — причем неразбитое! Ты понимаешь, Доходяга, что это значит? Мальчишки — народ вездесущий, и от природы — неисправимые хулиганы; нет такого «дома с привидениями», в котором не перебили бы всех окон, какие бы уж жуткие слухи ни ходили о его сверхъестественных обитателях; нет такого кладбища, самого что ни на есть мрачного, где бы малолетние негодники не опрокинули хотя бы одного надгробия. Не может того быть, чтобы в Углу Проповедников (а до него от Иерусалемова Удела меньше двух миль) не набралось с десяток озорников. И однако ж стекло и хрусталь (что, верно, обошли трактирщику в кругленькую сумму) стояли целые и невредимые, равно как и прочие хрупкие вещицы, обнаруженные нами при осмотре. Если кто и причинил какой-то ущерб Иерусалемову Уделу — так только безликая Природа. Вывод напрашивается сам собою: Иерусалемова

Удела все стороится. Но почему? У меня есть некая догадка, но прежде чем я на нее хотя бы намекну, я должен поведать о пугающем завершении нашего визита.

Мы поднялись в жилые номера: постели застелены, рядом аккуратно поставлены оловянные кувшины для воды. В кухне тоже никто ни к чему не прикасался: все поверхности покрывала многолетия ныль да в воздухе разливался гнусный, давящий запах тления. Одна только таверна показалась бы антиквару — раем; одна только диковинная кухонная плита на Бостонском аукционе принесла бы немалые деньги.

— Что думаешь, Кэл? — спросил я, когда мы наконец вышли в неверный свет дня.

— Думаю, не к добру это все, мистер Буп, — отозвался он мелаихолически. — Чтобы узнать больше, нужно больше увидеть.

Прочие заведения мы осматривать толком не стали. Была там гостиница — на проржавевших гвоздях до сих пор висели истлевшие кожаные сбруи; была мелочиная лавка, и склад (внутри и по сей день высились штабеля дубовых и еловых бревен), и кузница.

По пути к церкви, что высилась в центре деревни, мы заглянули в два жилых дома. Оба оказались выдержаны в безупречном нуританском стиле, оба — битком набиты предметами антиквариата, за которые любой коллекционер руку отдал бы, оба — покинуты и насквозь пропитаны той же гнилостной вонью.

Казалось, в деревне не осталось ничего живого, кроме нас. Никакого движения. Глаз не различал ни насекомых, ни птиц, ни даже паутины в углу окиа. Только ныль.

Наконец мы дошли до церкви. Мрачное, враждебное, холодное здание нависало над нами. Окиа казались черны, ибо внутри царила тьма; вся святость, вся благость давным-давно покинули эти стены. Тут я поручусь. Мы поднялись по ступеням, я взялся за массивную железную дверную скобу. Мы с Кэлом обменялись решительными,

угрюмыми взглядами. Я открыл дверь — интересно, когда к ней в последний раз прикасались? Я бы сказал с уверенностью, что моя рука была первой за ильдесят лет, а может, и дольше. Забитые ржавчиной петли жалобно завизжали. Запах гниения и распада, захлестнувший нас, казался почти осаждаемым. Кэл подавил рвотный рефлекс и непроизвольно отвернулся навстречу свежему воздуху.

— Сэр, — спросил он, — вы уверены, что?..

— Я в полном порядке, — невозмутимо заверил я. Вот только спокойствие это было нанускиое: чувствовал я себя не лучше, чем сейчас. Я верю, заодно с Моисеем, с Иеровоамом, с Инклизом Мэзером* и нашим дорогим Хэнсоном (когда он впадает в философский *настрой*), что существуют духовно тлетворные места и здания, где даже млечко космоса скисает и прогоркает. Готов поклясться, что эта церковь — как раз такое место.

Мы вошли в длинную прихожую, оснащенную нильной вешалкой и полкой со сборниками гимнов. Окон там не было. Ничем не примечательное помещение, подумал я и тут услышал, как Кэл резко охнул — и увидел то, что он заметил раньше меня.

Какое непотребство!

Подробно описать оправленную в эффектную раму картину я не дерзну: скажу лишь, что этот гротеский шарж на Мадонну с Младенцем был написан в смачиво-чувственном стиле Рубенса, а на заднем плане ревились и ползали странные, полускрытые в тени твари.

— Боже, — выдохнул я.

— Бога здесь нет, — отозвался Кэлвин, и слова его словно повисли в воздухе. Я открыл дверь, ведущую внутрь храма, — и новая волна ядовитых миазмов захлестнула меня так, что я чуть не лишился чувств.

---

* Мэзер, Инклиз (1639—1723) — пуританский священник, сыграл значимую роль в управлении британской колонией Массачусетского залива и, в частности, в знаменитом процессе «Сейлемских ведьм».

В мерцающем полусвете полуединого солнца призрачные ряды церковных скамей протянулись до самого алтаря. Над ними воздвиглась высокая дубовая кафедра и тонул в тени притвор, где посверкивал золотой отблеск.

Сдавлено всхлипнув, набожный протестант Кэлвин осенил себя крестным знамением, я последовал его примеру. Ибо золотом поблескивал массивный, тонкой работы крест — но висел он в перевернутом положении — как символ католической мессы.

— Спокойствие, только спокойствие, — услышал я себя словно со стороны. — Спокойствие, Кэлвин. Только спокойствие.

Но тень уже легла мне на сердце: мне было страшно так, как никогда в жизни. Я уже прошел под покровом смерти и думал, что ничего темнее нет и быть не может. Есть, Доходяга. Еще как есть.

Мы прошли через весь неф; эхо наших шагов отражалось от стен и сводов. В ныли оставались наши следы. А на алтаре обнаружились и другие темные «предметы искусства». Не буду, не стану вспоминать о них — никогда, ни за что!

Я решил подняться на саму кафедру.

— Не надо, мистер Буп! — внезапно вскрикнул Кэл. — Мне страшно...

Но я уже стоял наверху. На нюоппте лежала громадная открытая книга — с текстами на латыни и тут же — неразборчивые руны (на мой неискушенный взгляд, не то друиднические, не то докельтские письмена). Прилагаю открытку с изображением некоторых из этих символов, перерисованных по памяти.

Я закрыл книгу и взгляделся в название, вытисненное на коже: «*De Vermis Mysteriis*». Латынь я изрядно подзабыл, но на то, чтобы перевести эти несколько слов, познаний моих вполне хватило: «Мистерин Червя».

Но стоило мне прикоснуться к книге, как и проклятая церковь, и побелевшее, запрокинутое лицо Кэлвина

словно поплыли у меня перед глазами. Мне померещилось, будто я слышу негромкие напевные голоса, исполненные жуткого и вместе с тем жадного страха — а за этим звуком еще один, новый, заполнил собою недра земли. Наверняка это была галлюцинация — но в тот же самый миг церковь содрогнулась от шума вполне реального: не могу описать его иначе как колоссальное и кошмарное вращение у меня под ногами. Кафедра завибрировала у меня под пальцами, и на стене задрожал поруганный крест.

Мы переступили порог вместе, Кэл и я, оставив церковь погруженной во тьму, и ни один из нас не дерзнул обернуться, пока мы не пересекли по грубым доскам бурлящий ручей. Не скажу, что мы опорочили те девятнадцать сотен лет, в течение которых человек уходил все выше и дальше от сгорблленного, суеверного дикаря, — и сорвались на бег, но сказать, что мы прогуливались неспешным шагом — значит, бес совестно солгать.

Вот такова моя история. Не вздумай только омрачать свое выздоровление опасениями, что у меня оиять мозг воспалился: Кэл засвидетельствует, что все эти заппсы — чистая правда, вплоть до кошмарного шума (и включая и его тоже).

На сем заканчиваю, добавив лишь, что очень хочу тебя увидеть (зная, что недоумение твое тут же бы и развеялось), и остаюсь твоим другом и почитателем,

Чарльз.

17 октября 1850 г.

Уважаемые господа!

В последнем издании вашего каталога хозяйственных товаров (лето 1850 года) я обнаружил препарат, поименованный как «Крысиная отрава». Мне желательно приобрести одну (1) иятынфуптовую банку по оговоренной цене в тридцать центов (\$0.30). Стоимость пересылки прилагается. Прошу направить посылку по следующему адресу:

Кэлвину Макканну, Чейнелуэйт, Угол Проповедников, округ Камберленд, штат Мэн.

Заранее благодарен за содействие,
Засим остаюсь, ваш покорный слуга

Кэлвин Макканн.

19 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

События принимают пугающий оборот.

Шумы в доме усилились, и я все больше прихожу к выводу, что внутри стен возятся не только крысы. Мы с Кэлвином еще раз внимательно все осмотрели на предмет потайных щелей или лазов — но так ничего и не нашли. Не годнися мы в герои романов миссис Радклифф*! Кэл, впрочем, уверяет, будто шум доносится главным образом из подвала, и мы намерены исследовать его завтра. От осознания, что именно там нашла свою гибель злополучная сестра кузена Стивена, на душе отчего-то спокойнее не делается.

Между прочим, портрет ее висит в верхней галерее. Марселла Буп была красива особой, печальной красотой, если, конечно, художник придерживался жизненной правды; мне известно, что замуж она так и не вышла. Порою мне начинает казаться, что миссис Клорис права: дом этот — дурное место. Во всяком случае, всем своим былым обитателям он не приносил ничего, кроме горя.

Однако ж мие есть что рассказать о внушительной миссис Клорис: сегодня я имел с ней вторую беседу, ибо особы более рассудительной, чем она, в Углу Проповедников я до сих пор не встречал. Во второй половине дня я отнялся прямиком к ней — после пренеприятной беседы, которую сейчас перескажу.

---

* Радклифф, Анна (1764—1823) — английская романистка, одна из основательниц так называемого «романа ужасов», или готического романа.

Дрова должны были доставить сегодня утром; но вот настал и минул полдень, никаких дров так и не привезли, и, выйдя на ежедневную прогулку, я направил стоны свои в сторону города. Я вознамерился навестить Томпсона — того самого лесоруба, с которым договаривался Кэл.

Денек выдался отменный, бодрящий морозцем погодой осени; заходя на двор к Томпсонам (Кэл, который остался дома — покопаться в библиотеке дяди Стивена, снабдил меня точными указаниями насчет дороги), я пребывал в превосходнейшем настроении (впервые за последние дни) и уже готов был милостиво простить Томпсону задержку с дровами.

Двор заполонили сорняки и загромождали обшарпаные строения, явно нуждающиеся в покраске. Слева от сарая жирная свинья, в самый раз для ноябряского забоя, похрюкивая, валялась в грязи. На замусоренной площадке между домом и надворными службами какая-то женщина в истрепанном клетчатом платье кормила кур из передника. Я поздоровался; она обернулась. Лицо ее было бледным и невыразительным.

Тем страшнее было наблюдать, как в лице этом тупая апатия внезапно сменилась паническим ужасом. Могу лишь предположить, что она приняла меня за Стивена: она сложила пальцы в знак, ограждающий от сглаза, и пронзительно завизжала. Корм для кур разлетелся во все стороны, птицы с кудахтаньембросились прочь.

Не успел я и слова произнести, как из дома вывалился неуклюжий здоровяк в одном лишь нижнем белье не первой свежести, с винтовкой в одной руке и кувшином — в другой. По красному отблеску в глазах и нетвердой походке я заключил, что передо мной — Томисон Лесоруб собственной персоной.

— Буп! — взревел он. — Ч-рт раздери твои глаза! — Он выронил кувшин на землю и, в свою очередь, осенил себя знаком против сглаза.

— Дров так и нет, поэтому пришел я, — сообщил я так безмятежно, как только позволяли обстоятельства. — Между тем согласно договоренности с моим слугой...

— Ч-рт раздери вашего слугу, вот что я вам скажу! — Только сейчас я заметил, что, невзирая на всю свою грозную браваду, он сам смертельно напуган. Я всерьез забеспокоился, как бы ему сгоряча не пришло в голову палить в меня из винтовки.

— В качестве жеста вежливости вы могли бы... — осторожио начал я.

— Ч-рт раздери вашу вежливость!

— Что ж, как скажете, — проговорил я, нытаясь сохранить остатки достоинства. — На сем прощаюсь с вами до тех пор, пока вы не научитесь лучше владеть собою. — С этими словами я развернулся и зашагал вниз по дороге к деревне.

— И чтоб духу вашего больше тут не было! — заорал он мие вслед. — Сидите в своем нечистом гнезде — и носа оттуда не кажите! Все вы там прокляты! Прокляты! Прокляты!

Томпсон швырнул в меня камень — и попал в плечо. Уворачиваться я не стал, решив не доставлять ему такого удовольствия.

Так что я отнравился к миссис Клорис, вознамерившись хотя бы разгадать тайну враждебности Томпсона. Она — вдова (и вот только не вздумай тут разыгрывать сваху, Доходяга! Она меня лет на пятнадцать старше, а мне-то уже за сорок!), живет одна в прелестном домике на самом берегу океана. Я застал почтеннюю даму за развещиванием постиранного белья; она мне, по всей видимости, искреине обрадовалась. Я облегченно выдохнул: не то слово, как досадно, когда тебя в силу непонятной причины объявляют изгоям.

— Мистер Буп! — воскликнула она, полуприседая в реверансе. — Если вы насчет стирки, так я с прошлого

сентября ничего уже не беру. Я и со своим-то бельем с трудомправляюсь — при моем-то ревматизме!

— Хотел бы я, миссис Клорис, чтобы речь и впрямь шла о стирке! Но нет: я пришел просить о помощи. Мне необходимо знать все, что вы можете рассказать мне про Чайнелуэйт и Иерусалемов Удел, и почему местные жители смотрят на меня с подозрением и страхом!

— Иерусалемов Удел! Так вы о нем знаете!

— Да, — подтвердил я. — Мы с моим слугой побывали там неделю назад.

— Господн! — Жеищина побелела как молоко и пошатнулась. Я протянул руку поддержать ее. Глаза ее кошмарно закатились, на миг мне показалось, что она того и гляди потеряет сознание.

— Миссис Клорис, мие страшно жаль, если я сказал что-то не то...

— Пойдемте в дом, — пригласила она. — Вы должны узнать все. Господи милосердный, оиять недобрые дни грядут!

Больше из нее ни слова вытянуть не удалось, пока она не заварила креикого чая в своей солиечиой кухоньке. Налив нам по чашке, она какое-то время задумчиво глядела на океан. Ее глаза и мои неизбежно обращались к выступающему гребню мыса Чайнелуэйт, где над водой вознеслась усадьба. Громадное окно с выступом искрилось в лучах заходящего солица точно бриллиант. Роскошный был вид — но ощущалось в нем нечто тревожное. Миссис Клорис внезапно обернулась ко мне и исступленно заявила:

— Мистер Буп, вам нужно немедленно уезжать из Чайнелуэйта!

Ее слова поразили меня как удар грома.

— В воздухе ощущается тлетворное дыхание с тех самых пор, как вы поселились в усадьбе. Последняя неделя — с тех пор как вы переступили порог проклятого дома — богата недобрными приметами и знамениями.

Нимб вокруг луны, стаи козодоев, что гнездятся на кладбищах, необычные роды. Вы должны уехать!

— Но, миссис Клорис, вы же не можете не понимать, что все это — только иллюзин. Вы сами это знаете, — как можно мягче проговорил я, едва ко мне вернулся дар речи.

— Барbara Брауп родила безглазого младенца — и это, по-вашему, иллюзия? А Клифтон Брокетт обнаружил в лесу за Чейнелуэйтом вытоптанную тропинку иятн футов в ширину, где все пожухло и побелело, — это тоже иллюзия? А вы, вы же побывали в Иерусалемовом Уделе — вы можете сказать, положа руку на сердце, что там и впрямь ннчто не живет?

Я не нашелся с ответом: образ страшиой церкви вновь замаячил у меня перед глазами.

Миссис Клорис до боли стиснула узловатые пальцы, нытаясь успокоиться.

— Я знаю обо всем об этом только от матери и от бабушки. А вам известна ли история вашей семьи в том, что касается Чейнелуэйта?

— Довольно смутно, — сознался я. — С тысяча семьсот восьмидесятых годов усадьба принадлежала ветви Филипа Бупа; его брат Роберт, мой дед, после ссоры из-за украшенных бумаг обосновался в Массачусетсе. О линии Филипа мне известно мало сверх того, что злой рок словно нависает над его родом, передается по наследству от отца к сыну и к внукам: Марселла погибла в результате несчастного случая, Стивен расшибся насмерть. Имеинко таково было желание Стивена: чтобы Чейнелуэйт отошел мне и моей родне, а раскол в семье наконец-то удалось преодолеть.

— Не бывать тому! — прошептала миссис Клорис. — Вы ничего не знаете о причинах той роковой ссоры?

— Роберт Буп рылся в ппьменном столе брата: его за этнм застали.

— Филип Буп был безумен, — отзвалась жеищина. — Водил компанию с нечистым. Роберт Бун попытался изъять у него богохульную Библию, написанную на древних языках — на латыни, на друидническом наречии и на других тоже. Адская то книга.

— «*De Vermis Mysteriis*»?

Миссис Клорис отшатнулась, точно ее ударили.

— Вы и про нее знаете?

— Я ее видел... даже к ней прикасался. — Мне вновь показалось, что моя собеседница вот-вот потеряет сознание. Она зажала рот рукой, точно сдерживая готовый прорваться крик. — Да, в Иерусалемовом Уделе. На кафедре осквернеиной и обезображеной церкви.

— Значит, книга все там... все еще там... — Жеищина раскачивалась на стуле туда-сюда. — А я-то надеялась, что Господь в мудростн Своей бросил ее в бездны ада.

— А какое отношение имеет Филип Буп к Иерусалемову Уделу?

— Узы крови, — туманно пояснила миссис Клорис. — Печать Зверя была на нем, хотя ходил он в одеждах Агнца. В ночь тридцать первого октября тысяча семьсот восемьдесят девятого года Филип Буп исчез... и все население проклятой деревни с ним вместе.

Ничего больше она не добавила; собственно, ничего больше она и не знала. Она лишь снова и снова заклинала меня уехать, в качестве довода ссылаясь на то, что «кровь призывает кровь», и бормоча что-то вроде: «есть наблюдатели, а есть *стражи*». С наступлением сумерек хозяйка разволивалась не на шутку, и, чтобы ее задобрить, я пообещал уделить ее пожеланиям самое серьезное внимание.

Я шел домой сквозь сгущающиеся мрачные тени, от былого хорошего настроения ничего не осталось, в голове роились бесчисленные вопросы. Кэл встретил меня со-

общением, что шум в стенах все нарастаet — да я и сам сейчас могу это засвидетельствовать. Я внушаю себе, что это только крысы — но перед глазами у меня стоит перепугаиное, серьезное лицо миссис Клорис.

Над морем встала луна — полная, распухшая, кроваво-алого цвета, заиятная океан ядовитыми оттеиками и тонами. Мысли мои вновь и вновь обращаются к той церкви, и

(здесь строчка вычеркнута)

Нет, Доходяга, этого тебе видеть незачем. Сплошное безумие. Пожалуй, пора мне спать. Думаю о тебе.

С наилучшими пожеланиями,

Чарльз.

(Далее следуют выдержки из записной книжки Кэлвина Макканна.)

20 октября 1850 г.

Нынче утром взял на себя смелость взломать замок на киижке; проделал все до того, как мистер Буп встал. Все без толку; книга написана шифром. Наверняка несложным. Может, я и шифр расколю так же легко, как замок. Это, конечно же, дневник — почерк до странности похож на руку мистера Бупа. Но чья это книга — запрятанная в самый дальний угол библиотеки, с замком на переплете? С виду старая, а там кто знает. Воздух-то между страниц не просачивался, с чего бы им испортиться? Позже напишу подробнее, если успею; мистер Бун вознамерился осмотреть подвал. Боюсь, все эти ужасы его слабому здоровью не на пользу. Попытаюсь отговарить его...

Нет, идет.

20 октября 1850 г.

ДОХОДЯГА!

Не могу писать Немогу (так!) пока еще писать об этом
Я я я

(Из записной книжки Кэлвина Макканна)

20 октября 1850 г.

Как я и опасался, его здоровье не выдержало...

Господи милосердный, Отче Наш, Сущий на Небесах!

Даже подумать не могу об этом, однако ж он врос в мой мозг, выжжен на нем как ферротипия, этот ужас в подвале!..

Я совсем один; на часах половина девятого; в доме тишина, и все же...

Обнаружил его в обмороке за письменным столом; он все еще спит; однако за эти несколько мгновений как благородно он себя повел — в то время как я застыл на месте словно громом пораженный, не в силах и пальцем пошевелить!

Кожа у него на ощупь как восковая, холодная. Благодарение Господу, лихорадки нет. Я не решаюсь ни переместить его, ни оставить одного и пойти в деревню. А если и пойду, кто согласится вернуться со мной и помочь ему? Кто переступит порог этого проклятого дома?

О, подвал! Твари из подвала, что рыщут у нас в стенах!

22 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Я снова пришел в себя, хотя и слаб — тридцать шесть часов провалился без сознания! Снова пришел в себя... что за горькая, жестокая шутка! Никогда я уже не стану самим собою, никогда. Я стоял лицом к лицу с безумием и ужасом, для человека невыразимым. И это еще не конец.

Если бы не Кэл, полагаю, я в ту же минуту расстался бы с жизнью. Он — единственный оплот здравомыслия в этом разгуле сумасшествия.

Ты должен узнать все.

Для похода в подвал мы запаслись свечами: они давали достаточно света — проклятие, более чем достаточно! Кэлвин попытался отговорить меня, ссылаясь на мою недавнюю болезнь и уверяя, что обнаружим мы

разве что здоровуших крыс, для которых уже и отраву запасли.

Я, однако ж, остался тверд в своем решении. Кэлвин со вздохом ответил:

— Делайте как знаете, мистер Буп.

Вход в подвал открывается в кухонном полу (Кэл уверяет, что с тех пор надежно заколотил его досками); дверцу нам удалось приподнять лишь с огромным трудом.

Из тьмы поднялась волна невыносимого зловония — вроде того, что насквозь пропитало покинутую деревню на другом берегу реки Ройял. В свете свечи взгляд разливал круто уводящую во тьму лестницу. Лестница находилась в ужасном состоянии: в одном месте целой подступени не хватало, на ее месте зияла черная дыра: нетрудно было вообразить себе, как именно злополучная Марселла нашла здесь свою гибель.

— Осторожно, мистер Буп! — предостерег Кэл.

Я заверил, что ни о чем ином и не помышляю, и мы снустились вниз.

Земляной пол и крепкие гранитные стены оказались на удивление сухи. Это место никак не наводнило на мысль о крысином прибежище: тут не валялось ничего такого, в чем крысы любят устраивать гнезда, — ни старых коробок, ни выброшенной мебели, ни завалов бумаг. Мы подняли свечи повыше: образовался небольшой круг света, но все равно видно было мало. Пол плавно шел под уклон — по всей видимости, под главной гостиной и столовой, то есть к западу. В этом направлении мы и двинулись. Вокруг царила гробовая тишина. Смрадный запах усиливался; темнота окутывала нас как плотная вата — точно ревнуя к свету, что временно низложил ее после стольких лет единоличного правления.

В дальнем конце гранитные стены сменились отполированным деревом — по-видимому, абсолютно черным, лишенным каких бы то ни было отражательных свойств. Здесь подвал заканчивался; от основного помещения

словно бы отходил небольшой альков. Располагался он под таким углом, что осмотреть его не представлялось возможным иначе, как зайдя за угол.

Так мы с Кэлвином и поступили.

Ощущение было такое, словно пред нами восстал прогнивший призрак мрачного прошлого этих мест. В алькове стоял один-единственный стул, а над ним с крюка в креикой потолочицой балке свисала ветхая пеньковая петля.

— Значит, здесь-то он и повесился, — пробормотал Кэлвин. — Боже!

— Да... а позади, у основания лестницы, лежал труп его дочери.

Кэлвин заговорил было; затем вдруг неотрывно устремился на что-то позади меня — и слова превратились в крик.

О, Доходяга, как оплакать мне зрелище, открывшееся нашим глазам? Как поведать тебе об отвратительных жильцах внутри здешних стен?

Дальняя стена словно опрокинулась в никуда: из темноты злобно скалилось лицо — лицо с глазами эбеново-черными, как река Стикс. Рот раззиялен в беззубой, мучительной ухмылке; желтая, прогнившая рука тянется к нам. Тварь издала кошмарный мяукающий звук — и, спотыкаясь, шагнула вперед. Свет моей свечи упал на нее...

На шее трупа красовался синевато-багровый след от веревки!

А позади задвигалось что-то еще — нечто, что станет мне являться вочных кошмара до тех пор, пока все кошмары не закончатся: девушка с мертвенно-бледным, истлевшим лицом и трупной усмешкой — девушка, чья голова болталась под немыслимым углом.

Они пришли за нами, я знаю. Знаю, что они утащили бы нас во тьму и подчинили нас себе, если бы я не швырнул свечу прямехонько в тварь в стене, а следом — стул из-под крюка с петлей.

Далее — все сумбур и тьма. Разум словно шторы задернул. Очиулся я, как и сказал, в своей комнате, и рядом был Кэл.

Если бы я мог, я бы бежал из этого дома кошмаров в одной ночиой сорочке. Но — не могу. Я стал марионеткой в драме темиой и глубокой. Не спрашивай, откуда я знаю; знаю — и все. Права была миссис Клорис, говоря о том, что кровь призывает кровь; чудовищно права была она, говоря о *наблюдателях и стражах*. Боюсь, я пробудил Силу, что дремала в сумеречиой деревне ‘Салемова Удела вот уже полвека, — Силу, что убила моих предков и удерживает их в богопротивном рабстве как *носферату* — не-жить! Мучают меня и другие страхи, Доходяга, еще более серьезные — но я вижу лишь часть. Если бы я только знал... если бы знал все!

Чарльз.

ПОСТСКРИПТУМ. Разумеется, я пишу это лишь для себя; от Угла Проповедников мы отрезаны. Письма не отравить: я не дерзну нести заразу туда, а Кэлвин ни за что меня не оставит. Может статься, если будет на то милость Господа, эти запписи как-нибудь да попадут в твои руки.

Ч.

(Из записной книжки Кэлвина Макканна)

23 октября 1850 г.

Сегодня ему лучше; мы недолго поговорили о привидениях в подвале; сошлись на том, что это не галлюцинации и не порождения эктоплазмы, они — вполне реальны. Не подозревает ли мистер Буп, как и я, что они ушли? Может, и так; шумы стихли; однако же зловещая атмосфера не рассеялась, все словно затянуто темиой пеленой. Мы — словно в центре бури, и затишие — обманчиво...

Нашел в верхней спальне, в нижнем ящике старого бюро с выдвижной крышкой пачку бумаг. Кое-какие счета и письма заставляют меня предположить, что эта ком-

ната принадлежала Роберту Бупу. Однако же самый интересный документ — это короткие наброски на оборотной стороне рекламы касторовых шляп. Сверху написано:

Блажеины кроткие*.

А ниже — на первый взгляд полная абракадабра.

бкадехнекмохксе
елмжонрыарстаид

Я так понимаю, это ключ к зашифрованной, запертой на замок книге в библиотеке. Код этот довольно прост: он использовался еще в Войне за независимость и назывался «Изгородь». Стоит убрать «нестягие» символы — и получается следующее:

б а е н к о к е
л ж н ы р т и

Читайте вверх-вниз, а не по горизонтали — и получите исходную цитату из заповедей блаженства.

Но прежде чем я покажу это мистеру Буну, мне необходимо ознакомиться с содержанием книги...

24 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Удивительное дело — Кэл, который обычно держит рот на замке до тех пор, пока не будет абсолютно уверен в своей правоте (редкое и достойное восхищения качество!), обнаружил дневник моего деда Роберта. Документ был зашифрован, но Кэл сам разгадал код. Он скромно уверяет, что по чистой случайности, но я подозреваю, что здесь уместнее сослаться на усердие и упорство.

Как бы то ни было, что за мрачный свет проливает этот дневник на здешние тайны!

---

*Мф. 5:5.

Первая запись датирована 1 июня 1789 года, последняя — 27 октября 1789 года: за четыре дня до катастрофического исчезновения, о котором упоминала миссис Клорис. Это — повесть о нарастающем наваждении, — нет, о безумии! — с ужасающей ясностью излагающая, как именно связаны между собою мой двоюродный дед Филип, деревушка Иерусалемов Удел и книга, что ныне находится в оскверненной церкви.

Сама деревня, согласно Роберту Буну, старше и Чейпелуэйта (усадьба построена в 1782 году), и Угла Проповедников (он датируется 1741 годом и в те времена назывался Привал Проповедников). Ее основала в 1710 году отколовшаяся группа пуритан — секта во главе с суровым религиозным фанатиком с именем Джеймс Бун. Как вздрогнул я при виде этого имени! То, что этот Бун связан с моим семейством, сомневаться не приходится. Миссис Клорис была совершенно права в своем суеверном убеждении, что семейная связь — родная кровь — в этом деле играет ключевую роль; в ужасе вспоминаю, что ответила она, когда я спросил, какое отношение имеет Филип к ‘Салемову Уделу. «Узы крови», — сказала она, и боюсь, что так оно и есть.

Деревушка превратилась в процветающую общину, разросшуюся вокруг церкви, где Бун проповедовал — или, точнее сказать, царил единовластно. Мой дед намекает, что тот еще и имел сношения со всеми местными дамами, убедив их, что таковы Божья воля и Божий замысел. В результате поселение превратилось в нечто из ряда вон выходящее. Подобная аномалия могла возникнуть только в те своеобразные времена обособленности, когда вера в ведьм и вера в Непорочное Зачатие существовали бок о бок — кровосмесительная, вырождающаяся, насквозь религиозная деревушка во главе с полулюбезумным священником, для которого Священным Писанием являлись одновременно Библия и зловещая книга де Гуджа «Обители демонов»; община, где регулярно проводился обряд

экзорцизма; гнездо инцеста, сумасшествия и физических пороков, что столь часто являются следствием этого греха. Подозреваю (и, по всей видимости, Роберт Бун тоже так считал), что один из внебрачных отпрысков Буна уехал (или был увезен) из Иерусалемова Удела искать свою долю на юге — вот так была основана наша фамилия. Я знаю из наших собственных семейных хроник, что династия Бунов предположительно возникла в той части Массачусетса, что не так давно стала суверенным штатом Мэн. Мой прадед Кеннет Бун разбогател на торговле мехами — в те времена пушной промысел процветал. На его деньги, умноженные временем и разумными капиталовложениями, и была построена эта фамильная усадьба — много лет спустя после его смерти, в 1763 году. Чайнелуэт воздвигли его сыновья, Филин и Роберт. «Кровь призывает кровь», — говорила миссис Клорис. Может ли быть, что Кеннет, рождениый от Джеймса Буна, бежал от безумия отца и отцовской деревни, — лишь для того, чтобы его сыновья, сами того не ведая, возвели родовое поместье Бунов *менее чем в двух милях от того места, где род берет свое начало*? Если это правда, то воистину некая гигантская незримая Рука направляет нас!

Согласно дневнику Роберта, в 1789 году Джеймс Бун был уже глубоким старцем — что и неудивительно. Если предположить, что на момент основания деревни ему было двадцать пять, то теперь ему исполнилось сто четыре года — почтенный возраст, что и говорить! Далее следуют дословные выдержки из дневника Роберта Буна:

«4 августа 1789 г.

Сегодня я впервые повстречался с человеком, который оказывает на моего брата столь незддоровое влияние; должен признать, этот Бун и впрямь обладает странным обаянием, что меня преизрядно тревожит. Он оказался глубоким старцем — седобород, расхаживает в черной рясе, что мне показалось не вполне пристойным. Еще

больше возмущает то, что он окружает себя женщинами, как султан — гаремом; Ф. уверяет, что он по сию пору живчик, хотя ему по меньшей мере за восемьдесят... В самой деревне я побывал только раз — и больше я туда ни ногой; на тамошних безмолвных улицах царит страх пред старцем на проповеднической кафедре: боюсь также, что там родня сходится с родней — слишком многие лица кажутся знакомыми. Куда бы я ни посмотрел — предо мной встает образ старца... и все такие бледные, изнуренные, тусклые — как если бы ни искры жизни в них не осталось. Я видел безглазых и безносых детей, видел женщин, что рыдают и бормочут что-то невнятное, и ни с того ни с сего тычут пальцем в небо, и коверкают Писание, перемежая священные тексты рассуждениями о демонах...

Ф. хотел, чтобы я остался на службу, но от одиой только мысли об этом зловещем старце на кафедре перед паствой вырождающейся деревни мне сделалось нехорошо, и я отговорился...»

В предыдущей и последующей записях говорится о том, что Филип все больше подиадал под обаяние Джеймса Буна. 1 сентября 1789 года Филип принял крещение в церкви Буна. Роберт пишет: «Я вне себя от изумления и ужаса — мой брат меняется у меня на глазах; теперь он даже внешне походит на проклятого старца».

Первое упоминание о книге датируется 23 июля. В дневнике Роберта о ней говорится вскользь: «Нынче вечером Ф. вернулся из малой деревни, как мне показалось, изрядно возбужденным. Но мне так и не удалось вытянуть из него ни слова до самой ночи; лишь когда пришло время ложиться спать, он признался, что Бун спрашивал про книгу под названием “Мистерин Червя”. Чтобы доставить удовольствие Ф., я пообещал послать запрос в “Джоунз энд Гудфеллоу”. Ф., чуть ли не заискновая, осыпал меня благодарностями».

В примечании от 12 августа говорилось: «Получил сегодня два письма... одно от “Джоунз эид Гудфеллоу” из Бостона. У них есть сведения о томе, интересующем Ф. Во всей стране сохранилось только пять экземпляров. Письмо довольно холодное; это странно. Я Генри Гудфеллоу не первый год знаю».

«13 августа.

Ф. безумно разволиовался из-за письма от Гудфеллоу; отказывается объяснить почему. Говорит лишь, что Буну жизненно необходимо раздобыть один из экземпляров. В толк не возьму зачем; судя по названию, это всего-то навсего безобидное пособие по садоводству...

Очень тревожусь насчет Филипа: с каждым днем он ведет себя все более странно. Я уже жалею, что мы вернулись в Чейнелуэйт. Лето стоит жаркое, гнетущее, исполненное недобрых предвестий...»

Сверх этого гнусный фолиант уноминается в дневника Роберта лишь дважды (он, по всей видимости, не осознавал его значимости, даже в самом конце). Из записи от 4 сентября:

«Я попросил Гудфеллоу выступить посредником от имени Филипа в вопросе приобретения книги, вопреки собственному здравому смыслу. Что толку протестовать? Допустим, я откажусь — или у него нет собственных денег? В обмен я взял с Филипа слово отказаться от этого отвратительного крещения... но он так возбужден, его просто-таки лихорадит... я ему не доверяю. Я в полном замешательстве; я не знаю, что делать...»

И наконец, 16 сентября.

«Сегодня доставили книгу — с письмом от Гудфеллоу, в котором он отказывается принимать от меня заказы в дальнейшем... Ф. неонисуемо разволиовался: чуть у меня

из рук посылку не выхватил. Текст написан на скверной латыни, а также и руническим алфавитом, которого я не понимаю. Том кажется теплым на ощупь и вибрирует у меня в руках, словно в нем заключена великая власть... Я напомнил Ф. о его обещании отречься, но он лишь рассмеялся отвратительным, безумным смехом и помахал книгой у меня перед носом, воскликнув снова и снова: "Она у нас! Она у нас! Червь! Секрет Червя!" Теперь он убежал — я так понимаю, к своему сумасшедшему благодетелю; сегодня я его больше не видел...»

О самой книге больше не говорится ни слова, но я сделал ряд довольно-таки правдоподобных выводов. Во-первых, эта книга, как и говорила миссис Клорис, послужила причиной ссоры между Робертом и Филипом; во-вторых, в ней заключено нечестивое заклинание, вероятно, друндиеского происхождения (многие из друидических кровавых ритуалов были занесены римлянами — завоевателями Британии, из любви к науке; и многие из этих адских «поваренных книг» ныне являются запрещенной литературой); в-третьих, Бун и Филип вознамерились воспользоваться фолиантом в своих собственных целях. Возможно, они хотели как лучше (согласно своим собственным искаженным представлениям), — но мне в это не верится. Я полагаю, они задолго до того предались безлиkim силам, что существуют за гранью Вселенной и, возможно, даже вне ткани Времени. Последние записи в дневнике Роберта Буна отчасти подтверждают мои предположения; позволю им говорить самим за себя:

«26 октября 1789 г.

В Углу Проповедников нынче смута и ропот; кузнец Фроли схватил меня за плечо и пожелал знать, “чего там затевают ваш брат и этот безумный Антихрист”. Гуди Рэндалл уверяет, что в небесах явлены Знаменья: *глядят великое Бедствие*. На свет появился двухголовый теленок.

Что до меня, уж и не знаю, что там грядет: вероятно, брат мой того и гляди сойдет с ума. Чуть не за одиу ночь голова его поседела, выпущенные глаза налиты кровью, отрадный свет здравомыслия в них словно бы погас навеки. Он ухмыляется, шеичет что-то себе под нос и, в силу одиому ему известной причины, зачастнл в наш подвал — там он обычно и обретается, если только не в Иерусалемовом Уделе.

К дому слетаются козодои и копошатся в траве; хор их голосов из тумана сливаются с гулом моря в какой-то нездешний Зов, исключающий самую мысль о сне».

«27 октября 1789 г.

Нынче вечером, когда Ф. отправился в Иерусалемов Удел, я последовал за ним — на некотором расстоянии, стараясь остаться незамеченным. Треклятые козодои в лесах так и роятся, отовсюду звенит их нездешний заунокайный речнтиав. Переходить мост я не дерзнул: деревня погружена во тьму, одна только церковь подсвечена призрачным алым заревом, и высокие, заостренные окна — точно очи Преисподией. Многоголосая дьявольская литання нарастала и затухала, срываясь то на хохот, то на рыдания. Сама земля словно бы вспухала и постанивала у меня под ногами, изнывая под тяжким Бременем, и я бежал прочь — потрясенный, исполненный ужаса; я спешил сквозь рассеченный тенями лес, и в ушах у меня гремели жуткие, пронзительные вопли козодоев.

Надвигается развязка, доселе непредвиденная. Страшусь закрыть глаза и оказаться во власти снов, но и бодрствовать невыносимо — в преддверии безумных ужасов. Ночь полита жуткими звуками; боюсь, что... И одиако ж меня снова влечет туда с неодолимой силой — дабы наблюдать и видеть все своими глазами. Сдается мне, это Филип зовет меня, и старец тоже.

Птицы
проклят проклят проклят».

На этом дневник Роберта Буна обрывается.

Как ты наверняка заметил, Доходяга, ближе к завершению Роберт утверждает, что его словно бы позвал Филип. Мои окоичательные выводы подсказаны этими строками, рассказами миссис Клорис и прочих, но более всего — теми жуткими видениями в подвале, фигурами живых мертвцев. Наша кровь отмечена печатью злой судьбы. На нас лежит проклятие, похоронить которое не дано; оно живет чудовищной призрачной жизнью и в этом доме, и в этом городке. Но цикл вновь близится к завершению. Я — последний из рода Бунов. Боюсь, некая сила об этом знает, и я — своего рода связующее звено в адской игре вне понимания, вне здравого смысла. До зловещей годовщины — Дня всех святых — еще неделя начиная с сегодняшнего дня.

Что мне предириинять? Ax, если бы ты был здесь и мог помочь мне советом! Если бы ты только был здесь!

Я должен узнать все; я должен вернуться в зачумленную деревню. И да поможет мне Господь!

Чарльз.

(Из записной книжки Кэлвина Макканна)

25 октября 1850 г.

Мистер Бун проспал почтн целый день. В исхудавшем лице — ни кровинки. Боюсь, рецидив мозговой горячки неизбежен.

Доливая воды в графин, я заприметил два неотосланых нисьма к мистеру Грансону во Флориду. Мистер Бун собирается вернуться в Иерусалемов Удел; это его убьет, если я не сумею ему помешать. Успею ли я втайне от него сходить в Угол Проповедников и нанять коляску? В том мой долг; но что, если он проснется? Вдруг я вернусь — и его уже не застану?

В стенах онять раздаются шумы. Благодарение Господу, он все еще снит! Боюсь даже задумываться, что все это значит.

Позже

Принес ему ужин на подиосе. Он собирается со временем встать, и невзирая на все его отговорки, знаю я, что он затевает; однако ж в Угол Проповедников я схожу. У меня остались сноторвные препараты, пронисанные ему во время предыдущей болезни; добавил ему одио из снадобий в чай — он ничего не заметил. Теперь снова снит.

Мне страшно оставить его наедине с Тварями, что копошатся за стенами, но позволить ему провести хоть один лишний день в пределах этих стен — еще страшнее. Запер дверь снаружи.

Дай мне Бог застать его по-прежнему мирно спящим, когда я вернусь с коляской!

Еще позже

Меня забросали камнями! Забросали камнями, как кусачего бешеного пса! Злодеи, изверги! И они называют себя людьми! Мы здесь плеинники...

Птицы — козодой то есть — сбиваются в стаи.

26 октября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Сумерки уже сгущаются; я только что проснулся — почттай что сутки проспал. И хотя Кэл ни словом о том не обмолвился, подозреваю, что он, угадав мои намерения, подсыпал сноторвного мне в чай. Кэлвин — друг верный и преданный, он хочет мне только добра — так что я сделаю вид, будто ничего не заметил.

Однако ж в своем намерении я тверд. Завтра — решающий день. Я спокоен, непоколебим; хотя и ощущаю, что меня слегка лихорадит. Если это и впрямь возвращается мозговая горячка, должно все закончить завтра. Наверное, лучше бы даже ныиче ночью, однако даже адское пламя не заставило бы меня войти в проклятую деревню в сумраке.

Если это последнее, что я пишу, — да благословит и да сохранит тебя Господь, Доходяга.

Чарльз.

Иостскриптум. Птицы подняли крик, жуткое шарканье зазвучало снова. Кэл думает, я ничего не слышу — и ошибается.

Ч.

(Из записной книжки Кэлвина Макканна)

27 октября 1850 г.

5 часов утра.

Переубедить его невозможио. Хорошо же. Я пойду с ним.

4 ноября 1850 г.

Дорогой мой Доходяга!

Я слаб, но в ясном сознании. Не вполне уверен, какой сегодня день, одиако ж закат и прилив подтверждают, что календарь не лжет. Я сижу за рабочим столом — на этом же самом месте я сидел, когда впервые нисал тебе из Чей-пелуэйта, — гляжу на темное море, где быстро гаснут последние блики света. Ничего больше я уже не увижу. Эта ночь — моя; я оставляю ее и ухожу в неведомые тени.

Как же оно плещет о скалы, это море! Швыряет в меркнущее небо облака пены, что разворачиваются по-лотнщиками стягов; от натиска воли пол дрожит у меня под ногами. В окоином стекле вижу свое отражение — мертвенно-бледиое, ни дать ни взять вампир. С 27 октября у меня ни крошки во рту не было; да я бы и глотка воды не вынил, если бы Кэлвин в тот же день не поставил у моей кровати графин.

О, Кэл! Доходяга, его больше нет. Он погиб вместо меня, вместо того несчастного с руками-палочками и черепом вместо лица, отражение которого я вижу в по-темневшем окне. И одиако ж, возможно, ему повезло

больше; ибо его не мучают сны, как меня — последние несколько дней; эти извращенные фантомы, затаившиеся в кошмарных коридорах бреда. Вот и руки трясутся; всю страницу чернилами забрызгал.

Я уже собирался незаметно выскользнуть из дома (и радовался собственной изобретательности), — и тут передо мной предстал Кэлвин. Я загодя сказал Кэлу, что надумал-таки уезжать, и попросил его сходить в Тандрелл, городок в десяти милях от усадьбы, где мы еще не стали притчей во языцах, и нанять двуколку. Он согласился и ушел по дороге вдоль моря; я проводил его взглядом. Как только Кэл скрылся из виду, я по-быстрому собрался, надел пальто и шарф (подмораживало; в утреннем пронизывающем ветре ощущалось первое касание надвигающейся зимы). Я подумал, не взять ли ружье, и тут же рассмеялся над собою. На что сдалось ружье в таких делах?

Я вышел через кладовку, ненадолго замешкался — полюбоваться напоследок морем и небом, надышаться свежим воздухом вместо трупной вони, что мне предстоит вдохнуть очень скоро; налюбоваться чайкой, что кружит под облаками, нща пронитання.

Я развернулся — передо мной стоял Кэлвин Маккаин.

— Один вы не пойдете, — отрезал он. Таким мрачным я его в жизни не видел.

— Но, Кэлвин... — начал было я.

— Нет, ни слова! Мы пойдем вместе и сделаем, что должно, или я силой верну вас в дом. Вы неважко себя чувствуете. Один вы не пойдете.

Невозможно описать всю противоречивую гамму чувств, захлестнувших меня: смятение, и досада, и признательность, но паче всего — любовь.

Молча, не говоря ни слова, мы прошли мимо беседки и солицких часов, по заросшей сорняками обочине — и углубились в лес. Вокруг царила гробовая тишина — ни птица не пропоет, ни сверчок не застремится. Мир словно

накрыла пелена безмолвия. В воздухе разливался вездесущий запах соли да слабый привкус древесного дыма. В лесах буйствовало геральдическое многоцветье красок, в котором, как мне показалось, преобладал багрянец.

Вскорости запах соли исчез, сменился иным, более зловещим — той самой гнильстью, о которой я говорил. Когда мы дошли до мостков через речку Роял, я уже ждал, что Кэл снова станет уговаривать меня повернуть назад — но он не стал. Он замешкался, поглядел на мрачный шпиль, словно насмехающийся над синим небом, перевел взгляд на меня. И мы пошли дальше.

Мы быстро (хотя и содрогаясь от страха) зашагали к церкви Джеймса Буна. Дверь по-прежнему стояла распахнута настежь, со времен нашего предыдущего прихода, тьма внутри алчно щерилась на нас. Мы поднялись по ступеням; в сердце моем взыграла дерзость; дрожащая рука легла на ручку двери — и потянула ее на себя. Тлетворный запах в помещении заметно усилился.

Мы шагнули в полутемную прихожую и, не задерживаясь, прошли в храм.

Там царил хаос.

Здесь еще недавно бушевало нечто неонисуемое, производя грандиозные разрушения. Церковные скамьи опрокинуло и расшвыряло в разные стороны, словно бирюльки. Поруганный крест валялся у восточной стены, рваная дыра в штукатурке над ним свидетельствовала о том, с какой силой он был брошен. Лампады вырваны из креплений, едкий запах ворвани смешивался с гнусной вонью, пронитавшей город. А через главный неф, точно отвратительная дорожка для выхода невесты, протянулся след из черного гноя вперемешку со зловещими кровавыми разводами. Мы проследили его до кафедры — только она и осталась нетронутой посреди всеобщего беспорядка. Поверх нее, глядя на нас остекленевшими глазами из-за кощунственной Книги, лежала туша ягненка.

— Боже, — прошептал Кэлвин.

Стараясь не наступать на липкую слизнь, мы подошли ближе. Звук наших шагов эхом отдавался от стен — словно бы преображаясь в громовые раскаты хохота.

Мы вместе поднялись в притвор. Ягненок не был ни разодран, ни объеден; скорее, его *сдавливали* до тех пор, пока не лопнули кровеносные сосуды. Кровь густо растеклась зловонными лужами и по июнитру, и по его основанию... *однако же на книге алая жидкость становилась прозрачной, так что неразборчивые руны читались сквозь нее как сквозь цветное стекло!*

— Так ли надо к ней прикасаться? — не дрогнув, осведомился Кэл.

— Да. Я должен ее взять.

— И что вы намерены делать?

— То, что следовало сделать шестьдесят лет назад. Я ее уничтожу.

Мы стащили с книги тушу ягненка: она рухнула на пол со смачным глухим стуком. Залитые кровью страницы словно ожили, засветились изнутри алым заревом.

В ушах у меня зазвенело и загудело; казалось, от самих стен исходит монотонный речитатив. Лицо Кэла исказилось: надо думать, он слышал то же самое. Пол под ногами задрожал, как если бы дух этой церкви явился к нам защищать свои владения. Ткань привычных и здравых пространства и времени искривилась и затрещала; церковь заполонили призраки, замерцали адские отсветы вечного хладиого огня. Мне померещилось, будто я вижу Джеймса Буна: отвратительный уродец скакал и прыгал вокруг распостертой на полу женщины, — тут же стоял мой двоюродный дед Филип, служитель в черной рясе с кинжалом, держа в руках нож и чашу.

— *Deum vobiscum magna vermis...*

Слова содрогались и корчились на странице перед моими глазами, напоенные жертвенной кровью — желанной добычей твари, что рыщет за пределами звезд...

Слепая, выродившаяся паства раскачивалась взад-вперед в бездумном, демоническом славословине; в уродливых лицах отражалось алчное, невыразимое предвкушение...

Латынь сменилась наречнем более древним — древним уже тогда, когда Егинет был юн, а нирамиды — еще не построены, древним, когда Земля еще повисала в пространстве бесформенным кипящим сгустком газа:

— Гюйаджин вардар Йогсогтот! Верминис! Гюйаджин! Гюйаджин! Гюйаджин!

Кафедра затрещала, раскололась, принодиялась над полом...

Кэлвин пронзительно закричал, заслонил рукою лицо. Притвор задрожал крупной зловещей дрожью, заходил ходуном, точно попавшее в штурм судно. Я схватил книгу, стараясь держать ее на некотором расстоянии; она дышала жаром солнца, того и гляди осленит и испепелит меня.

— Бегите! — завонил Кэлвин. — Бегите!

Но я прирос к месту; чуждое присутствие наполияло меня, как древний сосуд, прождавший многие годы — нет, несколько поколений!

— Гюйаджин вардар! — возонил я. — О Безымянный, слуга Йогсогтота! Червь из-за грани Вселеиной! Пожиратель Звезд! Ослепляющий Время! Верминис! Грядет Час Исполиения и Время Раскола! Верминис! Альях! Альях! Гюйаджин!

Кэлвин толкнул меня, я пошатнулся; церковь завращалась у меня перед глазами, я рухнул на пол и ударился головой о край перевернутой скамьи. В мозгу полыхнуло алое пламя — и в сознанин неожидаинко прояснилось.

Я нашарил запасенные загодя серные спички.

Все заполнил подземный грохот. Посыпалась штука-турка. Проржавевший колокол на колокольне принял сдавленно вызванивать дьявольскую какофонию в такт нарастающему гулу.

Всныхнула спичка. Я поднес ее к книге — в тот самый момент, как кафедра взорвалась, с треском разлетелась на щепки. Под ней зияла громадная черная утроба. Кэл, размахивая руками, балансировал на самом краю; лицо его исказилось в бессловесном крике, что звучит у меня в ушах по сию пору.

А в следующий миг из провала вынырнулась гора серой нульсирующей плоти. Кошмарной волией вскользнулся смрад. Наружу неодолимо хлынула вязкая, пузырчатая, студенистая масса, чудовищная громада, исторгнутая, казалось, из самых недр Земли. И однако ж в миг леденящего прозрения, людям неведомого, я понял, что это — *лишь одно-единственное кольцо, один сегмент кошмарного безглазого черва, что много лет таился в темных пустотах под проклятой церковью!*

Книга загорелась, занылала у меня в руках; Тварь беззвучно завонила, нависая надо мной. Удар вскользь пришелся по Кэлвину — его отшвырнуло через всю церковь точно куклу со сломанной шеей.

Тварь осела — втянулась обратно, остался лишь громадный, развороченный провал в обрамлении черной слизи; пронзительный, мяукающий звук постепенно угасал, поглощался колоссальными расстояниями — и на конец смолк совсем.

Я онустил взгляд. Книга обратилась в пепел.

Я захохотал, затем завыл, как раненый зверь.

Последние остатки рассудка меня покинули. Висок сочился кровью. Сидя на полу, я вонил и бормотал нечто нечленораздельное в этой полутьме, а Кэлвин, недвижно распростертый в дальнем углу, глядел на меня остеклевшим, исполненным ужаса взглядом.

Понятия не имею, как долго я пробыл в этом состоянии. Словами такого не расскажешь. Но когда ко мне вновь вернулась способность мыслить и действовать, вокруг меня уже пролегли длинные тени и сгостились сумерки. Краем глаза я заметил какое-то движение —

движение в проломе в полу притвора. Из-под расколотых половиц на ощупь просунулась чья-то рука.

Сумасшедший хохот застрял у меня в горле. Истерика сменилась бескровленным оцепенением.

С жуткой, мстительной неспешностью из тьмы поднялась изломанная фигура, полуистлевший череп уставился на меня. По лишенному плоти лбу ползали жуки. Истлевшая ряса липла к раскосым впадинам прогнивших ключиц. Жили лишь глаза: красные, безумные провалы с ненавистью взирали на меня, и читалось в них не только помешательство — но бессмыслица прозябанья на нехоженых нустошах за гранью Вселенной.

Оно пришло забрать меня вниз, во тьму.

С пронзительным криком я обратился в бегство — бросив тело моего верного друга в этом кошмарном месте. Я мчался сломя голову, пока воздух не взбурлил магмой в моих легких и в мозгу. Мчался, пока не оказался вновь в этом оскверненном, одержимом злыми силами доме и в своей комнате, где и рухнул без чувств и пролежал как мертвый вплоть до сегодняшнего дня. Мчался что есть духу, ибо даже в своем невменяемом состоянии разглядел в этих жалких останках ожившего труна — *семейное сходство*. Но не с Филипом и не с Робертом, чьи портреты висят в верхней галерее. *Этот прогнивший лик принадлежал Джеймсу Буну, Стражу Червя!*

Он живет и по сей день — где-то в извилистых, бессветных подземных ходах под Иерусалемовым Уделом и Чайнелуэйтром; жива и Тварь. Спалив книгу, я помешал замыслам Твари; но есть ведь и другие списки.

Одиако ж я стою у врат, и я — последний из рода Бунов. Во имя всего человечества я должен умереть... и на всегда разорвать связь.

Я ухожу в море, Доходяга. Мое путешествие, как и моя исторня, закончилось. Да хранит тебя Бог, да дарует тебе мир и благодать.

Чарльз.

* * *

Эта необычная подборка бумаг со временем попала в руки мистеру Эверетту Грансону, которому и была адресована. По всей видимости, в результате нового пристуна мозговой горячки (а злополучный Чарльз Бун уже один раз переболел ею сразу после смерти жены в 1848 году) бедияга лишился рассудка и убил своего спутника и преданного друга, мистера Кэлвина Макканна.

Заниси в дневнике мистера Макканна — это не более чем прелюбонытная подделка, вне всякого сомнения, состряпана Чарльзом Буном в доказательство своих собственных параноидальных галлюцинаций.

Чарльз Бун заблуждался по меньшей мере дважды. Во-первых, когда деревушку Иерусалемов Удел «открыли заново» (я, разумеется, использую эти слова исключительно как исторический термин), на полу в притворе, нусть и прогнившем, не обнаружилось никаких следов взрыва или серьезных повреждений. И хотя старые скамьи и впрямь были опрокинуты, а некоторые окиа — выбиты, это все можно списать на вандализм окрестных жителей за многие годы. Среди старожилов Угла Проповедников и Тандрелла действительно ходят вздорные слухи насчет Иерусалемова Удела (возможно, именно эта безобидная народная легенда в свое время и направила мысли Чарльза Буна в нездоровое русло), но никакого отношения к делу они не имеют.

Во-вторых, Чарльз Бун — не последний в роду. У его деда, Роберта Буна, было по меньшей мере двое внебрачных детей. Один умер во младенчестве. Второй принял имя Буна и обосновался в городе Сентрал-Фоллз, штат Род-Айленд. Я — последний из потомков этой боковой ветви Бунов; троюродный брат Чарльза Буна в третьем поколении. Этн бумаги находятся в моем ведении вот уже десять лет. Я решил их опубликовать в связи со своим переездом в Чейнелуэйт, родовое поместье Бунов. Наде-

юсь, что читатель посочувствует обманутой, заблуждающейся душе бедиого Чарльза. Насколько я могу судить, он был прав лишь в одиом: усадьба и в самом деле остро нуждается в услугах экстерминатора.

Судя по звукам, в стенах кишмя кишат крупные крысы.
Подписано:

Джеймс Роберт Бун.

2 октября 1971 г.

НОЧНАЯ СМЕНА

Два часа дня. Иятница.

Холл сидел на скамейке у лифта — единственное место на третьем этаже, где работяга может спокойно перекурить, — как вдруг появился Уорвик. Нельзя сказать, чтоб Холл пришел в восторг при виде Уорвика. Прораб не должен был появиться раньше трех — того часа, когда на фабрику заступает новая смена. Он должен сидеть у себя в конторке, в подвальном помещении, и попивать кофеек из кофейника, что стоит у него на столе. Возможно, кофе оказался слишком горячим.

Июнь в Гейтс-Фоллз выдался на удивление жарким, термометр, висевший у лифта, однажды зафиксировал невероятную для здешних краев температуру — 94 градуса по Фаренгейту в три часа ночи. Одному Богу ведомо, какой ад подстерегает работягу, заступившего на смену с трех до одиннадцати.

Холл работал на неуклюжей и капризной трепальной машине, произведенной некоей уже не существующей фирмой в 1934 году в Кливленде. Он работал здесь с апреля, а это означало, что платили ему по минимуму, 1,78 доллара в час. Но Холл считал, что это вполне нормально. Ему хватало. Ни жены, ни постоянной девушк, ни алиментов. Он по натуре своей был кочевником и за

последние три года сменил немало мест и занятий — от Беркли (студент колледжа) до Лейк-Тахо (кондуктор автобуса); от Гэлвстона (портовый грузчик) до Майами (повар в закусочной); от Уилинга (водитель такси и мойщик посуды) до Гейтс-Фоллз в штате Мэн, где теперь работал трепальщиком и вовсе не собирался расставаться с этим последним местом. По крайней мере до тех пор, пока не выпадет снег. Он был одинок, и ему особенно нравилась смена с одиннадцати до семи, когда напряжение в этой гигантской, непрерывно работающей мельнице спадало, не говоря уже о температуре воздуха.

Единственное, что здесь удручало, так это крысы.

Третий этаж являл собой довольно длинное и нустое помещение, освещенное гудящими флюоресцентными лампами. Здесь в отличие от остальных этажей фабрики было относительно тихо и нусто. Это если говорить о людях. Зато крысы так и кишили. Единственным механизмом на третьем этаже была его трепальная машина, вся остальная часть помещения использовалась под хранение девяностофунтовых мешков с волокном, которое машина Холла должна была сортировать своими длинными зубьями. Мешки, напоминавшие сосиски, были уложены длинными рядами; некоторые из них (особенно с лоскутьями мельтона* и какими-то совсем непонятными тряпицами, на которые не было спроса) валялись тут годами и стали серыми от нули и грязи. Самое подходящее место для гнезд, где селились крысы — огромные нузатые создания со злобными глазками и серыми шкурками, в которых так и кишили вши, блохи и прочие паразиты.

Холл взял в привычку собирать целый арсенал нустых жестянок из-под безалкогольных напитков — он выуживал их из мусорного бака во время обеденного перерыва. И швырял баиками в крыс, когда работы было немного, а потом собирал их по всему помещению, к полному своему удовольствию. И вот за этим занятнем его застал мистер

---

* Мельтон — вид сукна.

Прораб. Поднялся по лестнице вместо лифта, сукин он сын. Даром что все называли его шпиком.

— Чем это ты занят, а, Холл?

— Крысами, — ответил Холл, сознавая, что объяснение звучит абсурдио, поскольку крысы тут же попрятались в свои норки. — Швыряю в них банками, когда высовываются.

Уорвик нехотя кивнул в знак приветствия. Крупный мясистый мужчина с короткой стрижкой. Рукава рубашки закатаны, узел галстука приспущен. Затем он сощурил глаза и взглянул на Холла уже попристальней.

— Мы платим тебе не за то, чтоб ты швырялся баиками в крыс, мистер. Даже если потом будешь их подбирать.

— Но Гарри не присыпает заказ вот уже минут двадцать, — начал оправдываться Холл, а про себя подумал: *Ну чего ты приперся сюда, вместо того чтоб спокойно сидеть и пить кофе?* — А что прикажете прогонять через эту машину, если заказа нет?

Уорвик кивнул — с таким видом, словно эта тема больше его не интересовала.

— Поднимусь-ка я, пожалуй, и погляжу, чем там занят Висконский, — сказал он. — Ставлю нять против одиго, что читает журнальчик, пока сырье накапливается в барабанах.

Холл промолчал.

Тут вдруг Уорвик указал пальцем:

— Вот она, смотри-ка! А ну задай этой твари перцу!

Холл занустил в крысу жестяникой из-под «Нихай»*, которую держал наготове. Бросок был молниеносным и точным. Крыса, сидевшая на одном из мешков и не снускавшая с них злобного взгляда темных глазок, слетела вниз, издав жалобный писк. Уорвик расхохотался, закинув голову. А Холл пошел подбирать банку.

— Вообще-то я к тебе не за этим приходил, — сказал Уорвик.

---

* «Нихай» — прохладительный напиток.

— За чем же?

— На следующей неделе праздник, Четвертое июля. — Холл кивнул. — Фабрика будет закрыта с понедельника по субботу. Каникулы для рабочих со стажем не меньше года, отпуск за свой счет для работяг со стажем меньше года. Подработать не желаешь?

Холл пожал плечами:

— А чего делать-то?

— Мы хотим очистить полуподвальный этаж. Вот уж лет двенадцать, как там никто не наводил порядка. Да там сам черт ногу сломит. Надо бы поработать шлаигом.

— Кто-то из городского комитета желает войти в совет директоров?

Уорвик злобно сощурился:

— Так хочешь или нет? Два бакса в час, четвертого — двойная плата. Потом переведем туда ночную смену, там прохладнее.

Холл быстро подсчитал в уме. Возможно, ему удастся сколотить семьдесят пять баксов за вычетом налогов. Такие деньги на дороге не валяются. К тому же отпуск у него за свой счет.

— Ладно.

— Тогда зайдешь в понедельник в красильный цех и запишешься, о'кей?

Холл смотрел ему вслед. Не дойдя до лестницы, Уорвик вдруг обернулся и взглянул на него:

— Ты вроде бы в колледже учился, верно?

Холл кивнул.

— О'кей, мальчик из колледжа, буду иметь тебя в виду.

И он ушел. Холл сел и закурил следующую сигарету, держа в другой руке банку от содовой и зорко озираясь по сторонам. Можно представить, что творится в этом полуподвале, точнее, подвале, потому как он располагался одним уровнем ниже красильной. Сырость, темнотища, полно пауков, гниющих тряпок, вонь от реки и... крысы.

А может, даже и летучие мыши, авиаторы семейства грызунов. Гадость!..

Холл с силой занустил банкой в мешок, затем улыбнулся краешками губ, заслышив доносившийся сверху голос Уорвнка, тот отчнывал Гарри Висконского.

О'кей, мальчик из колледжа, буду иметь тебя в виду.

Но улыбка тут же слетела с губ, и он затушил окурок. Через несколько минут Висконский начнет подавать через воздуходувку нейлоновое сырье, так что пора приниматься за работу. Спустя некоторое время крысы вылезли из своих убежищ и расселились на мешках, заполнивших длинный цех. И принялсь наблюдать за его действиями немигающими черными глазками. Словно суд присяжных...

Однинадцать вечера. Понедельник.

В помещениии собралось человек тридцать шесть, когда наконец вошел Уорвик в старых потрепанных джинсах, заправленных в высокие резиновые сапоги. Холл слушал Гарри Висконского — невероятно толстого, невероятно ленивого и невероятно мрачного парня.

— Да там черт знает что творится, — говорил Висконский, когда вошел прораб. — Погоди, сам увидишь. Уйдем домой черные, словно ночь в Персии, даже еще черней.

— О'кей, ребята! — сказал Уорвнк. — Мы повесили там шестьдесят лампочек, чтоб было светло и видно, чего вы делаете. Ты, ты и ты, — обратился он к группе мужчин, привалившихся спинами к сушилкам, — пойдете и подключите шланги к главному водозаборнику, что у лестничной клетки. Затем развернете шланги и протянете впиз. На каждого придется ярдов по восемьдесят, так что работы всем хватит. И не вздумайте валять дурака и поливать друг дружку водой, иначе ваш приятель имеет шанс отправиться в госпиталь. Струя жутко сильная, прямо с ног валит.

— Кто-нибудь обязательно пострадает, — выдал мрачный прогноз Висконский. — Погодите, сами увидите.

— Теперь вы, ребята. — Уорвик указал на группу, в которой находились Холл и Висконский. — Сегодня вы у нас работаете мусорщиками. Разобьетесь на пары. На каждую пару — по одному электрокару. Там полно разного хлама, старой мебели, мешков с тряньем, сломанных станков, чего только нет... Будете свозить все это и складывать у вентиляционной шахты, что на западном конце. Есть кто-нибудь, кто не умеет управлять электрокаром?

Руки никто не поднял. Электрокар представлял собой маленькую вагонетку на батарейках, напоминавшую мусоровоз в миниатюре. От них после долгого использования начинало тошиотворно воять, и вонь эта напоминала Холлу запах сгоревшей электропроводки.

— О'кей, — сказал Уорвик. — Мы поделили подвал на сектора. К четвергу надо бы унравиться. В пятницу будем вывозить мусор. Вопросы есть?

Вопросов не было. Холл взглядался в лицо прораба, и у него вдруг возникло предчувствие, что с этим человеком непременно должно случиться что-то ужасное. Мысль доставляла удовольствие. Ему никогда не нравился Уорвик.

— Ну и прекрасно! — сказал Уорвик. — Тогда за дело.

Два часа ночи. Вторник.

Холл устал, и ему до смерти надоело слушать непрестанное нытье и жалобы Висконского. Он уже подумывал: а не врезать ли ему как следует? Но потом отверг эту мысль. Нет, не пойдет. Это только даст Висконскому лишний повод для нытья.

Холл знал, что работа предстоит не сахар, но такого ада не ожидал. Больше всего доставала вонища. Запах гнилых рек смешивался с вонью разлагающихся тряпок, отсыревшей кирпичной кладки и гниющих останков

какой-то растительности. В дальнем углу, с которого опи начали, Холл обнаружил целую колонию гигантских белых мухоморов, проросших через растрескавшийся бетонный пол. Он случайно дотронулся до одного рукой, вытаскивая из груды мусора проржавевшее колесо от трепальной машины. Гриб показался странно теплым и разбухшим на ощупь, словно кожа человека, страдающего водянкой.

Даже шестьдесят лампочек не смогли до конца разогнать сгустившуюся здесь тьму; их свет лишь разбавил ее немного, заставил отступить и забиться в углы и отбрасывал желтоватое мерцание на весь этот кошмар. Вообще-то помещение больше всего походило на неф давным-давно заброшенной церкви: высокий сводчатый потолок; обломки каких-то машин, напоминающие останки мамонта; сырье стены, покрытые и пятнами желтой плесени. А из шлангов били струи воды, создавая мрачный музыкальный фон всей этой картине; далее вода с журчанием сбегала в полу забытые канализационные трубы и уже оттуда попадала в реку.

И крысы, целые полчища крыс! Они были похожи на гномов. Бог их знает, чем они тут питались. Переворачивая бесчинственные доски и мешки, люди обнаруживали под ними огромные гнезда, сделанные из обрывков газет, с отвращением наблюдали, как крысята разбегались по щелкам и норкам, а глаза у этих существ были огромны и слепы от постоянно царившей здесь тьмы.

— Ладно, перекур, — сказал Висконский. Он почему-то задыхался, и Холл никак не мог понять, чем это вызвано — ведь парень практически просачковал всю ночь. Однако перекурить было действительно пора, к тому же опи находились в углу, где их никто не видел.

— Давай. — Он привалился спиной к электрокару и закурил.

— Не стоило позволять Уорвику вовлекать нас во все это дермо... — жалобно протянул Висконский. — Эта

работа не для белого человека. Правда, тут на днях он застукал меня на мусорке. А я как раз присел по большому. Ну и взбелепился же он, чуть не убил, ей-богу!

Холл не ответил. Он размышлял об Уорвнке и крысах. Странно, но ему казалось, что между ними существует некая непонятная связь. Крысы, так долго жившие в этом подвале, похоже, напрочь забыли о существовании человека — слишком уж нагло себя вели и совсем ничего не боялись. Одна из них присела на задние лапы и торчала столбиком — ну точь-в-точь белка. А когда Холл занес ногу, чтобы дать ей пинка, прыгнула и вцепилась зубами в кожаный ботинок. Их были сотни, возможно, тысячн... Интересно, сколько же разных страшных болезней опи переносят через сточные воды, подумал он. И этот Уорвнк. Было в нем что-то такое...

— Мне просто бабки нужны, — продолжал тем временем Висконский. — Но ей-богу, приятель, эта работенка *не для белого человека!* А уж крысы... — Он опасливо огляделся по сторонам. — У них такие морды, прямо кажется, чего-то соображают. А ты никогда не задумывался над тем, что было бы, если бы мы вдруг стали маленькими, а опи превратились в больших, здоровейных таких...

— Да заткнись ты! — огрызнулся Холл.

Висконский вздрогнул и обиженно уставился на него.

— Я... это... ну извини, приятель. Просто я подумал... — Он умолк, а затем после паузы заметил: — Господи, ну и вонища же тут! Нет, *такая работа не для белого человека!* — В эту секунду на край вагонетки вскарабкался паук и пополз у него по руке. Висконский, брезгливо ойкнув, стряхнул его на пол.

— Ладно, идем, — сказал Холл и затушил сигарету. — Чем раньше начнем, тем быстрее закончим.

— Как же, как же, дожидайся!.. — с самым несчастным видом пробормотал Висконский.

* * *

Четыре часа утра. Вторник.

Время леича.

Холл и Висконский присоединились к группе из трех-четырех работяг и ели сандвичи, держа их грязными руками — такими грязными, что их, казалось, нельзя было отмыть и специальным промышленным детергентом. Холл жевал и косился в угол, где за стеклянной перегородкой сидел в своей кабинке прораб. Уорвик пил кофе и с жадностью пожирал холодные гамбургеры.

— А Рей Апсон домой пошел, — заметил Чарли Броуч.

— С какой такой радости? Сблеванул, что ли? — спросил кто-то из работяг. — Я тут и сам едва не блеванул.

— Нет. Да Рей коровью лепешку сожрет, глазом не моргнув. Нет. Его крыса цапнула.

— Что, правда, что ли?

— Ага. — Броуч сокрушиенно покачал головой. — Я с ним в паре работал. И такой твари сроду не видывал! Как выскочит вдруг из дырки в старом мешке! Здоровенная, ну что твоя кошка! Цап его за руку и ну жевать!..

— Гос-с-поди... — пробормотал один из рабочих и позеленел.

— Ага, — кивнул Броуч. — И тут Рей как заорет, ну точно баба какая. Но я его не осуждаю, нет. Столько кровища человек потерял, ну что твоя свинья. И что ты думаешь, эта тварь его отпустила? Ничего подобного, сэр! Мне пришлось раза три-четыре врезать ей доской, прежде чем она отвалилась. А Рей, так он чуть не рехнулся. И давай ее топтать! И топтал, и топтал, пока не осталась одна шкурка. Гаже этого в хиззи своей ничего не видывал! Ну, потом Уорвик перевязал ему руку и отиравил домой. Сказал, чтоб завтра обязательно сходил к врачу.

— Здоровая, видно, была тварь... — заметил кто-то.

Словно услышав эти последние слова, Уорвик встал из-за стола, потянулся и, подойдя к двери клетушки, крикнул:

— Пора за дело, ребятишки!

Рабочие неспешно поднимались на ноги, жуя на ходу, стряхивая крошки с одежды, допивая из банок, похрустывая конфетами. Затем стали спускаться по лестнице, громко стучая каблуками по железным ступеням.

Проходя мимо Холла, Уорвик хлопнул его по плечу:

— Как дела, мальчик из колледжа? — И прошел мимо, не дожидаясь ответа.

— Ладно, идем, — сказал Холл Висконскому, который завязывал шнурки на ботинке. И они снустились впиз.

Семь утра. Вторник.

Холл и Висконский выходили вместе; такое впечатление, подумал Холл, что этот псих теперь от меня никогда не отвяжется. Висконский так перепачкался, что выглядел почти комично — широкая лунообразная физиономия измазана, словно у мальчишки, которого только что отметелила городская шпана.

В толпе рабочих, выходивших из дверей, не было слышно обычных грубоватых шуток. Никто не выдергивал у напарника рубашку из-за пояса, никто не подшучивал по поводу того, что постельку жены Тони наверияка согревал в его отсутствие кто-то другой. Полная тишина, перебиваемая лишь смачным харканьем и звуками илевков на грязный пол.

— Хочешь подвезу? — нерешительно предложил Висконский.

— Спасибо.

Проезжая по Милл-стрит, а затем по мосту, опи молчали. Обменялись лишь парой слов, когда Висконский высадил его у дома.

Холл прямиком направился в душ, по-прежнему размышляя об Уорвике. Он пытался понять, что же такое было в этом мистере Прорабе, странно притягивающее его, заставлявшее думать, что между ними существует какая-то связь.

Не успев коснуться щекой подушки, он тут же уснул. Но спал беспокойно и плохо, и ему спилились крысы.

Час ночи. Среда.

Да за лошадьми ухаживать и то проще.

Они не могли войти в помещение до тех пор, пока мусорщики не закончат вывоз разного хлама из одной из секций. Да и после приходилось часто останавливаться и ждать, пока не очистят от мусора новый участок, что давало время для перекура. Холл поливал из шланга, Висконский был занят тем, что носился взад-вперед, разматывая все новые витки резиновой змеи. Включал и выключал воду, убирал преиятствия на ее пути.

Уорвик просто выходил из себя — работа шла слишком медленно. Если и дальше так пойдет, до четверга им придется что не уравниться.

Теперь они трудились над разборкой целой горы хлама, по большей части состоявшей из офисной мебели образца девяностого века, беспорядочно сваленной в одном углу, — разбитые столы и секретеры, заплесневевшие гроссбухи, горы бумаг, стулья со сломанными спинками — настоящий рай для крыс. Целыми десятками с писком разбегались эти твари и прятались по углам и норам, пронизывающим груды хлама; и после того как двоих ребят укусили, остальные отказались работать до тех пор, пока Уорвик не послал кого-то наверх принести тяжелые прорезиненные перчатки тина тех, что используют в красильной при работе с кислотой.

Холл с Висконским ждали, держа наготове шланги, когда белобрысый парень с толстой шеей по имени Кармишель вдруг стал изрыгать проклятия и ияться назад, хлопая себя по груди руками в перчатках.

Огромная крыса с серой шерстью и жуткими сверкающими глазами впилась ему в рубашку и повисла на ней, повизгивая и лягая Кармишеля в живот задними лапами. В конце концов Кармишель удалось прикончить

ее ударом кулака, но в рубашке осталась большая дыра, и над одним из сосков виднелась тонкая полоска крови. Перекошенное гневом лицо парня побледнело. Он отвернулся, и его вырвало.

Холл направил струю из шланга на крысу. Сразу было видно, что она старая, потому как двигалась медленно, а из пасти до сих пор торчал клок ткани, вырванный из рубашки Кармишеля. Ревущая струя отбросила ее к стенке, где она безжизненно распласталась на полу.

Подошел Уорвик, на губах его играла странная напряженная улыбка. Похлопал Холла по плечу:

— Куда как забавнее, чем швырять банками в этих маленьких сволочей, верно, мальчик из колледжа?

— Ничего себе маленьких, — проворчал Висконский. — Да в ней добрый фут, никак не меньше!

— Лейте туда, — сказал Уорвик и указал на груду хлама. — А вы, ребята, отойдите в сторонку.

— С удовольствием, — буркнул один из работяг.

Кармишель подскочил к Уорвику, бледное его лицо искасала злобная гримаса.

— Я требую компенсации! Я собираюсь по...

— Ладно, ладно, само собой, — с улыбкой сказал Уорвик. — Не кипятись, приятель. Остынь маленько и отойди, иначе тебя сбьют струей.

Холл нацелился и направил струю из шланга на кучу. Струя была настолько мощной, что перевернула старый письменный стол, а два стула разлетелись в щепки. Крысы были повсюду, разбегались в разные стороны. Таких здоровенных тварей Холл еще не видел. Он слышал, как люди вскрикивают от отвращения и ужаса при виде того, как удирают эти создания с огромными глазами и гладкими лоснящимися телами. Он заметил одну — она была размером со здорового шестинедельного щенка. И продолжал поливать до тех пор, пока в поле зрения не осталось ни одной крысы. Затем выключил воду.

— О'кей! — крикнул Уорвик. — Теперь давайте разгребать.

— Я сюда в крысоловы не нанимался! — возмущено воскликнул Кай Ипиестон.

На прошлой неделе Холл перемолвился с пим парой слов. Это был молоденький парнишка в испачканной сажей бейсбольной кенке и грязной футболке.

— Ты, что ли, Иппестон? — вкрадчиво и почти ласково осведомился Уорвик.

Ипиестон немного растерялся, однако все же шагнул вперед.

— Да, я. Хватит с меня этих крыс. Я нанялся убирать помещение, а не подцепить тут какую-нибудь холеру, бешенство или другую заразу. Так что, может, лучше вы меня вычеркините.

В группе остальных рабочих послышался одобрительный ропот. Висконский покосился на Холла, но тот преувеличенно внимательно разглядывал наконечник шланга. Отверстие прямо как у револьвера 45-го калибра, запросто может отбросить человека футов на двадцать, если не больше.

— Так ты что, хочешь сказать, что выходишь из игры, я правильно поилял, Кай?

— Подумываю об этом, — ответил Ипиестон.

Уорвик кивнул:

— О'кей. Я насильно никого не держу. Можешь проваливать и ты, и остальные, кто хочет. Но здесь вам не профсоюзная забегаловка, никогда не была! Хочешь уйти — проваливай, но обратно тебе путь заказан. Я об этом самолично позабочусь, уж будь уверен.

— Не слишком ли круто, а, Уорвик?.. — пробормотал Холл.

Уорвик резко развернулся к нему:

— Ты что-то сказал, мальчик из колледжа?

— Да нет, это я так. — Холл взирал на него с почтением. — Просто откашлялся, мистер Уорвик.

Уорвик ухмыльнулся:

— Может, тебе тоже что-то не нравится?

Холл промолчал.

— Ладно, ребяташки, тогда за дело! — рявкнул Уорвик.
И опи снова принялсь за работу.

Два часа ночи. Четверг.

Холл и Висконский были заняты вывозом мусора. Гора его у западной вентиляционной шахты достигла гигантских размеров и, несмотря на все их усилия, казалось, никак не уменьшалась.

— С днем Четвертого июля! — сказал Висконский, когда опи прервались на перекур. Они работали у северной стены — самой дальней от лестницы. Свет почти не проникал сюда, а из-за странностей акустики голоса других рабочих звучали еле слышно, словно они находились в нескольких милях от них.

— Благодарствуйте, — кивнул Холл и затянулся сигаретой. — Что-то сегодня и крыс почти не видать.

— Да. Остальные то же самое говорят, — сказал Висконский.

— Может, поумнели твари, вот и попрятались.

Они стояли в самом дальнем конце извилистого, зигзагообразного прохода, образовавшегося между нагромождениями древних гроссбухов, каких-то счетов, заплесневелых мешков с тряпками и двумя громадными ткацкими станками старого образца.

— Тьфу!.. — фыркнул Висконский и сплюнул на пол. — Этот Уорвик...

— А как ты думаешь, куда попрятались все крысы? — спросил Холл таким тоном, словно разговаривал сам с собой. — Не в стены же... — Он взглянул на отсыревшую и осыпавшуюся кирпичную кладку.

— Да опи б потонул все до единой. Тут от реки такая сырость, просто жуть!

Внезапно сверху на них спикировало что-то черное, трепещущее. Висконский, взвизгнув, пригнулся и закрыл голову руками.

— Летучая мышь, — заметил Холл, провожая тварь глазами. Висконский выпрямился.

— Мышь! Летучая мышь! — взвыл он. — С чего это вдруг летучей мыши оказаться в подвале? Они живут на деревьях, под крышами, в...

— Ну и здорова, — одобрительно заметил Холл. — А может, это никакая не летучая мышь, а просто крыса с крыльшками, а?

— Господи! — простонал Висконский. — Но как она...

— Сюда попала, да? Может, тем самым путем, каким крысы выбрались отсюда.

— Эй, что там у вас? — донесся откуда-то из глубины помещения голос Уорвнка. — Вы где, ребята?

— Ишь распиховался, — тихо заметил Холл, и глаза его страинко блеснули в темноте.

— Ты, что ли, мальчик из колледжа? — крикнул Уорвнк, подходя поближе.

— Все о'кей! — крикнул в ответ Холл. — Просто подбородок ободрал.

Висконский взглянул на Холла:

— Ты зачем это сказал?

— Вот, глянь-ка. — Холл онустился на колени и чиркиул спичкой. Посреди сырого растрескавшегося бетонного пола был виден квадрат. — А ну постучи.

Висконский постучал.

— Дерево...

Холл кивнул.

— Это крышка люка. Я тут поблизости еще несколько таких видел. Сдается мне, под нами есть еще этаж...

— О Господи! — с омерзением и тоской пробормотал Висконский.

* * *

Три тридцать утра. Четверг.

Они находились в северо-восточном углу помещения. По иятам за ними шли Ипиестон и Броуч со шлаигом, из которого под большим напором била вода. Внезапно Холл остановился и ткнул пальцем в пол.

— Ну вот, так и знал, что мы на нее наткнемся.

В пол была вделана квадратная деревянная дверца люка с ржавой ручкой-кольцом в центре.

Холл подошел к Ипиестону и сказал:

— Давай выруби-ка на минутку! — Когда мощный поток превратился в тоненькую струйку, Холл поднял голову и заорал что было сил: — Эй! Эй, Уорвик! А ну подн-ка сюда!

Расплескивая сапогами воду, подошел Уорвик. На-смешливо и жестко взглянул на Холла:

— Что, шиурок развязался, мальчик из колледжа?

— Поглядите, — сказал Холл. И пнул дверцу люка ногой. — Тут, внизу, еще один подвал.

— Ну и что с того? — сказал Уорвик. — Подумаешь, великое дело. И потом, сейчас не перерыв, маль...

— Вот там и живут твои крысы, — перебил его Холл. — Там и размножаются. А чуть раньше мы с Висконским видели летучую мышь.

Подошли еще несколько рабочих, уставились на дверцу в полу.

— Лично мне плевать, — огрызнулся Уорвик. — Наша задача — очистить подвал, а не...

— Тут нужны специалисты, настоящие экстермина-торы. Человек двадцать, не меньше, — заметил Холл. — Я понимаю, начальству это влетит в копеечку. Плохи наши дела.

Кто-то из рабочих засмеялся:

— Как же, дожидайся, раскошелятся опи!

Уорвик взглянул на Холла с таким видом, точно то была букашка под микроскопом.

— А ты, я смотрю, штучка... — пробурчал он. — Ты чего, всерьез считаешь, меня должно волновать, сколько там под нами крыс, а?

— Вчера и сегодня днем я ходил в библиотеку, — сказал Холл. — Кстати, премного благодарен за то, что вы напомнили, что я учился в колледже. И прочитал там отчеты городской топографической службы, Уорвик. Оказывается, такая служба была основана еще в 1911 году. Задолго до того, как эта паршивая фабричонка разрослась настолько, что заехала в запретную зону. И знаете, что я выяснил?

Глаза Уорвика стали ледяными.

— Вали отсюда, мальчик из колледжа. Ты уволен.

— Я выяснил, — продолжал Холл как пиши в чем не бывало, словно не слышал этих его слов, — что в Гейтс-Фоллз до сих пор действует закон о санитарных нормах и паразитах. Могу повторить по буквам: «п-а-р-а-з-и-т-а-х», на тот случай, если кто не расслышал или же не появлялся. И под этими самыми паразитами подразумеваются разные животные, переносчики заразных заболеваний. Летучие мыши, скунсы, бродячие собаки и... крысы. Особенно крысы! В каких-то двух параграфах крысы упоминаются четырнадцать раз, мистер Прораб. И вы должны иметь в виду, что как только вышибете меня отсюда, я первым делом отправлюсь к городскому уполномоченному и постараюсь как можно толковее изложить ему ситуацию, которая тут у нас наблюдается.

Он сделал паузу, вглядываясь в перекошенное гневом лицо Уорвика.

— И у меня есть все основания полагать, между нами, конечно, что этот самый уполномоченный тут же пришлет комиссию и эту вашу лавочку закроют. И не до субботы, как вы полагали, мистер Прораб, а раз и навсегда. И еще мне кажется, я очень хорошо представляю, что скажет ваш начальник, узнав обо всем этом. Надеюсь, у

vas имеется страховка на случай безработицы, а, мистер Уорвик?

Уорвик сжал руки в кулаки.

— Ах ты, сопляк паршивый! Да я тебя... — Тут он глянул впиз, на дверцу, и на лице его неожиданно возникла улыбка. — Можешь считать, что ты уволен, мальчик из колледжа.

— Я надеялся, вы меня правильно поймете.

Уорвик кивнул. На лице его сохранялась все та же странная усмешка.

— Уж больно ты умен, как я погляжу, Холл... А что, если тебе снестись туда и посмотреть самому? А потом, как человек образованный, проинформируешь нас, выскажешь свое ученое мнение. Ты и Висконский.

— Нет! — взвизгнул Висконский. — Только не я... Я...

Уорвик поднял на него глаза:

— Ты что?

Висконский тут же заткнулся.

— Что ж, прекрасно! — весело сказал Холл. — Нам понадобятся три фонаря. Вроде бы видел в канторе целую кучу таких штуковин, по шесть батареек в каждой. Или я ошибаюсь?

— Хочешь пригласить кого-то еще? — вкрадчиво спросил Уорвик. — Почему нет, конечно! Набирай команду.

— Вас, — коротко и тихо сказал Холл. И на лице его возникло какое-то странное выражение. — В конце концов, должен там быть хотя бы один представитель от администрации или нет? А то, не дай Бог, мы с Висконским чего-нибудь не углядим...

Кто-то из рабочих — кажется, то был Ипиестон — громко расхохотался.

Уорвик покосился на рабочих. Большинство из них смотрели в пол. Затем ткнул пальцем в Броуча.

— Ты, Броуч. Ступай в кантору и притащи три фонарника. Скажешь сторожу, это я велел.

— Но меня-то зачем впутывать во все это дело? — взмолился Висконский, обращаясь к Холлу. — Ты же знаешь, как я ненавижу этих тварей и...

— Я здесь пи при чем, — ответил Холл и взглянул на Уорвика.

Уорвик ответил ему пристальным взглядом. Двое мужчин стояли молча, и пи один из них не онускал глаз.

Четыре часа утра. Четверг.

Вернулся Броуч с фонарниками. Протянул один Холлу, другой — Висконскому и третий — Уорвику.

— Ипиестон! Дай Висконскому шланг!

Иппестон повиновался. Наконечник брезентового шланга еле заметно дрожал в руках поляка.

— Так и быть, — сказал Висконскому Уорвик. — Пойдешь в середине. Если будут крысы, задашь им перцу!

Как же, как же, подумал Холл. Даже если там и будут крысы, Уорвик их просто не заметит. И Висконский тоже не заметит, после того как обнаружит в своем конверте с зарплатой лишнюю десятку.

Уорвик кивнул двум рабочим:

— Давайте поднимайтесь!

Один из парней наклонился и дернул за кольцо. Секунду-другую Холлу казалось, что крышка пи за что не поддается, но она вдруг принодиялась со странным скрипучим звуком. Второй рабочий сунул под нее руку, чтоб помочь напарнику, и тут же с криком отдернул ее. По руке ползли громадные сленые жуки.

Первый рабочий поднатужился и, крякнув, откинул крышку люка. Внутри было черно — от какой-то необычной илесени или грибка, которого Холлу никогда не доводилось видеть прежде. Из темноты выползали жуки и разбегались по полу. Рабочие с хрустом давили их.

— Эй, поглядните-ка, — пробормотал Холл.

Изнутри к крышке крепился ржавый замок. Теперь он был сломан.

— С чего это он там оказался? — буркнул Уорвик. — Замку полагается быть сверху. Кому и зачем это...

— О, на то может быть масса причин, — заметил Холл. — Возможно, чтобы с наружной стороны его никто не мог открыть, по крайней мере тогда, когда замок был новым... А может, чтоб снизу никто не мог пробраться сюда...

— Да, но кто его запер? — спросил Висконский.

— Вот имеино — кто! — Холл насмешливо взглянул на Уорвика. — Загадка...

— Слушайте... — прошептал Броуч.

— О Господи! — взвыл Висконский. — Я туда не пойду, ни за что не пойду!

Снизу доносились тихие, но вполне различимые звуки — шорох и топот тысячи лапок, а также крысиное попискивание.

— Может, лягушки... — сказал Уорвик.

Холл громко расхохотался.

Уорвик посветил впиз фонарником. Луч света выхватил из тьмы прогнившие деревянные ступеньки, спускающиеся к каменистому полу. Крыс видно не было.

— Эта лестница нас не выдержит, — решительно заявил Уорвик.

Броуч шагнул к люку и без долгих слов встал на первую ступеньку. Она скрипнула, но устояла.

— Я что, просил тебя? — рявкиул Уорвик.

— Тебя здесь не было, когда крыса укусила Рея, — тихо ответил Броуч.

— Ладно, пошли, — сказал Холл.

Уорвик бросил последний насмешливый взгляд на столпившихся у люка мужчин, затем подошел к краю вместе с Холлом. Висконский нехотя присоединился к ним и встал в середине. Снускались опи по одному. Сначала Холл, затем Висконский, и замыкал шествие Уорвик. Свет от фонариков танцевал по неровному, в кривых впадинах и горбах, полу. Шлаиг тащился по ступенькам за Висконским, напоминая вялую неуклюжую змею.

Добравшись до дна, Уорвик посветил фонарником по сторонам. Луч осветил несколько полусгнивших ящиков, какие-то бочки. Просочившаяся из реки вода собралась в грязные лужи и доходила до щнколоток.

Опи медленно двинулись в сторону от лестницы, то и дело оскальзываясь в жндкой грязи. Внезапно Холл остановился и осветил фонарником огромный деревянный ящик с буквами.

— «Элиас Варни, — прочитал он. — 1841»... Разве фабрнка тогда уже была?

— Нет, — ответил Уорвик. — Ее построил только в 1897-м. А зачем тебе?

Холл не ответил. Они снова двинулись вперед. Похоже, этот второй подвал оказался куда больше, чем можно было предположить. Вонь усилилась — запах гниения, сырости, разложения... И единственным звуком было еле слышное журчание воды.

— А это еще что такое? — спросил Холл, направив луч света на бетонный выступ длиной фута в два, под острым углом перегородивший дорогу. За ним плотно сгустилась тьма, и еще Холлу показалось, что оттуда доносится еле слышний вкрадчивый шорох.

Уорвик уставился на выступ.

— Это... Да нет, просто быть не может...

— Внешняя стена фабрики, верно? А там, за ней...

— Лицо я топаю обратно, — сказал Уорвик и резко развернулся.

Холл грубо ухватил его за воротник:

— Никуда вы не пойдете, мистер Прораб.

Уорвик взглянул на него, в темноте хищно блеснули зубы.

— Да ты совсем рехнулся, мальчик из колледжа! Вы только послушайте его! Окончательно крыша поехала.

— Нечего морочить людям голову, приятель. Давай двигай вперед!

— Холл... — жалобно простонал Висконский.

— А ну, дай сюда! — Холл выхватил у него шлаиг. Отнестил воротник Уорвнка и ткиул наконечником шланга ему в висок. Висконский, шустро развернувшись, рванул к выходу. Холл не обратил на это внимания. — После вас, мистер Прораб, после вас...

Уорвнк нехотя шагнул вперед и дошел до того места, где начиналась внешняя стена фабрики. Холл посветил за угол, и его охватило сладострастное чувство восторга, смешанного с омерзением. Его опасения оправдались. Там было полно крыс, насторожеинко притихших тварей. Опи столпились, сгрудились там. Опи налезали друг на друга — целые полчища. Тысячи глаз кровожадно взирали на них. У стен их было особенно много — высота этого живого клубка доходила человеку до подбородка.

Секунду спустя Уорвнк тоже увидел их и сразу же остановился.

— Да их и правда тут полно, мальчик из колледжа... — Голос звучал спокойно, но он явно изо всех сил сдерживался, стараясь не дать страху прорваться наружу.

— Да, — сказал Холл. — Идем дальше.

Опи двинулись дальше, шлаиг волочился следом. Холл обернулся всего лишь раз и успел заметить, что крысы уже перекрыли образовавшийся за пими проход и внились зубами в толстую брезентовую ткань шлаига. Одна подиляла голову, и Холлу показалось, что тварь ухмыляется. Только теперь он заметил, что тут обитают и летучие мыши. Опи гнездились где-то наверху, под застrehами, — огромные, размером с грача или ворону.

— Смотри! — сказал Уорвнк и посветил фонарником футов на шесть перед собой.

Там лежал скелет, позеленевший от плесени, и скалил зубы, словно насмехаясь над ними. Холл различил также локтевую кость, одну тазобедренную кость, несколько ребер.

— Пошли, — пробормотал Холл и вдруг почувствовал, как в груди у него нарастает некое темное и безумное чув-

тво, готовое вырваться наружу, затопить разум, лишить подвижности... *Пет, нельзя! Ты должен сломаться раньше, мистер Прораб! Господи, помоги же мне!*

Опи молча прошли мимо костей. Крысы их не трогали, держались на почтительном расстоянии. Правда, впереди Холл все же различил одну, тварь перебежала им дорогу. Тело ее было скрыто в тени, но он успел заметить голый розовый хвост толщиной с телефонный кабель.

Впереди пол круто поднимался вверх, за ним чернела какая-то яма. Холл слышал доносившийся оттуда неумолчный шорох и возню. Странные звуки... Похоже, их производило существо, никогда прежде не виданное человеком. И вдруг Холлу показалось, что он наконец-то увидит то, что подсознательно искал все эти годы, проведенные в бесцельных метаниях по стране.

Все новые крысы появлялись в помещении, ползли на животах, напирали сзади, словно подстегивая их.

— Глянь-ка... — нарочито спокойным тоном произнес Уорвик.

Холл глянул. С крысами здесь явно что-то произошло. Некая жуткая мутация, после которой при дневном свете им было ни за что не выжить — сама природа воспротивилась бы этому. Но здесь, под землей, у природы было совсем другое, пугающее обличье.

Не крысы, а настоящие гиганты, некоторые достигали трех футов в длину. При этом задние лапы у них отсутствовали, и они были слепы, как кроты, как их крылатые собратья. Однако, несмотря на все это, они с холодящим душу упорством продолжали ползти по полу.

Уорвик обернулся и взглянул на Холла. Потом, собрав всю волю в кулак, выдавил улыбку:

— Пожалуй, нам не стоит идти дальше, Холл. Сам видишь, что тут творится...

— Мне кажется, тебе все же стоит разобраться с этими крысами, — сказал Холл.

Тут Уорвик утратил над собой контроль.

— Пожалуйста... — протянул он. — Пожалуйста, прошу тебя, не надо!

Холл улыбнулся:

— Нет, пошли.

Уорвик глянул через плечо.

— Опи жрут шланг. Так и вгрызаются в него. И если испортят, нам уже отсюда не выбраться.

— Знаю. И все равно — вперед!

— Да ты совсем снятил. — В эту секунду через сапог Уорвика переползла крыса, и он вскрикнул. Холл улыбнулся и взмахнул фонариком. Крысы обступили их со всех сторон, ближайшие находились в каком-то футе...

Уорвик зашагал дальше. Крысы отирали лапы.

Дойдя до возвышения, опи поднялись на него и глянули вниз. Уорвик — первым, и Холл увидел, что лицо у него побелело как полотно. По подбородку сбегала струйка слюны.

— О Боже... Господи Иисусе!..

И Уорвик развернулся, чтобы бежать.

Но тут Холл крутанул колесико крана, и из шланга под огромным напором ударила толстая струя воды. Прямо Уорвику в грудь. Она сбила его с ног, опрокинула, и он исчез. Из темноты, где плескалась вода, донесся протяжный крик. Затем топот лап.

— *Холл!* — Стоны, возня. А затем — жуткий пронзительный писк, заполнивший, казалось, все пространство вокруг.

— ХОЛЛ, РАДИ БОГА!..

Затем — треск чего-то влажного, рвущегося на части. Еще один вскрик, уже слабее. Какая-то возня, шорох. Потом Холл совершенно отчетливо различил хруст, который издают ломающиеся кости.

Безногая крыса, ведомая, очевидно, неким чудовищным локатором, набросилась на него, впилась зубами в ногу. Тело было дряблым и теплым. Почти автоматическим жестом Холл направил струю на нее, сшиб с ноги,

отбросил в сторону. Давление, под которым подавалась вода, заметно ослабело.

Холл приблизился к краю выступа и глянул вниз.

Тело гигантской крысы заполнило собой весь водосток, все зловоиное пространство. Сплошная нульсирующая серая масса, безглазая и абсолютно безногая. Вот в нее ударил луч света, и масса издала ужасающий вой, напоминавший мяуканье. Ага, их королева, подумал Холл. *Их magna mater**....Огромное чудовищное создание, которому нет названия, способное в один прекрасный день породить еще и крылатое потомство. Останки Уорвика выглядели в сравнении с ней просто карликовыми... Но может, то была лишь иллюзия. Шок... Еще бы, увидеть крысу величиной с доброго теленка...

— Прощай, Уорвик, — сказал Холл.

Крыса ревниво приникла к телу мистера Прораба, впилась клыками в яло матающуюся руку.

Холл развернулся и торопливо зашагал к лестнице, отпугивая крыс водой из шланга. Струя ее с каждой секундой становилась все слабей. Некоторым из тварей удавалось прорваться, и они, подпрыгивая, норовили вцепиться в ноги над ботинками. Одна, особенно проворная и злобная, впилась зубами ему в бедро и стала рвать толстую ткань вельветовых джинсов. Холл сжал ладонь в кулак и одним ударом отбросил ее в сторону.

Он прошел уже три четверти пути, как вдруг темноту заполнило хлопанье громадных крыльев. Поднял голову — и гигантская летучая тварь хлестиула его по лицу.

Летучие мыши-мутанты хвостов не потеряли. Один из них, уиругий и мощный, обвился вокруг шеи Холла и стал сжиматься все туже и туже, в то время как острые зубы выискивали мягкое и наиболее уязвимое местечко под горлом. Тварь хлопала своими мембренообразными крыльями, цеплялась за лохмотья, в которые превратилась рубашка Холла, не давала уйти...

---

* Великая мать (лат.).

Холл слепо приноднял в руке наконечник шланга и ударили по мягкому податливому телу. Бил и бил — до тех пор, пока оно не отвалилось и не захрустело под его ногами. Он кричал, но не слышал собственного голоса. А крысы потоком карабкались по его ногам.

Он бросился бежать, спотыкаясь и подывая, и нескольких удалось страхнуть. Другие уже впивались в живот и грудь. Одна из тварей, пробежав по плечу, суиула подвижный мокрый нос прямо в ушную раковину.

На вторую летучую мышь Холл налетел сам, с разбега. Секунду она, попискивая, неподвижно сидела у него на голове, затем вдруг вырвала клок кожи вместе с волосами.

Холл почувствовал, как все тело его становится неуклюжим и вялым. Уши закладывало от писка и воя крыс. Он попытался сделать еще один рывок, споткнулся о мохнатые тела, упал на колени. И вдруг захочотал — визгливо, громко, истерически.

Пять утра. Четверг.

— Надо бы все же снуститься и посмотреть, чего там у них, — робко и неуверено предложил Броуч.

— Только не я, — прошептал Висконский. — Не я...

— Ладио, ладно, не ты, толстонузый, — презрительно пробормотал Ипиестон.

— *Пошли, ребята*, — сказал Броген, подтаскивая еще один шланг. — Я, Ипиестон, Дэнджерфилд, Недо! А ты, Стивенсон, сбегай в контору и притащи еще фонарики.

Иппестон задумчиво всматривался в темноту колодца.

— Может, опи перекур там устроил, — сказал он. — Подумаешь, делов-то, несколько паршивых крыс...

Вернулся Стивенсон с фонариками; и через несколько минут опи начали снускаться.

НОЧНОЙ ПРИБОЙ

После того как парень умер и запах горелой плоти растаял в воздухе, все мы снова пошли на пляж. Кори тащил с собой радио — эдакую огромную, с чемодан, дуру на транзисторах, которая питалась от сорока батареек и имела встроенный магнитофон. Нельзя сказать, чтоб звук был очень чистым, но уж громким он точно был, это будьте уверены. Кори считался вполне обеспеченным парнем до того, как случилась эта история с Аб, но теперь такого рода вещи значения уже не имелн. Даже его здоровенная радиомагнитола превратилась в забавный, но ничего не стоящий хлам, не более того. Остались всего лишь две радиостанции, которые мы могли ловить. Одна, Дабл-ю-кей-ди-эм в Портсмуте, принадлежала какому-то неотесанному диджею из глубинки, свихнувшемуся на религиозной почве. Он ставил пластинку Перри Комо, затем читал молитву, потом рыдал, потом ставил другую запись, Джоини Рея, читал один из псалмов (подыгвая, словно Джеймс Дин* в фильме «К востоку от рая»), затем принимался орать или рыдать. Короче говоря, сплошные сопли. Как-то раз он вдруг надтреснутым глуховатым голосом запел «Вяжите снопы», отчего Нидлз и я буквально впали в истерику.

Night Surf. ©1998. Н. Рейн. Неревод с английского.

*Дин, Джеймс (1931—1955) — американский актер, выступал также в театре и на ТВ.

Радиоволна в Массачусетсе — куда как лучше, но ловить ее можно было только по ночам. Владела ею шайка каких-то ребятишек. Думаю, они захватили оборудование Дабл-ю-а-кей-оу или Дабл-ю-ви-зет — после того как все сбежали или умерли. Они транслировали только сумасшедшие позывные типа «Вдохи», или «Кант», или «ВАБ», словом, всякую муть. Нет, не подумайте, это было действительно смешно — просто со смеху можно было лопнуть. Вот эту самую радиостанцию мы и слушали, возвращаясь на пляж. Мы с Сюзи держались за руки; Келли и Джоан зашли дальше, а Нидлз, так тот вообще пребывал в полной эйфории. Кори то и дело блевал, прижимая к животу свое радио. «Стоуиз»* пели «Энджи».

— Ты меня любишь? — спросила Сюзи. — Это все, что я хочу знать. Любишь или нет? — Сюзи все время надо было в чем-то уверять. А я был у нее кем-то вроде плюшевого медвежонка.

— Нет, — ответил я. Она была склонна к полноте и, если б прожила долго, чего ей, думаю, не светило, превратилась бы в жирную матрону с дряблой обвисшей плотью. К тому же ее совершиенно развезло.

— Падаль ты, вот кто, — сказала она и поднесла руку к лицу. Примерно с полчаса назад взошел месяц, и ее длинные наманикюренные ногти поблескивали в слабом сиянии.

— У тебя чего, онять глаза на мокром месте?

— Заткнись! — В голосе звучали слезливые нотки.

Мы перебрались через песчаный гребень, и я остановился. Я всегда останавливаюсь здесь. До Аб тут находился городской пляж. Туристы, любители пикников, сопливые ребятишки и толстые пожилые матроны с обожженными солнцем локтями. Обертки от конфет и палочки от фруктового мороженого, воткнутые в песок; все эти красивые люди, нежащиеся на разноцветных полотенцах; и целый букет запахов, в котором к вони выхлопных газов с авто-

---

* Имеется в виду английская рок-группа «Роллинг Стоунз».

стоянки примешивался аромат масла «Копиертоуи»* и морских водорослей.

Теперь тут была одна лишь серая грязь, и весь мусор как рукой смело. Океан поглотил его, поглотил все одним махом, как, к примеру, вы съедаете пригоршню воздушной кукурузы. И не было на Земле людей, чтоб прйти сюда и намусорить вновь. Только мы, а какой от нас мусор?.. К тому же мы страшно любили этот пляж. Настолько, что... Ну разве мы только что не принесли ему жертву?.. Даже Сюзи, эта маленькая сучка Сюзи, с жирной задницей и пупком, похожим на ежевику, любила его.

Песок совсем белый, он весь испещрен мелкими дюнами. А граница отмечена лишь линией прилива — снутившимися клубками водорослей, прядями ламинарpii, обломками каких-то деревяшек, прибитых к берегу. Луна расцветила песок серповидными чернильными тенями и складками. Ярдах в натицести от купальни вздымалась покинутая всеми спасательная башня — белая и скелетообразная, похожая на указующий перст скелета.

И прибой, ночной прибой вздыпал клочья пены, разбиваясь о волиорезы, и кругом, на сколько хватал глаз, были одни лишь устремившиеся в атаку волны. Возможно, вода, которую опи несли с собой, еще вчера ночью находилась где-нибудь на полпути к Англии.

— «Энджи» в исполнении «Стоуиз», — пояснил надтреснутый голос из радиоприемника. — Выкопал для вас настоящий хит, нусть товар лежалый, но зато звучит. Пряником с кладбища, где нам всем лежать... Впрочем, что это я? Говорят Бобби. Сегодня должен был работать Фред, но Фред подцепил грипп. Весь распух, бедолага...

Сюзи хихикнула, хотя слезы на ресницах еще не просохли. Я прибавил шагу, хотел догнать ее и утешить.

— Подождите! — крикнул Кори. — Берни! Эй, Берни, подожди меня!

---

* «Копиертоун» — серия косметических средств для безопасного загара.

Парень из радио начал читать какие-то неприличные лимерики*, затем на их фоне прорезался голос девушки — она спрашивала, куда он поставил пиво. Диджей что-то ей ответил, но в этот момент мы уже оказались на пляже. Я обернулся посмотреть, что делает Кори. Он съезжал с дюны на заднице — вполие в его манере — и выглядел при этом так нелепо, что мне стало его жаль.

— Побегаешь со мной? — спросил я Сюзи.

— Зачем это?

Я шлепнул ее по попке. Она вззигнула.

— Да просто так. Потому что хочется побегать.

И мы побежали. Она тут же отстала, засопела, как лошадь, и стала орать, чтоб я ее подождал, но я забыл о ней и обо всем на свете. Ветер свистел в ушах и вздымал волосы, воздух свежо и остро пах солью. Прибой гремел. Волны походили на черное стекло, украшенное пеной. Я скинул резиновые шлепанцы и помчался по песку босиком, не обращая внимания на острые осколки раковин. Кровь так и кипела в жилах.

А потом оказался под навесом, где уже сидел Нидлз, а рядом, держась за руки и глядя на воду, стояли Келли с Джоан. Я перекувырнулся через голову и почувствовал, как с рубашки по спине сыплется песок. И подкатился прямо к ногам Келли. Он упал сверху и начал тыкать меня лицом в песок, а Джоан дико хохотала.

Потом мы встали и, усмехаясь, смотрели друг на друга. Сюзи перешла с бега на медленный шаг и тащилась к нам. Кори почти догнал ее.

— Да, здорово горело, — пробормотал Келли.

— Ты считаешь, он и вправду приехал из самого Нью-Йорка? Или соврал? — спросила Джоан.

— Не знаю... — Я не думал, что это имело какое-либо значение.

---

*Лимерики — шуточные стихотворения из пяти строк, веселая бессмыслица. Впервые возникли в Англии около 1820 г. Получили известность благодаря поэту Эдварду Лиру.

Мы нашли его сидящим за рулем огромного «линкольна», в полубессознательном состоянии и в бреду. Голова распухла и походила на футбольный мяч; шея была ровной и толстой, точно сарделька. Словом, отъездился парень. И мы отволокли его к лодочной станции и там подожгли. Он успел сказать, что звать его Элвин Сэкхейм, и еще он все время звал бабушку. А потом вдруг принял за бабушку Сюзи, отчего та вдруг страшно развеселилась, Бог ее знает почему. Сюзи вообще любит поржать по любому, даже самому неподходящему поводу.

Вообще-то Кори первому пришла в голову мысль сжечь его. Но начиналось все как шутка. Еще в колледже он начитался разных книжонок о колдовстве и черной магии и вот, стоя рядом с «линкольном» Элвина Сэкхейма и хитро поглядывая на нас в темноте, вдруг заговорил о том, что если мы принесем жертву темным силам, то, может, они, эти темные силы, защитят нас от А6.

Естественно, никто из нас по-настоящему не верил во всю эту лабуду, но... Слово за слово — и разговор начал принимать все более серьезный и конкретный оборот. Это было нечто новое, неиспытанное, и мы наконец решились. Привязали его к смотровой вышке — стоит кинуть монету в специальное наблюдательное устройство, и в ясный день видно далеко-далеко, до самого маяка в Портленде. Привязали своими ремнями и отправились собирать топливо — сухие ветки, обломки деревяшек, принесенные морем. И были так довольны и возбуждены, словно детишки, играющие в прятки. А пока мы занимались всем этим, Элвин Сэкхейм висел на ремнях и все звал свою бабушку. У Сюзи горели глаза, и дышала она часто-часто. Похоже, завелась. А когда мы с ней оказались в лощине между двумя дюнами, вдруг прижалась ко мне и поцеловала. Губы у нее были густо намазаны помадой — такое впечатление, будто целуешь жирную тарелку.

Я оттолкнул ее, и она тут же надулась.

Затем мы вернулись и сложили сухие ветки и палочки у ног Элвина Сэкхайма. Получилась куча высотой до груди. Нидлз щелкнул зажигалкой «Зинпо», огонь тут же занялся. Перед тем как волосы у него вспыхнули, парень вдруг страшно закричал. А уж воняло от него... ну прямо как от поросенка, зажаренного по китайскому рецепту.

— Сигаретки не найдется, Берни? — осведомился Нидлз.

— Да вон там, позади тебя, этих сигарет коробок нятьдесят.

— Идти неохота...

Я дал ему сигарету и сел. Мы с Сюзи повстречали Нидлза в Портлеиде. Он сидел на обочине тротуара, напротив здания Государственного театра, и нангрывал песенки Лидбеллн* на большой гибсоновской гитаре, которую умудрился стибрить неизвестно где. Звуки гулким эхом разносился по Конгресс-стрит, словно играл он не на улице, а в концертном зале.

Тут перед нами возникла заныхавшаяся Сюзи.

— Ты подлец, Берни, вот кто!

— Да перестань, Сью! Смени пластинку. От этой ее стороны просто воняет.

— Сволочь, придурок, сукин сын! *Дерьмо собачье!*

— Пошла вон, — сказал я. — Иначе фингал под глазом схлопочешь, Сюзи. Ты ж меня знаешь.

Тут она снова зарыдала. Ох, уж что-что, а рыдать наша Сюзи была мастер! Подошел Кори, попытался обнять ее. Она ударила его локтем в пах, и тогда он харкиул ей в физиономию.

— *Убью, скотина!* — Она набросилась на него, вереща и рыдая, размахивая руками, словно лопастями пропеллера. Кори понялся, едва не упал, потом развернулся — и ну деру! Сюзи бросилась вдогонку, выкрикивая проклятия

---

* Прозвище Харди Лидбеттера, американского исполнителя народных песен.

и истерически рыдая. Нидлз откинул голову и расхохотался. К шуму прибоя примешивались тихие звуки радио Кори.

Келли и Джоан отошли в сторонку. Я смутно различал их силуэты, бредущие в обнимку у самой кромки воды. Ну прямо картинка в витрине какого-нибудь рекламного агентства, а не парочка! «Посетите прекрасную Сент-Лорку!» Да, все правильно. Похоже, у них серьезно.

— Берпи?

— Чего? — Я сидел и курил и думал о Нидлзе, который, откинув крышечку с зажигалки «Зиппо», крутанул колесико, щелкнул кремнем и выбил из нее огонь — ну в точности пещерный человек.

— Я его подцепил, — сказал Нидлз.

— Да? — Я поднял на него глаза. — Ты уверен?

— Ясное дело, уверен. Голова разламывается. Желудок ноет. Писать — и то больно.

— Да, может, это просто какой-нибудь гонконгский грипп. У Сюзи был такой. Не приведи Господи. Бедняжка уже собиралась коныта откинуть и просила Библию. — Я засмеялся.

Произошло это, когда мы еще учились в университете, примерно за неделю до того, как заведение закрылось навсегда, и за месяц до того, как на грузовиках стали вывозить тела и хоропить их в братских могилах.

— Вот, погляди. — Он чиркнул спичкой и поднес ее к подбородку. Я увидел небольшие треугольные нятия, чуть припухшие. Первый признак Аб, вне всякого сомнения.

— О'кей, — сказал я.

— Нет, я чувствую себя не так уж плохо, — заметил он. — Ну, во всяком случае, что касается разных там мыслей. Ты ведь тоже... Ты ведь тоже много думаешь об этом, Берпи. Я знаю.

— Ничего я не думаю, ложь.

— Думаешь, еще как думаешь! Как тот парень сегодня. И о нем тоже думаешь. Вообще-то, если поразмыслить

хорошенько, может, мы и сделали для него доброе дело. Сдается мне, он так и не понял, что с ним происходит.

— Да нет, понял.

Нидлз пожал плечами и отвернулся.

— Ладно. Не важио.

Мы курили и следили за тем, как набегают и отбегают волны. И горькая реальность вернулась, и все стало очевидно и определено раз и навсегда. Уже конец августа, через пару недель повеет холодом, и осень тихо и незаметно вступит в свои права. Самое время убраться куда-нибудь. Спрятаться, укрыться. Зима... Возможио, к Рождеству все мы помрем. В чьем-нибудь чужом доме, в гостиной, с дорогим приемником Кори на книжном шкафу, битком набитом номерами «Ридерс дайджест». А бледное зимнее солнце, просачиваясь сквозь оконные рамы, будет отбрасывать на ковер прямоугольные желтоватые пятна...

Видение было настолько реальным, что я содрогнулся. Нет, никто не должен думать о зиме в августе. Прямо мурашки по коже.

Нидлз усмехнулся:

— Ну вот, все-таки думаешь.

Что я мог на это ответить? Ничего. Встал и сказал:

— Пойдем поищем Сюзи.

— Может, мы вообще последние люди на Земле, Берпи. Когда-нибудь думал об этом? — В слабом мертвенином свете луны он уже выглядел почти покойником. Под глазами круги, бледные неподвижные пальцы напоминают караидашн.

Я подошел к воде и стал всматриваться в даль. Ничего, лишь неустанно двигающиеся валы, увеичанные мелкими завитками пены. Звук прибоя, разбивающегося о волнорезы, был здесь особенно громким. Казалось, рев этот поглотил все вокруг. Впечатление такое, словно оказался в эпицентре грозы. Я закрыл глаза и стоял, слегка раскачиваясь. Песок под босыми ступнями был холодным, серым

и плотным. *Словно мы последние люди на Земле...* Ну и что с того? Прибою все равно. Он будет греметь до тех пор, пока светит луна, регулирующая приливы и отливы.

Сюзи и Кори были на пляже. Сюзи уселась на него верхом и притворялась, будто объезжает дикого мустанга, то и дело норовящего сунуть морду в кипящую воду прибоя. Кори весело фыркал, ржал и плескался. Оба промокли до пятки. Я подошел и ударом ноги сшиб ее на землю. Кори ускакал на всех четырех, вздымая тучи брызг и подывая.

— *Пенавижу!* — яростно выкрикнула Сюзи. Рот ее растянулся в горестной гримасе и напоминал вход в игрушечный домик. Когда я был маленьким, мама водила нас в парк Гаррисона, где стоял деревянный игрушечный домик в виде клоунской физиономии. И входить в него надо было через рот.

— Перестань, Сюзи, не надо! Давай поднимайся, дружок! — Я протянул ей руку.

Она нерешительно приняла ее и встала. На блузку и кожу налип сырой песок.

— Тебе не следовало толкать меня, Берни. Никогда не...

— Идем. — О, она ничуть не походила на автомат-пронгрыватель в ресторане. В нее не надо было бросать двадцатицентовик, она и без того никогда не затыкалась.

Мы пошли по пляжу к главному торговому павильону. Человек, некогда державший это заведение, жил в небольшой квартирке наверху. Там имелась постель. Вообще-то постели она не заслуживала, но Нидлз, пожалуй, прав. Какая, к чертям, разница? Какие теперь, к дьяволу, правила и счеты?..

Сбоку от здания находилась лестница, ведущая на второй этаж, и я, поднимаясь по ней, на секунду остановился — заглянуть в разбитую витрину, поглязеть на пыльные товары, которые никто не потрудился украсть. Горы футбольок с надписью «Пляж Ансон» на груди, а также с картинкой — голубое небо и волны; тускло мерцающие

браслеты, от которых на второй день на занятие остается зеленое пятно; яркие пластиковые клипсы; мячики; поздравительные открытки, выпачканные в грязи; грубо раскрашенные гинсовые мадонны; пластиковая блевотина (*Пу прямо как настоящая! Попробуй подсунь жене!*); хлопушки, сделанные к празднику Четвертого июля, но так и не дождавшиеся своего часа; пляжные полотенца с изображением соблазнительной девицы в бикини, стоящей среди целого леса названий знаменитых курортов; вымпелы (*сувенир из Ансона, пляж и парк*); воздушные шары, купальники. Имелся там и бар, вывеска перед входом в него гласила: **ОТВЕДАЙТЕ НАШЕ ФИРМЕННОЕ БЛЮДО — ПИРОГ С МОЛЛЮСКАМИ.**

Еще студентом я частенько бывал на пляже Ансона. Было это лет за семь до нашествия А6, и тогда я встречался с девушкой по имени Морин. Крупная такая была девица и носила купальник в розовую клеточку. Я еще дразнил ее, говорил, что в нем она похожа на скатерть. Мы разгуливали по деревянному настилу у павильона босиком, и доски были горячими, а под ступнями хрустел песок. Кстати, мы с ней так и не попробовали пирога с моллюсками.

— Куда это ты нялишься?

— Никуда. Идем.

Ночью мие спились страшные сны об Элвине Сэкхайме, и я несколько раз просыпался мокрым от пота. Он сидел за рулем блестящего желтого «линкольна» и говорил о своей бабушке. Распухшая покерневшая голова, обугленный скелет. И от него несло горелым мясом. Он говорил и говорил, но я не разбирал ни слова. И, задыхаясь, проснулся снова.

Сюзи лежала у меня поперек ног — бледная бесформенная туша. На часах было 3.50, но, присмотревшись, я понял, что они остановились. На улице было еще темно. Прибой продолжал греметь, разбиваясь о берег. Стало быть, теперь где-то около 4.15. Скоро начнет светать.

Я выбрался из постели и подошел к двери. Морской бриз приятно холодил потиое тело. И вопреки всему мие страшно не хотелось умирать.

Покопавшись в углу, нашел банку пива. Там, у стены, стояли три или четыре ящпка «Бада». Пиво было теплое, так как электричество отключилось. Но я в отличие от некоторых ничего не имею против теплого пива. Подумашь, дело какое, только пены побольше, и все. Пиво — оно и есть пиво. Я вышел на лестницу, сел, дернул за колечко и стал пить.

Итак, что называется, приехали. Вся человеческая раса стерта с лица Земли, и не от атомного взрыва, биологического оружия, массового загрязнения среды или еще чего, столь же значительного. Нет, вовсе нет. *Просто от гриппа*. Хорошо бы установить огромный памятник в честь этого события. Ну, скажем, где-нибудь в Бонневилль-Солт-Флэтс. Эдакий куб из бронзы, представляете? Каждая сторона длиной в три милли. А сбоку громадными буквами — чтобы было видно издалека, а то вдруг какие-нибудь инопланетяне захотят приземлиться — выбита надпись: ПРОСТО ОТ ГРИППА.

Я отшвырнул нустую банку. Она с глухим звяканьем покатилась по бетонной дорожке, огибающей дом. Навес на пляже чернел треугольником на фоне более светлого песка. Интересно, проснулся ли Нидлз? Проснусь ли я сам в следующий раз?..

— Берпи?

Она стояла в дверях. На ней была одна из моих руашек. Я просто ненавижу такие штуки. Вечно потная, как хрюшка.

— Я тебе разонравилась, верно, Берни?

Я не ответил. Прошли времена, когда я порой чувствовал себя виноватым. И она... она заслуживала меня не больше, чем я ее.

— Можно с тобой посидеть?

— Боюсь, что места на двоих не хватит.

Она, тихо всхлипнув, стала отступать в глубину комнаты.

— А Нидлз подхватил А6, — сказал я.

Она остановилась и взглянула на меня. Лицо ее оставалось странно неподвижным.

— Шутишь, Берни?

Я закурил сигарету.

— Он... Только не он! Этого просто не может быть!

— Да, у него был А2. Гонконгский грипп. Как у тебя, у меня, у Кори, Келли и Джоан.

— Но это значит...

— Да. Иммунитета нет.

— Понятно. Тогда все мы тоже можем заболеть.

— Может, он наврал, что у него был А2. Чтоб мы взяли его с собой, — сказал я.

На лице ее отразилось облегчение.

— Ну конечно, так оно и есть! Я бы на его месте тоже наврала. Кому охота оставаться одиому... — Затем, помолчав, она нерешительно спросила: — Ложиться еще будешь?

— Пока нет.

Она ушла. Мне незачем было говорить ей, что А2 вовсе не является гарантией против А6. Она и без того знала. Просто запрещала себе думать об этом. Я сидел и смотрел на волны. Ну и хороши! Много лет тому назад Ансон был единственным приличным местом в штате для серфинга. Маяк в Портленде вырисовывался на фоне неба темным неровным горбом. Мне даже показалось, я различаю вышку, где находился наблюдательный пост, но, возможно, то был лишь иллюзорный воображения. Иногда Келли брал Джоан туда. Впрочем, не думаю, чтобы сегодня ночью они были там.

Я спрятал лицо в ладонях и начал крепко сжимать их, ощущая прописование кожи, плоти и неровную ее поверхность. Вот так же и все вокруг сжималось, сокращалось с непостижимой быстротой... В этом-то и

заключалась основная подлость, и лично я не видел в смерти никакого достоинства.

А волны все подпимались, поднимались, подпимались из глубины моря. И не было им конца. Прозрачные, глубокие... Мы приезжали сюда летом, Морин и я. Летом после школы, летом перед поступлением в колледж, перед тем, как Аб надвинулся из Юго-Восточией Азии и накрыл всю Землю черным саваном. Летом, в июле, мы ехали здесь пикник и слушали ее радио, и я мазал ей спину лосьоном, а она мазала спину мне, и воздух был горячим, песок таким ярким... а солнце горело на небе, точно расплавленное стеклышко.

Я — ДВЕРЬ ОТВЕРСТАЯ

Мы с Ричардом сидели на крыльце, любовались песчаными дюнами и Мексиканским заливом за ними. Дым сигары Ричарда лениво клубился, держа комаров на почтительном расстоянии. Океан на горизонте отдавал прохладой зеленью, а небо над ним было глубокого синего цвета. Красиво, что и говорить.

— Так ты, значит, дверь, — задумчиво повторил Ричард. — Ты уверен, что это тебе не приснилось? Что ты действительно убил того мальчишку?

— Не приспилось. И я его не убивал, говорю же. Это все они. Я лишь дверь.

Ричард вздохнул.

— Ты его похоропил?

— Да.

— Место помнишь?

— Да.

Я достал сигарету из кармана рубашки. Перебинтованные руки слушались плохо. И чесались немилосердио.

— Если захочешь посмотреть, придется брать твой пескоход. Это, — я кивнул на свою инвалидную коляску, — по песку не ездит.

У Ричарда был багги для передвижения по дюнам — переделанный «фольксваген-жук» 1959 года с полуметровыми колесами. Он собирал на нем плавники — дере-

вянные обломки, вынесенные волнами на берег. С тех пор как Ричард продал свое агентство недвижимости в Мэриленде, он жил тут, на косе Каролина, — делал из плавника скульптуры и по безбожной цене загонял их туристам.

Он ныхнул сигарой и посмотрел на залив.

— Да уж. Расскажи все сначала.

Я вздохнул и попытался закурить. Ричард отобрал у меня спички и зажег сигарету. Я сделал две глубокие затяжки. Пальцы нестерпимо чесались.

— Хорошо, — кивнул я. — Вчера, часов в семь вечера, я был на пляже, смотрел на залив, курил, как сейчас, и тут...

— Нет, начни сначала.

— Сначала?

— Расскажи о полете.

Я покачал головой:

— Ричард, ну сколько можно? Ничего нового...

Испещренное глубокими морщинами лицо Ричарда было загадочным, как его скульптуры.

— Может, ты вспомнишь что-то еще, — сказал он. — Сейчас точно вспомнишь.

— Ты серьезно?

— Конечно. А когда закончишь, поищем могилу.

— Могила... — повторил я. Пустое, гулкое слово — темное, темнее даже того безбрежного пространства, которое мы с Кори пересекли нять лет назад. Тьма, тьма, тьма.

Мои новые глаза под повязками слепо таращились в темень стягивавших их бинтов. Они ужасно чесались.

На орбиту нас с Кори зашвырнула ракета «Сатурн-16». Кто-то из комментаторов окрестил ее Ракетой-Небоскребом. Здоровенная была дура, ничего не скажешь. Рядом с ней первые «Сатурны» казались детскими игрушками. Стартовую площадку пришлось заглубить на шестьдесят метров — иначе сдуло бы в океан половину мыса Кеннеди.

Мы сделали оборот вокруг Земли, проверил все системы, потом включили разгонный блок. Направление — Венера. На Земле остался сенат, в котором шла драка по поводу ассигнований на исследование космоса, и группа людей из НАСА, молившихся, чтобы мы нашли хоть что-то полезное. Что угодно.

— Не важно что, — каждый раз говорил после пары стаканов Дон Ловинджер, штатный умник проекта «Зевс». — В вашем распоряжении куча приборов, нять роскошных телекамер и маленький, но крутой телескоп с хреновой тучей всяких там фильтров и линз. Найдите золото, найдите платину. А еще лучше — найдите каких-нибудь милых, туповатых синих человечков, чтобы мы их изучали, ощущая свое превосходство. Хоть что-нибудь! Да хоть призрак Пиноккио — уже дело.

Мы с Кори, разумеется, горели желанием сделать все, что в наших силах. Но космическая программа никак не шла. Начиная с Бормана, Андерса и Ловелла, облетевших в 1968 году Луи и увидевших нустыниный зловещий мир, похожий на грязный песчаный пляж, и заканчивая Маркэмом и Джексом, которые онустились на поверхность Марса одиннадцать лет спустя — лишь для того, чтобы обнаружить мерзлую пустыню и пару полуодыхлых лишайников, — исследование космоса оказалось поистине грандиозным (и очень дорогостоящим) провалом. Были и потери: Педерсон и Ледерер, навеки застрявшие на орбите вокруг Солнца из-за отказа всех систем во время предиоследнего полета программы «Аноллон». Джон Дэвис, маленькую орбитальную обсерваторию которого прошел метеорит, использовавший свою редкую, один к миллиону, вероятность. Нет, эту программу вряд ли кто-то назвал бы удачной. На самом деле Венера оставалась последним шансом швырнуть миру в лицо сакраментальное «Мы же вам говорили!».

Шел шестнадцатый день полета — мы ели консервы, играл в карты, успели простудиться и выздороветь — с

технической точки зрения все было тин-топ. На третий день у нас накрылся конденсатор влаги, мы перешли на запасной — и все, практически никаких проблем до самого возвращения на Землю. Мы наблюдали, как Венера в иллюминаторе вырастала от яркой точки до белесого хрустального шара, обменивались шутками с ЦУПом, слушали записи Вагнера и «битлов», контролировали результаты экспериментов: от измерения солнечного ветра до навигации в глубоком космосе. Нам пришлось дважды микроскопически корректировать курс, а на пятый день полета Кори выбрался в открытый космос и пинал УНА, пока она не соизволила раскрыться. Больше ничего из ряда вон выходящего.

— УНА? — переспросил Ричард. — Что это?

— Неудачный эксперимент. Так мы в НАСА называли Узконаправленную Антенну — она передавала число «Пи» высокочастотными импульсами всем, кто захотел бы услышать.

Я потер руки об штаны, но это не помогло. Наоборот, стало хуже.

— Идея та же, что и с радиотелескопом в Западной Виргинии — читал, наверное, — она «слушает» звезды. Только мы, вместо приема, передавали сигнал на Юпитер, Сатурн, Уран. Если там и была какая-то разумная жизнь, то как раз в это время она крепко дрыхла.

— В космос выходил только Кори?

— Да. И если он занес внутрь какую-то межзвездную чуму, телеметрия этого не показала.

— И все же...

— Уже не важно, — бросил я раздраженно. — Важно, что происходит здесь и сейчас. Ричард, вчера они убили мальчишку. Зрелище было не из приятных — как и ощущение. Его голова... она взорвалась. Как если бы кто-то выскреб из черепа его мозги и положил вместо них гранату.

— Продолжай.

Я усмехнулся:

— Что еще рассказать? Мы перешли на околопланетную орбиту с сильным эксцентризитетом, от трехсот двадцати до семидесяти шести миль — и это только на первом витке, дальше апогей стал еще больше, а перигей уменьшился. Можно было сделать не больше четырех витков, мы пошли на максимум. Отлично рассмотрели планету, сделали около шести сотен снимков и собрали бог знает сколько видеоматериалов.

Облачный покров Венеры состоял — в равных частях — из метана, аммиака, ныли и разного летающего дерьяма. Вся планета была похожа на Большой Каньон в аэродинамической трубе. Кори посчитал, что у поверхности скорость ветра достигает шестисот миль в час. Посланий вниз зоид бибикал всю дорогу, пока не издал громкий треск и не замолк навсегда. Мы не видели растительности, вообще никаких признаков жизни. Спектроскоп выявил жалкие крохи ценных минералов. Вот вам и Венера. И все бы ничего — только она меня пугала. Мы словно вращались вокруг дома с привидениями в окружении темного вакуума. Я знаю, как это ненаучно звучит, но у меня кишкы сводило от страха, пока мы не убрались оттуда. Думаю, если бы двигатель не сработал, я бы перепререзал себе глотку. Ничего общего с Луной — та просто пустыниая и кажется стерильной. Но то, что мы видели на Венере, не похоже ни на что из того, с чем мы раньше сталкивались. Может, тут дело в облачном покрове, не знаю. Венера похожа на объеденный до кости череп.

На обратном пути мы узнали, что сенат проголосовал за двукратное сокращение бюджета космических программ. Кори сказал что-то вроде: «Арти, похоже, мы снова займемся запуском спутников». А я был почти рад. Может, нам и впрямь не место в космосе.

И вот двенадцать дней спустя Кори был мертв, а я стал калекой. Проблемы начались при сходе с земной орбиты. Парашют сработал нештатно. И смех и грех: мы больше

месяца провели в космосе, забрались дальше, чем кто-либо за всю историю человечества, а все пошло прахом из-за того, что какой-то болван торонился на перерыв и перепутал строны.

Приземление было жестким. Пилот одного из вертолетов потом рассказывал, что мы летели к земле, как гигантский ребенок, за которым тянулась плацента. При ударе я потерял сознание. Потом я узнал, что, когда меня подняли на борт «Портленда», команда даже не успела скатать красную дорожку, по которой мы должны были пройти. Я был весь в крови. Я был краснее, чем дорожка, по которой меня тащили в лазарет...

Два года я провел в военизированном госпитале в Бетесде. Мне дали орден, много денег и инвалидную коляску. На следующий год я переехал сюда. Люблю смотреть на взлетающие ракеты.

— Я знаю, — сказал Ричард. — Покажи свои руки.

— Нет, — резко ответил я. — Не могу их выпустить.

Я же сказал.

— Прошло нять лет. Почему сейчас, Артур? Ты можешь объяснить?

— Я не знаю. Не знаю! Может, это такой инкубационный период. И кто вообще сказал, что я подценил эту дрянь имению там? Я ведь мог заразиться и в Форт-Лодердейле, и даже на этом самом крыльце, почем мне знать?

Ричард вздохнул и окинул взглядом далекие волны, залитые краснотой заходящего солища.

— Я очень стараюсь... Артур, мне не хотелось бы думать, что ты сходишь с ума.

— Если очень принрет, я покажу тебе руки, — с трудом выдавил я. — Но только если очень.

Ричард встал и оперся на трость. Он казался старым и немощным.

— Я приведу багги. Съездим, поищем могилу парнишки.

— Спасибо, Ричард.

Он побрел к разбитой грунтовой дороге, что вела к его хижине. Со своего крыльца я видел только ее крышу, остальное заслоняла Большая Дюна, протянувшаяся через всю косу. Небо над океаном приобрело противный фиолетовый оттенок, и откуда-то издалека донесся глухой рокот грозы.

Я не знал, как звали того мальчика, но часто видел, что он бродит по пляжу с ситом под мышкой. Дочерна загорелый, он носил только выцветшие джинсовые шорты. На другом конце косы расположен общественный пляж, и там, просеивая песок, предпримчивый молодой человек в удачный день может набрать до нати долларов в мелких монетках. Иногда я махал ему рукой, и он отвечал мне тем же — два незнакомца, объединенные братством постоянных жителей этого побережья, в противоположность крикливым, швыряющимся деньгами туристам, приезжающим на своих «кадиллаках». Я так думаю, он жил в соседней деревеньке, состоявшей из нескольких домов и почты, в полулиле от моей хижины.

Когда он в тот день появился на пляже, я уже где-то с час неподвижно сидел на крыльце и смотрел. К тому моменту я уже снял повязки — пальцы чесались нестерпимо, но зуд немного утихал, если я позволял им смотреть их глазами.

Это чувство ни с чем не сравнимо: я был для них как приоткрытый портал, как око в мир, который они не-навидели и которого боялись. Но хуже всего было то, что я тоже в этом участвовал. Представьте, что ваше сознание переместили в тело муhi и что муha смотрит на ваше лицо своей тысячей глаз. Так вы, может, поймете, почему я держал свои руки замотанными, даже если никто не мог их увидеть.

Это началось в Майами. У меня там было дело, встреча с неким Крессвеллом, следователем ВМС. Каждый год он проводит очередную проверку — какое-то время я имел доступ к самым важным секретам нашей космической

программы. Не знаю, какие признаки сотрудничества с врагом он ищет — бегающие глаза или алую букву на лбу... И зачем мне продаваться? Пенсия у меня просто роскошная, почти неприлично большая.

Мы сидели с ним на балконе в его гостиничном номере, тянули коктейли и рассуждали о будущем американской космической программы. Приблизительно в четвертом часу мои пальцы начали чесаться. Как-то вдруг. Без всякого перехода, будто кто-то щелкнул выключателем. Я сказал об этом Крессвеллу.

— Ты никак влез в ядовитый плющ на этом своем поганом островке? — осклабился тот.

— На Каролине растут только карликовые пальмы, — ответил я. — Может, это семилетняя чесотка.

Я посмотрел на свои руки. Обычные, нормальные руки. Только чешутся.

Чуть позже я подписал все ту же стандартную форму («Я чистосердечно клянусь, что не получал, не передавал и не публиковал информации, которая могла бы...») и поехал домой. У меня старенький «форд», переделанный под ручное управление. Я люблю эту машинку — она дает мне ощущение независимости.

Дорога от Майами неблизкая, и к тому времени как я свернул с шоссе номер 1 на дорогу к косе, руки почти свели меня с ума. Зуд был неимоверный. Если у вас когда-нибудь заживал глубокий порез или шов после хирургической операции, вы можете меня понять. Под моей кожей словно копошилось нечто живое.

Солнце почти село, и мне пришлось рассматривать руки при свете ламп приборной доски. Кончики пальцев покраснели — чуть выше подушечек, там, где у гитаристов образуются мозоли, появились маленькие, четко очерченные кружки. Пятии также появились между первым и вторым суставами каждого пальца и на коже у костяшек. Пальцам правой руки я коснулся своих губ — и тут же с отвращением отдернул руку. Ком душного, мохнатого

ужаса подкатил к горлу. Пятнышки были горячими, воспаленными, а плоть под ними казалась мягкой, как подгнившее яблоко.

Всю оставшуюся дорогу до дома я пытался убедить себя, что мне действительно где-то попался ядовитый плющ. Но на задворках сознания уже шевельнулась паршивая мыслишка. Была у меня тетка, которая десять последних лет прожила в изоляции от внешнего мира, в маленькой комнатке на втором этаже. Мать носила ей еду, но говорить об этом не полагалось, даже имя ее было под запретом. Позже я узнал, что у нее была болезнь Хансе-на — проказа.

Добравшись до дома, я первым делом позвонил доктору Флаидерсу. Трубку взял секретарь.

— Доктор Фландерс уехал на рыбалку, но если у вас что-то срочное, доктор Боллеиджер может...

— Когда он вернется?

— Самое позднее завтра к обеду. Вас это устроит...

— Конечно.

Я медленно положил трубку, потом позвонил Ричарду. Прослушал с дюжину долгих гудков, прежде чем дать отбой. Потом я какое-то время просто сидел в растерянности. Зуд усилился. Казалось, он исходил откуда-то из глубины плоти. Я подкатился к книжным полкам и вытащил потертую медицинскую энциклопедию. Описания были до идиотизма расплывчатыми: мои симптомы могли означать что угодно — или не означать ничего. Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Я слышал, как тикает старый судовой хронометр в другом конце комнаты. Слышал, как очень далеко реактивный лайнер заходил на посадку в аэропорт Майами. И еще — тихий шелест собственного дыхания.

Я по-прежнему смотрел в книгу.

И вдруг я понял. Осознание того, что происходит, буквально обрушилось на меня. Мои глаза были закрыты, но я все еще продолжал видеть. То есть я видел нечто раз-

мытое и чудовищное, искаженный четырехмерный образ книги, но соответствие было несомненным.

И я был не единственным, кто это видел.

С замырающим сердцем я открыл глаза. Ужасное ощущение ослабло, но не исчезло. Я видел книгу, видел строчки и иллюстрации своими собственными глазами, и в то же время видел их под другим углом, другими глазами. Вернее, не книгу, а страний, чужеродный предмет невероятной формы и, возможно, опасный.

Я медленно поднял руки к лицу, наблюдая, как зловещее новое зрение превращает мою гостиную в комнату страха.

Из груди вырвался крик.

Из щелок на кончиках пальцев на меня таращились глаза. В этот самый момент они раздвигали плоть, унрываюясь протискиваясь на поверхность.

Но кричал я не из-за этого. Взглянув на собственное лицо, я увидел чудовище.

Багги перевалил через дюну и подкатил к моему крыльцу. Мотор ныхтел и кашлял. Я спустился с крыльца по пандусу, и Ричард помог мне влезть в машину.

— Ну что, Артур, — сказал он, — ты капитан. Указывай курс.

Я показал на участок пляжа, видневшийся между дюнами. Ричард кивнул. Задние колеса выбросили в воздух кучу песка, и мы поехали. Обычно я подкалываю Ричарда насчет его вождения, но сегодня мне было не до того. Слишком многое отвлекало — мысли, ощущения: им не нравилась темнота, они старались выглядеть наружу, сквозь повязки, хотели, чтобы я убрал бинты.

Багги ревел, переваливая через крупные дюны, и подпрыгивал на тех, что помельче. Слева от нас солице отдавало последний багровый салют. Над морем громоздились мрачнеющие тучи, засверкали первые молнии.

— Бери правее, — сказал я. — Вон к тому шалашу.

Ричард остановил багги у полусгнившего шалаша, подняв песчаный фонтан. Он заглянул в багажник и достал лопату. Увидев ее, я поморщился.

— Где? — ровным голосом спросил Ричард.

Я указал место.

Ричард выбрался из машины, постоял секунду и вонзил лопату в песок. Копал он, казалось, целую вечность. Выброшенный из ямы песок становился все более влажным. Гроза приближалась, облака темнели и поднимались выше. Вода залива стала багровой в лучах заката и в тени нависших туч.

Задолго до того как Ричард перестал копать, я уже понял, что мальчика там нет. Они его перепрятали. Вчера вечером я не замотал руки, они могли видеть и — действовать. Если они воспользовались мной, чтобы убить мальчика, то могли, используя мое тело, перенести его, когда я спал.

— Тут никого нет, Артур. — Ричард закинул грязную лопату в багажник и устало сел в машину. Приближающаяся гроза отбрасывала странные серповидные блики. Ветер царапал песком ржавые бока багги. Пальцы зудели.

— Они — то есть я — его перенесли, — сказал я. — Они берут верх, Ричард. Они открывают дверь. По чуть-чуть, но открывают. Сотни раз в день я вдруг с удивлением осознаю, что стою перед совершенно обычными предметами — совком, фотографией, консервной банкой, — и не понимаю, как я там оказался. Мои руки протянуты вперед, чтобы они разглядели этот предмет... и я тоже вижу его, их глазами... этот невозможный, непотребный образ, изломаний и перекрученный гротеск...

— Артур, — сказал Ричард, — Артур, пожалуйста, не надо. — Он смотрел на меня с сочувствием. — Ты говоришь, что стоял. Что ты *перенес* тело мальчика. *Артур, ты не можешь ходить!* Ты парализован ниже пояса. Твои ноги мертвые.

Я коснулся приборной доски багги.

— Эта штука тоже мертва. Но ты, сев в нее, можешь заставить ее двигаться. Можешь заставить ее убивать. Она не способна остановиться, даже если бы захотела. — В моем голосе послышались истерические нотки. — Я же дверь, как ты не понимаешь?! Они убили мальчика, Ричард! Они перенесли тело!

— Наверное, тебе стоит поговорить с врачами, — тихо сказал он. — Поехали домой...

— Узнай! Спроси про мальчика! Выясни...

— Ты же сказал, что тебе не известно, как его звали.

— Он скорее всего жил в деревне. Она небольшая.

Спроси...

— Когда я ходил за машиной, то позвонил Мод Харрингтон. У нее самый длинный нос во всем штате, и она постоянно сует его в чужие дела. Я спросил, слышала ли она о пропавшем на днях мальчике. Она ответила, что нет.

— Но он местиый. Он живет где-то неподалеку.

Ричард потянулся к ключу зажигания, но я его остановил. Он обернулся ко мне, и я принял разматывать повязки.

Над заливом грохотал гром.

Я не пошел к врачу и не перезвонил Ричарду. Три недели подряд я бинтовал руки перед выходом из дома. Три недели подряд я просто слепо надеялся, что все пройдет само собой. Никакой логики в этом не было, признаю. Будь я полиоценным человеком, которому не нужна вместе ног инвалидная коляска, который ведет нормальную, полноценную жизнь, я бы пошел к доку Фландерсу или к Ричарду. Я бы, наверное, пошел и сейчас, если бы не воспоминания о тетке, унрятанной от посторонних глаз, почти заключенией — о тетке, которую заживо поедала собственная предательская плоть. Поэтому я отчаянию хранил молчание и молился о том, чтобы проснуться однажды утром и понять: все это было лишь страшным сном.

Но мало-помалу я начал ощущать их. *Их.* Чужое, чуждое сознание. Я даже не задумывался, откуда они взялись или как выглядят. Это некое сообщество, коллективный разум. Я был их дверью, их окном в наш мир. Они пускали меня в свои мысли — ровно настолько, чтобы я смог ощутить их ужас и отвращение, чтобы осознать: наш мир очень сильно отличался от привычного им. Но они все равно смотрели. Их плоть внедрилась в мою. Я начал понимать, что они используют меня, даже управляют мной.

Когда тот мальчишка проходил мимо, привычно махнув мне рукой, я подумывал о том, чтобы позвонить Крессвеллу по служебному номеру. Ричард был прав в одном: я действительно подцепил эту заразу где-то в далеком космосе или на страний венерианской орбите. ВМС будет меня изучать, но там не станут воспринимать меня как чудовище. Мне не придется просыпаться в скрипучей темноте и сдерживать крик, потому что *они* смотрят, смотрят, смотрят.

Мои руки протянулись в сторону мальчика, и я понял, что забыл их забинтовать. В сгущающихся сумерках я видел глаза, громадные, выпученные, с желтыми кошачьими радужками. Однажды я ткнул в один глаз кончиком карандаша, и руку тотчас пронзила страшная боль. Глаз, казалось, таращился на меня с такой глубокой ненавистью, что физическая боль отошла на второй план. Больше я так не делал.

А теперь глаза смотрели на мальчика. Я почувствовал, как мое сознание словно отбросило в сторону. Я уже не управлял своим телом. Дверь распахнулась. Я несся к мальчику по песку, нелепо подволакивая ноги, словно это были протезы. Мои собственные глаза, кажется, закрылись, и происходящее я наблюдал при помощи *их* зрения — отвратительный молочный океан, пурпурное небо над ним. Позади осталась покосившаяся, уродливая хижина, которая могла быть и скелетом неизвестного плotoядного чудища. Передо мной стояло невозможное,

отвратительное существо, дышащее и движущееся, и оно несло устройство из дерева и проволоки, переплетенией под невозможными прямыми углами.

Что он подумал, этот несчастный, безымянный мальчишка с ситом под мышкой и карманами, набитыми страной смесью песка и брошенных туристами монет, когда увидел меня, бредущего по песку с простертymi руками, подобно слепому днрижеру, командующему оркестром безумцев? Что он подумал, когда увидел отблеск последнего луча заката на моих руках — красных, сверкающих гроздью глаз? Что он подумал, когда эти руки вдруг взметнулись в воздух в нелепом жесте, за мгновение до того, как его голова взорвалась?

Я знаю только то, о чем думал сам.

Я думал, что заглянул за край Вселенной и увидел адский пламень.

Ветер трепал свободные концы бинтов, как праздничные ленты. Закатные лучи еще нятали края облаков кровавыми бликами, но дюны уже погрузились в сумрак. Небо над нами бурлило и кипело грозой.

— Только пообещай мне, Ричард, — сказал я, перекрикивая ветер. — Если ты увидишь, что я веду себя... угрожающе, — беги. Ты все понял?

— Да.

Ветер теребил расстегнутый ворот его рубашки. В сумерках глаза Ричарда казались просто темными впадинами на спокойном, уверенном лице.

Я снял последние бинты.

Я смотрел на Ричарда — и они смотрели на Ричарда. Я видел лицо, которое знал уже пять лет, лицо дорогого мне человека. Они видели искаженный, живой монолит.

— Ты видишь их, — хринло сказал я. — Теперь ты их видишь.

Он невольно отирая пул. Его лицо исказила гримаса ужаса и неверия. Грязнула молния. По небу прокатился грохот, а воды океана стали чернее Стикса.

— Артур...

Какой он, оказывается, омерзительный! Как я мог жить по соседству с ним, разговаривать с ним?! Это же не живое существо, это какая-то... инфекция! Это...

— Беги, Ричард! Беги!

И он побежал. Громадным, нелепым скакками. Он стал силуэтом на фоне сверкающего неба. Мои руки взлетели вверх в каком-то сложном, странном движении, направив пальцы к единственному знакомому и понятому в этом кошмарном мире объекту — к небу, к тучам.

И небо ответило. Колossalный, иссиня-белый разряд ударили в Ричарда и просто поглотил его. Последнее, что я помню, — электрическая вонь озона и горелого мяса.

Очнулся я, мирно сидя на своем крыльце. Буря закончилась, ветерок нес притянутое прохладу. На небе виднелся тонкий молодой серп. Песок на пляже был девственном ровным — ни следа Ричарда и его багги.

Я посмотрел на свои руки. Глаза были открыты, но казались тусклыми и безжизненными. Они утомились. Они спали.

Теперь я отлично знал, что нужно сделать. Прежде чем дверь откроется еще раз, ее нужно закрыть. Навсегда. Я уже начал замечать признаки перерождения самих рук. Пальцы постепенно укорачивались и... менялись.

В гостиной у меня был устроен небольшой камин, который я растапливал зябкой и сырой флоридской зимой. Я спешно разжег огонь — кто знает, когда они решат проснуться?

Когда огонь достаточно разгорелся, я добрался до бака с керосином и намочил обе руки. Они мгновению проспустились и буквально взревели от боли. Я еле-еле сумел вернуться обратно в комнату, к огню.

Но я все же довел дело до конца.

Это случилось семь лет назад. Я все еще живу здесь, смотрю, как взлетают ракеты. В последнее время запуски

проводят чаще — нынешняя администрация уделяет много внимания космосу. Поговаривают о новых нилотируемых полетах к Венере.

Я узнал имя того мальчика — не бог весть какое утешение, конечно. Как я и думал, он жил в деревне, но его мать тогда решила, что он остался в городе, у друзей, поэтому его не хватились до следующего понедельника.

Ричард... Все и так считали его странным типом. Решили, что он верпулся в Мэриленд или закрутил роман с какой-нибудь женщиной.

Ко мне все привыкли, но большинство видит во мне такого же эксцентричного чудака. В конце концов, много вы видели бывших астронавтов, которые закидывали бы Вашингтон нисьмамн о том, что деньги на исследование космоса следовало бы потратить с большей пользой где-то на Земле?

Я научился обращаться с протезами, и довольно неплохо. Первые пару лет они, конечно, доставляли массу неудобств, но человек способен приспособиться к чему угодно. Я бреюсь при помощи крюков и даже завязываю шпурки. Не думаю, что возникнут особые трудности с тем, чтобы вставить в рот дуло ружья и нажать на спусковой крючок. Понимаете, три недели назад все началось снова.

Теперь у меня на груди идеальный круг из двенадцати золотых глаз.

«МЯСОРУБКА»

Офицер полиции Хантон добрался до фабрики-прачечной как раз в тот момент, когда от нее отъезжала машина «скорой» — медленно, без воя сирены и мигалок. Дурной знак. Внутри, в кабинете, толпились люди, многие плакали. В самой же прачечной не было ни души, а в самом дальнем конце помещения все еще работали огромные автоматические стиральные машины. Хантуону это очень не понравилось. Толпа должна быть на месте происшествия, а не в офисе. Так уж повелось — животное под названием «человек» иссыпало врождение стремление любоваться останками. Стало быть, дела очень плохи. И Хантон почувствовал, как защемило у него в животе; так случалось всегда, когда инцидент бывал серьезным. Очень серьезным. И даже четырнадцать лет службы, связанной с уборкой человеческих остатков с мостовых и улиц, а также с тротуаров возле очень высоких зданий, не смогли отучить желудок Хантона от этой скверной привычки. Точно в нем гнездился какой-то маленький дьяволенок.

Мужчина в белой рубашке увидел Хантона и нерешительно двинулся ему навстречу. Бык, а не парень, с головой, глубоко ушедшей в плечи, с носом и щеками, покрытыми мелкой сетью полопавшихся сосудов — то ли

от высокого кровяного давления, то ли от слишком частого общения с бутылкой. Он попытался сформулировать какую-то мысль, но обе попытки оказались неудачными, и Хантон, перебив его, спросил:

— Вы владелец? Мистер Гартли?

— Нет... Нет, я Стэннер, прораб. Господи, это же просто...

Хантон достал блокнот.

— Пожалуйста, покажите, где это произошло. И расскажите, как именно.

Казалось, Стэннер побледнел еще больше — красноватые нитна на носу и щеках стали ярче и походили теперь на родные.

— А я... э-э... должен?

Хантон приноднял брови.

— Боюсь, что да. Мне звонили и сказали, что все очень серьезно.

— Серьезно... — Похоже, Стэнниер старался справиться с приступом тошиоты — кадык так и заходил вверх и вниз, словно игрушечная обезьянка на палочке. — Погибла миссис Фраули. Господи, какой ужас! И Билла Гартли, как назло, не было...

— А как именио это случилось?

— Пойдемте... покажу, — сказал Стэннер.

И повел Хантона вдоль ряда ручных прессов, апиарата для складывания рубашек, а потом остановился возле стиральной машины. И поднес дрожащую руку ко лбу.

— Дальше сами, офицер. Я не могу... снова смотреть на это. У меня от этого... Просто не могу, и все. Вы уж извините.

Хантон прошел вперед, иснытывая легкое чувство презрения к этому человеку. Содержат какую-то фабричку с жалким изношенным оборудованием, увиливают от налогов, пропускают горячий пар по всем этим трубам, работают с вредным химическими веществами без должной защиты, и в результате, рано или поздно, несчастный

случай. Кто-нибудь ранен. Или умирает. А они, видите ли, не могут на это смотреть. Не могут...

И тут Хантон увидел.

Машина все еще работала. Никто так и не потрудился выключить ее. При ближайшем рассмотрении она оказалась ему знакома: полуавтомат для сушки и глаженья белья фирмы «Хадли-Уотсон», модель номер шесть. Вот такое длинное и нескладное название. Люди, работающие в этом пару и сырости, придумали ей лучшее имя: «Мясорубка»...

Секунду-другую Хантон смотрел на все это точно завороженный, затем с ним случилось то, чего еще не случалось на протяжении четырнадцати лет безуречной службы в полиции, — он поднес трясущуюся руку ко рту, и его вырвало.

— Ты почему почти ничего не ел? — спросил Джексон.

Жеищины ушли в дом, гремели там тарелками и болтали с детьми, а Джон Хантон и Марк Джексон остались сидеть в саду, в шезлонгах, возле дымящегося ароматного барбекю. Хантон улыбнулся краешками губ. Он не съел ни крошки.

— День выдался тяжелый, — ответил он. — Хуже еще не бывало.

— Автокатастрофа?

— Нет. Несчастный случай на производстве.

— Много крови?

Хантон ответил не сразу. Лицо его исказила страшная гримаса. Он достал пиво из стоявшего рядом дорожного холодильника, открыл бутылку и не отрываясь выпил половину.

— Полагаю, у вас в колледже профессура не слишком знакома с фабриками-прачечными?

Джексон хмыкнул:

— Отчего же, лично я очень даже знаком. Как-то студентом ишачил все лето, подрабатывая в прачечной.

— Тогда тебе должна быть известна машина под названием «полуавтомат для скоростного гладенья и сушки»?

Джексон кивнул:

— Конечно. Через нее прогоняют мокрое белье, в основном простыни и скатерти. Большая, длинная такая машина.

— Совершенно верно, — сказал Хантон. — И вот в нее угодила жеищина по имени Адель Фраули. В прачечной под названием «Блю риббон»*. Ее туда затянуло.

Джексон побелел.

— Но... этого просто не могло случиться, Джонни. Технически невозможио. Там имеется предохранительное устройство, рычаг безопасности. Если жеищина, подающая белье на сушку, вдруг нечаянно сунет туда руку, оно тут же срабатывает и выключает машину. По крайней мере так было на моей памяти.

— На этот счет и закон существует, — кивнул Хантон. — И тем не менее несчастье произошло.

Хантон устало закрыл глаза, и в темноте перед его мысленным взором снова возникла скоростиая сушилка «Хадли-Уотсон», модель номер шесть. Длинная, прямоугольной формы коробка размером тридцать на шесть футов. С того конца, где осуществляется подача белья, непрерывной лентой ползет полотио, над ним, под небольшим углом, предохранительный рычаг. Полотияная лента конвейера с размещенными на нем сырыми и измятыми простынями приводится в движение шестиадцатью огромными вращающимися цилиндрами, которые и составляют основу машины. Сначала белье проходит над восемью цилиндрами сверху, потом — под восемью снизу, сжимаясь между ними, точно тоненький ломтик ветчины между двумя кусочками разогретого хлеба. Температура пара в цилиндрах может достигать 300 градусов по Фарен-

---

* «Blue Ribbon» — «Голубая лента».

гейту — это максимум. Давление на ткань, разложенную на ленте конвейера, составляет около 200 фунтов на каждый квадратный фут белья — таким образом оно не только сушится, но и разглаживается до самой последней мелкой складочки.

И вот неким непонятным образом туда затянуло миссис Фраули. Стальные детали, а также цилиндры с асбестовым покрытием были красными, точно свежеокрашенный амбар, а пар, поднимавшийся от машины, тошнотворно попахивал кровью. Обрывки белой блузки и синих джинсов миссис Фраули, даже клочки бюстгальтера и трусиков выбросило из машины на дальнем ее конце, футах в тридцати; более крупные клочья ткани, забрызганные кровью, были с чудовищной аккуратностью разглажены и сложены автоматом. Но даже это еще не самое худшее...

— Машина нытала сложить и разгладить все, — глухо произнес Хантон, чувствуя во рту горьковатый привкус. — Но ведь человек... это тебе не простыни, Марк. И то, что осталось от нее.... — Подобно Стэннеру, незадачливому прорабу, он никак не мог закончить фразы. — Короче, ее выносили оттуда в корзине... — тихо добавил он.

Джексон присвистнул:

— Ну и кому теперь намылять шею? Хозяину прачечной или государственной инспекционной службе?

— Пока не знаю, — ответил Хантон. Чудовищная картина все еще стояла перед глазами. Машина-«мясорубка», постукивая, шипя и посвистывая, гнала себе ленту конвейера, с бортов, выкрашенных зеленою краской, стекали потоки крови, и еще этот запах, жуткий запах пригорелой плоти... — Все зависит от того, кто дал добро на этот долбаный рычаг безопасности, а также от конкретных обстоятельств происшествия.

— Ну а если виноват управляющий, выпутаться они смогут, ты как считаешь?

Хантон мрачно усмехнулся:

— Женщина умерла, Марк. Если Гартли и Стэннер экономили на технике безопасности, на текущем ремонте и поддержании этой гладилки в нормальном состоянии, им светит тюрьма. И не важно, кто из их дружков сидит в городском совете. Все равно не поможет.

— А ты считаешь, они экономили?

Хантон вспомнил помещение «Блю рибbon» — плохо освещение, с мокрыми и скользкими полами, старым изношенным оборудованием.

— Полагаю, что да, — тихо ответил он.

Они поднялись и направились к дому.

— Держи меня в курсе дела, Джонни, — сказал Джексон. — Все же любопытно, как будут дальше развиваться события.

Но Хантон заблуждался относительно машины-«мясорубки». Ей, figurально выражаясь, удалось выйти сухой из воды.

Гладилку-полуавтомат осматривали шесть независимых государственных экспертов, деталь за деталью. И все они сошлись во мнении, что механизм абсолютно исправен. Предварительное следствие выпесло вердикт: смерть в результате несчастного случая.

После слушаний совершенно потрясенный Хантон пример, что называется, к стенке одного из инспекторов, Роджера Мартина. Этот Мартин был та еще штучка. Словно высокий бокал, воды в котором не больше, чем в низеньком, — слишком уж толстое двойное дно. Хантон задавал ему вопросы, а он поигрывал шариковой ручкой.

— Ничего? С этой машиной абсолютно все нормально?

— Абсолютно, — ответил Мартин. — Ну, естественно, вся загвоздка, вся суть, так сказать, дела сводилась к рычагу безопасности. Его проверили самым тщательным образом, и выяснилось, что он находится в прекрасном рабочем состоянии. Вы же сами слышали свидетельские

показания миссис Джиллиан. Должно быть, миссис Фраули слишком далеко засунула руку. Правда, этого никто не видел, все были заняты работой. Она закричала. Ладонь уже исчезла из виду, через секунду машина затянула всю руку до плеча. Жеицина пыталась высвободить ее, вместо того чтобы просто отключить машину. Дело ясное, паника. Правда, одна из работниц, миссис Кин, утверждает, что *пыталась выключить*, но, очевидно, от волнения перепутала киоики и было уже слишком поздно...

— Тогда, выходят, всему причиной этот злосчастный рычаг! Он просто не мог быть исправен, — решительно заявил Хантон. — Ну разве что только в том случае, если она положила руку не под него, а сверху...

— Такого просто быть не может. Над этим самым рычагом заслоика из нержавеющей стали. И сам рычаг был абсолютно исправен. И подключен к мотору. Стоит ему опуститься — и мотор в тот же миг отключается.

— Тогда как же такое могло произойти, скажите на милость?

— Понятия не имею. Мы с коллегами пришли к выводу, что погибнуть миссис Фраули могла только в одном случае. А именно: если бы свалилась на коивейер сверху. Но ведь когда все это произошло, она стояла на полу, причем обеими ногами. И сей факт подтверждает целая дюжина свидетелей.

— Стало быть, вы описываете нечто невероятное, чего никак не могло произойти в действительности, — сказал Хантон.

— Нет, отчего же... Просто мы не совсем понимаем, как это произошло... — Тут Мартин умолк, затем после паузы добавил: — Я вам вот что скажу, Хантон, раз уж вы принимаете все это так близко к сердцу. Только никому больше ни слова. Все равно все буду отрицать... Знаете, не понравилась мне эта машина. Она... Короче, мне почему-то показалось, что она над нами смеется. За последние лет пять мне пришлось проверить больше дюжины таких

гладилок. Некоторые из них пребывали в столь прискорбном состоянии, что я бы и собаку без поводка к ним не подпустил. Но законы штата смотрят на такие вещи довольно снисходительно... И потом, эти гладилки были всего лишь машинами. Но эта... эта прямо привидение какое-то. Не знаю почему, но ощущение возникло именно такое. И если б удалось придраться хоть к чему-нибудь, найти хотя бы одну мелкую неисправность, я бы тут же приказал закрыть ее. Похоже на безумие, верно?

— Знаете, и я то же самое чувствовал, — сознался Хантон.

— Позвольте рассказать об одном случае в Милтоне, — сказал инспектор Мартин. Снял очки и начал протирать их краешком жилета. — Было это года два тому назад. Какие-то ребята выпесли на задний двор старый холодильник. Потом нам позвонила жена и сказала, что в него попала ее собачка. Дверца захлопнулась, и животное задохнулось. Мы уведомили о происшествии полицию. Они отирали туда своего человека. Славный, видно, был парень, очень жалел ту собачонку. Погрузил ее в никак прямо вместе с холодильником и на следующее утро вывез на городскую свалку. А в тот же день, чуть попозже, звонит другая женщина, что жила по соседству, и заявляет о пропаже сына.

— О Господи... — пробормотал Хантон.

— Холодильник находился на свалке, и в нем нашли ребенка. Мертвого. Такой чудесный был мальчуган. Тихий, послушный, если верить матери. Она утверждала, что сынушка не имел привычки садиться в машину к незнакомым людям или играть в пустых холодильниках. Однако же в этот почему-то залез... И мы снимали на несчастный случай. Думаете, этим дело и кончилось?

— Думаю, да, — сказал Хантон.

— Так вот, ничего подобного. На следующий день работник свалки пошел к этому злосчастному холодильнику снять с него дверцу. Так предписывает распо-

ряжение городских властей за номером 58, о порядке содержания предметов на городских свалках. — Мартин бросил на собеседника многозначительный взгляд. — Так вот, работник нашел внутри шесть мертвых птичек. Чайки, воробы, одна малиновка. И еще сказал, что, когда выгребал их оттуда, дверца вдруг захлопнулась сама по себе и прищемила ему руку. Бедняга так и взвыл от боли. И сдается мне, что машина-«мясорубка» из «Блю риббон» — того же сорта штучка. И мне это страшно не нравится, Хантон.

Они стояли и молча смотрели друг на друга в опустевшем вестибюле здания городского суда, в шести кварталах от того места, где гладильная машина-полуавтомат фирмы «Хадли-Уотсон», модель номер шесть, пыхтя парами и постукивая, трудилась над выстираинным бельем.

Прошла неделя, и несчастный случай в прачечной стал постепенно забываться — его вытеснила из головы Хантона рутинная полицейская работа. И вспомнил он о нем, лишь когда опи вместе с женой зашли к Марку Джексону сыграть партию в вист и выпить пива.

Джексон приветствовал его со словами:

— Послушай, Джоини, а тебе никогда не приходило в голову, что в ту машину в прачечной могли вселиться злые духи?

— Что? — растерянно заморгал Хантон.

— Ну та скоростная гладилка из «Блю риббон». Тут явно прослеживается какая-то связь.

— Какая еще связь? — насторожился Хантон.

Джексон протянул ему номер вечерней газеты и ткнул пальцем в заметку, напечатанную на второй странице. В ней говорилось, что в прачечной «Блю риббон» произошел несчастный случай. Гладильная машина-полуавтомат обварила паром шестерых женщин, работавших на подаче белья. Инцидент произошел в 15.45 и приписывался

внезапному подъему давления пара в котельной. Одну из работниц, миссис Аннет Джиллиан, отправили в городскую больницу с ожогами второй степени.

— Странное совпадение... — пробормотал Хантон, и в памяти вдруг всплыли слова инспектора Мартина, столь зловеще прозвучавшие в пустом помещении суда: *не машина, а прямо привидение какое-то*. И тут же вспомнился рассказ о собачке, мальчике и птичках, погибших в старом холодильнике.

В тот вечер он играл в карты из рук вон скверно.

Миссис Джиллиан полулежала, привалившись спиной к подушкам, и читала «Тайны экрана», когда к ней в палату зашел Хантон. Одна рука у женщины была забинтована полиостью, часть шеи закрывал марлевый тампон. В палате на четыре койки у нее была всего одна соседка, молоденькая женщина с бледным лицом. Она креико спала.

Завидев синюю форму, миссис Джиллиан сперва растерялась, затем выдавила робкую улыбку:

— Если вы к миссис Черников, то она сейчас спит, зайдите попозже. Ей только что дали лекарство и...

— Нет, я к вам, миссис Джиллиан. — Улыбка на лице женщины тут же увяла. — Я здесь, так сказать, неофициально. Просто любопытно знать, что произошло с вами в прачечной. — Он протянул руку. — Джон Хантон.

Жест и слова были выбраны безошибочно. Лицо миссис Джиллиан так и расцвело в улыбке, и она робко ответила на рукопожатие необожженной рукой.

— Всегда рада помочь полиции, мистер Хантон. Спрашивайте... О Господи, а я уж испугалась, подумала, мой Энди онять чего в школе натворил.

— Расскажите подробно, как все произошло.

— Ну, мы прогоняли через гладилку простыни, и вдруг она как пыхнет паром! Так мие, во всяком случае, показалось. Я уже собиралась домой, думала, вот приду, выгуляю

собачек, а тут вдруг «бах!», точно бомба какая взорвалась. И пар кругом, один пар, и такой шипящий звук... просто ужасно. — Уголки губ, растянутые в улыбке, жалобно задрожали. — Такое впечатление, словно эта гладилка дышит... как дракон. И наша Альберта — ну Альберта Кин — вдруг как закричит: «Взрыв, взрыв!» — и все сразу забегали, закричали, а Джинни Джейсон начала верещать, что ее обварило. И я тоже побежала и вдруг унала. Просто не поняла тогда, что и меня сильно обожгло. Слава Богу, еще так обошлось, могло быть куда как хуже. Горячий пар, под триста градусов...

— В газете писали, что была повреждена линия подачи пара. Что это означает?

— Ну, трубы, что проходят над головой, опи подают пар в такой гибкий шланг, а уже оттуда он поступает в машину Джо, то есть мистер Стэинер, сказал, что, должно быть, из котла произошел выброс. Давление поднялось, вот линия и не выдержала.

Хантон не знал, о чем спрашивать дальше. И уже собрался было уходить, как вдруг женщина нехотя добавила:

— Прежде такого с машиной никогда не случалось. Только последнее время. То пар, то этот ужасный, просто жуткий случай с миссис Фраули, Господь, да унокой ее душу. Ну и всякие другие мелкие происшествия. То вдруг платье у Эсси попало в приводную цепь. Тоже могло кончиться плохо, но она молодец, сообразила: тут же скинула его. То вдруг болт какой отвалится или еще чего. И Херб Даймент, это наш мастер по ремонту, так он с ней прямо замучился! То вдруг простины застрянет между цилиндрами. Джордж говорит, это все потому, что в стиральные машины кладут слишком много отбелителя, но ведь прежде такого никогда не случалось. И теперь наши девочки просто боятся на ней работать. Эсси говорит, что там застряли кусочки Адель Фраули и что работать на ней — просто кощунство, что-то вроде того... Ну, будто

бы на этой машине лежит проклятие. С тех самых пор, как Шерри порезала руку о скобу.

— Шерри? — переспросил Хантон.

— Да, Шерри Квелетт. Хорошенькая такая девочка, пришла к нам после школы. И работница старательная, только немного неуклюжая. Ну знаете, как это бывает с совсем молоденькими девушками.

— Так она палец порезала? Что было?

— Да *ничего* особенного. У машины имеются такие скобы, придерживают ленту конвейера. И Шерри как раз возилась с этими скобами, хотела немного ослабить натяжение, потому как мы собирались загрузить плотную толстую ткань. Ну и, наверное, размечталась о каком-нибудь парне. Порезала палец. Глубоко так, прямо все кругом было в крови. — На лице миссис Джиллиан вдруг возникло растерянное выражение. — А потом... как раз после этого случая... и стали выпадать болты. А потом, примерно через неделю... несчастье с Адель. Словно машина попробовала вкус крови и он ей понравился. Вообще-то женщинам вечно лезет в голову разная чепуха, верно, офицер Хинтон?

— Хинтон... — рассеянно поправил ее Джон, глядя нустым взором в потолок.

По иронии судьбы он в тот же день повстречался с Марком Джексоном — в маленькой прачечной-автомате, что находилась неподалеку от их домов, и именно там между полицейским и профессором английской литературы состоялась прелюбопытнейшая беседа.

Они сидели рядом в пластиковых креслах, а их одежда вертелась за стеклами в барабанах стиральных машин, которые приводились в действие брошенной в щель монетой. На коленях у Джексона лежал томик избранных произведений Милтона, но он совершенно забыл о великом поэте и внимал Хинтону, который поведал ему о происшествии с миссис Джиллиан.

Наконец Хантон закончил, и Джексон сказал:

— Помнишь, я говорил тебе, а не может так быть, что эта машина-«мясорубка» заколдована? Конечно, то была лишь шутка... но только наполовину. И сейчас мне хочется задать тот же вопрос.

— Да нет, — пробурчал Хантон. — Глупости все это...

Джексон наблюдал за тем, как крутится за стеклянным окошком белье.

— Заколдована — это плохое слово. Не совсем точное. Скорее всего в нее вселились злые духи. На свете существует немало способов вселить демонов куда угодно. И ровно столько же — изгнать их оттуда. Ну, взять хотя бы «Золотой сук» Фрейзера, там описано немало подобных примеров. В сказках о друидах, в ацтекском фольклоре — тоже. Есть и более древние уноминания о подобных случаях, еще со времен Египта. И практически все опи объединены хотя бы одним общим и обязательным условием. Для того чтобы вселить демона в неодушевленный предмет, нужна кровь девственницы. — Он покосился на Хантона. — Миссис Джиллиан сказала, все неприятности начались после того, как эта самая Шерри Квелетт поранила руку, верно?

— Да будет тебе, — сказал Хантон.

— Но, согласись, эта девушка вполне отвечает условиям, — улыбнулся Джексон.

— Прямо сейчас все брошу, поеду к ней и спрошу, — сказал Хантон и тоже улыбнулся краешками губ. — Так и вижу эту картину... «Здравствуйте, мисс Квелетт. Офицер полиции Джон Хантон. Я тут провожу одно небольшое расследование, выясняю, не вселились ли в гладильную машину демоны. И хотел бы знать, девственница вы или нет?» Как считаешь, успею я сказать Сандре с детишками «прощайте», перед тем как меня упекут в психушку, а?

— Готов поспорить, ты все равно примерно тем и кончишь, — заметил Джексон, но уже без улыбки. — Я се-

рьезно, Джойни. Эта машина чертовски меня пугает, хоть я ни разу и не видел ее.

— Кстати, — заметил Хантон, — а ты не мог бы рассказать об остальных обязательных условиях?

Джексон пожал плечами.

— Ну, прямо так, с ходу, пожалуй, не смогу. Надо посидеть за книжками. Взять, к примеру, колдовские зелья. У англосаксов их изготавливали из грязи, взятой с могилы, или из глаза жабы. В европейских снадобьях часто фигурирует «рука славы», или, проще говоря, рука мертвеца. Или же один из галлюциногенов, используемых на ведьминских шабашах. Обычно это белладонна или же производное псилоцибина. Могут быть и другие.

— И ты считаешь, что все это могло попасть в гладильный автомат «Блю риббон»? Господн, Марк, да я руку готов дать на отсечение, что здесь, в радиусе иятисот миль, нет ни одного стебелька белладонны! Или же ты думаешь, что кто-то оторвал руку какому-нибудь дядюшке Фредди и сунул ее в эту треклятую гладилку?

— «Если семьсот обезьян засадить на семьсот лет за печатание на пишущей машинке...»

— Знаю, знаю. «Одна из пих непременно напишет собрание сочинений Шекспира», — мрачно закончил за него Хантон. — Иди ты к дьяволу, Марк! Нет, лучше дойди до аптеки на той стороне улицы и наменяй там еще двадцатицентовиков для стиральной машины.

Джордж Стэинер потерял в «мясорубке» руку, и этому сопутствовали самые странные обстоятельства.

В понедельник в семь часов утра в прачечной не было никого, если не считать Стэннера и Херба Даймента, мастера по ремонту оборудования. Дважды в год они проводили профилактические работы — смазывали подшипники «мясорубки», перед тем как открыть фабрику-прачечную в обычное время, в 7.30. Даймент находился у дальнего ее конца, смазывал четыре вспомогательных

подшипника и размышлял о том, какие неприятные ощущения вызывает у него в последнее время общение с этим механизмом, как вдруг «мясорубка»... ожила.

Он как раз приподнял четыре полотняные ленты на выходе, чтоб добраться до мотора, находившегося под пими, как вдруг ленты дрогнули и поползли у него в руках, сдирая кожу с ладоней и затягивая его внутрь.

За секунду до того, как руки его оказались бы втянутыми в машину, он резким рывком освободился.

— Какого черта! — завопил он. — Вырубите эту гребаную хреношину!

И тут Джордж Стэннер закричал.

Это был жуткий, леденящий душу крик, вернее, даже вой, разом наполнивший все помещение, эхом отдававшийся от металлических ликов стиральных автоматов, от усмехающихся паостей паровых прессов, от пустых глазниц огромных сушилок. Стэннер широко втянул раскрытым ртом воздух и снова закричал:

— *О Господи Иисусе! Меня затянуло! ЗАТЯНУЛО...*

Тут из-под барабанов повалил пар. Колесики стучали и вертелись, казалось, что помещение и механизмы вдруг прорвало криком и потайная жизнь, доселе крывающаяся в них, вдруг вырвалась наружу.

Даймент опрометью бросился к тому месту, где только что находился Стэннер.

Первый барабан уже зловеще окрасился кровью. Даймент тихо застонал, горло у него перехватило. А «мясорубка» завывала, стучала, шипела.

Непосвященному свидетелю происшествия могло бы показаться, что Стэннер просто стоит над машиной, склонившись под несколько странным углом. Но даже непосвященный свидетель непременно заметил бы затем, что лицо его побелело как мел, глаза выкачены из орбит, а рот перекошен в протяжном болезненном крике. Рука уже исчезла под рычагом безопасности и первым барабаном, рукав рубашки был оторван полиостью, до самого плеча,

а верхняя часть руки как-то неестественно искривилась, и из нее хлестала кровь.

— Выключ! — прохрипел Стэннер. И тут хрустнула и сломалась плечевая кость.

Даймент ударил ладонью по киоике.

«Мясорубка» продолжала стучать, рычать и вертеться.

Не веря своим глазам, Даймент бил и бил по этой киоике. Безрезультатно... Кожа на руке Стэннера натянулась и стала странно блестящей. Вот сейчас она не выдержит, порвется — ведь барабаны продолжали вертеться. При этом, как ни странно, Стэннер не терял сознания и продолжал кричать. И Дайменту почему-то вспомнилась сцена из мультфильма, где на человека наезжает паровой каток и раскатывает его в тонепыкий листик.

— Предохранитель!.. — взвыл Стэннер. Голова его клопилась все ниже, машина неумолимо затягивала человека в свою утробу.

Даймент развернулся и кинулся в бойлерную. Крики Стэннера подгоняли его, точно злые духи. В воздухе стоял смешанный запах крови и пара.

Слева на стене находились три тяжелых серых шкафа с пробками от всей электросистемы прачечной. Даймент начал распахивать дверцы — одну за одной — и выдергивать подряд все длинные керамические цилиндры, отбрасывая их через плечо. Сперва вырубился верхний свет, затем — воздушный компрессор. Затем и сам бойлер — с тихим умирающим завыванием.

А «мясорубка» все продолжала вертеться. Крики Стэннера превратились в булькающие, захлебывающиеся стопы.

Тут на глаза Дайменту попал пожарный топорик, висевший на стене в застекленном шкафу. Тихо причитая, он схватил его и выбежал из бойлерной. Руку Стэннера сжало уже до илеча. Еще секунда — и голова и неуклюже изогнутая шея будут раздавлены.

— Не получается! — пробормотал Даймент, размахивая топориком. — Господи, Джордж, что ж это такое!.. Я не могу, не могу!

Машина несколько умерила прыть. Лента выплюнула остатки рукава, куски мяса, палец Стэинера... Тот снова взвыл — дико, протяжно, — и Даймент, взмахнув топориком, почти вслепую ударил им один раз. И еще раз. И еще.

Стэннер отвалился в сторону и медленно осел на пол. Он был без сознания. Лицо синюшное, из обрубка возле самого плеча потоком хлещет кровь... Машина со всхлипом втянула все, что от него осталось, в себя и... заглохла.

Рыдающий в голос Даймент выдернул из брюк ремень и начал сооружать из него «шину».

Хантон говорил по телефону с инспектором Роджером Мартином. Джексон краем глаза наблюдал за ним, терпеливо катая по полу мячик — ради удовольствия трехлетней Пэтти Хантон.

— Он выдернул все пробки?.. — переспросил Хантон. — Но ведь с выдернутыми пробками электричество отключается, разве нет?.. И гладилку отключил?.. Так, так, хорошо. Замечательно. Что?.. Нет, не официально. — Хантон нахмурился, покосился на Джексона. — Все вспоминается тот холодильник, Роджер... Да, я тоже. Ладно, пока! — Он повесил трубку и обернулся к Джексону: — Пришла пора познакомиться с нашей девушкой, Марк.

У нее была собственная квартира. Судя по робости, с какой она держалась, и готовности, с которой внустила их, едва Хантон показал полицейский значок, поселилась девушка здесь недавно. Затем она неловко пристроилась на краешке кресла напротив, в тщательно обставleinой гостиной, напоминавшей картинку на открытке.

— Я офицер полиции Хантон, а это мой помощник, мистер Джексон. Я по поводу того случая в прачечной. — Он ощущал некоторую неловкость в присутствии этой хорошеющей и застенчивой темноволосой девушки.

— Ужасно, просто ужасно... — пробормотала Шерри Квелетт. — Вообще-то это первое место, где я пока работала. Мистер Гартли, он доводится мне дядей. И мие нравилась моя работа, потому что я смогла переехать в отдельную квартиру, принимать друзей... Но теперь... мне кажется, это место, «Блю риббон»... *некоторое*.

— Комиссия по технике безопасности закрыла гладилку на то время, пока проводится расследование, — сказал Хантон. — Вы об этом знаете?

— Конечно. — Она беспокойно заерзала в кресле. — Просто ума не приложу, что теперь делать...

— Мисс Квелетт, — перебил ее Джексон, — у вас ведь тоже были проблемы с этой гладильной машиной, или я ошибаюсь? Вы вроде бы поранили руку о скобу, верно?

— Да, порезала палец. — Тут вдруг лицо ее помрачнело. — Но это было только начало... — Она подняла на него печальные глаза. — С тех пор мне иногда кажется, что все остальные девушки меня вдруг разлюбили... словно я... в чем-то провинилась.

— Я вынужден задать вам очень трудный вопрос, мисс Квелетт, — медленно начал Джексон. — Вопрос, который вам наверняка не понравится. Он носит очень личный характер, и может показаться, что не имеет отношения к теме, но это не так, уверяю вас. Не бойтесь, можете отвечать смело, мы не записываем нашу беседу.

Теперь лицо ее отражало испуг.

— Я... с-сделала что-то не так?..

Джексон улыбнулся и покачал головой, она сразу же расслабилась. *Господи, какое счастье, что я здесь с Марком,* подумал Хантон.

— Я бы еще добавил: ответ на этот вопрос может помочь вам сохранить эту славную квартирку, вернуться на работу и сделать так, что дела на фабрике-прачечной снова пойдут хорошо, как прежде.

— Ради этого я готова ответить на любой ваш вопрос, — сказала она.

— Шерри, вы девственница?

Похоже, она была совершиено потрясена, даже шокирована. Словно священник, к которому пришла на исповедь, вдруг отвесил ей пощечину. Затем подняла голову и обвела глазами комнату с таким видом, словно никак не могла поверить, могли ли опи думать иначе.

А затем просто и коротко сказала:

— Я берегу себя для будущего мужа.

Хантон и Джексон молча переглянулись, и в какую-то долю секунды первый вдруг всем сердцем почувствовал, что все правда, что так оно и есть, что дьявол действительно вселился в неодушевленный металл, во все эти крючки, винтики и скобы «мясорубки» и превратил ее в нечто, живущее своей собственной, отдельной жизнью.

— Спасибо, — тихо сказал Джексон.

— Ну, что теперь? — мрачно осведомился Хантон уже в машине. — Будем искать священника, чтобы изгнать демонов?

Джексон насмешливо фыркнул:

— Даже если и найдешь такого священника, дело кончится тем, что он даст тебе читать кучу разных трактатов, а сам тем временем будет назанивать в психушку. Мы должны справиться своими силами, Джойни.

— А справимся?

— Возможио. Проблема заключается в следующем. Мы знаем, что в машину вселилось нечто. А вот *что* именно — неизвестно... — Тут Хантон отчего-то весь похолодел, словно до него дотронулась бесилотная леденящая рука смерти. — Ведь демонов страшно много. Имеем ли мы дело с Бубастисом* или Паном**? Или же с Баалом***?

---

* Бубастис — одна из ипостасей дьявола.

** Пан — в древнегреческой мифологии божество лесов, стад и полей, козлоног, покрытый шерстью. Раннее христианство причисляло Пана к бесовскому миру.

*** Баал — в древнесемитской мифологии демон засухи.

Или с христнанским божеством, воплощением адских сил, под именем Сатана?.. Мы не знаем. Если бы знать, кто подпустил этого демона и с какой целью, было бы проще. Но, похоже, он попал туда случайно.

Джексон пригладил ладонью волосы.

— Кровь девственницы, да, это понятно... Но сам этот факт еще ни о чем не говорит. Мы должны точно знать, с кем имеем дело.

— Зачем? — тухо спросил Хантон. — Почему бы не собрать разных снадобий и не попробовать изгнать их?

Лицо Джексона словно окаменело.

— Это не игра в грабителей и полицейских, Джонпи! Ради Бога, даже не думай! Ритуал изгнания дьявола — страшно опасная штука. Все равно что контролировать ядерную реакцию, чтобы тебе было понятнее. Мы можем ошибиться. И тогда погибнем. Пока что демон засел в этой машине. Но дай ему шанс, и он...

— Может вырваться наружу?

— Да он только об этом и мечтает... — мрачно протянул Джексон. — Ему нравится убивать.

Когда на следующий вечер Джексон заехал к нему, Хантон уговорил жену сходить с детьми в кино. Гостиная оказалась в полном их распоряжении, уже это несколько успокаивало. Хантону до сих пор с трудом верилось в то, что он оказался втянутым в такую странную затею.

— Я отменил занятия, — сказал Джексон, — и весь день просидел за разными жуткими книжками. Ты даже вообразить себе не можешь, до чего страшные вещи там описаны. Выписал штук тридцать способов, объясняющих, как вызвать демонов, и ввел их в компьютер. И тот выдал результат — наличие общих обязательных элементов. Их оказалось на удивление мало.

Он показал Хантону список, в котором значились: кровь девственницы, земля с могилы, «рука славы»,

кровь летучей мыши, мох, собраный ночью, лошадиное копыто, глаз жабы.

Были и другие элементы, но они считались не главными.

— Лошадиное копыто... — задумчиво протянул Хантон. — Странно.

— Очень часто встречается. Вообще-то...

— А возможна ли... э-э... не слишком жесткая трактовка этих формул? — перебил его Хантон.

— К примеру, может ли лишайник, собранный ночью, заменить мох, да?

— Да.

— Что ж, вполне возможно, — ответил Джексон. — Магическая формула зачастую звучит весьма двусмысльно и донускает целый ряд отклонений. Черная магия всегда предоставляла простор для полета творческой мысли.

— Что, если заменить лошадиное копыто kleem марки «Джель-О»? — предположил Хантон. — Очень популярная на производстве штука. Сам видел банку такого клея в тот день, когда погибла эта несчастная миссис Фраули. Стояла под платформой, на которой закреплена гладилка. Ведь желатин делают из лошадиных копыт.

Джексон кивнул.

— Что еще?

— Кровь летучей мыши... Так, помещение там просторное. Множество всяких неосвещенных закоулков и подсобок. А потому вероятность обитания летучих мышей в «Блю риббон» довольно высока, хотя администрация вряд ли признается в этом. Одна из таких тварей могла свободно залететь в «мясорубку».

Джексон откинулся на спинку кресла и протер покрасневшие от усталости глаза.

— Да, вроде бы сходится... все сходятся.

— Правда?

— Да. Ну, «руку славы», как мне кажется, можно благополучно исключить. Никто не подкладывал руку мертвеца в гладилку вплоть до гибели миссис Фраули, а то, что в наших краях не растет белладонна, так это определено.

— Земля с могилы?

— А ты как думаешь?

— Вообще-то здесь просматривается некая связь, — пробормотал Хантон. — Ближайшее кладбище «Плезант хилл» находится в четырех милях от «Блю риббон».

— О'кей, — кивнул Джексон. — Я попросил девушку, работавшую на компьютере — бедняжка, она была уверена, что я готовлюсь к Хэллоуину, — поделить все эти элементы из списка на первичные и вторичные. Во всех возможных комбинациях. Затем выбросил дюжины две, которые выглядели совершенно абсурдными. А все остальные распределились на вполне четкие категории. И элементы, о которых мы только что толковали, вписываются в одну из комбинаций. Я имею в виду один из способов изгнания.

— И каков же он?

— О, очень прост. В Южной Америке существуют центры, исповедующие различные мистические верования. Имеют подразделения на Карибах. Обряды по виду сходные. В книгах, которые я просмотрел, их божества рассматриваются как некие злые духи, обитающие в лесу, ну, типа тех, которых африканцы называют Саддат, или Оно-Которое-Не-Имеет-Имени. И вот это самое «оно» вылетит у нас из машины пулевой, и глазом моргнуть не успеешь.

— Да, но как мы это сделаем?

— Нужна лишь капелька святой воды да крошка облатки, которую используют при причастии. Ну и заодно прочтаем им вслух из книги Левита*. Самая настоящая христианская белая магия.

---

* Третья книга Ветхого Завета.

— Может, от этого только хуже станет?

— С чего бы это? Не вижу причин, — задумчиво заметил Джексон. — К тому же, должен сознаться, меня несколько беспокоит отсутствие в нашем списке «руки славы». Это очень мощный элемент черной магии.

— Святой водой не побороть, да?

— Да. Демон, вызванный «рукой славы», способен сожрать на завтрак целую кипу Библий! С ним мы можем нарваться на большие неприятности. Вообще лучше всего разобрать эту дьявольскую машину на части, и все дела.

— А ты совершенно уверен, что...

— Нет. Не совсем. И, однако же, доля уверенности существует. Все вроде бы сходится.

— Когда?

— Чем раньше, тем лучше, — ответил Джексон. — Как мы туда попадем? Выбьем стекло?

Хантон улыбнулся, полез в карман, вытащил оттуда ключик и помахал им перед носом Джексона.

— Где раздобыл? У Гартли?

— Нет, — ответил Хантон. — У инспектора службы технадзора Мартина.

— Он знает, что мы затеяли?

— Кажется, подозревает. Пару недель назад рассказал мне одну любопытную историю.

— О «мясорубке»?

— Нет, — ответил Хантон. — О холодильнике. Ладно, ндем.

Адель Фраули была мертва; лежала в гробу, сшитая из кусочков терпеливыми и старательными служащими морга. Но часть ее души могла остаться в машине, и если б это было действительно так, то сейчас эта душа должна была бы исходить криком. Она должна была знать, должна предупредить их. Миссис Фраули страдала несварением желудка и для того, чтобы избавиться от этого заурядного недуга, принимала весьма заурядное лекарство — таблетки

под названием «Гель Е-З», коробочку с которыми можно было приобрести в любой аптеке за семьдесят девять центов. Правда, сбоку на коробочке значилось противопоказание: людям, страдающим глаукомой, принимать «Гель Е-З» нельзя, поскольку содержащиеся в нем активные ингредиенты могли привести к ухудшению состояния. Но, к несчастью, Адель Фраули не обратила внимания на эту надпись. И ей следовало бы помнить, что недолго до того, как Шерри Квелетт порезала палец, она, Адель, случайно уронила в машину полиый коробок этих таблеток. Теперь же она была мертва и ведать не ведала о том, что активным ингредиентом, спровоцировавшим боли в желудке, являлось химическое производное белладонны, растения, известного во многих европейских странах под названием «рука славы».

Внезапно в полиой тишине фабрики-прачечной «Блюрибон» раздался зловещий булькающий звук. Летучая мышь, словно безумная, метнулась к своему убежищу — щели между проводами над сушилкой, куда тут же забилась и прикрыла мордочку широкими крыльями.

Звук походил на короткий смешок.

И тут вдруг «мясорубка» со скрежетом заработала — лента конвейера побежала в темноту, выступы и зубчики, сцепляясь друг с другом, завертелись, тяжелые цилиндры с форсунками для пара начали вращаться.

Она их ждала.

Хантон въехал на автостоянку в самом начале первого — луна скрылась за чередой медленно ползущих по небу темных туч. Он одновременно выключил фары и ударил по тормозам — так резко, что Джексон едва не стукнулся лбом о ветровое стекло.

Затем выключил зажигание, и тут оба опи услышали мерное постукивание.

— Это «мясорубка», — тихо произнес Хантон. — Да, она. Завелась сама по себе и работает посреди ночи.

Какое-то время они сидели молча, чувствуя, как в души их медленно и неумолимо закрадывается страх.

Наконец Хантон сказал:

— Ладно, ндем. За дело.

Они выбрались из машины и подошли к зданию — стук «мясорубки» стал громче. Вставляя ключ в замочную скважину, Хантон вдруг подумал, что машина издает звуки, свойственные живому существу. Словно дышит, жадными горячими глотками хватая воздух, словно разговаривает сама с собой свистящим насмешливым полу值得一стом.

— А знаешь, мне почему-то вдруг стало приятно, что рядом со мной полицейский, — сказал Джексон. И перевесил коричневую сумку с одного плеча на другое. В сумке находилась небольшая баночка из-под джема, наполненная святой водой, и гидеоновская Библия*.

Они вошли внутрь, и Хантон, нажав на выключатель у двери, включил свет. Под потолком замигала и загорелась холодным голубоватым огнем флюoresцентная лампа. В ту же секунду «мясорубка» затихла.

Над цилиндрами висела пелена пара. Она поджидала их, затаившись в зловещем молчании.

— Господи, до чего ж уродливая штуковина, — прошептал Джексон.

— Идем, — сказал Хантон. — Пока она окончательно не распиховалась.

Они приблизились к «мясорубке». Рычаг безопасности был опущен.

Хантон вытянул руку.

— Ближе не стоит, Марк. Давай сюда банку и говори, что делать.

— Но...

— Не спорь!

---

* Гидеоновская Библия (Gideon Bible) — Библия, изданная организацией «Гидеонсинтернэшнл», бесплатно распространяющей религиозную литературу.

Джексон протянул ему сумку. Хантон поставил ее на стол для белья перед машиной, затем дал Джексону Библию.

— Я начну читать, — сказал Джексон. — А ты, когда дам знак, побрызгаешь на машину святой водой. И скажешь: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа вон отсюда, ты, нечистая сила». Понял?

— Да.

— А потом, когда дам второй знак, разломишь облатку и снова повторишь заклинание.

— А как мы узнаем, подействовало или нет?

— Узнаем. Тварь, засевшая там, повыбьет все стекла, когда будет выбираться наружу. И если с первого раза не получится, будем повторять еще и еще.

— Знаешь, мне чертовски страшно... — пробормотал Хантон.

— Честно сказать, мие тоже.

— Если мы ошиблись насчет этой самой «руки славы»...

— Не ошиблись, — сказал Джексон. — Ну, с Богом!

И он начал читать. Голос наполнил нустое помещение и гулким эхом отдавался от стен.

— «Не сотворяйте себе кумиров и изваяний, и столбов не ставьте у себя, и камней с изображеннями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться перед пими; ибо Я Господь Бог ваш...» — Слова его падали в тишину, словно камни, и Хантону вдруг стало холодно, страшно холодно. «Мясорубка» оставалась нема и неподвижна под мертвеним сиянием флюоресцентной лампы, и ему вдруг показалось, что она ухмыляется. — «...И будете прогонять врагов ваших, и падут они перед вами от меча»*. — Тут Джексон поднял от Библии бледное лицо и кивнул.

Хантон побрызгал святой водой на подающий механизм конвейера.

И тут машина издала пронзительный мучительный крик. Из тех мест, куда попали капли воды, повалил пар

---

* Ветхий Завет, книга третья, глава 26.

и завился в воздухе тонкими красноватыми пиявами. «Мясорубка» дрогнула и ожила.

— Получилось! — воскликнул Джексон, стараясь перекричать нарастающий грохот. — Она завелась!

И он принялся читать снова, громким голосом, перекрывая лязг и шум. Затем онять кивнул Хантону, и тот побрызгал еще. А затем внезапно его пронзил леденящий душу ужас, и он с беспощадной ясностью осознал, вернее, почувствовал, что произошла страшная ошибка, что машина приняла их вызов и что она... сильнее.

Джексон читал все громче и громче, он уже почти кричал.

Из мотора вдруг начали вылетать искры; воздух вокруг наполнился запахом озона, к которому примешивался медный привкус крови. Теперь уже главный мотор дымился. «Мясорубка» вертелась с безумной скоростью — стоило хотя бы кончиком пальца дотронуться до центральной ленты, и все тело в течение доли секунды оказалось бы втянутым в этот бешено мчащийся конвейер, а еще секунд через нять превратилось бы в сплющенную окровавленную тряпку. Бетонный пол под ногами дрожал.

Затем вдруг главный подшипник выплюнул волиу пурпурного света, в холодном воздухе запахло грозой. Но «мясорубка» продолжала работать, лента мчалась все быстрей и быстрей, винтики и зубчики вращались с такой скоростью, что различить их было уже невозможно и все перед глазами сливалось в сплошной серый поток, который затем начал таять, менять очертания.

Хантон, стоявший словно в гиннозе, вздрогнул и отступил на шаг.

— Бежим отсюда! — крикнул он, перекрывая весь этот оглушительный, невыносимый грохот.

— Но у нас почти получилось! — крикнул в ответ Джексон. — Почему...

Тут вдруг раздался жуткий, совершенно неописуемый треск, и в бетонном полу образовалась трещина. И побе-

жала к их ногам, угрожающе расширяясь на ходу. Кругом взлетали и рассыпались в пыль куски старого цемента.

Джексон взглянул на «мясорубку» и вскрикнул.

Машина пыталась оторваться от пола, напоминая при этом динозавра, стражающегося отодрать прилипшие к смоляной луже лапы. Вообще-то ее уже нельзя было больше назвать машиной или гладилкой. Она меняла очертания, острые углы исчезали, таяли на глазах. Вот откуда-то сорвался кабель под напряжением 550 вольт и унал, расплескивая голубые искры на крутящиеся валы, которые тут же сжевали его. Секунду на них смотрели два огнеиных шара — словно гигантские глаза, в которых сквозил неутолимый голод.

С треском лопнул еще один трос. И «мясорубка», освободившись от всех оков и пут, качнулась и двинулась на них, злобно и плотоядно ворча; рычаг безопасности отскочил и завис в воздухе, и Хантон вндел перед собой громадную, широко раскрытую и дышащую паром ненасыщенную пасть.

Они развернулись и бросились прочь, но тут под ногами у них расползлась еще одна трещина. А за спиной слышался вой и топот, который может издавать только вырвавшийся на волю дикий зверь. Хантон перепрыгнул через трещину, но Джексон споткнулся и унал наизнечь.

Хантон остановился и развернулся, собираясь помочь товарищу, но тут на него пала огромная аморфная тень, и все лампы померкли.

Тень стояла над Джексоном, который, лежа на спине, смотрел на нее, и на лице его отражался невыразимый ужас. Ужас жертвы перед закланием. Хантон же успел только заметить нечто черное, невероятной высоты и ширины, нависшее над ними, уставившееся двумя электрическими глазами размером с футбольный мяч каждый. И с разверстой пастью, в которой двигался серый презентовый язык.

И он побежал. За спиной прозвучал пронзительный крик Джексона и тут же оборвался.

Роджер Мартин, заслышав пронзительные звонки в дверь, выбрался наконец из постели, все еще пребывая в полудремотном состоянии. Но когда в прихожую ворвался Хантон, он тут же вернулся к реальности, словно его резко и грубо ударили по лицу.

Вид Хантона был страшен — глаза вылезали из орбит, и он, не находя слов, вилялся ногтями в халат Мартина. На щеке виднелся кровоточащий порез, все лицо перевязано какой-то серой нылью.

А волосы... волосы стали совершенно белыми.

— Помогите... ради Бога, помогите! — Хоть и с трудом, но он все же обрел дар речи. — Марк погиб. Джексон погиб...

— Присядьте, — сказал Мартин. — Нет, идемте, лучше я отведу вас в гостиную.

Хантон, пошатываясь и подывая тоненько, словно раненый пес, побрел за ним.

Мартин налил ему унции две «Джима Бима»*, и Хантону пришлось держать стакан обеими руками, чтоб протолкнуть жидкость в горло. Затем стакан упал на ковер, а руки, точно неприкаянные души, снова взметнулись вверх и потянулись к отворотам халата.

— «Мясорубка»... она убила Марка Джексона! Она... она... о Боже, может вырваться наружу! Мы не должны ей позволить! Мы не можем... не должны... о-о-о!.. — И тут он завыл протяжно и дико, словно раненый зверь.

Мартин пытался дать ему выпить еще, но Хантон оттолкнул руку со стаканом.

— Нам надо сжечь эту тварь! — крикнул он. — Спалить, прежде чем она успеет выбраться. О, что будет, если она окажется на воле! О Господи, что, если она уже... — Тут

---

* «Джим Бим» — кентуккский бурбон.

глаза его странно расширились, закатились, и он, потеряв сознание, рухнул на ковер, точно мертвый.

Миссис Мартин стояла в дверях, подняв воротник халата и прижимая его к горлу.

— Кто это, Родж? Он что, сошел с ума? Мне показалось... — Она содрогнулась.

— Нет, не думаю, что он сошел с ума. — Только теперь она заметила, что лицо мужа искажает самый неприкрытый страх. — Господи, остается лишь надеяться, что они быстро приедут...

И Мартин бросился к телефону. Схватил трубку и вдруг замер.

С той стороны, откуда прибежал Хантон, на дом надвигался какой-то непонятный шум. Он усиливался, становился все громче и отчетливей, и в нем уже можно было различить лязг и постукиванье. Окно в гостиной было полуоткрыто, и в него ворвался порыв ночного ветра. Мартин уловил запах озона... или крови?

Он стоял, опустив руку на бесполезный теперь телефон, а звуки становились все громче, и в них улавливалось шипение и фырканье, словно по улицам города катил гигантский плюющийся паром утюг. И комнату наполнил запах крови.

Рука бессильно выронила телефонную трубку. Аппарат все равно не работал.

БУКА

— Я пришел сюда, потому что мне нужно высказатьсья, — произнес человек, сидевший на кушетке в кабинете доктора Харпера.

Это был Лестер Биллингс из Уотербери, штат Коннектикут. В его медицинской карте, заполненной сестрой Виккерс, было записано, что ему двадцать восемь лет, он работает на фабрике в Нью-Йорке, разведен, отец троих детей. Все трое умерли.

— Я не могу исповедоваться, поскольку я не католик. К юристу обращаться бесполезно, я не нарушал Уголовного кодекса. Я просто убил своих детей. Одного за другим. Всех до одного.

Доктор Харпер включил магнитофон на запись.

Биллингс лежал на кушетке — напряженный, прямой, как доска. Человек, готовый к неизбежному упражнению. Руки сложены на груди, как у мертвеца. Он рассматривал панели белого подвесного потолка, словно там разыгрывались какие-то сцены и картины.

— Вы хотите сказать, что действительно их убили, или...

— Нет. — Раздраженный взмах руки. — Но ответственность на мие. Деннин — в шестьдесят седьмом. Ширл — в семьдесят первом. И Энди — в этом году. Вот о чем я хочу вам рассказать.

Доктор Харпер промолчал. Биллингс выглядел осунувшимся и казался старым. Он начал лысеть, кожа была землистого цвета. Глаза выдавали близкое и регулярное «общение» с вискн.

— Они убиты, понимаете? Но никто мне не верит. Если меня поймут, все будет хорошо.

— Почему?

— Потому что... — Биллингс замолчал и приоднялся на локтях, осматривая комиату. Его глаза превратились в узкие щелочки. — Что это?

— Где?

— Та дверь.

— Это стенной шкаф, — ответил доктор Харпер. — Там висит мой плащ и стоят галоши.

— Откройте. Я хочу убедиться.

Доктор Харпер молча встал, подошел к дверце и открыл ее. Внутри висел коричневый плащ и болтались несколько нустых вешалок. На полу стояла пара блестящих галош. В одну из них была плотно забита страница «Нью-Йорк таймс». Больше ничего.

— Все нормально? — спросил доктор Харпер.

— Все нормально. — Биллингс повернулся и принял первоначальную позу.

— Вы сказали, — напомнил доктор Харпер, вернувшись в свое кресло, — если удастся доказать, что дети были убиты, все будет хорошо. Как это понимать?

— Меня посадят, — мгновенно ответил Биллингс. — Дадут пожизненное. А в тюрьме все камеры просматриваются. Все камеры.

Он улыбнулся нустоте.

— Как были убиты ваши дети?

— Не нытайтесь меня допрашивать! — Биллингс развернулся и посмотрел на Харпера с нескрываемой злобой. — Я сам все расскажу, не волиуйтесь. Я не из этих ваших слюнявых придурков-наполеонов или ребят, заявляющих: «Я подсел на геронн, потому что мама меня не

любила». Знаю, вы мне не поверите. И наплевать. Не важио. Я должен все рассказать.

— Хорошо. — Доктор Харпер достал свою курительную трубку.

— Я женнился на Рите в шестьдесят пятом. Мне был двадцать один год, ей — восемнадцать. Она ждала ребенка. Денни. — Его губы на мгновение искривила резиновая, пугающая улыбка. — Мне пришлось бросить колледж и устроиться на работу, но я не жалел об этом. Я любил их обоих. Мы были счастливы.

Рита снова забеременела вскоре после рождения Денни, и в декабре шестьдесят шестого появилась Ширл. Летом 1969 года у нас родился Эди, а Денни к тому времени уже не было на свете. Появление Эди было случайностью. Рита так сказала. Сказала, что контрацептив себя не оправдал. Но я в это не верю. Простая случайность, как же. Понимаете, дети привязывают мужчину. Женщины этим пользуются, особенно если мужчина умнее их. Вы согласны?

Харпер неопределенно хмыкнул.

— Ну, не важио. Я все равно его любил. — В этой фразе слышалась чуть ли не мстительность, словно он любил ребеика назло жене.

— Кто убил детей? — спросил Харпер.

— Бука! — выпалил Лестер Биллингс. — Их всех убил Бука. Вышел из чулана и убил. — Он повернулся к доктору и ухмыльнулся: — Вы думаете, я сбреидил, да? У вас это на лице написано. Но мне плевать. Я хочу лишь рассказать вам все и свалить отсюда.

— Слушаю вас, — ответил Харпер.

— Все началось, когда Денни было почти два года, а Ширл только родилась. Он завел привычку реветь, как только Рита уложит его в кроватку. У нас было две спальни, колыбелька Ширл стояла в нашей комнате. Сначала я думал, что Денни плачет из-за того, что ему перестали давать в кроватку бутылку с соской. Но детям нельзя да-

вать снуску, их нельзя баловать. Начнешь с ними церемониться — и все. Подложат тебе свинью — обрюхатят какую-нибудь девку или ширяться начнут. Или станут слюнями. Можете себе представить, просыпаетесь вы утром и вдруг понимаете, что ваш ребенок — ваш сын — слюняй? Прошло какое-то время, он продолжал плакать, и я решил укладывать его сам. Если он не успокаивался, я давал ему затрещину. Потом Рита сказала, что он постоянно повторяет: «Свет, свет». Я такого не слышал. Вообще дети в таком возрасте только лопочут, кто их поймет. Мать, разве что. Рита хотела повесить ночник, какого-нибудь пластмассового Микки-Мауса или Супермена, который втыкается прямо в розетку. Я ей не разрешил. Если парень не преодолеет страх темноты в детстве, то будет всю жизнь бояться. В общем, он умер на следующий год, летом. В ту ночь я положил его в кроватку, и он тут же завелся. Я разобрал его лепет. «Бука, — говорил мой сын. — Папа, там Бука». Я выключил свет, вышел в нашу комнату и спросил Риту, с чего ей вздумалось учить детей таким словам. У меня руки чесались ей врезать, но я сдержался. Она сказала, что не учила его этому. Я обозвал ее лживой тварью. Поймите, у меня ведь тоже выдалось тяжелое лето. Работы не было, мне пришлось устроиться грузчиком на склад «Кока-Колы», домой я приходил смертельно усталый. Ширл по ночам просыпалась и плакала, Рита вставала ее укачивать. Честно скажу, иногда я был готов выкинуть их обеих в окно. Господи, как же эти дети нной раз доводят! Просто убить хочется! Так вот, разбудила она меня в три утра, строго по расписанию. Я сходил в туалет, как лунатик, почти не просыпаясь, потом Рита спросила, посмотрел ли я, как там Денни. Я сказал, чтобы она сама им занялась, завалился спать и уже почти заснул, когда она закричала. Я вскочил и зашел к Денни. Он лежал на спине, мертвый. Белый как мел, кроме тех мест, в которых собралась... сгустилась кровь — затылок, икры, бедра, ж... ягодицы. Глаза у него были открыты. Вот

ужас, скажу я вам... Широко раскрытые, стеклянные, как глаза у оленьих голов, что висят у охотников над каминами. Как у убитых косоглазых детей на снимках из Вьетнама. Американский ребенок не должен так выглядеть. Мертвый, на спине, в подгузниках и резиновых трусиках — последние несколько недель он снова начал искать в штаны. Кошмар, я любил этого чертеика.

Биллингс медленно покачал головой, потом на его лице вновь появилась странная, неестественная улыбка.

— Рита так рыдала. Она даже ныталась взять Деннин на руки и баюкать, но я не разрешил. Полиция не любит, когда кто-то трогает улики. Уж я-то знаю...

— Тогда вы и поняли, что это Бука? — тихо спросил Харпер.

— Нет, нет. Не тогда. Но кое-что я заметил. Сразу не придал значения, но в память как-то врезалось.

— Что именно?

— Дверь чулана была открыта. Чуть-чуть, щелочка в палец шириной. Но я, понимаю, точно помню, что закрыл ее. Там у нас лежали пакеты из химчистки. Если ребенок до них доберется — кранты. Наденет на голову и задохнется. Вы знали об этом?

— Да. Что было дальше?

Биллингс пожал плечами:

— Мы его похоронили.

Он отрешенно посмотрел на свои руки, бросавшие землю на три крошечных гробика.

— А расследование проводилось?

— Конечно. — В глазах Биллингса промелькнул сардонический блеск. — Прислали какого-то деревенского хмыря с горы со стетоскопом, саквояжем, полным мятных леденцов, и дипломом какого-то коровье-бараньего кол-леджа. Младенческая смерть, сказал он! Вы когда-нибудь слышали такую чушь? Мальчишке было три года!

— Синдром внезапной детской смерти чаще всего отмечается в первый год жизни ребенка, — осторожно

произнес Харпер, — но такой диагноз встречается в свидетельствах о смерти детей до няти лет...

— Полиая хрень! — яростно рявкнул Биллингс.

Харпер вновь раскурил трубку. Биллингс продолжил:

— Через месяц после похорон мы устроили Ширл в комнате Денни. Рита, правда, вцепилась в нее, возражала, но последнее слово осталось за мной. Конечно, мне было непрятно. Господи, мне нравилось, что малышка спала с нами. Но не стоит слишком усердствовать с опекой, так можно и жизнью ребенку искалечить. В детстве, когда мы бывали на море, моя мать себе голос срывала. «Не отходи далеко! Туда не ходи! Осторожнее в воде! Ты ел только час назад! Не кувыркайся!» Даже велела осторегаться акул, представляете? И чем это обернулось? Я к воде и близко подойти не могу. Честное слово. Как только подхожу к пляжу, у меня начинаются колики. Однажды, когда Денни еще был жив, Рита уговорила меня поехать всей семьей в Сейвнн-Рок. Меня там всего трясло. Так что я знаю: нельзя чересчур опекать детей. И себя жалеть тоже не надо. Жизнь продолжается. Ширл переселилась в кроватку Денни. Его старый матрас мы, конечно, выкинули. Я не хотел, чтобы моя малышка подценила заразу. Прошел примерно год. И как-то раз укладывая я Ширл в кроватку, а она как завоет, закричит: «Бука, папа, там Бука, Бука!» Меня словно током дернуло. Точь-в-точь как Денни. Я сразу вспомнил о приоткрытой двери чулана в ту ночь, о той маленькой щелочке. Я хотел взять девочку на ночь к нам.

— И взяли?

— Нет. — Биллингс снова посмотрел на свои руки, и лицо его исказилось. — Как я мог сказать Рите, что был не прав? Мне следовало быть сильным. Она всегда была размазней... Вспомнить хотя бы, как легко она легла со мной в постель, когда мы еще не были женаты.

— Но и *вы* легли с *ней* в постель не менее легко, — заметил Харпер.

Биллингс замер и медленно повернулся к Харперу:

- Умика из себя строите?
- Нет, что вы, — ответил Харпер.

— Тогда дайте мне рассказать все, как я хочу, — резко бросил Биллингс. — Я пришел к вам, чтобы снять груз с души. Я не собираюсь рассказывать о своей интимной жизни, как бы вы этого ни ждали. У нас с Ритой сексом все было в порядке, без всякой грязи. Я знаю, миогим нравится об этом разглагольствовать, но я не из таких.

- Хорошо, — кивнул Харпер.

— Хорошо, — с нажимом отозвался Биллингс. Он, казалось, потерял нить разговора и постоянно косился на плотно закрытую дверцу стенного шкафа.

- Мне открыть его? — спросил Харпер.

— Нет! — поспешил ответил Биллингс и нервно хохотнул. — Зачем мне нялиться на ваши галоши? ...Бука забрал и ее. — Биллингс потер лоб, словно освежая воспоминания. — Где-то через месяц. Но до этого кое-что произошло. Однажды ночью я услышал шум. Когда она закричала, я быстро открыл дверь — в коридоре горел свет, — и... она сидела и ревела в кроватке, и... что-то шевельнулось. Там, в темноте, у чулана. Что-то скользнуло туда.

- А дверь чулана была открыта?

— Едва заметно. Чуть-чуть. — Биллингс облизнул губы. — Ширл не унималась, все кричала про Буку. И еще что-то, вроде «зверь». Правда, она выговаривала только «вель». У всех детей бывают проблемы с буквой «р». Рита тоже прибежала и спросила, что случилось. Я сказал, что ребеика напугали тени на потолке от раскаивающихся деревьев на улице.

- Двель? — спросил Харпер.

- Что?

- Двель... дверь. Может, она пыталась сказать «дверь»?

— Может, — отозвался Биллингс. — Может, и так. Но не думаю. Я думаю, она сказала «зверь». — Он снова стал

поглядывать на дверцу шкафа. — Зверь, плохой зверь. — Он почти шептал.

— Вы заглянули в чулан?

— Да-да. — Биллингс так сильно сжал руки на груди, что на всех костяшках проявились белые полумесяцы.

— И что там было? Увидели что-нибудь необыч...

— Ничего я не увидел! — внезапно закричал Биллингс.

И тут его прорвало, слова полились из него, словно кто-то вытащил черную пробку из dna его души:

— Когда она умерла, я нашел ее, всю черную. Всю черную. Она проглотила собственный язык и стала черная, как негры на ярмарке, и... она смотрела на меня. Ее глаза, нустые, как у чучел животных, блестящие, страшные, словно стеклянные шарики, и они говорили: «Оно добралось до меня, папа, ты дал ему убить меня, ты убил меня, ты помог меня убить...»

Поток слов иссяк. По его щеке скатилась единственная слеза, крупная и безмолвная.

— Это была судорога. У детей такое случается. Неправильный сигнал из мозга. В Хартфордской больнице сделали вскрытие и сказали, что из-за судороги язык перекрыл ей дыхание. А мне пришлось возвращаться домой одному, потому что Риту оставили в больнице под капельницей с успокоительным. Она совсем обезумела. И мне пришлось возвращаться в тот дом в одиночестве, и я знал, что у детей просто так судорог не бывает, нечего все валить на мозг. Можно напугать до судорог. И мне пришлось возвращаться в дом, где оставалось это. — Он перешел на шепот: — Я спал на диване. С включенным светом...

— Что-то произошло?

— Мне приснился сон, — сказал Биллингс. — Я попал в темную комнату, и там было что-то, что я... я не мог рассмотреть... что-то в чулане. Оно издавало звук — вроде чавканья. Вспомнились комиксы, что я читал в детстве. Кажется, «Байки из склепа». Господи! Там был парень,

Грэм Инглс, так он мог изобразить самую кошмарную тварь этого мира — и кое-что из других миров. В одиом рассказе женщина утоила своего мужа. Привязала к ногам бетонные блоки и сбросила в затопленный карьер. А он вернулся. Весь в гнили, зеленый, рыбы у него глаза выели, в волосах тина. Он вернулся и убил ее. И я, проснувшись посреди ночи, почувствовал, будто нечто склонилось надо мной. Нечто с длинными, звериными когтями...

Доктор Харпер взглянул на цифровые часы, врезанные в крышку его стола. Лестер Биллингс говорил уже почти полчаса.

— Когда ваша жена вернулась домой, каким было ее отношение к вам?

— Она по-прежнему любила меня, — с гордостью сказал Биллингс. — По-прежнему слушалась меня. Жена должна знать свое место в семье, верно? От всей этой эмансипации один проблема. Главное для человека — знать свое место в жизни. Свое... свою...

— Пристань?

— Точно! — Биллингс щелкнул пальцами. — Точно сказано. И жена должна подчиняться мужу. Ну да, первые четыре-пять месяцев после похорон она была бледная, как тень, бродила по дому, не пела, не смотрела телевизор, не смеялась. Но я знал, что она оправится. К младенцам не так сильно прикипаешь — через какое-то время, чтобы вспомнить, как они выглядели, приходится брать фотографию с комода. Она хотела еще ребеика, — добавил он мрачно. — Я говорил, что это плохая идея. То есть не вообще, а в то время. Я сказал ей, что нам нужно выдержать паузу, чтобы пережить случившееся и научиться радоваться друг другу. Раньше у нас такой возможности не было. Если мы хотели пойти, например, в кино, требовалось искать няню. Нечего было и думать о том, чтобы выбрать в город на бейсбол, если ее предки не согласятся забрать детей на ночь — моя-то мамаша с нами вообще дел иметь

не хотела. Она говорила, что Рита — бродяжка, обычная панельная подружка. Мама их всех панельными подружками называла. Представляете? Она как-то усадила меня и принялась рассказывать про всякие болезни, которые можно подхватить, если пойти к б... к проститутке. Как на твоем хре... на твоем пеннсе появляется маленький прыщик, и на следующий день, глядишь, уже почернел и отвалился. Она даже на свадьбу не пришла.

Биллингс задумчиво побарабанил пальцами по груди.

— Ритин гинеколог продал ей такую штуку, ВМС называется, внутриматочная сириаль. Реально работает, доктор сказал. Она просто вставляется в женскую... туда, в общем, и все. Яйцеклетка не оплодотворяется. Вы даже и не знаете, что там что-то есть. — Он невесело улыбнулся, глядя в потолок. — И впрямь не поймешь, есть там что-то или нет. И вот через год — она уже снова беременна.

— Стопроцентной гарантии контрацепция не дает, — сказал Харпер. — Таблетки эффективны только в девяноста восьми процентах случаев из ста. Сириаль тоже не обеспечивает полной защиты. Ее может вытолкнуть спазм, сильный менструальный поток или, в крайне редких случаях, мочеиспускание.

— Ну да. А еще ее можно просто достать.

— Тоже правда.

— И что дальше? Она начинает вязать малосенькие носочки, поет в ванной комнате и банками ест соленые огурцы. Сидит у меня на коленях и болтает о том, что это, наверное, воля Провидения. Блин.

— Ребенок родился на следующий год после смерти Ширл?

— Да, в декабре. Назвали мальчика Эндрю Лестер Биллингс. Я к нему даже не прикасался сначала. Сказал, раз уж она облажалась, пусть теперь сама разбирается. Я понимаю, как это звучит, но вспомините, что мне довелось пережить. Но знаете, потом он меня покорил. Единс-

твенный из всего потомства он был похож на меня. Денни был копией матери, Ширл не походила ни на кого, кроме, может, моей бабушки Энн. А Энди был — вылитый я. Я начал играть с ним, возвращаясь с работы. Он хватал меня за палец и гулил. Всего девять недель от роду — а пацан уже улыбается своему папаше, представляете? А в один прекрасный вечер я уже выхожу из аптеки с очередной игрушкой для его колыбельки. Я! Человек, у которого принцип — ничего не дарить ребеику, пока тот не сможет сказать «спасибо», потому что маленькие дети не ценят подарков. И вот купил я ему эту вертящуюся музыкальную хрень и в ту же минуту ощутил, как сильно его люблю. Тогда у меня уже была другая работа, весьма неплохая. Я продавал сверла фирмы «Клюэтт и сыновья». Зарабатывал приличные деньги, и когда Энди исполнился годик, мы переехали в Уотербери. Старый дом хранил слишком много плохих воспоминаний.

— И там было слишком много чуланов.

— Тот год был лучшим для нас. Я бы отдал все пальцы правой руки, чтобы его вернуть. Да, война во Вьетнаме все еще продолжалась, хиппи по-прежнему бегали голышом, и ниггеры качали права, но нас это не касалось. Мы жили на тихой улице с милыми соседями. Мы были счастливы. Я спросил Риту, не боится ли она. Мол, беда не приходит одна, вдруг дьявол тоже троицу любит, и все такое... Она ответила, что мы — другое. Что Энди особенный. Сказала, что Господь его защитит. В последний год что-то изменилось. Дом... сделался другим. Я даже стал оставлять ботинки в прихожей, потому что мне не хотелось открывать встроенный шкаф. Я все думал: а что, если оно там? Что, если оно уже изготовленось и прыгнет на меня, как только я открою дверцу? Мне стали мерещиться чавкающие звуки, словно в шкафу ворочалось что-то черно-зеленое и склизкое. Рита волнилась, не перестомляюсь ли я на работе, я начал на ней срываться, кричать — все, как прежде. Каждое утро, отправляясь на

работу, я до рези в животе боялся оставлять их одних, но все же радовался, что ухожу. Прости меня, Господи, я радовался, что ушел. Мне стало казаться, что оно на какое-то время потеряло нас из-за переезда. Хлюпало ночами по улицам, искало нас, может, ползало по канализации. Вынюхивало, где мы. И вот, через год, нашло. Оно вернулось. Ему нужны были Энди и я. Мне стало казаться, что чем больше думаешь о чем-то, тем реальнее оно становится. Может, все чудовища, которых мы боялись в детстве, Фраукиштейн, Мумия и всякие оборотни, может, они были реальными, достаточно реальными, чтобы убить детей, которых потом находили мертвыми на дне оврага, которые тонули в озерах... или которых вообще не находили. Может...

— Мистер Биллингс, ваш рассказ... Вы решили не продолжать?

Лестер Биллингс долго не произносил ни слова — цифровые часы натикали две минуты. Потом он выпалил:

— Эди умер в феврале. Риты тогда не было дома. Ей позвонил отец. Ее мать попала в аварнию в первый же день нового года, и врачи сказали, что она вряд ли выживет. Рита уехала тем же вечером. Ее мать не умерла, но пробыла в критическом состоянии достаточно долго, два месяца. Я нанял очень хорошую женщину, днем она сидела с Эди. Ночью мы были вдвоем. И двери чуланов продолжали открываться.

Биллингс облизнул пересохшие губы.

— Ребенок спал в однокомнатной квартире со мной. Забавно даже: когда ему исполнилось два года, Рита спросила, не хочу ли я укладывать его в отдельной комнате. Доктор Спок или кто-то еще из этих шарлатанов искал, что детям вредно спать с родителями. Вроде как у них какие-то травмы на почве секса образуются и все такое. Но мы никогда не занимались ничем таким, пока ребенок не засыпал. И я не хотел переселять его. Я боялся. После Денни и Ширл.

— Но вы его все-таки переселили? — спросил доктор Харпер.

— Да. — Биллингс улыбнулся диковатой, больной улыбкой. — Переселил.

Снова пауза. Биллингс нытался заставить себя говорить.

— Мне пришлось! — выпалил он наконец. — Мне пришлось! Все было нормально, пока Рита была в доме, но дальше все покатилось. Сначала... — Он поднял взгляд на Харпера и ощерился в дикой улыбке: — Ну, вы же не верите. Я знаю, что вы думаете: «Еще одна забавная история болезни». Я знаю. Но вас там не было, вшивый вы мозгоправ. Однажды ночью все двери в доме распахнулись настежь. Утром я увидел, что от входной двери к шкафу с зимней одеждой тянутся влажный след из земли и слизи. Оно вышло на улицу? Вошло в дом? Понятия не имею. Ради всего святого, откуда мне знать! Все пластинки поцарапаны и вымазаны слизью, зеркала разбиты. И звуки... эти звуки...

Он взъерошил волосы нятерней.

— Просыпаешься в три часа ночи, всматриваешься в темноту и сначала думаешь: «Это просто часы». Но в глубине души ты понимаешь, что это медленно ползет. Такой мокрый, сосущий звук, какой иногда раздается из слива раковины. Или легкий треск, словно кто-то провел когтями по железной решетке. И ты закрываешь глаза с мыслию — если один только звук так пугает, то каково это *увидеть*?! И ты не перестаешь прислушиваться: вдруг этот звук на мгновение стихнет, а потом раздастся смех, прямо над твоим лицом, и ты ощущаешь дыхание с запахом гнилой канусты, а потом и хватку на горле.

Биллингс побледел и заметно дрожал.

— Поэтому я оставил его в другой комнате. Я знал, что оно придет за ним, потому что он слабее. Так и случилось. В первую же ночь он начал кричать. Когда я наконец набрался смелости его проведать, Энди стоял в

кроватке и верещал: «Папа, там Бука... Бука. Хатю к папе, к папе».

Биллингс перешел на тонкий, детский голосок. Его глаза словно заполнили лицо целиком, он даже, казалось, уменьшился в размерах.

— Но я не смог, — продолжал он ломающимся дикантом, — я не смог. Через час Энди опять закричал. Отвратительный, булькающий крик. Я понял, что действительно любил его, поскольку помчался туда... я даже не включил свет, я бежал, бежал, *бежал*, о Господи, оно схватило Энди; оно тряслось его, дергало, как собака треплет старую тряпку. Я видел эти кошмарные покатые плечи и голову огородного пугала, я чувствовал запах... запах мыши, издохшей в нустой бутылке. Я слышал... — Он замолк, а потом его голос снова стал прежним, взрослым. — Я слышал, как сломалась шея моего сына. — Теперь его голос был спокойным и мертвым. — Она хрустнула, как хрустит лед деревенского пруда под коньками катавшихся.

— И что потом?

— Я сбежал, — сказал Биллингс все тем же холодным, безжизненным тоном. — Пошел в круглосуточное кафе и выпил шесть чашек кофе. Потом вернулся домой. Уже светало. Я вызвал полицию, даже не поднимаясь в детскую. Энди лежал на полу и смотрел на меня, обвиняя. Из его уха вытекло немногого крови. Одна капелька. И дверь чулана была приоткрыта. Чуть-чуть.

Он замолчал. Харпер посмотрел на часы. Прошло пятнадцать минут.

— Запишитесь на прием у сестры, — сказал он. — Лучше сразу на несколько приемов. Вторник и четверг вас устроят?

— Я хотел лишь рассказать свою историю, — ответил Биллингс. — Снять груз с души. Я ведь соврал полиции. Сказал, что Энди, наверно, нытался выбраться ночью из кроватки, и... они клюнули. Случайная смерть, обычное

дело. Но Рита поняла. Рита наконец... поняла. — Он прикрыл глаза рукой и заплакал.

— Мистер Биллингс, нам нужно о многом поговорить, — произнес доктор Харпер после короткой паузы. — Думаю, мне удастся избавить вас от чувства вины хотя бы частично, но для начала вам нужно этого захотеть.

— Вы что думаете, я *против*?! — выкрикнул Биллингс.

Харпер увидел его красные, мокрые, несчастные глаза.

— Увидим, — тихо ответил он. — Вторник и четверг. Согласны?

После долгой паузы Биллингс пробурчал:

— Чертов мозголом. Ладно. Согласен.

— Запишитесь на прием у сестры, мистер Биллингс. Удачного вам дня.

Биллингс горько усмехнулся и быстро вышел из кабинета.

За стойкой медсестры никого не было. На столике стояла небольшая табличка: «Скоро вернусь».

Биллингс развернулся и пошел обратно в кабинет.

— Доктор, сестры нет на...

Комната была пуста.

Но дверь стениого шкафа была приоткрыта. Чуть-чуть.

— Как мило, — послышался голос из шкафа. — Как мило.

Голос был глухой, словно с трудом пробивался сквозь слой гнилой морской тины.

Биллингс замер как вкопанный, не в силах шевельнуться. Дверь шкафа распахнулась, и Биллингс тут же почувствовал, что обмочился.

— Как мило, — повторил Бука, выбинаясь из шкафа. В его полуразложившейся когтистой руке все еще была зажата маска с лицом доктора Харпера.

СЕРАЯ ДРЯНЬ

Всю неделю бюро прогнозов предсказывало снегопад и сильный северный ветер, и вот в четверг он докатился до нас и, разбушевавшись не на шутку, не выказывал ни малейшего намерения утихомириться. Снегу к четырем дня навалило дюймов на восемь. Человек пять-шесть постоянных посетителей укрылись в надежном месте, лавке Генри под названием «Ночная сова», которая в этом районе Бангора являлась единственным заведением, работающим круглосуточно.

Нельзя сказать, что Генри делал хороший бизнес — по большей части он сводился к продаже студентам из колледжа вина и пива, — однако ему удавалось сводить концы с концами, и еще это было место, где мы, старые перечники, живущие на пенсии и пособия, могли собраться и поболтать о том, кто недавно помер, что мир, похоже, катится в пропасть, ну и так далее в том же духе.

В тот день за прилавком стоял сам Генри, а Билл Пелхем, Берти Коннорс, Карл Литлфилд и я столпились возле печки. За окном, на Огайо-стрит, не было видно ни единого автомобиля, одни лишь снегоочистители с трудом пробивали себе дорогу. Ветер с воем вздыпал снежищу ныль и швырял в стекло.

У Генри за весь день побывали всего лишь три покупателя — это если считать слепого Эдди. Эдди было под

семьдесят, и сказать, что он совершенно ослеп, было бы неправильно. Просто он то и дело налетал на разные предметы. Он заходил в «Ночную сову» раза два в неделю и воровал буханку хлеба. Совал ее под пиджак и выходил из лавки, так и говоря всем своим видом: *Ну что, сукины дети, видали, как я снова вас обдурил?*

Как-то Берти спросил Генри, отчего тот не положит конец всему этому безобразию.

— Сейчас объясню, — сказал Генри. — Несколько лет назад ВВС США понадобилось двадцать миллионов долларов, чтобы построить какую-то новую модель самолета. Дело кончилось тем, что вбухали они в нее целых семьдесят пять миллионов, а когда стали иссытьвать эту хреновину, оказалось, что летать она не может. Случилось это, если точно, десять лет назад, когда мы со сленым Эдди были куда как моложе, и я, дурак, проголосовал за женщину, которая проталкивала этот проект в конгрессе. А Эдди голосовал против. Вот с тех пор я и покупаю ему хлеб.

Похоже, до Берти не совсем дошло это его объяснение, но вопросов он больше задавать не стал, а просто отсел в сторонку обдумать услышанное.

Внезапно дверь распахнулась, внустив в помещение волну холодного серого воздуха, и в лавку, сбивая снег с ботинок, вошел мальчик. Через секунду я узнал его. Это был сын Ричи Грннейдина, и выглядел он так, словно лягушку проглотил. Кадык ходил ходуном, а лицо было цвета старой линялой клеенки.

— Мистер Пармели, — обратился он к Генри, возбужденно вытаращив круглые испуганные глаза, — вы должны пойти со мной! Взять ему пива и пойти. Сам я туда один ни за что не пойду! Мне страшио...

— Погоди-ка, остынь маленько, дружок, — сказал Генри, снимая белый фартук и выходя из-за прилавка. — Что случилось? Папаша онить заснул, да?

Я понял, почему он так сказал: старины Ричи что-то не было видно последнее время. Обычно он заходил в лавку каждый день — купить ящик самого дешевого пива. Крупный толстый мужчина с ляжками, точно окорока, и ветчннообразными лапищами. Ричи всегда испытывал слабость к пиву, но когда работал на лесоиилке в Клифтоне, лишнего себе, что называется, не позволял. Потом там что-то случилось — то ли сортировочная машина сломалась и не так загрузили доски, то ли сам Ричи оплошал. Короче, его уволили в ту же секунду, но при этом компания почему-то должна была выплачивать ему компенсацию. Короче говоря, дело темное: то ли он украл, то ли у него украли. И с тех пор он уже не работал, онустился и страшио разжирел. Последнее время видно его не было, но в лавку каждый вечер заходил его сын купить папаше ящик пива. Славный такой паренек. Генри продавал ему пиво только потому, что знал: мальчик не для себя берет, а выполняет поручение отца.

— Занил он уже давно, — говорил мальчик, — но не в том беда. Это... это... о Господи, это просто ужасно!

Генри увидел, что паренек, того и гляди, разрыдаётся, и торопливо спросил:

— Подменишь меня на минутку, Карл?

— Конечно.

— А ты, Тимми, заходи в подсобку, расскажешь мне, что к чему.

И с этими словами он увел мальчика, а Карл зашел за прилавок и уселся на табурет Генри. Какое-то время никто не произносил ни слова. Из подсобки доносились приглушенные голоса — низкий неторопливый басок Генри и высокий и нервный быстрый лепет Тимми Грннейдина. Затем вдруг мальчик заплакал, и Билл Пелхем, услышав это, откашлялся и стал набивать трубку.

— Месяца два, как Ричи не видел... — заметил я.

Билл усмехнулся:

— Невелика потеря.

— Он был тут... э-э... где-то в конце октября, — сказал Карл. — Как раз перед Хэллоуином*. Купил ящик пива «Шлнтиц». Жуть до чего разжирел, страшно было смотреть.

Исчерпав тему, мы умолкли. Мальчик продолжал плакать, на улице по-прежнему завывал и бесновался ветер, а по радио сообщили, что к утру выпадет еще шесть дюймов снега. Стояла середина января, и я вдруг подумал: интересно, видел ли кто Ричи с октября, не считая сына, разумеется?

Потом мы еще немного поболтали о том о сем, и тут наконец вышел Генри с мальчиком. Паренек был без пальто, Генри же, напротив, напялил свое. Похоже, Тимми немного успокоился и держался с таким видом, словно самое худшее позади, однако глаза у него были красные, и когда кто-то смотрел на него, он тут же принимался рассматривать половицы.

Генри же выглядел не на шутку взъявленным.

— Я тут подумал, пусть Тимми поднимется наверх и моя половина угостит его чем-нибудь вкусненьким, ну, скажем, тостом с сыром. А я собираюсь проводить Ричи. Может, кто из вас пойдет со мной? Тимми говорит, что папаша требует пива. Передал мне деньги. — Тут он попытался выдавить улыбку, но ничего не вышло, и он оставил свои попытки.

— Отчего нет? — отозвался Берти. — Какое пиво он хочет? Пойду принесу.

— Возьми «Харроу сьюприм», — сказал Генри. — Там, в подсобке, есть несколько початых ящиков.

Я тоже поднялся. Стало быть, идем мы с Берти. Карла в такие, как сегодня, ненастные дни всегда донимал артрит, а от Билла Пелхема так вообще никакого проку — правая рука у него не действует.

---

*Хэллоуин — 31 октября, канун Дня всех святых, один из самых популярных праздников в США.

Берти вынес из подсобки четыре уиаковки «Харроу» по шесть банок в каждой. Я уложил их в коробку, а Генри тем временем отвел мальчика наверх, на второй этаж, где находилась его квартира.

Уладив вопрос со своей половиной, он снустился к нам, потом глянул через плечо — убедиться, что дверь наверх плотно закрыта. Тут Билли не выдержал:

— Ну что там? Толстяк Ричи отдубасил своего сынишку, да?

— Нет, — ответил Генри. — Сам пока не пойму, в чем тут дело. Послушать Тимми, так это просто безумие какое-то!.. Впрочем, сейчас покажу кое-что. Деньги, которыми Тимми расплатился за пиво...

И он выудил из кармана четыре купюры по доллару каждая, стараясь держать их за уголки кончиками пальцев. В чем я его лично не виню. Банкноты были испачканы какой-то серой слизью, типа той гадости, что иногда видишь на поднортившихся или сгнивших продуктах. Он выложил их на прилавок, криво улыбнулся и сказал Карлу:

— Проследи за тем, чтоб никто не трогал... Пусть даже у паренька и разыгралось воображение, все равно трогать лучше не надо.

И он, обойдя мясной прилавок, направился к раковине и стал мыть руки.

Я поднялся, надел горохового цвета пальто, шарф, застегнулся на все пуговицы. Ехать на машине смысла не было — Ричи снимал квартиру на Керв-стрит, которая, с одной стороны, находилась поблизости, с другой — в таком трущобном mestechke, куда снегоочистители заезжают в последнюю очередь.

Выходя, мы услышали, как Билли Пелхем крикнул нам вслед:

— Смотрите, ребятишки, поаккуратнее там!

Генри лишь кивнул, затем поставил ящик с пивом на маленькую тележку, что держал у дверей, и мы двинулись в путь.

Режущий ледяной ветер ударил в лицо, и я тут же натянул шарф повыше и прикрыл им уши. Берти, на ходу надевая перчатки, на секунду замешкался в дверях. Лицо егоискажала болезненная гримаса, и я понял, что он сейчас чувствует. Хорошо быть молодым, раскатывать весь день на лыжах или этих чертовых жужжалках-снегокатах, но когда тебе перевалило за семьдесят и мотор изрядно поизносился, этот жгучий северо-восточный ветер леденит не только конечности, но и сердце и душу.

— Не хотелось бы пугать вас, ребяташки, — сказал Генри со странной кривой ухмылкой омерзения, которая, казалось, так и прилипла к его губам, — но я все равно должен показать вам это. И еще пересказать вкратце по дороге, что говорил мне мальчик. Потому как хочу, чтоб вы знали.

И он вынул из кармана пальто здоровенную пушку 45-го калибра, которую всегда держал заряженной и под рукой — точнее, под прилавком. Не знаю, где он ее раздобыл, но знаю, что однажды очень здорово пуганул ею одного мелкого рэкетира. Паренек, едва завидев эту хреновину, тут же развернулся и драпанул к двери.

Вообще наш Генри тот еще орешек. Как-то мне довелось стать свидетелем его разборки с каким-то студентом из колледжа, нытавшимся всучить ему вместо наличных весьма подозрительный чек. Этот юный жулик тут же с позором ретировался, причем у меня создалось впечатление, что из лавки он рванул прямиком в сортир.

Ладно. Я говорю вам все это только для того, чтоб вы поняли: наш Генри не робкого десятка. И что теперь он хотел, чтоб мы с Берти настроились на серьезный лад. Что мы и сделали.

Итак, мы двинулись в путь, сгибаясь под порывами ветра, точно посудомойки над раковинами. Генри, толкая перед собой тележку, пересказывал то, что услышал от мальчика. Ветер уносил слова, едва они успевали сорваться с его губ, но в целом мы расслышали почти все — даже

больше, чем хотелось бы. И я, следует признаться, был чертовски рад тому обстоятельству, что Генри прихватил свою игрушку.

Парнишка утверждал, что виной всему пиво — ну как это бывает, когда вдруг попадется банка несвежего. Продорченного, вонючего или зеленоватого оттеика — точь-в-точь как пятна мочи на трусах какого-нибудь ирландца. Помню, как-то один тин поведал мне, что достаточно всего одной крохотной дырочки, чтоб в банке попали бактерии, а уж от них, этих тварей, начинают потом твориться разные жуткие вещи. Дырочка может быть такой малосенькой, что и капли пива из нее не выльется, но бактерии запросто могут пробраться. Им самое главное — это влезть в банку, а уж пиво — самая лучшая среда и пища для этих подлых козяек.

Как бы там ни было, но мальчик рассказал, что однажды вечером, в октябре, Ричи притащил домой ящик «Голден лайт» и уселся нить его, пока он, Тимми, делал уроки.

Тимми уже собирался лечь спать, когда вдруг услышал голос отца:

— Господи Иисусе, тут что-то не так...

И Тимми спросил:

— В чем дело, папа?

— Пиво, — ответил отец. — Господи, ну и дрянь же на вкус! Хуже в жизни не пробовал!

Большинство из вас наверняка удивятся, зачем понадобилось Ричи пить это пиво, если уж оно было столь противным на вкус. Но ведь вы, мои дорогие, никогда не видели, как Ричи Гринейдин расправляется с пивом. Как-то я заскочил в забегаловку к Уолли и собственными глазами видел, как Ричи выиграл пари. Поспорил с каким-то парнем, что может выпить двадцать два бокала пива за минуту. Никто из местных спорить с ним не стал, но какой-то заезжий торгаш из Монпелье выложил на стол двадцатку, и Ричи его уделал. Выпил все двадцать

два бокала, и в запасе у него оставалось еще секунд семь. Хоть и выходил потом оттуда на бровях. Так что, полагаю, Ричи успел выпить не одну банку, прежде чем сообразил, что с пивом что-то не так.

— Ой, сейчас, кажись, сблюю... — пробормотал он. — Надо же, дрянь какая!..

Но когда до него дошло, было уже поздно. Мальчик сказал, что понюхал банку. Воняло так, словно в нее успело заползти некое существо и сдохнуть. На ободке крышки виднелась какая-то серая слизь.

Два дня спустя мальчик пришел из школы и увидел, что папаша сидит перед телевизором и смотрит какой-то слезливый дамский сериал. И все шторы на окнах опущены.

— Что случилось? — спросил Тимми. Он знал, что раньше девяти вечера отец обычно не появлялся.

— Ничего, телик смотрю, — ответил Ричи. — Что-то неохота сегодня выходить на улицу.

Тимми включил свет над раковиной, и тут вдруг Ричи как на него заорет:

— А ну выключи этот гребаный свет сию же секунду!

Тимми повиновался и даже не поинтересовался у отца, как же теперь ему делать уроки в темноте. Когда Ричи пребывает в таком настроении, лучше его не трогать.

— И сбегай притащи мие ящик пива! — сказал Ричи. — Деньги на столе.

Когда мальчик вернулся, отец по-прежнему сидел в темноте, хотя на улице к этому времени уже почти совсем стемнело. И телевизор был выключен. У Тимми прямо мурашки по спине поползли. Да и с кем бы этого не случилось! В квартире полная тьма, а папаша торчит себе в углу как пень.

И вот он выставил банки на стол, зная, что Ричи не любит, когда пиво слишком холодное, а потом, подойдя к отцу поближе, вдруг уловил странный запах гнили, типа

того, что порой исходит от сыра, пролежавшего на прилавке добрую неделю. Впрочем, надо сказать, Тимми не слишком удивился. Папашу никак нельзя было назвать чистюлей. Он промолчал, прошел в свою комнату, закрыл дверь и принялся за уроки, а через некоторое время услышал, что телевизор снова включили и что Ричи с хлоиком вскрыл первую банку.

Так продолжалось недели две или около того. Мальчик вставал утром, шел в школу, а когда возвращался домой, заставал отца перед телевизором, а деньги на пиво — на столе.

В квартире воняло все сильней и сильней. Ричи не поднимал штор на оконах, а где-то в середине ноября вдруг запретил Тимми делать уроки дома, сказал, что ему мешает свет, выбивающийся из-под двери. И Тимми стал ходить делать уроки к товарищу, что жил в квартале от него, не забывая, впрочем, принести папаше перед этим очередной ящик пива.

Затем как-то однажды Тимми пришел из школы — было четыре часа дня, но на улице уже почти совсем стемнело, — и тут Ричи вдруг говорит:

— Зажги свет.

Мальчик включил лампу над раковиной и только тут заметил, что папаша с головы до ног укутан в одеяло.

— Погляди, — сказал Ричи и высунул из-под одеяла руку. Только то была вовсе не рука... *Что-то серое*, так сказал мальчик Генри. *Что-то серое и совсем не похожее на руку. Просто серый обрубок...*

Ну и, естественно, Тимми Гринейдин страшно перепугался и спросил:

— Пап, что это с тобой, а?..

А Ричи ему и отвечает:

— Понятия не имею. Но ничего не болит... Даже, знаешь, приятно как-то.

Ну и тогда Тимми ему говорит:

— Давай я сбегаю за доктором Вестфейлом.

И тут все одеяло как задрожит, точно под ним находилось какое-то трясущееся желе. А Ричи как заорет:

— Даже и думать не смей! Если позовешь, я до тебя дотронусь, и с тобой будет то же самое. — И с этими словами на секунду отбросил одеяло с лица...

В этот момент я сообразил, что мы стоим на углу Харлоу и Керв-стрит и что замерз я, как никогда в жизни — прямо всего так и колотило. Похоже, градусник, вывешенный у входа в лавку Генри, все же врал. И потом, человеку трудно поверить в такие вещи... И все же эти страшные вещи иногда случаются...

Когда-то знал я одного парня по имени Джордж Келсо, он служил в Бангоре, в Администрации общественных работ. Лет пятнадцать занимался тем, что ремонтировал водопроводные трубы, электрические кабели и прочие подобные штуки. А затем в один прекрасный день вдруг уволился, хотя до пенсии ему оставалось года два, не больше. И Фрэйк Холдеман, один его знакомый, рассказывал, что однажды Джордж сунулся в канализационный люк — с обычными своими шутками и прибаутками, — а когда минут через пятнадцать вылез оттуда, волосы у него стали белыми как лунь, а глаза так просто вылезали из орбит, словно ему довелось заглянуть в ад. Оттуда он прыжком отправился в контору, взял расчет, а затем зашел в первый попавшийся по дороге бар и стал пить. И года два сунулся алкоголю его доконал. Фрэнки много раз пытался поговорить с ним об этом, и вот однажды Джордж, будучи няням в стельку, раскололся. Развернулся на табурете лицом к Фрэнку Холдеману и спросил, видел ли тот когда-нибудь паука величиной со здоровущую собаченцию и чтобы сидел этот паучище в паутине, битком набитой котятами, запутавшимися в ее шелковых нитях. Ну что мог ответить на это Фрэнки? Ничего. Я вовсе не утверждаю, что то, что рассказал ему Джордж, было правдой. Просто хочу сказать: попадаются еще на свете кое-какие штуки, при одном взгляде

на которые любой нормальный человек может запросто свихнуться.

Итак, мы с добрую минуту стояли на углу улицы — и это несмотря на то, что ветер продолжал бесноваться.

— Так что же он увидел? — спросил Берти.

— Сказал, что то был его отец, это он разглядел, — ответил Генри, — но все его лицо было покрыто серой слизью или еще какой дрянью... и что все черты сливались и походили на какое-то месиво. И что клочья одежды торчали из тела, словно кто вплывил их ему в кожу...

— Святый Боже... — пробормотал Берти.

— Потом Ричи снова укрылся одеялом и начал орать, чтоб мальчишка выключил свет.

— Он был похож на плесень, — сказал я.

— Да, — кивнул Генри, — вроде того.

— Ты глядн, держи пушку наготове, — заметил Берти.

— А ты как думаешь... — пробормотал в ответ Генри.

И мы двинулись по Керв-стрит.

Дом, в котором жил Ричи Гринейдин, находился почти на самой вершине холма. Эдакое чудище в викторианском стиле, выстроенное неким бумажным магнатом в начале века. Почти все дома такого рода впоследствии реконструировали и превратили в доходные, квартиры сдавались внаем. Немного отдохнувшись, Берти сообщил нам, что живет Ричи на третьем этаже и что окна его квартиры находятся аккурат вон под тем фронтом, что выдается вперед, точно бровь над глазом. А я, воспользовавшись случаем, спросил Генри, что же было с мальчиком дальше.

Примерно на третьей неделе ноября Тимми, вернувшись домой из школы, обнаружил, что отец уже не ограничивается простым опусканием штор. Он собрал все имевшиеся в доме одеяла и покрывала, завесил ими окна да еще плотно прибил гвоздями к рамам. И воняло в квартире еще сильней, а запах был такой сладковатый. Так пахнут пораженные гнилью фрукты.

Через неделю после этого Ричи стал заставлять сына подогревать ему пиво на плите. Слыхали о чем-либо подобном? И потом, представьте себя на месте ребенка, отец которого превращается в... э-э... нечто непонятное прямо у него на глазах да еще заставляет разогревать пиво! А потом мальчик слушает, как он ньет его — с эдаким тошнотворным хлюпаньем и причмокиванием, с каким старики едят свою похлебку. Вы только представьте...

Так продолжалось вплоть до сегодняшнего дня, когда мальчика отпустили из школы пораньше из-за снежной бури.

— Тимми сказал, что отправился прямиком домой, — продолжил повествование Генри. — Света в подъезде не было, паренек утверждает, что отец, должно быть, выбрался ночью на площадку и специально разбил лампочку. Так что Тимми пришлось пробираться к двери на ощупь. И вдруг он услышал за дверью какой-то странный шорох и возню. И тут в голову ему пришло, что ведь он и понятия не имеет о том, чем занимается Ричи в его отсутствие. На протяжении почти целого месяца он видел его только сидящим в кресле, а ведь человек должен и спать ложиться, и в ванную заходить хотя бы время от времени.

Дверь был врезан глазок, а изнутри находилась маленькая круглая задвижка, которой можно было бы его закрыть, но, поселившись в этом доме, они ни разу ею не пользовались. И вот паренек тихонько подкрался к двери и... посмотрел в глазок.

К этому времени мы уже подошли к лестнице у входа, и дом нависал над нами всем своим огромным безобразным лицом с двумя темными окнами на третьем этаже вместо глазниц. Я специально взглянул еще раз — убедиться, что в окиах черно, как в колодце. Так бывает, когда их завешивают одеялами или же закрашивают темной краской стекла.

— С минуту глаза мальчика привыкали к темноте. А затем вдруг он увидел громадный серый обрубок,

вовсе не похожий на человека. Обрубок полз по полу, оставляя за собой серый слизистый след. А потом вдруг протянул нечто серое змееобразное — кажется, то была рука — и вырвал из стены доску. И вытащил кошку... — И тут Генри на секунду умолк. Берти похлонывал рукой об руку, на улице было чертовски холодно, но ни один из нас не спешил подниматься к входной двери. — Дохлую кошку, — уточнил Генри, — уже давно разложившуюся. Мальчик сказал, что ее всю раздуло... и что по ней ползали такие мелкие белые...

— Хватит! Ради Бога, замолчи! — не выдержал Берти.

— А потом отец стал ее жрать.

Я понытался сглотнуть ставший поперек горла ком.

— Ну и тогда Тимми оторвался от глазка, — тихо закончил Генри, — и бросился бежать.

— Думаю, мне там делать нечего, — сказал Берти. — Вы как хотите, а я не пойду.

Генри молчал, лишь переводил взгляд с Берти на меня.

— Думаю, пойти все же придется, — сказал я. — Тем более что у нас пиво для Ричи.

Берти не произнес ни слова. И вот мы поднялись по ступенькам и вошли в подъезд. И я тут же учуял запах.

Известно ли вам, как пахнет летом на заводе, где изготавливают сидр? Нет, запах яблок присутствует там всегда, но осенью он еще ничего, потому как яблоки свежне и пахнут остро — так, что шибает в нос. А вот летом запах совсем другой, жутко противный. Примерно так же пахло и здесь, только, наверное, еще противнее.

Холл внизу освещала всего лишь одна лампочка, желтоватая и тусклая, заключенная в плафон из стекла «с изморозью». Она отbrasывала лишь слабое мутноватое мерцание. Лестница, ведущая наверх, тонула в тени.

Генри остановил тележку, снял с нее ящик с пивом, я же тем временем нытался нашарить выключатель у лестницы — зажечь свет на втором этаже. Но и там лампочка тоже была разбита.

Берти нервно передернулся и предложил:

— Давай я поташу пиво. А ты держи свою пушку на-готове.

Спорить с ним Генри не стал. Протянул ему ящик, и мы начали подниматься по лестнице. Генри — впереди, за ним — я, и замыкал шествие Берти с ящиком. Ко времени, когда мы добрались до площадки второго этажа, вонь там стояла просто нестерпимая. Пахло гнилыми забродивши-ми яблоками и чем-то еще более страшным.

Одно время, живя в Ливенте, я держал пса по кличке Рекс. Славная была собаченция, но нешибко умная, осо-бенно в том, что касалось правил дорожного движения. И вот как-то раз днем, когда я был на работе, Рекса сбила машина. Бедняга заполз под дом и там помер. О Господи, ну и вонища же началась! И мне пришлось выуживать его оттуда с помощью длинного шеста. Тут пахло примерно тем же — падалью, гнилью, плесенью и сыростью свеже-раскопанной могилы.

До сих пор я все же надеялся, что это какой-то дурац-кий розыгрыш, но, похоже, заблуждался.

— Я одному удивляюсь, Генри, как только соседи могут терпеть такое, — заметил я.

— Какие еще соседи... — проворчал Генри и снова улыбнулся странной натянутой улыбкой.

Я огляделся по сторонам и только тут заметил, что на лестничной площадке ныльно и грязно, а все три двери в квартиры, выходящие на нее, закрыты и заперты.

— Интересно, кто же здесь домовладелец? — спросил Берти и поставил ящик на стойку перил, чтобы отды-шаться. — Гето, что ли?.. Странно, что он их еще отсюда не вышвырнул.

— Да какой дурак станет сюда подниматься, чтоб вы-швырнуть? — заметил Генри. — Может, ты?

Берти промолчал.

Наконец мы преодолели последний лестничный пролет, который оказался еще круче и уже предыдущего.

Мне показалось, что здесь гораздо теплее. Словно где-то находился мощный радиатор, излучая тепло и тихонько побулькивая. Вонь стояла просто невыносимая, и я почувствовал, что желудок вот-вот вывернет наизнанку.

Площадка третьего этажа оказалась совсем крохотной, на нее выходила всего одна дверь — с глазком в середине.

Тут Берти вдруг тихонько ахнул и прошептал:

— Глядните-ка, ребята, мы во что-то вляпались!..

Я глянул под ноги и увидел на полу лужицы какой-то серой слизистой дряни. Похоже, перед дверью некогда лежал коврик. Впечатление было такое, словно эта серая гадость сожрала его.

Генри осторожно приблизился к двери, мы шли следом за ним. Не знаю, как Берти, но лично меня всего так и трясло от отвращения. Но Генри, похоже, ничуть не дрейфил. Напротив, приготовился, достал свою пушку и постучал в дверь кончиком рукоятки.

— Ричи! — окликнул он, и в голосе его не было страха, хотя лицо побледнело как мел. — Это Генри Пармелн из «Ночиои совы». Я тут тебе пиво приволок...

С минуту за дверью царила полная тишина, затем послышался голос:

— А где Тимми? Где мой мальчик?

Лично меня чуть инфаркт не хватил. Голос совершенно не походил на человеческий. Какой-то странный, низкий и булькающий, словно произносилсь эти слова с полным ртом каши.

— Он у меня в лавке, — ответил Генри. — Хоть поест паренек нормально. Он же у тебя отошел, словно бродячая кошка, Ричи...

За дверью снова настало молчание. Затем послышались ужасные хлюпающие звуки, точно человек в резиновых сапогах шагал по вязкой грязи. А потом тот же голос, но уже близко, у самой двери, произнес:

— Открой дверь и протолкни ящик в коридор. Только сперва сорви колечки с крышек, мне самому не справиться.

— Сию минуту, — ответил Генри. — Ну а сам-то ты как, а, Ричи?

— Не твоя забота, — ответил голос, и в нем отчетливо читалось нетерпение. — Давай сюда пиво и проваливай!

— Что, ни одной дохлой киски больше не осталось, а, приятель? — спросил Генри. И я заметил, что «кольт» он держит уже иначе — нацелившись в дверь и положив палец на спусковой крючок.

И вдруг меня, что называется, осенило. Как, должно быть, осенило Генри, когда мальчик рассказывал ему эту историю. Я кое-что вспомнил, и показалось, что запах гниения и падали усилился. А вспомнил я вот что: за последние три недели в городе пропали две молоденькие девушки и еще какой-то старый нянчужка из Армин спасення. Все они выходили на улицу с наступлением темноты, и больше их никто не видел.

— Давай сюда пиво! Иначе я сейчас выйду и заберу сам! — сказал голос.

— Думаю, тебе лучше самому забрать, — произнес в ответ Генри и прицелился.

А потом долго, очень долго вообще ничего не происходило. И я уже начал подумывать, что этим и кончится. Затем вдруг дверь резко распахнулась — так резко и с таким грохотом, что мне показалось: она вот-вот сорвется с петель. И из нее вышел Ричи.

Ровно через секунду, всего одну секунду, мы с Берти слетели вниз по лестнице, точно школьники, перепрыгивая сразу через четыре, а то и пять ступенек, и вылетели из двери в снежную круговерть, оскальзываясь и спотыкаясь на бегу.

Снускаясь, мы слышали, как Генри выстрелил три раза подряд. Выстрелы прогремели оглушительно, точно

разрывы гранат, и эхо еще долго перекатывалось громом в коридорах и на лестничных площадках этого нустого, проклятого Богом дома.

Того, что я успел увидеть за эту секунду, ну от силы две, хватит мне на всю оставшуюся жизнь. Это была гигантская волна какой-то серой слизи, лишь отдаленно напоминавшая своими очертаниями человека. Волна надвигалась на нас, оставляя за собой блестящий слизистый след.

Но это еще не самое страшное. Глаза этого... существа, они были плоскими, желтыми и совершиенно дикими, в них не проглядывало и искорки человеческой души. Точнее говоря, глаз было не два, а четыре, и все они находились где-то в центре этой туши, и между каждой парой глаз пролегала белая волокнистая линия с просвечивающей через нее нульсирющей розоватой плотью, что напоминало распоротое брюхо борова.

Это создание, эта тварь делалась... Делалась на две половины.

Мы с Берти добрались до лавки, не обменявшиеся по дороге ни единным словом. Не знаю, что творилось у него в голове, зато прекрасно помню, что пришло на ум мне. Таблица умножения, да. Дважды два — четыре, четырежды два — восемь, восемью два — шестнадцать... Шестиадцать умножить на два...

Мы вернулись. Карл и Билл Пелхем так и бросились к нам и стали задавать разные вопросы. Мы не отвечали на них, ни Берти, ни я, просто развернулись к окину и смотрели сквозь стекла, затянутые пеленой снега. Смотрели, не идет ли Генри. Продолжая заниматься умножением на два, я уже дошел до 32 768 — такого количества этих тварей вполне хватило бы, чтоб уничтожить все человечество, — а мы все сидели в тепле за пивом и ждали, кто из них явится первым. И до сих пор ждем.

Я от души надеюсь, что это будет Генри. Нет, правда, надеюсь.

ПОЛЕ БОЯ

— Мистер Реншоу!

Голос портвье догнал его на полпути к лифту. Нетерпеливо обернувшись, Реншоу переложил из одной руки в другую сумку, которую брал с собой в полет. В кармане пиджака деловито хрустнул конверт, плотно набитый двадцатками и пятнадцатками. Он хорошо поработал, и вознаграждение было превосходным — даже после того как Организация удержала за посредничество пятиадцать процентов. Теперь все, чего он хотел, — это принять горячий душ, выпить джин с тоником и лечь спать.

— Что там такое?

— Посылка, сэр. Распишитесь, пожалуйста.

Поставив подпись, Реншоу задумчиво посмотрел на прямоугольную коробку. На клейкой этикетке угловатым почерком с наклоном влево были написаны его имя и адрес. Почерк показался ему смутно знакомым. Он потряс посылку, стоявшую на отделанной под мрамор стойке, — внутри что-то тихо звякнуло.

— Хотите, чтобы это принесли вам позже, мистер Реншоу?

— Нет, я заберу сам. — Каждая из сторон посылки достигала примерно полуметра, держать ее под мышкой было довольно неудобно. Положив коробку на покрытый шикарным ковром пол лифта, Реншоу повернул свой

ключ в специальной скважине для пентхауса, находившейся выше ряда обычных киопок. Кабина бесшумно и плавно тронулась с места. Закрыв глаза, Реншоу принял-ся прокручивать последнее задание на темном экране своего сознания.

Сначала, как обычно, был звонок от Кэла Бейтса: «Ты свободен, Джонни?»

Он был свободен два раза в год, минимальный гонорар — десять тысяч долларов. Он был очень хорошим и надежным специалистом, но за что заказчики действительно не жалел денег — так это за его безуиречий талант хищника. Его, ястреба в человеческом обличье, генетика и окружающая среда создали для того, чтобы превосходно выполнять две функции: убивать и выживать.

После звонка Бейтса в почтовом ящике Реншоу появился темно-желтый коиверт — имя, адрес, фотография. Зафиксировав все это в памяти, он сжег коиверт вместе с содержимым, а пепел выбросил в мусоропровод.

На сей раз на снимке было бледное лицо бизнесмена из Майами по имени Ганс Моррис, основателя и владельца «Моррис той компании»*. Кому-то он помешал, и этот кто-то обратился в Организацию. Организация в лице Кэла Бейтса переговорила с Джоном Реншоу. Бабах! На похороны просим являться без цветов.

Двери лифта распахнулись, Реншоу подобрал посыпку и вышел из кабинки, затем отпер дверь своего номера. В это время дня, в начале четвертого, просторная гостинная была залита светом апрельского солнца. Реншоу на миг застыл, радуясь его сиянию, затем положил коробку на стоявший возле двери журнальный столик, бросил на него коиверт с деньгами, ослабил галстук и прошел к террасе.

---

* «Morris Toy Company» — «Компания игрушек Морриса» (англ.).

Толкнув раздвижную стеклянную дверь, он вышел на воздух. Было холодно, ветер насквозь продувал его тоикое пальто. Тем не менее Реишоу немного задержался на террасе, окидывая город взглядом, каким полководец смотрит на завоеванную им страну. По улицам, словно жуки, медленно ползли автомобили. Вдали, почти растворившись в золотистом предвечернем сиянии, сверкал Бэйбридж*, похожий на плод воображения сумасшедшего художника. На востоке за небоскребами в центре города едва проглядывали грязные доходные дома, покрытые лесом стальных телевизионных антенн. Нет, здесь, наверху, жить все-таки лучше. Лучше, чем там, в трущобах.

Вернувшись в помещение, он задвинул дверь и направился в ванную, чтобы понежиться под горячим душем.

Когда через сорок минут он сел за стол, чтобы с бокалом в руке изучить полученную коробку, тень доползла до середины темно-красного ковра. Лучшая часть дня уже закончилась.

Бомба.

Конечно, ее в посылке не было, но следовало вести себя так, словно она там находилась. Имеинко поэтому одни остаются в живых и без труда зарабатывают себе на хлеб с маслом, а другие отправляются на небеса, на тамошнюю гигантскую биржу труда.

Если это все же бомба, то без часового механизма. Никаких звуков, только бесстрастное и таинственное молчание. Правда, для наших дней более типичны пластиковые бомбы, а они обладают не столь ярким темпераментом, как часовые пружины «Уэстлокс»** или Биг-Бена.

Реншоу взглянул на почтовый штемпель: «Майами, 15 апреля». Отправлено нять дней назад. Значит, тут действительно нет часового механизма, иначе бы уже давно произошел взрыв, например, в сейфе отеля.

---

* Один из крупнейших в США мостов через залив Сан-Франциско.

** Марка часов британского производства.

Майами. Точио! И этот угловатый почерк с наклоном влево. На столе бледного бизнесмена в рамке стояла фотография, на которой была изображена старая карга в платке — еще бледнее самого Ганса Морриса. Внизу шла корявая подпись: «С наилучшими пожеланиями от девушки с первоклассными идеями. Мама».

И что же это за первоклассная идея, мама? Набор «Убей себя сам»?

Сложив на груди руки и не двигаясь, он с предельным вниманием рассматривал пакет. Посторонние вопросы тина того, откуда эта девушка с первоклассными идеями могла узнать... нет, узнала его адрес, Реншоу сейчас не занимали. На них позже ответит Кэл Бейтс. Сейчас это не важно.

Проворно и как бы чуть рассеяно он вытащил из бумажника маленький целлулоидный календарь и ловко вставил его под шпагат, которым была стянута коричневая бумага, затем передвинул под кусок клейкой ленты, закреплявшей один из клапанов упаковки. Клапан сразу высвободился.

Реишоу немого подождал, затем наклонился и принял дух. Картон, бумага, шпагат. Больше ничего. Обойдя вокруг коробки, он с легкостью онустился на корточки и повторил процесс. Сумерки занустили в помещение свои серые призрачные пальцы.

Выбившись из-под шпагата, один из клапанов открывал взору темно-зеленую коробку. Металлическую коробку с крышкой на петлях. Найдя перочинный нож, Реишоу разрезал бечевку. Она сразу отвалилась, а несколько осторожных движений кончиком ножа полистью обнажили коробку.

На ней имелось черные клейма, а спереди белыми трафаретными буквами было выведено: «ВЬЕТНАМСКИЙ СУНДУЧОК АМЕРИКАНСКОГО РЯДОВОГО ДЖО». И чуть ниже: «20 пехотинцев, 10 вертолетов, 2 автомата, 2 гранатометчика, 2 медика, 4 джипа». Еще

ниже располагалась переводная картинка с изображением флага. И совсем внизу, в углу, было написано: «“Моррис той компани”, Майами, штат Флорида».

Реншоу потянулся было к коробке, но тут же отдернул руку. В сидучке что-то зашевелилось.

Реишуо медленно встал и, няясь, двинулся в сторону кухни и коридора. Затем включил свет.

«Вьетнамский сидучок» раскачивался, коричневая бумага шуршала. Внезапно он опрокинулся и с тихим стуком шлепнулся на ковер. Крышка на петлях приоткрылась сантиметров на нять.

Из сундука начали появляться крошечные пехотинцы ростом примерно четыре с половиной сантиметра. Реншоу смотрел на них не мигая. Его сознание даже не пытались оценивать то, что он видел, — сейчас его занимала лишь реальная угроза.

Солдаты были в полевой форме, в касках и с ранцами. С плеч свисали крошечные карабины. Двое из них, быстро оглядев комнату, увидели Реншоу. Злобно сверкнули маленькие глаза — размером не больше булавочией головки.

Пять, десять, двенадцать, наконец все двадцать. Один взмахнул рукой, отдавая команду остальным. Все выстроились вдоль щели, образовавшейся после падения, и начали толкать крышку. Щель стала расширяться.

Сняв с кушетки большую подушку, Реишуо двинулся к сидучку. Командир оглянулся и взмахнул рукой. Остальные быстро обернулись и сняли с плеч карабины. Раздались тихие, отчетливые хлопки, и Реншоу внезапно почувствовал что-то вроде ичелиных укусов.

Он швырнул в солдатиков подушкой. Она попала в цель, разметав их в разные стороны, но задела и коробку, которая в результате полиостью раскрылась. Оттуда, жужжа, как стрекозы, вылетели миниатюрные вертолеты, окрашенные, по правилам маскировки, под цвет зеленых джунглей.

Ушай Реишуо достигло негромкое «пах-пах!», и из открытых дверей вертолетов вылетели крошечные языки дульного пламени. В его живот, правую руку и в шею словно вонзились иглы. Реншуо схватил рукой один из вертолетов — и внезапно ощутил острую боль в пальцах; брызнула кровь. Вращающиеся лопасти изрубили их до костей, образовав по диагонали багровые полосы, похожие на нарукавные нашивки. Остальные отлетели в сторону и стали виться вокруг, словно слепни. Подбитый вертолет упал на ковер и застыл в неподвижности.

Мучительная боль в ноге заставила Реишуо вскрикнуть. Один из пехотинцев стоял у него на ботинке и колол штыком в лодыжку. Солдатик с крошечным лицом смотрел на него снизу вверх, ныхтя и ухмыляясь.

Реишуо дернулся ногой, маленько тельце перелетело через комнату и ударилось о стену. Крови не было, образовалось лишь клейкое розовое пятно.

Раздался тихий кашляющий звук, и бедро Реншуо пронзила дикая боль. Из сундука показался гранатометчик. Из дула гранатомета лениво поднималось кольцо дыма. Посмотрев на свою ногу, Реишуо увидел на брюках почерневшую дымящуюся дыру размером с четвертак. Края ее были обуглены.

Маленький мерзавец меня подстрелил!

Развернувшись, он через коридор побежал в спальню. Деловито жужжа, один из вертолетов пролетел мимо щеки. Короткая автоматная очередь — и вертолет метнулся прочь.

Под подушкой лежал «магнум» 44-го калибра — достаточно мощный, чтобы проделать в любой мишени дыру величиной с два кулака. Держа нистолет обеими руками, Реишуо повернулся. Он отчетливо понимал, что ему придется стрелять по летающей мишени размером не больше электрической лампочки.

В этот момент к нему с жужжанием подлетели сразу два вертолета. Сидя на кровати, он выстрелил, и один из вер-

толетов разлетелся на куски. Уже два, подумал Реншоу. Он навел мушку на второй... нажал на спусковой крючок...

Вертолет рванулся в сторону. Черт побери, он увернулся!

В следующий миг вертолет стремительно налетел на него, спускаясь по почти отвесной дуге, передний и задний пропеллеры вертелись с неимоверной скоростью. Заметив в открытом отсеке автомата, стрелявшего короткими смертоносными очередями, Реншоу бросился на пол и откатился в сторону.

Глаза, этот мерзавец целил мне в глаза!

Он прижался спиной к дальней стене, держа нистолет на уровне груди. Но вертолет уже отступал. На мгновение он завис, словно размыщляя о превосходящей огневой мощи противника, и исчез, ретировавшись в гостиную.

Реншоу встал, наступил на раненую ногу и поморщился от боли. Кровь текла ручьем. А почему бы и нет? — мрачило подумал он. Не каждый получает прямое попадание из гранатомета и остается при этом в живых.

Значит, мамочка с первоклассными идеями? Похоже, именно так и даже чуточку больше.

Он стащил с подушки наволочку и перевязал ногу, затем снял с комода зеркало для бритв и подошел к двери в коридор. Опустившись на колени, выставил зеркало на ковер и заглянул в него.

Будь я проклят, они разбивают лагерь возле сундука!

Мпниатюрные солдаты бегали туда-сюда, проворно устанавливая палатки. Вокруг деловито разъезжали ня-тисантиметровые джипы. Врач хлопотал над солдатом, которого лягнул Реншоу. Оставшиеся восемь вертолетов охраняли территорию сверху, барражируя на высоте кофейного столика.

Внезапно они заметили зеркальце, и трое пехотинцев, опустившись на колено, начали стрелять. Через несколько секунд зеркальце разлетелось на четыре части. Что ж, ладно, ладно.

Вернувшись к комоду, Реншоу снял с него тяжелую шкатулку красного дерева для разной мелочи, которую Линда подарила ему на Рождество. Взвесив ее в руке, он кивнул, направился к двери и сделал мощный бросок, словно подающий в бейсболе. Онисав дугу, коробка попала точно в цель, сметая маленьких солдат, словно кегли. Один из джипов дважды перевернулся вокруг своей оси. Выдвинувшись к двери в гостиную, Реншоу пронцилился в распростертого солдата и показал ему, где раки зимуют.

Некоторые из оставшихся все же пришли в себя. Одни, как на стрельбище, вели огонь с колена, другие попрятались, а кое-кто отступил в сундучок.

«Пчелы» снова начали жалить Реншоу в ноги и грудь, но выше они не поднимались. Возможно, просто не могли. Впрочем, это не имело значения — он не собирался отступать. Все шло как надо.

В следующий раз он промахнулся — черт возьми, какие же они маленькие! — но очередной выстрел разнес солдатика на части.

Вертолеты снова яростно набросились на Реншоу. Теперь крошечные пули жалили его в лицо, повыше и пониже глаз. Он подстрелил сначала один вертолет, затем второй. Серебристые вспышки боли не позволяли ему как следует все рассмотреть.

Оставшиеся шесть вертолетов разделились на два звена и отступили. Лицо Реншоу было мокрым от крови, и он вытер его рукавом. Собравшись снова открыть огонь, он вдруг остановился. Отступившие в сундучок солдаты что-то выкатывали оттуда. Что-то, напоминающее...

Ослепительная желтая вспышка — и из стены слева от Реншоу дождем полетели куски дерева и штукатурки.

Ракетная установка!

Он выстрелил по ней, промахнулся, резко развернулся и побежал в ванную комнату, находившуюся в дальнем конце коридора. Захлопнув за собой дверь, он запер ее на замок. Из зеркала на него изумленно и испуганно смотрел

разгоряченный боем ипдеец, из крошечных ранок — отверстий размером не больше перечных зерен — текла красная краска. С одной щеки свисал неровный лоскут кожи, на шее виднелась глубокая борозда.

Я проигрываю!

Он провел дрожащей рукой по волосам. От входной двери он отрезан. От телефона и второго аппарата на кухне тоже. И к тому же у них есть проклятая ракетная установка — прямым попаданием ему запросто оторвет голову.

Черт побери, этой штуковины даже не было в списке на коробке!

Сделав глубокий вдох, Реншоу резко выдохнул, когда от двери с треском отлетел здоровенный, размером с кулак, кусок обгоревшего дерева. Вокруг рваных краев отверстия на миг всыхнули крошечные языки пламени. При следующем выстреле Реншоу успел заметить ослепительную вспышку. В помещение влетели новые куски дерева, рассыпавшись на коврике нылающими щепками. Реншоу затоптал огонь, но тут через образовавшееся отверстие с яростным жужжанием влетели два вертолета. Миниатюрные автоматные пули впились ему в грудь.

Взывы от ярости, он голыми руками свалил один из вертолетов на пол — на ладони тут же появился частокол глубоких порезов. Повинуясь внезапному озарению, он схватил тяжелое баптистское полотенце и швырнул им во второй вертолет. Машина упала, распростервшись на полу, и Реншоу тут же ее растоптал. Изо рта у него вырывалось хриплое бульканье. Горячая и жгучая кровь заливала глаз, и он поспешил вытереть ее рукой.

Вот так, черт подери! Вот так. Это заставит их призадуматься.

И в самом деле, они как будто призадумались. Мгновение пятнадцать никакого движения не наблюдалось. Присев на край ванны, Реншоу лихорадочно думал. Из этого ту-

пика должен быть какой-то выход. Обязательно должен быть. Если бы можно было как-то обойти их с флаига...

Обернувшись, он посмотрел на маленькое окошко над ванной. Такой способ есть. Ну конечно, есть!

Его взгляд упал на баллончик с жидкостью для зажигалок, который стоял на аптечке. Он было потянулся к нему, но тут услышал шорох.

Реншоу резко развернулся, поднял свой «магнум»... но это был всего лишь подсунутый под дверь маленький клочок бумаги. Даже для них, мрачию подумал Реншоу, эта щель слишком узкая.

Крошечными буквами на клочке бумаги было написано всего одно слово: «Сдавайся!»

Мрачию улыбнувшись, Реншоу положил баллончик в нагрудный карман. Поблизости валялся изжеванный огрызок караидаша. Нацарапав на бумаге ответ, он просунул ее обратно: «ЧЕРТА С ДВА!»

На это сразу последовал шквал ракетных залпов, и Реншоу отступил назад. По дуге влетая сквозь дыру в двери, ракеты взрывались на голубых плитках чуть выше вешалки для полотенец, превращая элегантную стену в миниатюрное подобие лунного пейзажа. Реншоу прикрыл рукой глаза — горячим ливнем шрапнели на него летела штукатурка. На рубашке появились горящие дыры, синяя словно посыпали перцем.

Когда обстрел закончился, Реншоу взобрался на ванну и распахнул окио. Сверху на него смотрели холодные звезды. За небольшим окошком находился очень узкий карниз, но раздумывать об этом сейчас было некогда.

Он высунулся в окио, и холодный ветерок хлестнул по истерзанному лицу и шее. Опершись на руки, посмотрел прямо вниз: он находился над пропастью в сорок этажей. Отсюда, из пентхауса, улица напоминала колею игрушечной железной дороги. Яркие мигающие огни городазывающе сверкали внизу, словно рассыпанные драгоценности.

С обманчивой легкостью тренированного гимнаста Реншоу оперся коленями о нижний край окиа. Если крошкичный, размером с осу, вертолет пролетит через дыру в двери, одного выстрела в задницу будет достаточно, чтобы он с криком полетел прямо вниз.

К счастью, ничего подобного не произошло.

Извернувшись, Реншоу вытянул из окиа одну ногу и ухватился за верхний край рамы. Мгновение спустя он уже стоял на карнизе.

Стараясь не думать о жуткой пропасти, разверзшейся под ним, о том, что случится, если вертолет устремится за ним в погою, Реншоу медленно двинулся к углу здания.

Осталось нять метров... Три... Ну вот, наконец дошел. Он остановился, прижавшись грудью к стене и раскинув руки по неровной поверхности. В нагрудном кармане торчал баллончик, пояс оттягивала ободряющая тяжесть «магнума».

Теперь нужно завернуть за этот проклятый угол.

Он осторожно продвинул вперед одну ногу и перенес на нее свой вес. Угол здания, острый, как бритвенное лезвие, врезался ему в грудь и живот. Воняло птичьим пометом, следы которого отчетливо виднелись на грубом камне. *Боже мой*, пришла в голову Реншоу безумная мысль, *вот уж не знал, что они залетают так высоко*.

Его левая нога внезапно соскользнула с уступа.

Одно роковое мгновение, показавшееся бесконечным, Реншоу покачивался на краю пропасти, правой рукой отчаянно молотя воздух, пока наконец не восстановил равновесие. Креико, словно любимую женщину, он обнимал здание, прижавшись лицом к его твердому углу и судорожно дыша.

Мало-помалу он передвинул за угол и вторую ногу.

В десяти метрах виднелась терраса его собственной гостиной.

Реншоу добрался до нее, задыхаясь от страха. Дважды ему пришлось останавливаться, когда резкие порывы ветра угрожали сбросить его с карниза.

Еще усилие — и он, ухватившись за декоративные железные перила, бесшумно перемахнул через них. Уходя, он оставил занавески лишь наполовину задернутыми и теперь осторожно заглянул в помещение. Ему удалось подобраться к врагу сзади — как он и хотел.

Четыре солдата и один вертолет охраняли сундучок. Другие, должно быть, находились возле двери в ванную вместе с ракетой установкой.

Ладно. Необходимо неожиданно ворваться в гостиную, как делают бойцы спецназа, уничтожить тех, что возле сундучка, затем выскочить за дверь. Потом быстремо на такси — и в аэропорт. Оттуда в Майами, чтобы найти там «девушку с первоклассными идеями». Наверное, он сожжет ей физиономию огнеметом. Это будет вполне справедливо.

Сняв рубашку, Реншоу оторвал от рукава длинную полосу. Остальное он бросил себе под ноги, откусив пластмассовый носик от баллончика с горючей жидкостью. Реншоу просунул в баллончик один конец тряпки, затем вытащил его и засунул другой конец, оставив снаружи лишь нитиадцатисантиметровую полоску влажной ткани.

Вытащив зажигалку, он сделал глубокий вдох и чиркнул колесиком. Затем поднес зажигалку к ткани и, когда она загорелась, рывком отодвинул стеклянную переднюю дверь и бросился внутрь.

Роняя на ковер капли горючей жидкости, Реншоу помчался вперед. Вертолет среагировал мгновенно, бросившись в самоубийственную атаку. Реншоу сбил его рукой, едва заметив жуткую боль, когда врачающиеся лопасти врезались в его незащищенную плоть.

Крошечные пехотинцы ринулись в супдучок.

Дальше все произошло очень быстро.

Реншоу швырнул баллончик с горючей жидкостью. Он ярко вспыхнул, быстро превращаясь в огненный шар.

В следующее мгновение Реншоу уже бежал к двери.

Он так и не узнал, что его убило.

Раздался сильный грохот, словно стальной сейф сбросили с приличной высоты. Только на сей раз удар сотряс все многоэтажное здание, заставив его стальной каркас вибрировать, словно камертон.

Дверь пентхауса сорвало с петель и вдребезги разбило о дальнюю степу.

Прогуливавшаяся внизу парочка вовремя посмотрела вверх, чтобы увидеть огромную белую вснышку — словно сотни фотографов одновременно нажали на спуск.

— Что-то взорвалось, — сказал мужчина. — Мне кажется...

— Что это? — спросила его спутница.

Что-то падало прямо на них, лениво кружась в воздухе; протянув руку, мужчина поймал странный предмет.

— Господн, да это же мужская рубашка! Вся в маленьких дырках. И в крови.

— Мне это не нравится, — встревоженно сказала женщина. — Вызовем такси, а, Ральф? Если наверху что-то случилось, нам придется беседовать с копами, а я не должна была сейчас с тобой встречаться.

— Ну да, конечно.

Оглядевшись по сторонам, он увидел такси и свистнул. Стоп-сигналы такси мигнули, и парочка помчалась к машине.

За ними, никем не замеченный, падал вниз маленький клочок бумаги. Слетев, он приземлился возле обрывков рубашки Джона Реншоу. Угловатым почерком с наклоном влево на нем было написано:

Эй, парни! Только в этом «Вьетнамском сундучке»!

Ограниченнное предложение!

1 ракетная установка,

20 ракет «Ураган» класса «земля – воздух».

1 мини-модель термоядерной боеголовки.

ГРУЗОВИКИ

Я чувствовал, что этот парень, Снодграсс, сейчас что-нибудь отчебучит. Глаза его все более округлялись, белки вылезали из орбит, как у пса, изготавливающегося к схватке. Юноша и девушка, чью старенькую «фюри» занесло при въезде на стоянку, пытались его вразумить, но он, склонив голову, слушал совсем другие голоса. Кругленький животик Снодграсса обтягивал дорогой костюм, правда, залоснившийся на задннце. Коммивояжер, он ни на секунду не расставался с заветным чемоданчиком с образцами. Вот и теперь чемоданчик лежал у его ног, словно любимая собака, решившая вздренуть.

— Попробуй еще раз включить радио, — подал голос сидевший у стойки водила.

Повар, он же раздатчик, пожал плечами, включил приемник. Прошелся по всему днапазопу, поймав разве что помехи.

— Ты слишком торонился, — упрекнул его водила. — Мог что-то и пропустить.

— Черта с два, — вырвалось у повара-раздатчика, пожилого негра с золотой улыбкой. Смотрел он не на водилу, а через витрину закусочной, на автостоянку.

Там выстроились семь или восемь тяжелых грузовиков с лениво работающими на холостых оборотах двигателями. Мурлыкали они, словно большие коты. Пара «маков»,

«хемингуэй», четыре или пять «рео». Трейлеры, обитатели автострад, с номерными знаками разных штатов, со штырями радиоантенн, торчащими над кабипами.

«Фьюри» девушки и юноши лежала колесами вверх в конце длинной колеи, которую сама же и прорыла в гравни, прежде чем превратиться в груду металломана. У выезда со стоянки замер раздавленный «кадиллак». Его владелец высовывался из разбитого окна, словно дохлая рыба. Очки в роговой оправе повисли на одном ухе.

А посреди стоянки лежало тело девушки в розовом платье. Она выпрыгнула из «кэдди», когда поняла, что им не уйти от погони. Побежала, но шансов на спасение у нее не было. И сейчас от одного взгляда на нее пробивала дрожь, хоть и лежала она лицом вниз. Над телом роились мухи. На другой стороне дороги «форд» впечатался в оградительный рельс. Произошло это час назад. Больше по шоссе не проехала ни одна легковушка. И телефон не работал.

— Ты слишком торопился, — повторил водила. — Тебе следовало...

Вот тут Снодграсс и сломался. Поднимаясь, опрокинул стол, три чашки разбились, просыпался сахар. Глаза коммивояжера раскрылись до предела, челюсть отвисла, он забормотал:

— Мы должны убраться отсюда должны убраться отсюда должны убраться отсюда.

Юноша закричал, его подружка завизжала.
Я сидел на ближайшем от двери стуле и успел схватить Снодграсса за рукав, но он вырвался. Совсем снятил. Прошиб бы сейфовую дверь.

Выскочил из закусочной и помчался к дренажной канаве, что тянулась по левому торцу стоянки. Два грузовика рванули за ним, выбросив к небу клубы сизого дыма. Из-под огромных задних колес фонтаном полетел гравий.

В няти или шести шагах от края Снодграсс оглянулся с перекошеным от страха лицом. Ноги заплелись, он чуть не упал. Сумел-таки сохранить равновесие, но это ему не помогло.

Один из грузовиков отвалил в сторону, уступая место второму, и тот, яростно сверкая на солнце радиаторной решеткой, накатил на человека. Снодграсс закричал тонким, пронзительным голосом. И крепко его едва прорвался сквозь рев дизельного мотора «рео».

Грузовик не утяпнул его под колеса. Лучше бы утяпнул. Но он подбросил тело вверх, словно жоиглер — мяч. На мгновение оно застыло на фоне жаркого неба, похожее на искалеченное чучело, а потом исчезло в дренажной канаве.

Тормоза грузовика зашипели, словно шумно дохнул дракон, передние колеса взрыли гравий и замерли в нескольких дюймах от края. Нет, чтобы последовать за покойником.

Девушка в кабинке заверещала. Вценилась обеими руками в щеки, оттягивая их вниз, превращая лицо в маску колдуны.

Зазвенело бьющееся стекло. Я повернулся и увидел, как стакан водилы осколками высыпается из его руки. Сам водила, похоже, этого еще не заметил. В лужу молока на стойке закапала кровь.

Чернокожий повар остался у радноприемника с кухонным полотенцем в руках, с нанисанным на лице изумлением. Блестели золотые зубы. Какое-то время слышался лишь треск статических помех из «уэстклокса» да ворчание двигателя «рео», возвращающегося к своим собратьям. Затем девушка зарыдала в голос, и слава Богу. Как-то полегчало.

Через окою я видел и свой автомобиль. Вернее, то, что от него осталось. «Камаро» выпуска 1971 года, за который я еще не расплатился, хотя теперь едва ли стоило из-за этого волиоваться.

Грузовиками никто не управлял. Солнечные лучи отражались от стекол пустых кабин, колеса поворачивались сами по себе. Думать об этом не хотелось. Такие мысли сводили с ума. Снодграсса вот свели.

Прошло еще два часа. Солнце покатилось к горизонту. Грузовики патрулировали стоянку, ездили кругами, вынысывали восьмерки. Зажглись подфарники, габаритные огни.

Я дважды прошелся вдоль стойки, чтобы размять затекшие ноги. Затем сел в одну из кабинок у окиа. Обычная закусочная для шоферов- дальнобойщиков. Рядом с автострадой. В комплексе с ремонтикой мастерской, заправочными колонками с бензипом и дизельным топливом. Водители заходили сюда, чтобы выпить кофе, съесть кусок нирога, сандвич, гамбургер.

— Мистер? — В голосе слышалась неуверенность.

Я обернулся. Молодняк из «Фьюри». Парню лет девятнадцать. Длинные волосы, жиденькая бороденка. Девушка помоложе. На год-полтора.

— Да?

— Что с вами произошло?

Я пожал плечами.

— Ехал по автостраде в Пелсон. Грузовик пристроился сзади. Я его заметил издалека. Такое страшилище. Обгонял «жука» и просто скинул его с дороги, вильнув кузовом. Так пальцем сбрасывают со стола бумажный шарик. Я думал, что грузовик последует за «Фольксвагеном». Ни один водила не удержал бы его на асфальте. Как бы не так. «Фольксваген» перевернулся раз шесть или семь и взорвался. Потом грузовик разделся еще с одной легковушкой. И уже подбирался ко мне, поэтому я воспользовался ближайшим съездом с автострады. — Я невесело рассмеялся. — И угодил аккурат на стоянку грузовиков. Из огня да в полымя.

Девушка шумно стглотпула.

— Мы видели «грейхаунд»*, едущий по полосе встречного движения. Он буквально... подминал под себя... легковушки. Он взорвался и сгорел, но до того... убивал.

Автобус! Сюрприз, и не из приятных.

За окном разом всыхнули фары грузовиков, залив стоянку безжалостным белым светом. В урчании двигателей они кружили перед закусочией. Фары напоминали глаза. Громадные темные прямоугольники кузовов, громоздившихся над кабинами, — плечи гигантского доисторического животного.

— Если включим свет, хуже не станет? — спросил повар-раздатчик.

— Попробуй, — ответил я. — Заодно и узнаем.

Он повернул выключатель, и под потолком зажглись люминесцентные лампы. Ожила и неоновая вывеска над входной дверью: СТОЯНКА-ЗАКУСОЧНАЯ КОНДИТЕРСКАЯ ПРИЯТНОГО АППЕТИТА. Ничего не изменилось. Грузовики продолжали нести вахту.

— Не могу этого понять. — Водила слез с высокого стула у стойки, заходил взад-вперед, с рукой, обмотанной красной бандажной лентой. — С моей крошкой я не знал никаких проблем. Хорошая, добрая девочка. Я свернулся сюда в начале второго в надежде поесть спагетти. Тут все и началось. — Он взмахнул руками. — Мой грузовик здесь. Я вожу его шесть лет. Но стоит мне выйти за дверь...

— Это только начало. — Повар-раздатчик тяжело вздохнул, в глазах стояла печаль. — Плохо, что радио не работает. Это только начало.

Девушка побледнела как мел.

— Не каркай, — бросил я негру. — Рано еще об этом говорить.

* «Грейхаунд» — название компании, осуществляющей автобусные перевозки по всей стране, и соответственно автобусов, следующих по ее маршрутам.

— А в чем причина? — полюбоньгствовал воднла. — Электрическая буря? Ядерные иснытання? Что?

— Может, они взбесились? — предположил я.

Примерно в семь вечера я подошел к повару.

— Как у нас с припасами? Я хочу сказать, сколько мы сможем продержаться?

Он насупился:

— С припасами порядок. Вчера только завезли. Две-три сотни замороженных гамбургеров, консервирован-ные овощи и фрукты, овсяные хлонья. Молоко только то, что в холодильнике, зато вода из скважины, хоть залейся. Если придется, внятером мы просидим тут и месяц.

Водила присоединился к нам.

— Жутко хочется курить. А этот автомат с сигаретами...

— Автомат не мой, — перебил его повар-раздатчик. — Так что...

Воднла нашел в подсобке железный ломпк. Принялся за автомат.

Юноша шагнул к другому автомату, музыкальному. Бросил в щель четвертак.

Джон Фогарти запел о том, каково роднться в дельте реки.

Я сел, выглянул в окио. Увиденное мне не понравилось. Комианию грузовиков пополнил легкий «шеви»-пи-кап. Шетлеидский пони среди першеронов. Я смотрел на стоянку, пока «шеви» не перекатился через тело девушки из «каднллака». Потом отвернулся.

— Мы же от них ушли! — неожиданно воскликнула девушка. — Им до нас не добраться!

Ее дружок предложил ей затухнуть. Воднла вскрыл автомат, вытащил шесть или семь пачек. Рассовал по карманам, одну распечатал. Сосредоточенно уставился на нее: похоже, решал, курить ему сигареты или есть.

Заиграла другая пластинка. Я взглянул на часы. Ровно восемь.

В половине девятого вырубилось электричество.

Когда погас свет, девушка закричала, но крик разом оборвался — юноша заткнул ей рот. С глубоким вздохом замолк музыкальный автомат.

— *Господи!* — вырвалось у водилы.

— Раздатчик, — позвал я. — Свечи у тебя есть?

— Думаю, да... Я сейчас... Ага, вот они.

Я поднялся, взял свечи. Мы их зажгли, расставили по столам, на стойке.

— Будьте осторожны, — предупредил я. — Если случится пожар, нам придется дорого за это заплатить.

— Оно и понятно, — хохотнул повар-раздатчик.

Молодые вновь уселись в кабинку, обнялись. Водила стоял у двери черного хода, наблюдал за шестью или семью грузовиками, которые кружили у топливных колонок.

— Это все меняет, не так ли? — спросил я у раздатчика.

— Более чем, если света больше не будет.

— Что нас ждет?

— Гамбургеры разморозятся через три дня. Другое мясо раньше. С консервами и овсяными хлоньями ничего не случится. Без насоса не накачать воды.

— Сколько продержимся?

— Без воды? Неделю.

— Заполни все пустые емкости. А как насчет туалетов?

В бачках хорошая вода?

— Для работников туалет в этом здании. Чтобы попасть в общественный, мужской и женский, надо выходить.

— Можно пройти через ремонтную мастерскую? — спросил я.

— Нет, только через боковую дверь.

Он нашел два оцинкованных ведра. Подошел юноша.

— Чем занимаетесь?

— Нам нужна вода. Какую сможем достать.

— Дайте мне ведро.

Я протянул ему ведро.

— Джерри! — закричала девушка. — Ты...

Он зыркнул на нее, и больше она не произнесла ни слова, но схватила бумажную салфетку и начала разрывать ее на длинные полосы. Водила курил вторую сигарету и, опустив голову вниз, улыбался полу. Голоса он не подал.

Мы подошли к боковой двери, через которую днем я влетел в закусочную. Фары не знающих покоя грузовиков то и дело били нам в глаза.

— Пора? — спросил юноша, случайно задев меня плечом. Мышцы так и перекатывались. Если бы прикончил его в тот момент, он бы прямиком отиравился на небеса.

— Расслабься, — бросил я.

Он улыбнулся. Криво, но все лучше, чем никак.

— Двинулись.

Мы выскоциили в холодный ночиой воздух. В траве трещали цикады, в дренажной канаве лягушки давали концерт. Снаружи гудение двигателей усилилось, стало более угрожающим: хищники, вышедшие на охоту. В закусочиой казалось, что все это — кипо. За дверью выяснялось, что на кон поставлена твоя жнзнь.

Мы крались вдоль забранной в пластик стены. В тени неширокого козырька. Мой «камаро» размазали по забору, и искореженный металл поблескивал отраженным светом фар. Так же, как и лужицы бензина и масла.

— Ты идешь в женский туалет, — прошептал я. — Наполни ведро из бачка и жди моего сигнала.

Гудение дизельных двигателей. Обманчивое. Думаешь, что они приближаются, но слышншь-то эхо, отражающееся от стен.

Юноша открыл дверь женского туалета и скрылся за ней. Я прошел дальше и юркнул в дверь мужского. Облегченно выдохнул. Поймал в зеркале свое отражение: напряженное лицо-маска, запавшие темные глаза.

Я снял фаянсовую крышку, зачерпнул полиоэ ведро. Чуть отлил, чтобы не расплескать по полу, вернулся к двери.

— Эй?

— Я здесь, — ответил он.

— Готов?

— Да.

Мы вышли. Шесть шагов, и тут нам в глаза ударили фары. Грузовик подкрался к нам, огромные колеса неслышно катили по гравию. Затаился, чтобы теперь прыгнуть на нас, поймав в круг света. Громадная хромированная решетка радиатора разве что не зарычала.

Юноша застыл, лицо его перекосило от ужаса, глаза округлились, зрачки превратились в точки. Я двинул ему в спину, расплескав полведра.

— Шевелись.

Взвыл дизельный двигатель. Через плечо юноши я потянулся к двери, но ее распахнули изнутри. Юноша прыгнул в черный проем, я — за ним. Оглянувшись, чтобы увидеть, как грузовик, «нитербилт», поцеловался со стеной, вырывая из нее куски пластиковой обшивки. Раздался раздирающий уши скрежет, словно гигантские когти царапали по классной доске. Затем правый край переднего бампера и часть радиаторной решетки ударили в открытую дверь. Хрустальным дождем посыпалась осколки стекла, дверь сдернуло с металлических петель, как бумажную. Унесло в ночь, словно на картине Дали, а грузовик, набирая скорость, покатил на автостоянку, обдав нас сизым дымом. В реве двигателя слышались злость и разочарование.

Юноша поставил ведро на пол и упал в объятия девушки, дрожа всем телом.

Сердце у меня билось, как молот. Ноги стали ватными. Что же касается воды, то на двоих мы припесли три четверти ведра. Не стоило и надрываться.

— Надо забаррикадировать эту дверь. — Я повернулся к повару-раздатчику. — Подскажи чем.

— Ну...

— К чему? — вмешался водила. — Любой большой грузовик втиснется сюда только колесом.

— Меня волиуют не грузовики.

— Мы можем взять лист пластика из кладовой, — предложил раздатчик. — Босс собирался строить пристройку для баллонов с бутаном.

— Поставим к двери пару листов и подопрем их перегородками от кабинок, — решил я.

— Сойдет, — кивнул водила.

Этим мы все и занялись, даже девушка. Баррикада получилась достаточно солидная. Конечно, лобового удара она бы не выдержала. Это все понимали.

У витрины, выходящей на стоянку, еще оставались три кабинки. Я сел в одну. Часы над стойкой остановились в восемь тридцать две. На сооружение баррикады ушло часа полтора. Снаружи рычал один грузовик. Некоторые уехали, спеша выполнять неведомые нам задания, другие прибыли. Я насчитал три пикапа, кружавших среди своих более крупных собратьев.

Меня потянуло в сон, но, вместо того чтобы считать овец, я начал считать грузовики. Сколько их в штате, сколько в Америке? Трейлеров, никапов, для перевозки легковушек, малотоннажных... а если прибавить к ним десятки тысяч армейских и автобусы. Кошмарное зрелище возникло перед моим мысленным взором: автобус, двумя колесами на тротуаре, двумя — в сливной канаве, несется вдоль улицы, как кегли, сшибая воняющих пешеходов.

Я отогнал эти мысли прочь и забылся тревожным сном.

Кричать Снодграсс начал где-то под утро. Молодой месяц высвечивал землю в разрывах облаков. К мерному

гудению двигателей добавился новый лязгающий звук. Я выглянул в окио и увидел пресс-подборщик сена, совсем рядом с потухшей вывеской. Лунный свет отражался от поворачивающейся штаиги пакера.

Крик донесся вновь из дренажной канавы:

— Помогите... *м-м-мне...*

— Что это? — спросила девушка. Тени под глазами стали шире, на лице нарисовался испуг.

— Ничего.

— Помогите... *м-м-м-мне...*

— Он жив, — прошептала девушка. — О Боже. *Он жив.*

Я его не видел, но нужды в этом и не было. Я и так знал, что лежит Снодграсс, свесившись головой в дренажную канаву, с переломанными позвоночником и ногами, в костюме, заляпанном грязью, с белым, перекошенным от боли лицом...

— Я ничего не слышу. А ты?

Она посмотрела на меня.

— Разве так можно?

— Вот если ты его разбудишь, — я указал на сияющего юношу, — он, возможно, что-то услышит. Даже решит, что надо помочь. Как ты на это посмотринешь?

Ее щека дернулась.

— Я ничего не слышу, — прошептала она. — Ничего.

Прижалась к своему дружку, положила голову ему на грудь. Не просыпаясь, он обнял ее.

Больше никто не проснулся. Снодграсс еще долго кричал, стонал, плакал, но потом затих.

Рассвело.

Прибыл еще один грузовик с плоским кузовом-платформой для перевозки легковушек. К нему присоединился бульдозер. Вот тут я испугался.

Подошел водила, сжал мне плечо.

— Пойдем со мной, — возбужденно прошептал он. Остальные еще спали. — Есть на что посмотреть.

Я последовал за ним в кладовую. Перед окном кружило с десяток грузовиков. Поначалу я не заметил ничего необычного.

— Видишь? — указал он. — Вот там.

Я увидел. Одип из никапов застыл. Стоял, ничем никому не угрожая.

— Кончился бензин?

— Имепно так, дружище. *А вот сами они заправиться не могут!* Мы их сделаем. Придет наш час. — Он улыбнулся и полез в карман за сигаретами.

Где-то в девять утра, когда я ел на завтрак кусок вчерашнего нирога, заревел гудок. Надрывно, протяжно, сводя с ума. Мы подошли к панорамному окну. Грузовики стояли, двигатели работали на холостых оборотах. Одип трейлер, громадный «рео» с красной кабиной, выкатился передними колесами на узкую полоску травы между стеной закусочией и автостоянкой. С такого расстояния радиаторная решетка еще больше походила на звериную морду. Да еще колеса чуть ли не в рост человека.

Гудки вновь прорезали воздух. Отчаянные, требовательные. Короткие и длинные, чередующиеся в определенной последовательности.

— Да это же «морзе»! — неожиданно воскликнул Джерри.

Водила повернулся к нему:

— Откуда знаешь?

Юноша покраснел:

— Выучил в бойскаутах.

— Ты? Ты? Ну и ну. — Водила изумленно покачал головой.

— Хватит об этом, — оборвал я водилу. — Вспоминить сможешь?

— Конечно. Дайте послушать. Есть у кого-нибудь караидаш?

Повар-раздатчик протянул ему ручку, юноша начал вынистывать на салфетке буквы. Потом перестал.

— «Внимание». Снова и снова. Подождем.

Мы ждали. Череда длинных и коротких гудков рвала и рвала воздух. Внезапно последовательность изменилась, юноша онять взялся за ручку. Мы нависли над его плечами, читая появляющиеся на салфетке слова: «Кто-то должен качать горючее. Кому-то не причинят вреда. Все горючее надо перекачать. Немедленно. Сейчас же кто-то должен начать перекачивать горючее».

Грузовик повторил послание. Не нравились мне печатные буквы, написанные на салфетке. Какие-то механические, безжалостные. Не признающие комиромиссов. Или ты подчиняешься, или...

— Так что будем делать? — спросил юноша.

— Ничего, — ответил водила. Его глаза сверкали. — Нам надо выждать. Горючего у них совсем ничего. Одип из маленьких пикапов уже заглох. Будем ждать.

Гудки смолкли. Грузовик дал задний ход, присоединился к остальным. Они стояли полукругом, целя в нас фарами.

— Там бульдозер, — заметил я.

Джерри посмотрел на меня:

— Вы думаете, они снесут эту хнбару?

— Да.

Он повернулся к повару-раздатчику:

— Они не смогут этого сделать, не так ли?

Повар пожал плечами.

— Мы должны голосовать, — объявил водила. — На шантаж не поддадимся, черт побери. Надо ждать, и ничего больше. — Последнюю фразу он повторил трижды, как заклинание.

— Хорошо, — согласился я. — Голосуем.

— Ждать, — тут же вырвалось у водилы.

— Думаю, мы должны их заправить, — возразил я. — И дождаться нашего шанса на спасение. Раздатчик?

— Остаемся здесь. Кому охота быть их рабами? А к этому мы приDEM. Не хочу до конца жизни заправлять эти...

штуковины, как только они загудят. Это не по мне. — Он выглянул в окно. — Пусть поголодают.

Я посмотрел на юношу и девушку.

— Думаю, он прав, — ответил юноша. — Только так их можно остановить. Если кто-то и сумеет нас спасти, то лишь после того, как заглохнут их двигатели. Одному Господу известно, что творится в других местах. — И девушка, в глазах которой застыл Снодграсс, кивнула, шагнув к своему дружку.

— Пусть будет так, — не стал спорить я.

Подошел к сигаретному автомату, взял пачку, не взглянув на марку. Курить я бросил год назад, но почувствовал, что самое время начать снова. От табачного дыма запершило в горле.

Проползли двадцать минут. Грузовики на стоянке ждали. Другие выстроились у заправочных колонок.

— По-моему, все это блеф, — нарушил тишину водила. — Они не...

И тут громко взревел двигатель, стих, взревел вновь. Бульдозер.

Он сверкал на солнце, как шершень, «каторниллер» с лязгающими стальными гусеницами. Черный дым валил из выхлопной трубы. Он развернулся к нам ножом.

— Собирается напасть! — На лице водили отразилось безграничное изумление. — Он собирается напасть на нас!

— Назад! — распорядился я. — За стойку!

Двигатель бульдозера все ревел. Рукоятки переключения скоростей двигались сами по себе. Над срезом выхлопной трубы дрожал горячий воздух. Внезапно нож приподнялся, изогнутая стальная пластина, вся в грязи. Затем, натужно взывив, бульдозер двинулся на нас.

— За стойку! — Я подтолкнул водилу, очнувшись и остальные.

Невысокий бетонный выступ отделял гравий автостоянки от полосы травы. Бульдозер перевалил через него, еще чуть приподняв нож, потом врубился в фасад. Посы-

пались осколки стекла, деревянные рамы разлетелись в щепки. Одна из ламп упала на пол, осколков прибавилось. С полок смело посуду. Девушка закричала, но ее крик растворился в рокоте двигателя «каторнилера».

Он отъехал, оставив за собой взрытую землю, вновь рванулся вперед. Оставшиеся кабинки покорежило, вышибло на середину зала. Противень с нирогом слетел со стойки, куски иирога заскользили по полу.

Повар-раздатчик сидел на корточках. Юноша обнимал девушку. Водилу тряслось от страха.

— Это надо остановить, — забормотал он. — Скажи им, мы сделаем все, что они захотят.

— Поздиовато говорить, не так ли?

«Катерпиллер» откатился, готовясь к очередной атаке. На ноже появились новые царапины, поблескивающие на солнце. С ревом он двинулся на нас. На этот раз удар пришелся по несущей опоре слева от окна, вернее, от того места, которое занимало окно. Часть крыши рухнула. Столбом поднялась ныль.

Бульдозер выехал из-под обломков. Позади него ждали грузовики.

Я схватил повара за плечо.

— Где бочки с печным топливом? — Плиты работали на бутане, но я заметил вентили отонительной системы.

— В кладовой, — ответил он.

Я повернулся к юноше:

— Пошли.

Мы поднялись, шмыгнули в кладовую. Бульдозер нанес новый удар, и все здание содрогнулось. Еще немного, и он смог бы подъехать к стойке за чашечкой кофе.

Мы нашли две бочки с печным топливом по пятьдесят галлонов каждая. У двери стоял ящик с нустыми бутылками из-под кетчупа.

— Возьми их, Джерри.

Когда он припес бутылки, я снял рубашку, разорвал ее на тряпки. Бульдозер долбил и долбил, после каждого

удара что-то рушилось. Я наполнил печным топливом четыре бутылки, заткнул горлышки тряпками.

— Играли в футбол? — спросил я юношу.

— В школе.

— Отлично. Думай о том, что ты должен отдать точный пас.

Мы вернулись в закусочную. С фасадом бульдозер покончил. Осколки стекла сверкали, словно алмазные россыпи. Несущая балка одним торцом уперлась в пол, перегораживая доступ к стойке. Бульдозер нытился, выбирая позицию поудобнее, чтобы потом сдвинуть ее в сторону. Я решил, что, очистив путь, он одним ударом сметет и стулья, и стойку.

Мы присели на корточки, выставили перед собой бутылки.

— Зажигай, — приказал я водиле.

Тот достал спички, но руки у него так тряслись, что он выронил их на пол. Повар подобрал спички, чиркнул одиой. Масляно блестели тряпки.

— Быстрее, — торонил я.

Мы побежали, юноша чуть впереди. Стекло хрустело под ногами. В воздухе пахло горячим маслом. Вокруг громыхало, сверкало.

Бульдозер рипулся в атаку.

Юноша поднырнул под балку. Широкий швеллер наискось перерезал его силуэт. Я обогнул балку справа. Первая бутылка юноши не долетела до цели. Вторая разбилась о нож, и пламя выплеснулось зря. Юноша попытался повернуться, отбежать, но бульдозер уже накатил на него, четыре тонны стали. Руки юноши взлетели вверх, и он исчез под ревущим чудовищем.

Я оказался сбоку. Одна бутылка полетела в открытую кабину, вторая — в двигатель. Взорвались они одновременно, в языках пламени.

Двигатель бульдозера взывал, совсем как человек, в ярости и боли. Бульдозер завертело, он снес левый угол

закусочной и, как нъянный, покатился к дренажной канаве.

Тракн гусениц няtnала кровь. Там, где упал юноша, лежало что-то, напоминающее смятое бумажное полотенце.

У самой канавы бульдозер, с полыхающими двигателем и кабиной, взорвался, выбросив гейзер осколков.

Я подался назад и едва не упал, споткнувшись о груду битого кирпича. Запахло паленым. Но горело не печное топливо — волосы. Мои волосы.

Я сдернул со стола скатерть, накинул на голову, обежал стойку, супул голову в раковину с такой силой, что едва не прошиб ее. Девушка билась в истернке, снова и снова выкрикивая имя своего дружка.

Я оглянулся и увидел громадный грузовик для перевозки легковушек, подтягивающейся к беззащитному фасаду.

Водила с нечленораздельным воплем метнулся к боковой двери.

— Нет! — понытался остановить его повар-раздатчик. — Нельзя...

Но водила уже несся к дренажной канаве и начинающемся за ней полю.

Маленький грузовичок с надписью «ПРАЧЕЧНАЯ ВОНГА. НЕМЕДЛЕННАЯ ДОСТАВКА» на борту, должно быть, стоял в засаде, невидимый от боковой двери. Он накатил на водилу, прежде чем тот успел моргнуть. Потом грузовичок уехал, а водила остался на гравии. От удара сапоги слетели с ног.

Грузовик-перевозчик тем временем миовал бетонный уступ, травку, останки юноши, остановился, всунувшись гигантским рылом-решеткой в закусочную.

Прогудел раз, другой, третий...

— Хватит! — заверещала девушка. — Хватит, пожалуйста, хватит!

Но гудки не прекратились. Мы быстро все поняли. Послание не изменилось. Грузовик хотел, чтобы мы накормили и его, и остальных.

— Я пойду. — Я вышел из-за стойки. — Насосы не заблокированы?

— Нет, — ответил повар. Он постарел лет на пятьдесят.

— Нет! — Девушка бросилась мне на грудь. — Вы должны их остановить. Уничтожить, сжечь... — От горя у нее перехватывало дыхание.

Повар-раздатчик обнял ее. Я обогнул стойку, вышел через кладовую. Сердце стучало, как паровой молот, когда я ступил на гравий автостоянки. Солнечные лучи жгли кожу. Хотелось курить, но я не решился чиркнуть спичкой у заправочных колонок.

Грузовики все выстраивались в затылок друг другу. А маленький, из прачечной, держался неподалеку, рыча, как сторожевой пес. Его колеса поскрипывали по гравию. Одно неверное движение с моей стороны, и он бы размазал меня в лепешку. Солнце блеснуло на ветровом стекле, и по моему телу пробежала дрожь. Я словно взглянул в лицо идиота.

Я включил насос и вытащил шлаиг из гнезда. Отвернулся крышку с первого бака и начал заливать горючее.

Мне потребовалось полчаса, чтобы осушить первый резервуар, и я перешел ко второму блоку колонок. Грузовики сменяли друг друга. Каким-то требовался бензип, другим — дизельное топливо. Я начал осознавать, что происходит. Мне открылась истина. Люди продевывали то же самое по всей стране, если только не лежали трупами, как водила на гравии, со слетевшим с ног сапогам, с четким рисунком протектора, впечатавшимся в спину.

Второй резервуар онустел, я принялся за третий. Солнце жгло немилосердно. От паров бензипа разболелась голова. На нежной коже между большим и указательным пальцами вздулись волдыри. Но грузовики про это ничего не знали. Они понимали, что такое текущие трубопро-

воды, заклинившие подшипники, выбитые шаровые опоры, но представить себе не могли, что есть водяные нузыри, солиечный удар и нестерпимое желание завопить во весь голос. О своих бывших хозяевах им требовалась малая толика знаний, и они ее уже усвоили: из нас текла кровь.

Покончив с последним резервуаром, я бросил шлаиг на землю. Грузовики все стояли. Я разогнулся, повернул голову. Очередь вытянулась вдоль стоянки, перетекая на автостраду, расширяясь до двух-трех полос, уходя к горизонту.

Такое случалось только в Лос-Анджелесе да еще в час пик. Воздух мерцал от горячих выхлопных газов, пахло сгоревшим дизельным топливом.

— Все, — выдохнул я. — Горючего нет. Резервуары сухие.

И тут басовито заревел мощный двигатель. Громадный серебристый грузовик свернул на автостоянку: бензовоз. С надписью вдоль цистерны: «Заправляйтесь филипп-66 — реактивным горючным».

Тяжелый шлаиг выпал с заднего торца.

Я наклонился, поднял его, вставил в сливную магистраль первого резервуара. Заработал перекачивающий насос. Запах бензина удариł мне в нос. Тот самый запах, который, должно быть, вдыхали умирающие динозавры, проваливаясь в нефтяные болота. Я заполнил еще два резервуара и приступил к заправке.

Сознание мутилось, я потерял счет времени и грузовикам. Отворачивал крышку, вставлял шлаиг, качал, пока горячая жидкость не била через край, ставил крышку на место. Водяные нузыри лопнули, сукровица текла по запястьям. Голову дергало, как гнилой зуб, запах гидрокарбонатов вызывал тошноту.

Я знал, что вот-вот рухну без чувств. Потеряю сознание, и на этом все кончится. Но заправлять буду, пока не свалюсь.

Потом на мои плечи легли руки. Тёмные руки повара-раздатчика.

— Иди в закусочную. Отдохни. Я поработаю до темноты. Постарайся уснуть.

Я протянул ему шлаиг.

Но спать я не могу.

Девушка спит. Распростервшись на стойке, подложив под голову скатерть. Но ее лицо не расслабилось и во сне. Лицо, не знающее ни возраста, ни времени. Лицо жертвы войны. Вскорости я собираюсь ее будить. Сгустились сумерки, и вахта повара-раздатчика длится уже пять часов.

А грузовики все подъезжают. Я выглянул из развалин закусочной. Подсвеченная подфарниками, их очередь растянулась на милю, а то и больше. В надвигающейся темноте сами подфарники поблескивают, как желтые сапфиры.

Девушке придется отстоять свою смену. Я покажу ей, что надо делать. Она скажет, что не сможет, но у нее все получится. Она захочет жить.

Ты не хочешь стать их рабом, спрашивал повар-раздатчик. К этому все придет. Ты хочешь до конца жизни менять фильтры, стоит одной из этих тварей загудеть?

Возможно, мы сумеем убежать. Сейчас они выстроены в ряд, мы успеем прыгнуть в дренажную канаву. А потом побежим по полям, спрячемся в болотах, где грузовики утонут, как мастодонты...

...обратно в пещеры!

Рисовать картины углем. Это бог луны, это дерево. Это охотник, сокрушающий «мака».

Не получится. Слишком большая часть мира заасфальтирована. Даже детские площадки. Что же касается болот, то есть танки, вездеходы, платформы на воздушной подушке, оснащенные лазерами, мазерами, тепловыми радарами. И мало-помалу они изменят мир, как им того хочется.

Я вижу нескончаемые колопны самосвалов, заваливающие песком Окефенокские болота, бульдозеры, превращающие национальные парки и девственные земли в плоскую укатанную равнину. Чтобы грузовики ехали себе и ехали.

Но они машины. Какие бы изменения ни произошли в них, даже если они и обрели массовое сознание, *функции воспроизведения себе подобных они лишены начисто*. И через пятнадцать или шестьдесят лет они превратятся в груды ржавого металла, в неподвижные мишени, в которые свободные люди будут бросать камни.

Но, закрыв глаза, я вижу сборочные конвейеры Детройта, Диарборна, Янгстоуна и Макинака, новые грузовики, которые собирают рабочие. И вкалывают они не от звонка до звонка, а пока не упадут замертво. Но к конвейеру тут же встают другие.

Повар-раздатчик уже еле таскает ноги. Он тоже в возрасте. Пора будить девушку.

Два самолета, оставляя серебряные инверсионные хвосты, летят у темнеющего восточного горизонта.

Если бы я мог поверить, что в креслах пилотов сидят люди.

ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Жена ждала Джима Нормана с двух часов дня. Увидев, как он заезжает во двор, она поспешила ему навстречу. Утром она сходила в магазин и накупила продуктов для праздничного обеда: пару бифштексов, бутылку «Лансерс», пучок салата, пикантный соус. И теперь, глядя на мужа, выбиравшегося из машины, миссис Норман очень надеялась, что им будет что праздновать.

Джим подошел ко входу в дом. В одноруке он держал новый портфель, в другой — стопку учебников. Миссис Норман рассмотрела название того, что был сверху: «Введение в грамматику». Она положила руки на плечи мужа и спросила:

— Ну, как все прошло?
Он улыбнулся.

В минувшую ночь ему снова приснился давний кошмар — впервые за долгое время, — и он проснулся в холодающим поту, едва сдержав крик.

Собеседование в школе Дэвиса проводили директор и завуч английского отделения. Разговор коснулся и нервного срыва Джима.

Джим это предвидел и был готов.

Директор, лысый, бледый как смерть мужчина по фамилии Фентон, откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. Симмонс, завуч английского отделения, раскурил трубку.

— У меня тогда был очень трудный период, — сказал Джим Норман. Его руки, лежавшие на коленях, едва не принялись выбивать пальцами нервную дробь, но он пресек это дело сразу.

— Понятно, — улыбнулся Фентон. — У нас тут не принято лезть в чужие дела, однако я думаю, вы все со мной согласитесь, что работа у преподавателей — это сплошная нагрузка на психику, и уж тем более у преподавателей в средней школе. Пять часов в день разоряешься перед самой неблагодарной на свете нубликой, которая, хоть ты убейся, никогда не оценит твоих стараний. Вот почему, — заключил он не без гордости, — среди школьных учителей так много язвенников. Намного больше, чем среди представителей всех прочих профессий, за исключением авиадиспетчеров.

— У меня действительно были критические обстоятельства, — сказал Джим.

Фентон и Симмонс сочувственно закивали, но явно только из вежливости. Завуч достал зажигалку и заново раскурил потухшую трубку. В кабинете вдруг стало тесно и душно. У Джима возникло странное ощущение, будто ему в затылок направили мощную инфракрасную лампу. Пальцы нервно забарабанили по коленям, но Джиму все-таки удалось овладеть собой.

— Я учился на вынужденном курсе и проходил практику в школе. А летом, как раз перед этим последним курсом, у меня умерла мама... от рака... и когда мы с ней говорили в последний раз, она попросила, чтобы я не бросал учебу. Мой брат... у меня был старший брат... он погиб, когда мне было девять. Он мечтал стать учителем, и мама хотела...

По скучающим лицам директора и завуча он понял, что его явно заносит куда-то не туда, и подумал: «Черт, так я вообще все испорчу».

— В общем, я выполнил ее просьбу, — быстро закончил он, не вдаваясь в детали своих запутанных отиошений с мамой и братом Уэйпом, бедиым-несчастным убитым Уэйпом. — Когда я работал на практике вторую неделю, мою невесту сбила машина. Какой-то подросток... его так и не нашли.

Симmons сочувственно прищелкнул языком.

— Но я как-то держался. А что еще мне оставалось? Ей крепко досталось... сложный перелом ноги, четыре сломанных ребра... но ее жизнь была вне опасности. По-моему, я даже не понимал, сколько всего на меня навалилось.

Теперь осторожнее.

— Я проходил практику в профтехучилище на Центральной, — сказал Джим.

— Тот еще райский уголок, — кивнул Фентон. — Выкидные ножи, армейские ботинки на подбитой металлом подошве, самострелы в шкафчиках для личных вещей, рэкет и вымогательство карманных денег, и каждый третий ученик продает травку двум остальным. Я знаю это училище.

— Там был один ученик, Марк Циммерман, — продолжал Джим. — Очень впечатлительный, тонкий мальчик. Играли на гитаре. Занимался в литературном классе. У него был талант. И вот однажды я прихожу на урок и вижу такую картину: два одиоклассника держат Марка, а третий колотит его «Ямаху» о батарею. Марк страшился кричал. Я наорал на них, чтобы они прекратили. А когда я хотел отобрать инструмент, меня кто-то ударил. — Джим пожал плечами. — Вот так у меня и случился тот нервный срыв. Я не бился в истерике, не рыдал, не забивался в угол. Я просто больше не мог там работать. Даже близко не мог подойти — сразу внутри все сжималось. Становилось нечем дышать, прошибал холодный пот...

— У меня та же исторня, — доверительно признался Фентон.

— Я прошел курс лечения. Групповая психотерапия. У меня не было денег на индивидуальные сеансы. Лечение мне помогло. Мы с Салли поженились. Она немного прихрамывает, и у нее остался шрам, но в остальном у нее все в порядке. — Он посмотрел прямо в глаза Фентону. — И у меня тоже, я думаю.

— Вы закончили практику в другой школе, — сказал Фентон. — В Кортесе, как я понимаю.

— Тоже не райские кущи, — заметил Симмонс.

— Я специально выбрал трудную школу, — сказал Джим. — Даже поменялся с другим студентом.

— Ваш методист и научный руководитель поставили вам по нятерке, — напомнил Фентон.

— Да.

— А средний балл за четыре года составил 3,88. Выше редко бывает.

— Мне нравилось в колледже.

Фентон с Симмонсом переглянулись и встали. Джим последовал их примеру.

— Мы вас известим о принятом решении, мистер Норман, — сказал Фентон. — У нас есть еще несколько кандидатов на это место...

— Да, я все понимаю...

— ...но на меня лично произвели впечатление ваши академические успехи и ваша искренность и откровенность.

— Спасибо на добром слове.

— Сим, мистер Норман, наверное, не откажется выпить кофе, перед тем как уйти.

Они пожали друг другу руки.

Уже в коридоре Симмонс сказал:

— Я думаю, можно считать, вы приняты. Если, конечно, не передумаете. Разумеется, это строго между нами. Как говорится, не для протокола.

Джим кивнул. Он и сам очень многое им не сказал, потому что это было явно не для протокола.

Средняя школа Харольда Дэвиса располагалась в уродливом старом здании времен Второй мировой войны, отремонтированном и обновленном по современным стандартам. На обустройство одного только научного корнуса в прошлом году было потрачено полтора миллиона долларов. В классных комнатах, еще помнивших послевоенных детишек — первых учеников школы, — стояли новенькие современные парты и висели доски с антибликовым покрытием. Учлись там дети из обеспеченных семей: хорошо одетые, аккуратные, жизнерадостные. У шестерых из десяти старшеклассников были собственные машины. В общем, хорошая школа. Мечта любого учителя из «безумных семидесятых». По сравнению со школой Дэвиса профтехучилище на Центральной казалось дикимп, дремучими джунглямп.

Но после уроков, когда ученики уходили домой, в нустых коридорах и классах сгущалась тягостиая тишина, в которой как будто ворочался и вздыхал неповоротливый злобный зверь — некое темное, древнее существо, неуловимое для взгляда. Порой, когда Джим проходил по коридору четвертого корнуса к выходу на стоянку, ему казалось, что он почти слышит дыхание этого невидимого зверя.

В конце октября Джому снова приснился тот самый сон — и на этот раз он закричал. Проснувшись в холодиом поту, он увидел, что Салли сидит на постели и держит его за плечо. Сердце бешено колотилось в груди.

- Господи, — выдохнул Джим и провел рукой по лицу.
- Что с тобой?
- Все нормально. Я кричал во сне?
- Да, кричал. Кошмар приснился?
- Ага.

— Те мальчишки, которые разбили гитару?

— Нет, — отказался он. — Это давняя исторня. Прос-
то это иногда возвращается, вот и все. Но ты не волнуйся.
Все хорошо.

— Точно?

— Ага.

— Тебе пристали молока? — Она встревожено хму-
рилась.

Он поцеловал ее в плечо:

— Нет, не надо. Давай спать.

Салли погасила свет, а Джим еще долго лежал без сна,
вглядываясь в темноту.

Обычно новых учителей загружают по полной про-
грамме, но Джиму составили на удивление хорошее рас-
нисание. Первый урок — свободный. Второй и третий —
литература в девятых классах: один класс заурядный,
скучноватый, второй — очень даже забавный. Четвертый
урок, его самый любимый — американская литература для
выпускников, поступающих в колледж. Ребята подобра-
лись смышленые, дерзкие, не признающие никаких ав-
торитетов — такими только дай поиздеваться над обще-
признанными мастерами слова. Пятый урок, «час кон-
сультаций», отводился для индивидуальных занятий с
учениками, у которых имелись какие-то личные трудности
или проблемы с учебой. Но подобных проблем не было
практически ни у кого (или просто никто не хотел обсуж-
дать их с новым учителем), так что пятый урок тоже, как
правило, получался свободным, и Джим проводил этот
час наедине с интересной книгой. Шестой урок был самым
скучным во всем расписании — английская грамматика,
предмет сам по себе не особенно занимательный.

В общем, все было бы просто отлично, если бы не
самый последний, седьмой урок, проходивший в тесной
каморке на третьем этаже. В начале осени там было жар-
ко, а с приходом зимы стало по-настоящему холодно.

Предмет назывался «Литература и жизнЬ», а в классе собирали тех учеников, которых в школьных регистрационных журналах деликатно обозначают как «малоспособных».

Таких «малоспособных» в классе у Джима набралось двадцать семь человек. В основном — парни, спортсмены из школьной команды. Литература была им до лампочки. В лучшем случае они со скучающим видом отсиживали урок, проявляя полное отсутствие любого присутствия, а кое-кто держался откровенно враждебно. Как-то раз Джим вошел в класс и увидел на доске совершенно похабную, притом мастерски нарисованную карикатуру на себя самого с совершенно излишней подписью: «Мистер Норман». Он молча стер гадкий рисунок и как ни в чем не бывало начал урок, несмотря на приглушенные смешки.

Он пытался как-то расшевелить этих учеников. Выбирал интересные темы, использовал аудио- и видеоматериалы, заказал несколько увлекательных, умных и содержательных учебников — но все без толку. Настроение в классе менялось лишь в двух направлениях: это было либо неуправляемое «стояние на ушах», либо непробиваемое угрюмое молчание. На одном из уроков в начале ноября, когда проходили «О мышах и людях» Стейпбека, двое мальчишек подрались, и Джим отправил обоих к директору. Когда он потом открыл книгу, чтобы продолжить урок, в глаза бросилась фраза: «Что, съел?!»

Он обсудил эту проблему с Симмонсом, но тот лишь пожал плечами и раскурил свою трубку.

— Я не знаю, как вам помочь, Джим. Последний урок — это всегда тяжело. А тут еще класс подобрался такой... специфический. Сплошииые футболисты и баскетболисты. Для большинства этих ребят плохие оценки по вашему предмету означают запрет на тренировки. Литература им как-то без надобности, так что понятию, от чего они бесятся.

— Я тоже скоро взбешусь, — угрюмо заметил Джим.

Симмонс кивнул:

— С ними надо пожестче. Покажите, что с вами осо-
бенно не забалуешь, и они присмиреют и начнут зани-
маться. Хотя бы ради своих тренировок.

Но последний, седьмой урок продолжал оставаться
для Джима занозой в известию месте.

Самым проблемным из всех ребят в этом классе был
Чип Осуэй, этакий здоровенный неповоротливый лось.
В начале декабря, во время короткого перерыва между
футболом и баскетболом (Осуэй играл в обеих командах),
Джим поймал его со шпаргалкой и выгнал из класса.

— Если ты меня, сукин сын, завалишь, мы тебе такое
устроим! — выкрикнул Осуэй уже в коридоре. — Слы-
шишь, ты?

— Ты давай не выступай, — ответил Джим.

— Мы до тебя доберемся, урод!

Джим вернулся в класс. Ребята сидели с абсолютно
нустыми лицами, не выражавшими вообще ничего. На
Джима нахлынуло ощущение нереальности происходя-
щего — как уже было одиажды, давным-давно.

Мы до тебя доберемся, урод.

Он достал свой зачетный журнал, открыл на странице
«Литература и жизнь» и аккуратно вывел «неуд» в экза-
менационной колонке рядом с именем Чипа Осуэя.

В ту ночь его снова мучил кошмар — тот самый кош-
мар.

Как всегда, в этом сне все происходило мучительно
медлечно. Поэтому у него было достаточно времени,
чтобы рассмотреть и прочувствовать все-все-все — зано-
во пережить все события, ведущие к неотвратимой, уже
известию развязке. И что самое страшное: зная, чем все
закончится, ты был не в силах ничего изменить. Ты был
таким же беспомощным, как человек, надежно пристег-
нутый ремнем безопасности в автомобиле, сорвавшемся
в пропасть с обрыва.

Во сне ему было девять, его брату Уэйну — двенадцать. Они шли по Брод-стрит в городе Стратфорде, штат Коннектикут, направляясь в городскую библиотеку. Джим на два дня просрочил взятые книжки, и ему пришлось вытряхнуть из конилки четыре цента, чтобы заплатить штраф. Это было под вечер на летних каникулах. В воздухе пахло свежескошенной травой. Из какого-то окна на втором этаже доносилась трансляция бейсбольного матча, «Янки» играли с «Ред Сокс» в решающем матче сезона и вели в счете 6:0, бэттер Тед Уильямс как раз готовился отбивать мяч, небо темпело, и тени от комплекса зданий «Барретс компани» медленно удлинялись, протягиваясь через улицу.

Сразу за рынком и территорией «Барретс» располагалась железнодорожная эстакада, а на противоположной стороне, у закрытой автозаправочной станции, ошивалась компания местной шпаны: большие мальчишки в кожаных куртках и проклепанных джинсах. Джинму ужас как не хотелось проходить мимо этой компашки. Он знал, они будут кричать им: «Эй ты, очкарик!», или «Эй, мелюзга!», или «А ну гони четвертак, шпингалет!». Однажды им с Уэйпом пришлось бежать целый квартал, чтобы отвязаться от этого хулиганья. Но брат ни за что не согласится пойти в обход. Потому что так делают только трусы.

Там, во сне, эстакада угрожающе приближалась, закрывая поле боя, и страх бился в горле, словно огромная черная птица. Зрение вдруг обострялось, и ты видел все четко и ясно: мигающую неоновую вывеску «Барретс» (она как раз только-только включилась); струпья ржавчины на опорах моста, выкрашенных зеленым; битые стекла, блестящие в угольной ныли на железнодорожном полотне; погнутый велосипедный обод в канаве.

Ты пытаешься сказать Уэйну, что это все уже было — причем не раз. Но сейчас местные хулиганы не ошиваются возле автозаправки. Они прячутся в сумраке под эста-

кадой. И у тебя ничего не выходит, слова не идут. Ты абсолютно беспомощен.

А потом вы заходите под эстакаду, и от стен в переходе отделяются тени, и высокий мальчишка со сломанным носом и блондинистым «ежиком» на голове толкает Уэйна, прижимает его к почерневшему от сажи шлакобетонному блоку и говорит: *Гони деньгу.*

Отстань от меня.

Ты пытаешься убежать, но здоровенный жирдяй с сальным черными волосами хватает тебя и прижимает к стене рядом с братом. Левый глаз толстяка дергается, как бывает при нервном тике. Он говорит: *Так сколько там у тебя денег, козявка?*

Че-четыре цента.

Врешь небось.

Уэйп пытается вырваться, и парень со странными ярко-оранжевыми волосами помогает блондину его удержать. Жирдяй с нервным тиком вдруг ни с того ни с сего бьет тебя кулаком по зубам. В паузе становится жарко и влажно, на джинсах проступает темное пятно.

Смотри, Винни, он обоссался!

Уэйп бешено отбивается от удерживающих его парней, и ему почти удается вырваться — но «почти» не считается. Еще один парень, в черных слаксах и белой футболке, снова толкает его к стене. У него красная родинка на подбородке, у этого парня. Каменная стена начинает дрожать. Дребезжащая вибрация передается по металлическим перекрытиям. Приближается поезд.

У тебя из рук выбивают книжки, и парень с родинкой на подбородке отфутболивает их в канаву. Уэйп вдруг резко вскидывает правую ногу и бьет толстяка с нервным тиком прямо в пах. Тот вонит.

Винни, он сейчас вырвется!

Толстяк кричит что-то о своих бедных яйцах, но даже эти истощенные вопли тонут в раскатистом грохоте приближающегося поезда. И вот уже поезд проносится пры-

мо над ними, и его громыханье заполняет собой весь мир.

Свет отражается от лезвий выкидных ножей. Одип нож — у блондина с «ежиком», второй — у парня с родинкой на подбородке. Тебе не слышно, что кричит Уэйп, но ты читаешь слова по губам:

Беги, Джимми. Беги!

Ты падаешь на колени, а руки, державшие тебя, — их уже нет. Ты проскальзываешь у кого-то между ногами, как маленький лягушонок. Чья-то рука чиркает по спине, но не может схватить. А потом ты бежишь — той же дорогой, по которой пришел. Бежишь до ужаса медленно, увязая в пространстве, как часто бывает во сне. Ты оглядываешься и видишь...

Он проснулся. В комнате было темпо. Салли мирно спала рядом. Он закусил губу, чтобы задушить крик.

Когда он обернулся и посмотрел в зияющую тьму под железнодорожным мостом, то увидел, как блондинистый парень и тот, второй, с родинкой на подбородке, ударили брата ножами: нож блоидпа вошел в грудь, а нож того, с родинкой, — прямо в пах.

Он лежал в темной спальне и никак не мог отдохнуться. Он ждал, пока исчезнет этот мучительный морок, призрак его самого в девять лет, и спокойный сон не сотрет страшные воспоминания.

И сон пришел. Только очень не скоро.

Городской департамент образования решил объединить школьные каникулы с рождественскими, так что дети и учителя гуляли чуть ли не целый месяц. Кошмар снился Джому еще пару раз, в самом начале каникул, а потом больше не приходил. Джим и Салли поехали в Вермонт, где у Салли жила сестра. Там они целыми днями катались на лыжах. Им было весело и хорошо.

На природе, на свежем, звенящем морозом воздухе все проблемы, связанные со школой, казались мелкими и нелеными. Джим вернулся с каникул с зимним загаром, свежим и отдохнувшим, собранным и спокойным.

Симмонс поймал его в коридоре перед самым началом второго урока и протянул какую-то папку.

— У вас новенький. В классе «Литература и жизнь». Роберт Лоусон. Перешел из другой школы.

— Сим, куда мре еще?! У меня же двадцать семь человек! Это будет уже перебор.

— У вас так и останется двадцать семь. Билла Стерна сбила машина. Сразу насмерть. Водитель скрылся, его не нашли.

— *Билли??!*

Перед глазами возникла картишка — черно-белая, словно фрагмент фотографии всего выпускного класса. Уильям Стерн, член закрытого школьного клуба, игрок футбольной команды, участник творческих семинаров. Один из немногих хороших учеников в этом классе. Тихий, спокойный. Не отличник, но твердый хорошист. Отвечать вызывался нечасто, но если спрашивали, отвечал правильно и остроумно. Умер? Погиб? В пятнадцать лет. Джим невольно поежился. Внезапно повеяло ощущением бренности собственной жизни — как сквозняком из-под двери.

— Господи, какой ужас! А известие, как это случилось?

— Полиция разбирается. Он поехал в центр, подарить кому-то что-то на Рождество. Переходил улицу, и его сбила машина. Старый «форд». Номера никто не запомнил, но на боку было написано: «Не повезло!» Такой детский юмор. Так что скорее всего за рулем был подросток.

— Господи, — повторил Джим.

— Звонок на урок, — сказал Симмонс и побежал по своим делам, разогнав по пути небольшую компанию

ребятишек, собравшихся возле иттьевого фонтанчика. Джим вошел в класс, чувствуя себя полностью онустощенным.

Во время свободного урока он решил просмотреть документы в папке Роберта Лоусона. Первый лист — справка из Милфордской средней школы, о которой Джим никогда раньше не слышал. Второй лист — сведения об учащемся и краткая характеристика. Коэффициент умственного развития ниже среднего: 78. Есть какие-то трудовые навыки, но отмечены и явные антисоциальные наклонности по тесту Барнетта—Хадсона. Умственные способности, как говорится, оставляют желать. «В общем, — кисло подумал Джим, — юноша самый что ни на есть подходящий для курса “Литература и жизнь”».

Дальше шла характеристика поведения учащегося, так называемый желтый лист, только в Милфордской средней школе он был белым с черной траурной рамкой, заполненный целиком, удручающе подробно. С дисциплиной у Лоусона дело обстояло просто плачевно.

Джим перевернул страницу и взглянул на фотографию Роберта Лоусона. На секунду зажмурился, посмотрел еще раз. Ему вдруг стало жарко и душно. Сердце сжалось от страха.

Лоусон смотрел прямо в камеру, враждебно насупившись, словно позировал не для школьного снимка, а для личного дела, которое заводят в полиции. У него на подбородке была небольшая родинка. Родинка красного цвета.

К началу седьмого урока Джим успел перебрать в уме всевозможные рациональные доводы. Он твердил себе, что мальчишок с красными родинками на подбородках не так уж и мало — наверняка несколько тысяч по всей стране. И что урод, пырнувший ножом его брата в тот злополучный вечер шестнадцать лет назад — шестнадцать долгих, исполненных ноющей боли лет, — уже давно не

мальчишкой. Сейчас ему точно за тридцать. На самом деле никак не меньше тридцати двух.

Но, поднимаясь на третий этаж, Джим никак не мог избавиться от мрачных предчувствий. *Что-то похожее было как раз перед первым срывом.* Во рту ощущался явственный привкус страха.

В коридоре на третьем этаже у двери в кабинет номер 33, как обычно, толпились ученики. Увидев Джима, некоторые вошли в класс. Но несколько человек так и остались стоять у двери, переговариваясь вполголоса и посмеиваясь. Джим сразу заметил новенького. Тот стоял рядом с Чииом Осуэем. Роберт Лоусон был в синих джинсах и желтых ботинках на толстой рифленой подошве — последний крпк моды.

— Чии, иди в класс.

— Это приказ? — усмехнулся подросток, глядя куда-то поверх головы Джима.

— Безусловно.

— Вы меня завалили на том экзамене?

— А ты как думал?

— Ну ладно... — Чии пробурчал что-то, но Джим не расслышал, что именно.

Он повернулся к Роберту Лоусону:

— Ты, как я понимаю, новенький. Давай я тебе сразу скажу, какие у нас тут правила.

— Да, мистер Норман, конечно. — Правую бровь Лоусона пересекал крошечный шрам, и Джим узнал этот шрам. Да, узнал. Бред, безумие — такого просто не может быть. И все же, все же... Именно этот мальчишка ударил ножом его брата. В тот вечер, шестнадцать лет назад.

Джим впал в какое-то странное оцепенение. Он принялся перечислять школьные правила и предписанья, при этом слыша свой собственный голос, словно откуда-то издалека. Роберт Лоусон стоял, запустив большие пальцы за свой армейский ремень, — слушал, улыбался и кивал Джиму, как старому приятелю.

* * *

— Джим?

— Да?

— У тебя ничего не случилось?

— Нет, все нормально.

— Этн мальчишки, которым ты преподаешь «Литературу и жнзпь», так тебя и донимают?

Он промолчал.

— Джим!

— Нет.

— Может, ляжешь сегодня порапьше?

Но Джим еще долго не мог заснуть.

В ту ночь ему снова приснился кошмар. И на этот раз все было еще страшнее. Пырнув ножом брата, парень с родинкой на подбородке обернулся и крикнул вдогонку Джиму: «Ты на очереди, козявка! Так что готовься».

Джим проснулся от собственного крпка.

На этой неделе они проходили «Повелителя мух» Голдинга. Джим рассказывал о символике романа, и Лоусон вдруг поднял руку.

— Да, Роберт, — сказал Джим ровным голосом.

— А что вы так на меня смотрите?

Джим растерянно моргнул. У него пересохло во рту.

— У меня нос зеленого цвета? Или ширинка расстегнута, или что?

В классе раздались нервные смешки.

— Я на вас не смотрел, мистер Лоусон, — нарочито спокойно ответил Джим. — Кстати, может, вы нам расскажете, из-за чего Ральф поругался с Джеком...

— Нет, вы *смотрели*.

— Может, вам хочется обсудить этот вопрос с мистером Фентоном?

Лоусон как будто задумался.

— Нет.

— Хорошо. А теперь расскажите нам, из-за чего Ральф и Джек...

— А я не читал. Мне кажется, это тупая книга.

Джим вымученно улыбнулся:

— Вам так кажется? Ну хорошо. Только имейте в виду: ты судишь книгу, а книга судит тебя. Ладио, может, кто-то другой нам расскажет, почему Ральф и Джим поссорились из-за зверя?

Кэти Слейвнн робко подняла руку. Лоусон смерил ее цинично-оценивающим взглядом и что-то шепнул Чипу Осуэю. Что-то очень похожее на «классные сиськи». Чии согласно кивнул.

— Кэти?

— Потому что Джеку хотелось устроить охоту на зверя?

— Правильно, молодец.

Джим взял мел и принялся писать на доске. Как только он повернулся к классу спиной, о доску ударился грейпфрут. Буквально в двух дюймах от головы Джима.

Он отшатнулся и резко обернулся. Кто-то в классе хихикал, но Осуэй и Лоусон сидели, как примерные мальчики, с совершенно невинным видом.

Джим поднял грейпфрут с пола.

— А вот взять бы сейчас эту штуку, — сказал он, глядя в сторону задних парт, — и запихать кому-то в глотку. Прямо так, целиком.

Кэти Слейвнн аж задохнулась.

Джим швырнул грейпфрут в мусорную корзину и опять повернулся к доске.

Дома за завтраком он развернул утреннюю газету и сразу увидел заголовок на середине страницы.

— Господи, — прошептал он, перебив плавный поток утреннего щебетания жепы. В животе закололо, как будто туда напихали гвоздей. — «Школьница разбивается насмерть. Вчера вечером Кэтрин Слейвнн, семнадцати-

летняя ученица средней школы Харольда Дэвиса, либо упала сама, либо была сброшена с крыши многоэтажного дома, где находится квартира ее родителей. По словам матери Кэтрин, девочка держала на крыше голубей и поднялась туда, чтобы покормить иитомцев. В полиции нам сообщили, что соседка из дома напротив, некая женщина, не пожелавшая назвать свое имя, видела, как по крыше пробежали трое подростков. Это было в 18.45, буквально через пару минут после того, как тело девушки...» (Продолжение на стр. 3.)

— Джим, это твоя ученица?

Он ничего не ответил жене. Просто не смог ничего сказать.

Две недели спустя Симмонс перехватил Джима в коридоре после звонка на большую перемену. Увидев папку в руках у завуча, Джим застыл как вкопанный. У него внутри все оборвалось.

— Новенький, — произнес он без всякого выражения. — Будет изучать «Литературу и жизнь».

Симmons удивленно взглянул на него:

— А как вы догадались?

Джим только молча пожал плечами и протянул руку за папкой.

— Мне надо бежать, — сказал Симмонс. — Общешкольное собрание завучей. Будем оценивать эффективность учебных программ. Что-то у вас такой вид, словно вас слегка придавил грузовик. Вы хорошо себя чувствуете?

Ну да. Так, слегка. Сразу насмерть. Как Билли Стерна.

— Да, конечно, — ответил он.

— И это не может не радовать. — Симмонс похлопал Джима по спине.

Как только завуч ушел, он открыл папку — открыл сразу на фотографии, — заранее приготовившись, как человек, ожидающий удара.

Но мальчишка на снимке был ему незнаком. По крайней мере на первый взгляд. Джим его не узнал. Просто

какой-то мальчишка. Видел ли Джим его раньше? Может, да. Может, нет. Сложно сказать. Дэвид Гарсня был крупным, массивным подростком с темными волосами, пухлыми негроидными губами и сонным взглядом. Он перешел к ним из той же Милфордской средней школы. А до этого два года провел в исправительной колонии для малолетних преступников, куда попал за угон автомобиля.

Джим закрыл папку и заметил, что у него дрожат руки.

— Салли!

Она подняла взгляд от гладильной доски. Джим сидел перед включенным телевизором и вроде как смотрел баскетбол, хотя на самом деле просто тупо таращился на экран.

— Нет, ничего. Уже забыл, что хотел сказать.

— Все ясно. Ранний склероз.

Джим изобразил улыбку и снова уставился в телевизор. Он почти собрался ей все рассказать. Но о таком не рассказывают. Это же бред сумасшедшего в чистом виде. Да и с чего начать? С кошмарного сна? С нервного срыва? Или, может, с появления Роберта Лоусона?

Нет, начать надо с Уэйна — с твоего брата Уэйна.

Но он никогда никому не рассказывал об этом, даже на занятиях в психотерапевтической группе. Джим с содроганием вспомнил свою первую встречу с Дэвидом Гарсией в школьном коридоре — их взгляды встретились, и Джима накрыла волна леденящего страха. Неудивительно, что он не узнал этого Гарсню на фотографии. На фотографиях лица людей неподвижны. У них нет тела.

Гарсня стоял рядом с Лоусоном и Чином Осуэем, а потом обернулся, увидел Джима Нормана, растянул губы в улыбке, и его веко нервно задергалось. А в голове у Джима явственно прозвучало:

Так сколько там у тебя денег, козявка?

Че-четыре цента.

Врешь небось.

Смотри, Винни, он обоссался!

— Джим? Ты что-то сказал?

— Нет, ничего. — Но он и сам не был уверен, сказал он сейчас что-нибудь или нет. Ему стало страшно. Понастоящему страшно.

Как-то раз, в начале февраля, Джим задержался в учительской после уроков — проверял сочинения по американской литературе. Он сидел совершенно один. Был уже пятый час, а точнее — десять минут пятого, и последние преподаватели разошлись по домам еще час назад. И тут в дверь постучали.

Это был Чии Осуэй.

— Да, Чии, — сказал Джим ровным, спокойным голосом.

Чии стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Можете уделить мне минутку, мистер Норман? Мне нужно с вами поговорить.

— Да, конечно. Но если ты хочешь поговорить о результатах экзамена, я тебе сразу скажу...

— Нет, я совсем о другом. А тут... тут у вас можно курить?

— Кури, пожалуйста.

Когда Чии прикуривал, у него заметно дрожали руки. Он заговорил далеко не сразу. Как будто просто не мог заставить себя заговорить. Он кривил губы, сцеплял пальцы в замок, напряженно щурился, как будто какая-то сила мешала ему отыскать нужные слова, чтобы выразить то, что так отчаянно рвалось наружу.

Наконец он выпалил на одиом дыхании:

— Если они сделают, что собирались, я хочу, чтобы вы знали: я в этом не участвовал! Они мне не нравятся! Они оба психи!

— Кто «они», Чии?

— Лоусон и этот урод Гарсня.

— Онн что, хотят устроить мие какую-то гадость?

Джима охватил страх — тот самый, из кошмарного сна, — и Чии уже мог не отвечать на вопрос. Джим и так знал ответ.

— Сперва они мне понравились, — сказал Чии. — Мы пошли прошвырнуться по городу, завалились в бар, взяли по пиву. Я стал возмущаться, что вы завалили меня на экзамене. Что, тиша, я вам такое устрою — мало не покажется. Но это я просто так говорил! Честное слово! Я не хотел ничего такого...

— И что потом?

— Онн сразу же привязались к моим словам. Стали расспрашивать, когда вы уходите из школы, какая у вас машина, и все такое. Я спросил, что их так напрягает, что вы им сделали, а Гарсня сказал, что онн вашн давние знакомые... Эй, вы чего? Вам плохо?

— Все нормально, — выдавил Джим через силу. — Это из-за сигаретного дыма.

Чии затушил сигарету.

— Я спросил, что значит «давнне знакомые», и Боб Лоусон сказал: очень давнне. Тиша, когда вы познакомились, я еще иисался в пеленки. Но ведь мы с ними ровесники, им тоже сейчас по семнадцать.

— А дальше?

— Ну, Гарсня перегнулся ко мне через стол и спросил, как же я собираюсь устроить вам веселуху, если я даже не знаю, когда вы уходите из школы. Спросил, что я хотел вам устроить. Я сказал: проколоть, на хрен, все шины на вашей машине. — Чии затравленно взглянул на Джима. — Но я бы не стал этого делать. Я сказал так потому...

— Потому что тебе было страшно? — тихо проговорил Джим.

— Да, мие и сейчас страшно.

— И как им понравилась твоя идея?

Чии зябко повел плечами:

— Боб Лоусон сказал: «И это все, на что ты способен, мудила ты плюшевый?» И я спросил... ну, типа, хотел показаться крутым... Я спросил: «А что бы вы ему сделали?» А Гарсия... — Чии испуганно заморгал, — он достал из кармана какую-то штуку, нажал на киопку... Это был выкидной нож. И после этого я сбежал.

— А когда это было, Чии?

— Вчера. Мистер Норман, теперь я боюсь сидеть с ними в одном классе.

— Понятно, — проговорил Джим. — Понятно. — Он смотрел на лежавшую перед ним на столе раскрытую тетрадь с сочинением. Смотрел, но не видел.

— И что вы будете делать?

— Не знаю. Не знаю, Чии.

В понедельник утром Джим по-прежнему не знал, что делать. Сначала он хотел рассказать обо всем Саллн, начиная с убийства брата в тот злополучный вечер шестнадцать лет назад. Но потом передумал. Саллн, конечно, ему посочувствует, но испугается и не поверит.

Симмонс? Тоже не вариант. Завуч решит, что Джим снятнл. Хотя, может, он и вправду снятил. У них в психотерапевтической группе был один человек, который однажды сравнил нервный срыв с разбитой вазой. Конечно, ее можно склеить, но она будет уже ненадежной и в общем-то бесполезной. Например, в эту вазу больше не поставишь цветы. Потому что цветам нужна вода, а вода может растворить клей.

Выходит, я сошел с ума?

Но если так, значит, и Чии Осуэй тоже сошел с ума. Эта мысль пришла к Джиму, когда он садился в машину, и он немного приободрился.

Ну конечно! Лоусон и Гарсия угрожали ему в присутствии Чииа Осуэя. Для свидетельства в суде этого, может быть, и недостаточно, но если получится уговорить Чииа, чтобы тот рассказал все Фентону, тогда этих двоих навер-

няка исключат из школы. А Джим практически не сомневался, что Чии согласится. У Чии были свои причины держаться от этой парочки подальше.

Уже зарулнивая на стоянку у школы, Джим вдруг вспомнил о том, что случилось с Билли Стерном и Кэти Слейвнн.

На свободном уроке он пошел в школьную канцелярию. Секретарша как раз составляла список отсутствующих.

— А Чии Осуэй сегодня в школе? — спросил Джим как бы между прочным.

— Чии?.. — удивленно нахмурилась секретарша.

— Чарльз Осуэй, — поправился Джим. — Чии — это прозвище.

Она быстро перебрала стопку карточек посещаемости и достала одну.

— Он сегодня отсутствует, мистер Норман.

— А вы мне не дадите его телефон?

Секретарша заложила за ухо карандаш и сказала:

— Одиу секунду.

Она нашла личное дело Осуэя и передала Джиму листок с домашним адресом и телефоном. Джим решил позвонить прямо из канцелярии.

После дюжины длинных гудков он уже собрался положить трубку, но тут на том конце провода прозвучал грубый, охрипший со сна голос:

— Алло?

— Мистер Осуэй?

— Барри Осуэй умер шесть лет назад. Я Гэри Денкингер.

— Вы отчим Чииа Осуэя?

— Что он натворил?

— Прошу прощения...

— Он сбежал из дома. И мне хотелось бы знать, что он натворил.

— Насколько мне известно, ничего он не натворил. Я просто хотел с ним поговорить. Вы не знаете, где он сейчас может быть?

— Без понятия. Я работаю в ночную смену. Ни с кем из его приятелей я не знаком.

— А может, вы знаете...

— Нет. Он забрал наш старый чемодан и нытьдесят баксов, которые накоили, загоняя детали краденых автомобилей, или приторговывая травой, или что там теперь делают эти дети, чтобы разжиться депьгами. Кто его знает, что ему стукнуло в голову. Может, он решил сделаться хиппи и умотал в Сан-Франциско.

— Если он вдруг объявится, позвоните мне в школу, пожалуйста. Джим Норман, английское отделение.

— Хорошо, позови.

Джим положил трубку. Секретарша подняла голову и улыбнулась бесцветной дежурной улыбкой. Джим не улыбнулся в ответ.

Два дня спустя в утреннем табеле посещаемости напротив фамилии Чииа Осуэя появилась пометка «выбыл из школы». А Джим стал ждать, когда Симмонс вручит ему папку с очередным личным делом. Ждал он недолго, всего неделю.

Джим тупо разглядывал фотографию. На этот раз — никаких сомнений. Вместо короткого «ежика» — длинные волосы, но такие же светлые, как и прежде. И лицо — то же самое. Винсент Кори. Для близких друзей — просто Винни. Он смотрел с фотографии прямо на Джима, и его губы кривила наглая, издевательская усмешка.

Перед началом седьмого урока Джиму сделалось нехорошо. Он шел в класс на ватных ногах, сердце бешено колотилось в груди. Лоусон, Гарсия и Винни Кори топтались в коридоре у доски объявлений. Когда Джим подошел, все трое расправили плечи и вскинули головы.

Винни улыбнулся своей наглой улыбкой, но его глаза были холодны и мертвы, как две плавучие льдины.

— Вы, наверное, мистер Норман. Приветик, Норм. Лоусон и Гарсня захихикали.

— Я мистер Норман, — сказал Джим, нарочито не обращая внимания на руку, которую Винни протянул ему для рукопожатия. — Запомнишь?

— Конечно, запомню. Как поживает ваш брат?

Джим похолодел. Он почувствовал, как по ноге потекла горячая струя, и словно откуда-то издалека, с другого конца длинного коридора где-то в глубинах его сознания, прозвучал призрачный голос: *Смотри, Винни, он обоссался!*

— Да что вы знаете о моем брате? — спросил он, с трудом выговаривая слова.

— Ничего, — сказал Винни. — Почти ничего.

Онн улыбнулся ему своими пустыми опасными улыбочками.

Прозвенел звонок на урок, и вся тронца неторопливо направилась в класс.

Телефон-автомат в аптеке. В тот же вечер, в десять часов.

— Оператор, соедините меня с полицейским участком в Стратфорде, штат Коннектикут. Нет, номера я не знаю.

Щелчки на линии. Переключение звонка.

Полицейского звали Нелл. Он уже тогда был седьмым. Лет нятьдесят — нятьдесят нять. Сложно определить возраст взрослого дядепьки, когда ты сам еще ребенок. У них не было папы — он умер, — и мистер Нелл это знал. Не-понятно откуда, но знал.

Называйте меня мистер Нелл, ребята.

Каждый день, в обеденное время, Джим встречался с братом на улице, и они вместе шли в закусочную «Стратфорд», чтобы съесть там обед, принесенный из дома. Мама давала обоим по пять центов — купить молока. Это было еще до начала «молочной программы» в школах.

И нногда в «Стратфорд» заглядывал мистер Нелл — его кожаный ремень натужно скрипел под весом огромного живота и револьвера 38-го калибра — и покупал им по куску яблочного иирога с мороженым.

Где же вы были, мистер Нелл, когда зарезали моего брата?

Связь установилась. В трубке раздался длинный гудок.

— Полиция Стратфорда.

— Добрый вечер, меня зовут Джеймс Норман. Я звоню по межгороду. — Он назвал свой город. — Мне очень нужно поговорить с одним человеком. Он служил у вас в конце нинадесятых годов.

— Подождите минуточку, мистер Норман.

Пауза, а потом — другой голос:

— Мистер Норман, я сержант Мортон Ливингстон. С кем вы хотели поговорить?

— Ну... в детстве мы называли его мистер Нелл. Это вам как-то...

— Да, конечно! Дон Нелл давно вышел на пенсию. Ему сейчас семьдесят три или даже семьдесят четыре.

— Он так и живет в Стратфорде?

— Да, на Барнум-авеню. Дать вам его адрес?

— И телефон, если можно.

— Конечно. А вы знаете Дона?

— Когда мы с братом были еще мальчишками, он покупал нам яблочный иирог с мороженым. В закусочной «Стратфорд».

— Боже правый, она уже десять лет как закрылась. Подождите минуточку. — Через пару минут сержант вновь взял трубку и продиктовал Джиму адрес и номер телефона. Джим все записал, поблагодарил Ливингстона и повесил трубку.

Потом онять набрал «0», назвал оператору номер и принялся ждать. Когда в трубке пошли длинные гудки, Джиму вдруг стало жарко. Его охватило волнение, и он безотчетно повернулся спиной к стойке с газировкой,

хотя в аптеке не было никого, кроме пухленькой девочки-подростка, читавшей журнал.

На противоположном конце линии сняли трубку, и послышался сильный, мужественный, энергичный и вовсе не старческий голос:

— Алло?

Это самое обыкновенное слово занустило ценную реакцию воспоминаний и переживаний, как бывает, когда по радио передают какую-нибудь старую песню, так или иначе связанную с твоим прошлым.

— Мистер Нелл? Дональд Нелл?

— Да, это я.

— Меня зовут Джеймс Норман. Мистер Нелл, вы, наверное, меня не помиете?

— Помню, — тут же отозвался Нелл. — Яблочный ииорг с мороженым. Твоего брата убили... зарезали. Очень жаль. Славный был паренек.

Джим тяжело привалился спиной к стеклянной стене телефонной кабинки. Внутреннее напряжение резко сменилось внезанной слабостью. Он себя чувствовал мягкой игрушкой, набитой ватой. Еще немного — и он бы, наверное, рассказал обо всем мистеру Неллу, но все-таки вовремя прокусил язык.

— Мистер Нелл, этих мальчишек так и не поймали.

— Да, не поймали, — сказал мистер Нелл. — Хотя у нас были подозреваемые. Насколько я помню, мы тогда провели опознание. В Бриджортском участке. Да ты и сам должен помнить.

— А мне называли имена подозреваемых?

— Нет. По регламенту процедуры опознания подозреваемых, ко всем участникам обращаются по номерам, а свидетелю не называют никаких имен. А что случилось? Дело-то давнее. С чего вдруг такой интерес?

— Я сейчас назову вам несколько имен, — сказал Джим. — А вы попробуйте вспомнить. Может, они как-то связаны с этим делом?

— Сынок, я не...

— Пожалуйста, — проговорил Джим с отчаянием в голосе. — Роберт Лоусон, Дэвид Гарсня, Винсент Кори. Кто-то из них...

— Кори, — сказал мистер Нелл. — Я его помню. Винни по прозвищу Гадюка. Да, он был в числе подозреваемых. Но мать предоставила ему алиби. В общем, пропрыла сыночка. Роберт Лоусон — это мне ничего не говорит. А вот Гарсня... что-то такое с ним связано... Нет, не помню. Черт, старость не радость. — Последнюю фразу он произнес с плохо скрываемым отвращением.

— Мистер Нелл, а вы можете как-то проверить, нет ли какой-нибудь информации по этим мальчишкам?

— Ну, вообще-то они уже давно не мальчишки.

Да? Вы уверены?

— Слушай, Джимми. Ты мне скажи, что случилось. Кто-то из них вдруг объявился и стал тебя беспокоить?

— Я не знаю. Тут происходит что-то странное. Связанное с моим братом... с убийством брата.

— Что странное?

— Мистер Нелл, я не могу вам сказать. Вы решите, что я свихнулся.

Ответ прозвучал строго и с искренним интересом:

— А ты не свихнулся?

Джим секунду помедлил:

— Нет.

— Хорошо, я их проверю по базе данных Стратфордской полиции. Как мне потом с тобой связаться?

Джим продиктовал ему номер своего домашнего телефона.

— Меня всегда можно застать по вторникам, ближе к вечеру.

Вообще-то по вечерам он бывал дома в любой день недели, но по вторникам Салли ходила на кружок керамики.

— А чем ты сейчас занимаешься, Джимми?

— Работаю в школе. Учителем.

— Хорошее дело. Только я сразу предупреждаю: эта проверка может занять два-три дня, если не больше. Я же теперь пенсионер.

— Судя по голосу, вы ни капельки не изменились.

— Это если судить по голосу. А если бы ты меня видел... — Мистер Нелл рассмеялся. — А ты по-прежнему любишь пирог с мороженым, Джимми? Яблочный, да?

— Обожаю, — ответил Джим. Но тут он соврал. Он ненавидел яблочные пироги с мороженым.

— Рад это слышать. Ладио, если тебе больше ничего не нужно, я тогда...

— Еще один вопрос. Есть в Стратфорде Милфордская средняя школа?

— Такой не знаю.

— А я все думал...

— Единственное, что у нас есть «милфордского», так это Милфордское кладбище. На Эш-Хайтс-роуд. Но оттуда еще никто не вынускался. — Мистер Нелл издал суховатый смешок, показавшийся Джиму похожим на стук костей в могильной яме.

— Спасибо. — Джим услышал собственный голос, словно откуда-то издалека. — До свидания.

Мистер Нелл положил трубку. Оператор на линии сказал, что Джиму следует заплатить шестьдесят центов, и тот, машинально отсчитав монеты, онустил их в автомат. Потом развернулся и увидел страшную, расплющенную рожу с той стороны стеклянной дверцы — совершенно кошмарную рожу в обрамлении ладоней с растопыренными пальцами. Кончики пальцев и кончик носа, прижатые к стеклу, были почти совсем белыми.

Это был Виннин, с ухмылкой смотревший на Джима. Джим закричал.

И снова урок.

В тот день по курсу «Литература и жизнь» было сочнение — большинство учеников сидели, угрюмо скло-

нившись над тетрадками, и сосредоточенно и натужно выводил слова на бумаге — как будто рубили дрова. Все, кроме троих: Роберта Лоусона, занявшего место Билли Стерна, Дэвида Гарсии, расположившегося на месте Кэтн Слейвнн, и Виннин Кори — тот устроился за партой Чииа Осуэя. Они просто сидели и смотрели на Джима.

За несколько секунд до звопка Джим сказал:

— Мистер Кори, задержитесь, пожалуйста, после урока. Нам надо поговорить.

— Без проблем, Норм.

Лоусон и Гарсия захихикали, но все остальные не издали ни звука. Как только прозвенел звонок, они сразу же сдали свои сочинения и быстро вышли из класса. Лоусон и Гарсия замешкались в дверях, и у Джима все внутри сжалось.

Неужели сейчас?!

Но Лоусон кивнул Виннин:

— Ладно, до скорого!

— Ага.

Он вышел из класса. Джим закрыл дверь, и с той стороны полупрозрачного матового стекла Дэвид Гарсия вдруг завоил дурным голосом:

— *Норм попал!*

Винни посмотрел на дверь, потом перевел взгляд на Джима. И усмехнулся:

— А я думал, ты струсишь.

— Да неужелн? — прищурился Джим.

— А хорошо я тебя напугал там, в аптеке, у телефона.

Да, отец?

— «Отец» — так теперь не говорят. Это уже не понтово, Винни. Да и «понтово» давно беспонтово. Все эти словечки, как Бадди Холли*, благополучно починил в бозе.

— Как хочу, так и буду говорить, — насупился Винни.

— А где ваш приятель? Тот, рыжий?

---

*Холли, Бадди (Чарльз Хардин Холли) (1936—1959) — американский рок-певец, автор песен, легенда рок-н-ролла.

— Да он откололся, — нарочито небрежно проговорил Винни, но Джим почувствовал, как тот насторожился.

— Он жив, да? Он еще жив. Вот почему он не с вами. Ему сейчас тридцать два — тридцать три года. Сколько было бы и вам, если бы...

— Ржавый всегда был занудой. Он нам только мешал. — Винни сидел, положив руки на парту поверх древних надписей, оставленных предыдущими учениками. Его глаза недобро блестели. — А я тебя помню на опознании, в полицейском участке. Ты там едва не обоссался со страха. Я видел, как ты смотрел на меня и на Дэви. И я тебя слазил. Нанустил порчу.

— Да, похоже на то, — сказал Джим. — Из-за вас миешестнадцать лет снятся кошмары. Разве этого мало? Почему именно сейчас? Почему я?

Винни озадаченно нахмурился, а потом вновь ухмыльнулся:

— Мы... потому что мы с тобой не закончили. А надо закончить.

— А где вы были? — спросил Джим. — Ну, рапьше. Винни поджал губы.

— Об этом мы не говорим. Понял? А если скажешь хоть слово — уроем сразу.

— Ну, пока что урыли вас. Вернее, *зарыли*. Да, Винни? Закопали на Милфордском кладбище. Наверняка еще были надгробные речи...

— *Заткнись!* — Винни вскочил, опрокинув парту.

— Да, это будет непросто, — сказал Джим. — Я, знаешь ли, не собираюсь облегчать вам задачу.

— Мы тебя грохнем, папаша. И сам все узнаешь. И про кладбище, и про надгробные речи.

— Уходи.

— И твою милую женушку тоже, — добавил Винни.

— Ах ты мразь, если тронешь ее хоть пальцем... — Джим инстинктивно рванулся к нему. Теперь, когда Винни упомянул о Салли, ему стало по-настоящему страшно.

Винни ухмыльнулся и направился к двери.

— Не дергайся, батя. А то еще хватят коидратий. — Он хохотнул.

— Если ты хоть пальцем тронешь мою жену, я тебя убью.

Винни расплылся в улыбке:

— Убьешь? А мне показалось, ты понял, что я уже мертвый.

Винни ушел. Эхо его шагов еще долго дрожало в пустом коридоре.

— Солнце, что ты читаешь?

Джим поднял книгу, чтобы Салли смогла увидеть название на обложке: «Как вызвать демона».

— Фу! — Она сморщила нос и, отвернувшись к зеркалу, принялась поправлять прическу.

— Возьми такси, когда соберешься домой, — сказал Джим.

— Да тут всего-то четыре квартала. Дойду пешком. И для фигуры полезно.

— Тут недавно был случай, с одиой девочкой из нашей школы. К ней пристали на Саммер-стрит, — соврал он. — Видимо, хотел изнасиловать. Ну, ей так показалось.

— Да? А что за девочка?

— Дайана Шоу. — Джим выдумал это имя. — Очень спокойная девочка, не истеричка. Так что обычно ничего не выдумывает. Возьми такси, хорошо?

— Хорошо. — Салли подошла к его креслу, он устнллась на колени, взяла его лицо в ладони и заглянула в глаза. — Джим, что происходит?

— Ничего.

— Нет, что-то все-таки происходит.

— Ничего страшного. Так, ерунда.

— Это связано... с твоим братом?

На Джима повеяло ледяным страхом, словно где-то в глубинах сознания вдруг распахнулась дверь.

— С чего ты взяла?

— Ты разговаривал ночью во сне. Стонал и ворочался. Называл его имя: «Уэнн, Уэнн». И еще ты сказал: «Беги, Уэнн».

— Все хорошо, не беспокойся.

Но все было плохо. И они оба об этом знали.

Саллин ушла. Мистер Нелл позвонил в четверть восьмого.

— Можешь не переживать из-за этих парней, — сказал он. — Они все мертвые.

— Как так? — Джим закрыл «Как вызвать демона», заложив пальцем на той странице, которую читал.

— Разбились на машине. Через полгода после того, как твой брат был убит. За ними гнались полицейские. Вернее, один полицейский. Фрэнк Саймон. Сейчас он, кстати, работает в крупной авиакорпорации. Наверняка зашибает хорошие депыги.

— Он попали в аварию и разбились...

— Вылетели с дороги на скорости сто миль в час и врезались в электрический столб. Когда спасатели наконец вырубили электричество и выскребли их из машины, все трое прожарились до состояния бифштекса с кровью.

Джим закрыл глаза.

— Вы видели рапорт о происшествии?

— Своими глазами.

— А какая машина?

— Черный «форд».

— А там было ее описание?

— «Форд-седан», пятнадцать четвертого года выпуска.

На боку надпись: «Не повезло!» Прямо как в воду глядели. Не повезло — еще мягко сказано.

— Мистер Нелл, был четвертый. Тоже из их комиции. Мне неизвестно, как его звали, но у него было прозвище Ржавый.

— Это Чарли Спондер, — сказал мистер Нелл без тени сомнений. — Однажды он высветлил волосы. Я помню, да. Волосы сделались белыми. Только не полностью, а отдельными прядями. Он понытался все это закрасить, и пряди стали оранжевыми.

— А вы, случайно, не знаете, чем он сейчас занимается?

— Он теперь кадровый военный. Поступил на военную службу по собственному желанию. В идтидесят восьмом или идтидесят девятом. После того как от него забеременела одна здешняя девочка.

— А можно с ним как-то связаться?

— Его мать живет в Стратфорде. Она должна знать адрес.

— Вы мне дадите ее координаты?

— Нет, Джимми, не дам, пока ты не скажешь, что происходит.

— Я не могу, мистер Нелл. Вы решите, что я рехнулся.

— Давай проверим.

— Я не могу.

— Ну ладно. Как скажешь, сынок.

— А вы...

Но из трубки послышались короткие гудки.

— Старый хрен, — пробормотал Джим и положил трубку. Телефон тут же начал звонить, прямо у него под ладонью, и он испуганно отдернул руку, словно обжегся. Тяжело дыша, он смотрел на аппарат. Третий звонок, четвертый. Джим сиял трубку. Выслушал. Закрыл глаза.

По дороге Джима остановил полицейский, а потом проводил до самой больницы — поехал впереди, врубив сирену. В приемном покое реанимационного отделения дежурил молодой врач с усами щеточкой. Он равнодушно взглянул на Джима.

— Прошу прощения, я Джеймс Норман. Мне сообщили...

— Мне очень жаль, мистер Норман. Она скончалась в 21.04.

Он поиял, что сейчас упадет в обморок. Перед глазами все поплыло, мир вокруг словно перестал существовать. В ушах стоял тонкий пронзительный звон. Взгляд рассеянно скользил по комнате, выхватывая отдельные фрагменты: зеленый кафель на стенах, каталка, поблескивающая под ламиами дневного света, медсестра в белой шапочке, сдвинутой набок.

Опрятнее надо быть, барышня.

У дверей реанимационной палаты номер 1 стоял, привалившись к стене, санитар. В грязном халате, забрызганном каплями уже засыхающей крови. Чистил ногти ножом. Санитар поднял голову и усмехнулся, глядя на Джима. Это был Дэвид Гарсия.

Джим лишился чувств.

Похороны. Как балет в трех действиях. Дом. Бюро ритуальных услуг. Кладбище. Лица, возникающие из ниоткуда. Подиlyают вплотную и вновь отступают во тьму. Мать Салли. Льет слезы под черной вуалью. Отец — потрясенный и враз постаревший. Симмонс. Еще какие-то люди. Они представлялись и пожимали ему руку. Он кивал, не запоминая имен. Кто-то из женщин принес еду, в том числе яблочный пирог. И кто-то отрезал себе кусочек, и когда Джим вошел в кухню, он увидел на столе разрезанный пирог, исходивший соком, словно янтарной кровью, и подумал: «Надо бы положить сверху большой шарик ванильного мороженого».

Ноги стали как ватные. Руки дрожали. Хотелось схватить этот чертов пирог и швырнуть об стену.

А люди все подходили и подходили, и Джим видел себя словно со стороны, как будто смотрел любительский кинофильм. Он пожимал руки, кивал, повторял: «Спасибо... Да, буду держаться. Спасибо... Да, я уверен, ей там хорошо... Спасибо».

А потом все ушли, и Джим наконец остался один. Он приблизился к камину, где стояли их семейные памятные сувениры. Плюшевая собачка с глазами-стекляшками, которую Салли выиграла в Кони-Айленде во время свадебного путешествия. Две кожаные папки: их с Салли университетские дипломы. Огромные пенопластовые игральные кости, которые жена подарила ему в виде шутливого укора, когда он проиграл в покер шестнадцать долларов. Изящная фарфоровая чашка — Салли купила ее в прошлом году в Кливленде, в лавке старьевщика. И в самом центре каминной полки — их свадебная фотография. Джим повернул фотографию лицом к стене, потом сел в свое кресло и уставился на экран выключенного телевизора. У него в голове начал вырисовываться план.

Джим не заметил, как задремал, но вскоре его разбудил телефонный звонок. Джим взял трубку.

— Ты на очереди, Норм.

— Винни?

— Она была как те глиняные птички в тире. Бах — и вдребезги!

— Винни, сегодня ночью я буду в школе. В кабинете номер 33. Зажигать свет не стану. Все будет так же, как было в тот вечер, под железнодорожным мостом. Наверное, я даже смогу обеспечить поезд.

— Хочешь, чтобы все быстрее закончилось, да?

— Да, хочу, — сказал Джим. — И вы тоже придете.

— Может быть.

— Вы придете, — повторил Джим и повесил трубку.

Когда он добрался до школы, была уже почти ночь. Он поставил машину на обычном месте. Школу уже закрыли, но у Джима был ключ от задней двери. Войдя в здание, он первым делом отправился в учительскую английского отделения на втором этаже. Там он сразу прошел к шкафу, где хранились аудиоматериалы, и принялся перебирать иластиинки. Нашел «Звуковые эффекты. Высокая точность воспроизведения». Просмотрел список треков

на задней стороне обложки. Третий на первой стороне: «Товарный поезд — 03.40». Джим положил пластинку на крышку переносного школьного проигрывателя и достал из кармана книгу «Как вызвать демона». Быстро пролистал ее, нашел выделенный фрагмент, прочел пару абзацев, кивнул. Потом выключил свет.

Кабинет номер 33.

Джим подключил проигрыватель, отодвинул колонки на максимально возможное расстояние одна от другой и поставил пластинку. «Товарный поезд», третий трек на первой стороне. Звук, понапалу едва различимый, нарастал, набирая силу, пока не заполнил всю комнату грохотом дизельных двигателей и громыханнем стали о сталь.

Джим закрыл глаза, и у него почти получилось вообразить, что он вновь оказался под железнодорожным мостом на Брод-стрит: стоит на коленях и смотрит жестокий спектакль, близящийся к неизбежному завершению.

Джим открыл глаза, остановил пластинку. Сел за учительский стол, раскрыл книгу о демонах, нашел главу «Злые духи, и как призвать их к себе на службу». Он читал, шевеля губами, и периодически прерывался, чтобы достать из кармана необходимые предметы и положить на стол.

Первое: старая фотография с заломленными уголками. На этом снимке они с братом стоят на лужайке перед подъездом много квартирного дома на Брод-стрит, где они тогда жили. У обоих — короткие стрижки под «ежик». Оба застенчиво улыбаются в камеру. Второе: баночка с кровью. Джим поймал на улице бродячую кошку и перерезал ей горло карманным ножом. Третье: нож. И последнее, четвертое: внутренняя лента «от пота», содранная с подкладки старой бейсболки игрока Малой лиги. С бейсболки Уэйна. Джим хранил эту кепку в тайной надежде, что когда-нибудь ее наденет их с Салли сын, который у них обязательно будет.

Он поднялся из-за стола, подошел к окну, выглянул на улицу. На стоянке не было ни души.

Джим сдвинул парты к стене, так чтобы в центре комнаты осталось свободное пространство в форме неровного круга. Потом достал из ящика стола кусок мела и, взяв большую линейку, принялся чертить на полу пентаграмму — точно по схеме из книги.

Тяжело дыша, он расправился и подошел к выключателю. Выключил свет, сгреб со стола все четыре предмета и, держа их в руке, заговорил нараспев:

— Взываю к тебе, Отец Тьмы. Услыши меня и явись. Я готов принести жертву. В награду за жертву я прошу темной милости. Ибо я жажду мести и молю силы зла осуществить эту месть. Прими эту кровь как залог будущей жертвы.

Он отвинтил крышу с баночки из-под арахисового масла и выпил кровь в пентаграмму.

Что-то произошло в темном классе. Невозможно понять, что именно, но воздух как будто сгустился. Ощущалась какая-то странная плотность, воздух проникал в горло и легкие и наполнял их серой безжалостной тяжестью. Что-то незримо витало в давящей тишине.

Он сделал все, что полагалось по ритуалу.

Теперь сгустившийся воздух как будто наполнился электричеством и завибрировал — так было на крупной электростанции, куда Джим однажды водил на экскурсию учеников. А потом прозвучал голос, на удивление низкий и неприятный:

— О чём ты просишь?

Джим сам не знал, то ли он действительно слышит этот голос, то ли ему просто кажется, будто слышит. Его ответ уложился всего в две фразы.

— Пустяковая просьба. Что ты дашь мне взамен?

Джим произнес два слова.

— Оба, — тихо прозвучал голос. — Правый и левый. По рукам?

— По рукам.

— Тогда отдай мие мое.

Джим раскрыл нож, положил правую руку на стол и четырьмя резкими рубящими ударами отрезал себе указательный палец. Кровь растеклась темным узором по обложке классного журнала. Было не больно, совсем не больно. Джим отодвинул отрезанный палец в сторону и переложил нож в правую руку. С левым пальцем было сложнее. Изувеченная рука казалась чужой и неловкой, и нож постоянно выскользывал. В конце концов Джим психанул, отшвырнул нож и попросту оторвал палец, переломив кость. Потом взял оба отрезанных пальца и бросил в пентаграмму. Ответом был сполох яркого света, похожий на магнитную фотоснышку. Джим заметил, что дыма при этом не было. Ни дыма, ни запаха серы.

— Что ты принес?

— Фотографию. Полоску ткани, проитанную его пыткам.

— Пот я люблю, — заметил голос с такой леденящей жадностью, что Джим содрогнулся. — Давай.

Джим бросил карточку и ленту в центр пентаграммы. Оиять — вснышка света.

— Хорошо, — сказал голос.

— Если онн придут, — сказал Джим.

Ответа не было. Голос затих, исчез... если он вообще был. Джим наклонился над пентаграммой. Фотография лежала на полу, но теперь она обуглилась и почернела. Полоска ткани исчезла.

С улицы донесся неясный шум. Поначалу едва различимый, он становился все громче. Машина с мощным ревущим мотором. Повернула на Дэвис-стрит. Приближается к школе. Джим сел за стол и стал слушать: свернет она на стоянку или проедет мимо.

Машина свернула.

Гулкое эхо шагов на лестнице.

Пронзительный смех Роберта Лоусона, потом чье-то «Тсс!» — и оиять смех Лоусона. Шаги приблизились, онн уже не отдавались эхом. Стеклянная дверь на лестницу с грохотом распахнулась.

— Эй, Норми! — крикнул Дэвнд Гарсия фальцетом.

— Норми, ты здесь? — прошептал Лоусон и хохотнул: — Где наша деточка?

Винни не произнес нн слова, но он был с ннми. Джим уже вndел их тенн. Винни был самым высоким, он держал в руке какой-то длинный предмет. Раздался тихий щелчок, и длинный предмет в руке Винни сделался еще длиннее.

Онн встали в дверном проеме. Винни — в центре. У всех троих были ножи.

— Ну что, отец, мы пришли, — сказал Винни. — Сейчас мы тебя немножко порежем.

Джим включил проигрыватель.

— Боже! — Гарсия аж подпрыгнул на месте. — Что это?

Товарный поезд стремительно приближался. Казалось, стены дрожат от грохота.

Впечатление было такое, что звук ндет не из дннников, а из корндора. Откуда-то издалека, из другого пространства, из другого времени.

— Мне это не нравится, — сказал Лоусон.

— Поздно, — ответил Винни. Он шагнул вперед и взмахнул ножом. — Гони деньги, отец.

...не надо...

Гарсия поиятился:

— Что за черт...

Но Винни был полон решимости. Он подал знак остальным, чтобы не отставали, и приблизился к Джиму еще на шаг. И то, что Джим разглядел у него в глазах, было подозрительно похоже на облегчение.

— Так сколько там у тебя денег, козявка? — вдруг спросил Гарсия.

— Четыре цента, — ответил Джим. Это была правда. Он вытряхнул их из кошелька в спальне. Все четыре монетки, отчеканенные не позднее ияльдесят шестого года.

— Врешь небось.

...не трогайте его...

Лоусон оглянулся через плечо и замер с отвисшей челюстью. Стены клубились туманом, теряя плотность. Рев товарного поезда заполнил все пространство. Свет уличного фонаря на стоянке у школы сделался красным, словно неоновая вывеска на здании «Барретс комиани», мигающая на фоне ночного неба.

А из пентаграммы уже выходило нечто. Некая сущность с лицом двенадцатилетнего мальчишки. Мальчишки с короткой стрижкой под «ежик».

Гарсия резко рванулся вперед и врезал Джиму по зубам. Дыханье Гарсии отдавало чесноком и перцем. Удар вышел медленным, вялым и безболезненным.

А потом Джим ощутил внезанную тяжесть внизу живота и его мочевой нузерь не выдержал. Джим онустил взгляд и увидел, как спереди на брюках расползается темное иятио.

— Смотри, Винни, он обоссался! — крикнул Лоусон. Тон был верный, но лицо, искаженное ужасом, ему явно не соответствовало — это было лицо марионетки, которая вдруг ожила и тут же осознала, что ею управляют, дергая за нитки.

— Не трогайте его, — проговорило существо, принявшее облик Уэйна. Но голос был вовсе не голосом Уэйна. Это был жадный, холодный голос твари из пентаграммы. — Беги, Джимми! Беги! Беги! Беги!

Он упал на колени. Чья-то рука чиркиула по спине, но не сумела схватить.

Он поднял глаза и увидел, как Винни с перекошенным от ненависти лицом бьет ножом существо, принявшее облик Уэйна. Нож входит в грудь... а потом Винни вдруг

закричал, его лицо почернело, обуглилось и как бы осипалось, провалившись в себя.

И он исчез.

Гарсия и Лоусон тоже ударили существо. Скорчнувшись, почернели и вмиг исчезли.

Джим лежал на полу и никак не мог отдохнуться. Грохот товарного поезда стих вдали.

Брат смотрел на него сверху вниз.

— Уэнн? — выдохнул Джим.

Лицо над ним изменилось. Оно как будто растаяло, растеклось и собралось вновь. Но это было уже совершенно другое лицо. Глаза сделались желтыми, страшными, злыми.

— Я вернусь, Джим, — послышался ледяной голос.

И демон пропал.

Джим медленно поднялся. Остановил изувеченной рукой проигрыватель. Потрогал разбитые губы. На них была кровь. Он включил свет. Кроме него, в комнате не было никого. Онглянулся в окно. Абсолютно пустая стоянка. Не считая одинокого колесного колиака, в котором, как в кривом зеркале, отражалась луна. В кабинете пахло как в склепе — чем-то затхлым и древним. Джим стер пентаграмму и принял расставлять партии по местам — ведь завтра будут уроки. Пальцы болели ужасно... *какие пальцы?!* Надо будет сходить к врачу. Он закрыл дверь и медленно пошел вниз по лестнице, прижимая руки к груди. Где-то на середине пролета что-то заставило его обернуться — то ли тень, то ли какое-то внезапное ощущение.

Нечто незримое отираяло прочь.

Джиму вспомнилось предупреждение из книги «Как вызвать демона». Это серьезный ритуал, связанный с повышенной опасностью. Демоны могут тебя послушаться. Их можно вызвать. Можно заставить исполнить твоё повеление. Их даже можно прогнать.

Но иногда они возвращаются.

Джим пошел дальше вниз, задаваясь вопросом: а что, если это еще не конец его кошмарам?

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ВЕСНА

Попрыгунчик Джек...

Утром эти два слова бросились мне в глаза, как только я раскрыл газету, и, клянусь Господом, поразили меня до глубины души. Я словно перенесся на восемь лет назад. Однажды, аккурат в эти же дни, я увидел себя по национальному телевидению в программе «Уолтер Кронкайт риорт». Лицо среди прочих, за спиной репортера, но родители тут же засекли меня. Позвонили по межгороду. Отец потребовал анализа ситуации: он принимал близко к сердцу общественные проблемы. Мать просто хотела, чтобы я вернулся домой. Но тогда я не хотел возвращаться. Меня зачаровали.

Зачаровала темная, туманная земляничная весна, зачаровала тень насильственной смерти, что бродила ночами восемь лет тому назад. Тень Попрыгунчика Джека.

В Новой Англии это природное явление называют земляничной весной. Говорят, приходит она раз в восемь или десять лет. Вот и случившееся в Педагогическом колледже Нью-Шейрона в ту земляничную весну... тоже могло иметь цикличность, но если кто-то и догадался об этом, то никому не сказал.

В Нью-Шейроне земляничная весна началась 16 марта 1968 года. В тот день «сломалась» самая суровая за последние двадцать лет зима. Пошел дождь, запахло океаном,

находившимся в двадцати милях к западу. Снег, толщина которого местами достигала тридцати ияти дюймов, осел, подтаял, дорожки кампуса превратились в грязное месиво. Ледяные скульптуры, сооруженные к Зимнему карнавалу и простоявшие два месяца как новенькие при температуре ниже нуля, разом уменьшились в размерах и потекли. Карикатурное изваяние Линндана Джонсона перед Тип-Хаус, одним из корнусов общежития, заискакало горючими слезами. Голубь перед Прашиер-Холл потерял перышки, кое-где обнажился деревянный остов.

А вместе с ночью пришел и туман, заполнивший улицы и площади кампуса. Ели торчали сквозь него, словно растопыренные пальцы, и он медленно втягивался, как сигаретный дым, под маленький мост, охраняемый орудийными стволами времен Гражданской войны. В тумане доселе привычный окружающий мир становился странным, непонятным, таинственным. Ничего не подозревающий путник выходил из залитого светом «Зубрилы», ожидая увидеть чистое звездное зимнее небо, раскинувшееся над снежной белизной... и внезапно попадал в скрывающую все и вся молочную пелену, в которой слышались лишь шаги да журчание воды в ливневых канавах. Казалось, из тумана сейчас выйдут персонажи тех самых книг, которые ты изучал, а обернувшись, ты увидишь, что «Зубрила» исчез, уступив место панораме неведомой страны, в лесах и горах живут друиды, феи, волхвы.

Музыкальный автомат в тот год играл «Любовь — это грусть». А также «Эй, Джей», снова и снова. И «Ярмарку в Скарборо».

В тот вечер, в десять минут одиннадцатого, первокурсник Джон Дэнси, возвращаясь в общежитие, завоил в тумане, побросав книги на ноги мертвой девушки, лежавшей в углу автостоянки у биологического корнуса с перерезанным от уха до уха горлом и широко раскрытыми глазами, которые весело блестели, словно ей удалась

лучшая в ее короткой жизнн шутка. Дэнси кричал, кричал и кричал.

Следующий день выдался мрачным, облака висели над самой землей, и мы пришли на занятия с естественными вопросами: кто? почему? когда его поймают? И, конечно же, с самым волниющим из всех: ты ее знал? ты ее знал...

Да, я занимался с ней в классе рисования.

Да, мой приятель встречался с ней в прошлом семестре.

Да, как-то раз она попросила у меня зажигалку в «Зубриле». Сидела за соседним столиком.

Да.

Да, я...

Да... да... о да, я...

Гейл Джерман. Мы узнали о ней все. Она серьезно занималась живописью. Носила старомодные, в тяжелой оправе очки, но фигурка была ничего. В камнусе ее любили, а соседки по общежитию ненавидели. На свидания ходила редко, хотя среди парней пользовалась успехом. Не красавица, но с шармом. Отличалась острым язычком. Говорила много, улыбалась мало. Успела забеременеть, болела лейкемией. Убил ее дружок, узнав, что она — лесбиянка. Стояла земляничная весна, и 17 марта мы все знали всё о Гейл Джерман.

Полдюжины патрульных машин поехали в кампус, большинство из них припарковались перед Джудит-Франклайн-Холл, где жила Джерман. Когда я шел на десятичасовую пару, меня попросили показать студенческое удостоверение. Я не чувствовал за собой вины. И показал.

— У тебя есть нож? — подозрительно спросил коп.

— Вы насчет Гейл Джерман? — полюбопытствовал я после того, как сказал, что, кроме цепочки для ключей, ничего смертоносного при мне нет.

— Почему ты спрашиваешь? — разом подобрался коп.

В итоге я опоздал на десять минут.

Стояла земляничная весна, и никто не бродил по камнусу с наступлением темноты. Вновь сгустился туман, пахло океаном, царили тишина и покой.

В девять вечера в комнату влетел мой сосед. Я с семи часов бился над эссе по Милтону.

— Его поймали. Я узнал об этом в «Зубриле».

— От кого?

— Не знаю. От какого-то пария. Гейл убил ее ухажер. Карл Амарала.

Я откинулся на спинку стула, испытывая облегчение и разочарование. От человека с такими именем и фамилией можно ожидать всякого. Преступление на почве страсти со смертельным исходом.

— Хорошо, что его поймали.

Сосед ушел, чтобы разнести благую весть по всему общежитию. Я перечитал написанное, не смог поять, какую нытался выразить мысль, порвал почти законченное эссе, начал снова.

Подробности мы узнали из утренних газет. С фотоснимка Амаралы, вероятно, из школьного выпускного альбома, смотрел грустный юноша, смуглый, с темными глазами и оспинками на носу. Последний месяц он и Гейл Джерман часто ссорились, а неделю назад расстались. Сосед Амаралы по комнате сказал, что тот «был в отчаянии». В ящике для обуви под кроватью Карла полиция нашла охотничий нож с лезвием в семь дюймов и фотографию девушки, которой вспороли горло.

Газеты напечатали и фотографии Гейл Джерман. Похожая на мышку блондинка в очках. Косенская, с застенчивой улыбкой. Одной рукой она поглаживала собаку. Мы верили, что по-другому и быть не могло.

Туман вернулся и в ту ночь, растекся по всему камнусу. Я вышел прогуляться. У меня разболелась голова, и я неспешно шагал по дорожкам, вдыхая запах весны, изгоняющей надоевший за долгую зиму снег, открывающей островки прошлогодней травы.

Ночь эта стала для меня одиой из самых прекрасных в жизни. Люди, мимо которых я проходил, казались тенями в отсвете уличных фонарей. И встречались мне только влюбленные парочки, соединенные руками и взглядами. Таял снег, капельки соединялись в ручейки, которые журчали в ливневых канавах, чем-то напоминая далекий шум морского прибоя.

Я гулял до полуночи, покуда основательно не продрог, мнновал много теней, услышал много шагов, чавкающих по размокшим дорожкам. И кто мог поручиться, что среди этих теней не было человека, которого потом назвали Попрыгунчик Джек? Только не я, ибо я видел моего теня, но туман скрывал от меня их лица.

Наутро меня разбудил шум в коридоре. Я высунулся из двери, чтобы узнать, что случилось, приглаживая волосы и водя по пересохшему небу волосатой гусеницей, оказавшейся на месте языка.

— Он добрался еще до одной, — сказал мне кто-то с побледневшим от волиения лицом. — Им пришлось его отпустить.

— Кого?

— Амаралу! — радостно воскликнул другой. — Он сидел в тюрьме, когда это произошло.

— Произошло что? — терпеливо спросил я, понимая, что рано или поздно мне все доходчиво объяснят.

— Прошлой ночью этот парень оиять кого-то убил. И теперь это ищут по всему камнусу.

— Ищут что?

Бледное лицо передо мной расплылось, ушло из фокуса.

— Ее голову. Убийца увес с собой ее голову.

И сейчас Нью-Шейрон не такой уж большой колледж, а тогда был еще меньше. Такие колледжи обычно называют муниципальными. В те дни все студенты знали друг

друга. Ты сам, твои друзья, знакомые твоих друзей, те, кого ты хоть раз видел на лекциях, семинарах, в «Зубриле», больше, пожалуй, никого. Гейл Джерман отосилась к той категории, кому ты просто кивал, в уверенности, что где-то ее видел.

А вот Энн Брей была у всех на виду. В прошлом году считалась фавориткой в конкурсе «Мисс Новая Англия». А как здорово танцевала она под мелодию «Эй, посмотри на меня». И умом ее природа не обделила. Редактор газеты колледжа (еженедельник с множеством политических карикатур и статей, критикующих администрацию), член студенческого драматического общества, президент нью-шэйронского отделения Национальной женской ассоциации. На первом курсе, только окунувшись в бурную студенческую жизнь, я обращался к Энн с двумя предложениями: хотел вести в газете постоянную рубрику и пригласить ее на свидание. И в том, и в другом мне отказали.

А теперь она умерла... хуже, чем умерла.

В тот день я, конечно, пошел на занятия. Как обычно, кивал знакомым, здоровался с друзьями, разве что более внимательно взглядался в их лица. Точно так же, как они изучали мое. Потому что среди нас ходил плохой человек, с душою черной, как тропинки, протоптанные среди вековых дубов, растущих за спортивным залом. Черной, как пушки времен Гражданской войны, едва проглядывающие сквозь пелену наплывающего тумана. Мы всматривались в лица друг друга и пытались найти эту черную душу.

На этот раз полиция никого не арестовала. Синие патрульные машины кружили по кампусу в туманные весенние ночи 18, 19 и 20 марта, лучи фар выхватывали из темноты все укромные уголки. Руководство колледжа ввело комендантский час, запретив покидать общежития после девяти вечера. Парочку, которую нашли обнимавшуюся на скамейке в декоративной роще у «Тейт-Аламни-

билдинг», отвезли в полицейский участок Нью-Шейрона и продержали в камере три часа.

Двадцатого поднялась паника, когда на той же автостоянке, где убили Гейл Джерман, обнаружили лежащего без сознания студента. Перепугавшийся до смерти коп загрузил его на заднее сиденье патрульной машины, прикрыл лицо картой округа, даже не потрудившись прощупать нульс, и помчал в местную больницу. В тишине камнуса включенная на полную мощность сирена ревела, как свора баньши.

На полпути труп приодялся и спросил: «Где это я?» Коп завизжал и съехал в кювет. Трупом оказался студент последнего курса Дональд Моррис. Последние два дня он провалился в кровати с гриппом, вроде бы в тот год свирепствовал азиатский. И потерял сознание, когда шел в «Зубрилу», чтобы выпить чашку горячего бульона и что-нибудь съесть.

Погода стояла теплая и облачная. Студенты собирались маленькими группами, разбегались, чтобы тут же собраться вновь, нусть и в другом составе. При пристальном взгляде на отдельные лица возникали самые невероятные мысли. Скорость, с которой слухи из одиого конца камнуса достигали другого, приближалась к световой. Всеми любимого иуважаемого профессора истории видели под мостом, плачущим и смеющимся одновременно. Гейл Джерман успела кровью написать два слова на асфalte автостоянки. Оба убийства имели политическую подоплеку, и совершили их активисты из антивоенной организации, протестующие против участия американцев во вьетнамской войне. Последнюю версию подняли на смех. Нью-шайронское отделение этой самой организации насчитывало лишь семь человек, всех их прекрасно знали. Тогда патриоты внесли уточнение: убийца — кто-то из приезжих агитаторов, состоявших в той же организации. Поэтому в эти хмурые теплые дни мы постоянно выискивали среди нас незнакомые лица.

Пресса, обычно любящая обобщения, поначалу проигнорировала удивительное сходство нашего убийцы с Джеком Потрошителем и начала рыть глубже, докопавшись аж до 1819 года. Однн дотошный журналист из Нью-Хэмпшира вспомнил про некоего доктора Джона Хаукинса, который в те стародавнне времена избавился от пяти своих жен, используя ему только ведомые медикаментозные средства. Но в итоге газеты вернулись к Джеку, заменив Потрошителя на Попрыгунчика: Энн Брэй нашли на проитанной влагой земле, в двенадцати футах от ближайшей дорожки, но полиция не обнаружила ни единого следа нн жертвы, ни убийцы. Эти двенадцать футов мог преодолеть только Попрыгунчик.

Двадцать первого зарядил дождь, превратив камнус в болото. Полиция объявила, что на поиски убийцы брошены двадцать детективов в штатском, мужчин и женщин, и сняла с дежурства половину патрульных машин.

Студенческая газета откликнулась яростной статьей протеста. Автор утверждал, что при таком количестве переодетых копов невозможно выявить засланных активистов антивоенного движения.

Спустились сумерки, а с ними и туман медленно поплыл по обсаженным деревьями авеню, проглатывая одноздание за другим. Мягкий, невесомый, но одновременно будоражащий, пугающий. В том, что Попрыгунчик Джек — мужчина, сомнений нн у кого не было, но туман, его союзник, представлялся мне женщиной. И наш маленький колледж очутился между ними, слившимися в безумном объятии. То был союз, замешанный на крови. Я сидел у окна, курил, смотрел на загорающиеся фонари и гадал, когда же все это кончится. Вошел мой сосед по комнате, прикрыл за собой дверь.

— Скоро пойдет снег, — объявил он.

Я повернулся и взорвался на него:

— Об этом передали по радио?

— Нет. Кому нужен прогноз погоды? Ты когда-нибудь слышал о земляничной весне?

— Возможно. Очень давно. Бабушкины сказки, не так ли?

Он подошел ко мне, всмотрелся в темноту за окоем.

— Земляничная весна — что индейское лето*, только случается гораздо реже. Хорошее индейское лето повторяется каждые два-три года. А вот такая погода, как сейчас, бывает один раз в восемь или десять лет. Фальшивая весна, ложная весна, точно так же как индейское лето — ложное лето. Моя бабушка говорила: земляничная весна — признак того, что зима еще покажет себя. И чем дольше она длится, тем сильнее ударит мороз, тем больше выпадет снега.

— Сказки все это. Нельзя верить ни слову. — Я пристально смотрел на него. — Но я нервничаю. А ты?

Он снисходительно усмехнулся, стрельнул сигарету из вскрытой пачки, что лежала на подоконнике.

— Я подозреваю всех, кроме себя и тебя. — Усмешка завяла. — А иногда возникают сомнения и в отношении тебя. Не хочешь пойти поиграть в кегли? Готов поставить десятку.

— На следующей неделе контрольная по тригонометрии. Надо позаниматься, иначе не напишу.

Однако и после того, как он ушел, я долго смотрел в окою. И даже раскрыв книжку, не мог полостью сосредоточиться на синусах и косинусах. Какая-то часть моего «я» бродила во тьме, где затаилось зло.

В тот вечер убили Адель Паркинс. Шесть полицейских машин и семнадцать выдающих себя за студентов детективов (среди них восемь женщин, прибывших из Бостона) патрулировали кампус. Но Попрыгунчик Джек тем не менее сумел ее убить, развеяв последние сомнения в том, что он — один из нас. Фальшивая весна, ложная

---

* В России — бабье лето.

весна, помогала ему, укрывала его. Он убил Адель и оставил ее в «дodge» выпуска 1964 года. Там девушку и нашли следующим утром. Часть — на переднем сиденье, часть — на заднем, остальное — в багажнике. А на ветровом стекле он написал ее кровью (это уже факт — не слухи) два слова: ХА! ХА!

В камнусе у всех слегка поехала крыша: мы знали и не знали Адель Паркинс, одну из тех незаметных, но шустрых женщин, без устали сновавших взад-вперед по «Зубриле» от шести до одиннадцати вечера, обслуживая охочих до гамбургеров студентов. Должно быть, только в три последних туманных вечера она смогла хоть немного перевести дух: комендантский час соблюдался неукоснительно, и после девяти в «Зубрилу» заглядывали только коны да технический персонал колледжа. Последние пребывали в превосходном настроении: студенты не докучали им по вечерам.

Добавить к этому практически нечего. Полиция билась в истерике, не находя ни малейшей зацепки. В конце концов они арестовали вынужденно-гомосексуалиста, Хансона Грея, который заявил, что «не может вспомнить», где провел последние вечера. Его обвинили в убийствах, но наутро отпустили, после последней ночи земляничной весны, которая также не обошлась без жертвы: на набережной убили Маршу Каррен.

Почему она пришла туда одна, что делала, так и осталось тайной. Эта толстуха жила в городе, в квартире, которую снимала вместе с еще тремя студентками. Она незаметно проскользнула в кампус, так же легко, как и Попрыгунчик. Что привело ее туда? Может, некое чувство, перед которым она не могла устоять? Или темная ночь, теплый туман, запах океана? Но нарвалась на холодный нож.

Произошло это двадцать третьего. А дилем позже президент колледжа объявил, что весенние каникулы сдвинуты на неделю, и мы разлетелись в разные стороны, без

радости, как овцы перед надвигающейся грозой, оставил камнус на попеченье полиции.

Мой автомобиль стоял на камнусной стоянке. Я усадил в кабину шестерых. Поездка никому не доставила удовольствия. Каждый из нас понимал, что Попрыгунчик Джек, возможно, сидит рядом.

В ту ночь температура упала на иятиадцать градусов. Хлынувший на севере Новой Англии дождь быстро перешел в снег. У многих стариков прихватило сердце, а потом, словно по мановению волшебной палочки, пришел апрель. С дневными ливиями и звездными ночами.

Одному Богу известно, почему этот каприс природы назвали землянничной весной, но повторяется он раз в восемь или десять лет и является собой зло. Попрыгунчик Джек исчез вместе с туманом, и к июню кампус воливали лишь демонстрации протesta против призыва в армию и сидячие забастовки в помещении, которое фирма, известный производитель напалма, использовала для собеседований со студентами. В июне о Попрыгунчике Джеке больше не говорили, во всяком случае, вслух. Подозреваю, многие частенько оглядывались из опасения, а не подкрадывается ли он сзади, но ни с кем не делились своими страхами.

В тот год я защитил диплом, а в следующем женился. Получил хорошую работу в местном издательстве. В 1971 году у нас родился ребенок, и скоро ему ндти в школу. Красивый умный мальчик с моими глазами и ее ртом.

И вот сегодняшняя газета.

Разумеется, я знал, о чем в ней напишут. Знал еще вчера утром, когда поднялся и услышал журчание талой воды в ливневых канавах, почувствовал соленый запах океана с нашего крыльца, в девяти милях от побережья. Я понял, что вновь пришла земляничная весна, прошлым вечером, когда, возвращаясь с работы домой, включил фары: начавший собираться туман уже заполнил лощины и подбирался к зданиям и уличным фонарям.

В утренней газете написали о девушке, убитой в кампусе нью-шэйронского колледжа неподалеку от моста с орудийными стволами времен Гражданской войны. Ее убили ночью и нашли на подтаявшем снегу. Нашли... не целиком.

Моя жена расстроена. Она хочет знать, где я был прошлым вечером. Я не могу сказать ей, потому что не помню. Я помню, как поехал с работы домой, помню, как включил фары, чтобы найти путь сквозь туман, но это все, что сохранила моя память.

Я думаю о туманном вечере, когда у меня разболелась голова и я пошел прогуляться среди безликих теней. Я думаю о багажнике моего автомобиля... какое ужасное это слово: *багажник*, и задаюсь вопросом, почему мне страшно его открыть?

Я пишу за столом и слышу, как в соседней комнате плачет моя жена. Она думает, что прошлой ночью я был с другой женщиной.

И, о Господи, я опасаюсь того же.

КАРНИЗ

— Ну же, не стесняйтесь, — повторил Кресснер. — Загляните в пакет!

Мы находились в его пентхаусе на сорок третьем этаже небоскреба. Кресснер удобно расположился в мягким кресле напротив кожаного дивана, а перед ним на полу, устланном толстым ворсистым ковром с рыжими подиалинами, лежал обычный коричневый пакет, такие дают в магазинах продуктов.

— Если это отступные, то вы напрасно теряете время. Я люблю ее, — сказал я.

— Это просто деньги, а вовсе не отступные. Ну же! Посмотрите! — Он курил турецкую сигарету в мундштуке из оникса, и легкий аромат табака почти моментально улетучивался благодаря вентилятору. Одет Кресснер был в шелковый халат с вышитым драконом. За стеклами очков внимательный взгляд умных спокойных глаз. Он выглядел ровно так, как и должен выглядеть хозяин жизни — купающийся в богатстве самоуверенный сукин сын. Я любил его жепу, а она любила меня. Я знал, что просто так он этого не оставит, и понимал, что оказался здесь не случайно, но никак не мог взять в толк, к чему он клонит.

Я подошел к пакету и перевернул его. На пол посыпались пачки денег. Двадцатидолларовые банкноты. Я на-

клонился и, взяв одпу пачку, пересчитал: десять купюр. Пачек было очень много.

— Здесь двадцать тысяч долларов, — пояснил он, выпуская клубы дыма.

— И что? — Я поднялся.

— Это вам.

— Мне они не нужны.

— К этим деньгам прилагается моя жена.

Я промолчал. Марша меяя предупреждала, что он наверняка задумает какую-нибудь подлость. Что этот старый и коварный кот будет играть со миой, как с мышкой.

— Значит, вы из профессиональных теннисистов, — заметил он. — Мне еще не приходилось с ними встречаться.

— Хотите сказать, что ваши нщейки не делали снимков?

— Делали, конечно. — Он согласно махнул мундштуком. — И даже отсияли целый фильм, как вы проводили время в мотеле «Бэйсайд». Камера была установлена в номере за зеркалом. Но по фотографиям трудно составить верное впечатление, вы не находите?

— Вам виднее.

Марша предупреждала, что он будет постоянно меять тактику. «Этим излюбленным приемом он вынуждает людей уходить в защиту. А едва им начинает казаться, что они поняли, что он задумал и откуда ждать удара, как следует вынад с совершиено неожиданной стороны. Постарайся поменьше говорить, Стэн. И помни, что я тебя люблю».

— Я пригласил вас, чтобы мы могли обсудить все как мужчина с мужчиной, мистер Норрис. Приятная беседа двух цивилизованных людей, один из которых соблазнил жену другого.

Я хотел было ответить, но передумал.

— Как вам понравилось в тюрьме Сан-Квентин? — поинтересовался он, лениво выпуская клубы дыма.

— Не особено.

— Вы провели там, кажется, три года. За кражу со взломом, если не ошибаюсь.

— Марше об этом известно, — сказал я и тут же пожалел. Он навязал мне свою игру, и я повелся, а именно от этого меня и предостерегала Марша. Стоит только высоко отбить мяч и навесить «свечку», как он с удовольствием погасит.

— Я позволил себе распорядиться, чтобы вашу машину переставили, — заметил он, глядя в окою в конце комнаты. Вообще-то это было даже не окою, а стеклянная стена с раздвижной дверью посередине. За ней имелся маленький балкон, за которым открывалась невероятно глубокая пропасть. С дверью было что-то не так, но что именно, я никак не мог сообразить.

— Это очень хорошее здание, — продолжал Кресснер. — Отличная охрана. Автономная система теленаблюдения, и все такое. Увидев вас в фойе, я кое-кому позвонил. Мой помощник замкнул провода в системе зажигания, завел двигатель и отогнал вашу машину на общественную стоянку в паре кварталов отсюда. — Он бросил взгляд на модные, стилизованные под солиечный диск с лучами настенные часы, висевшие над диваном. 20.05. — В восемь двадцать тот же помощник позвонит из телефона-автомата в полицию и сообщит о вашей машине. Самое позднее через десять минут блюстители закона обнаружат в багажнике запаску, в которой спрятано шесть унций героина. После этого вас немедленно объяют в розыск.

Он подставил мея. Я пытался подстраховаться на случай разных неожиданностей, но силы были слишком неравны.

— Однако всего этого можно избежать, если я позвоню своему помощнику и скажу, что с полицией связываться не надо.

— А взамен я должен сообщить, где сейчас Марша, — произнес я. — Ничего не выйдет, мистер Кресснер. Я это-

го просто не знаю. И мы специально так договорились, именно на такой случай.

— Мои люди проследили за ней.

— Вряд ли им это удалось. В аэропорту мы от них оторвались.

Кресснер вздохнул, вытащил из мундштука догоревшую сигарету и отправил в хромированную пепельницу с вращающейся крышкой. Все чинно-благородно. С окурком и Стэном Норрисом разобрались одинаково быстро и без шума.

— Вообще-то вы правы, — согласился он. — Старый трюк с дамским туалетом. Мои люди были очень раздосадованы, что их провели таким допотопным способом. Полагаю, они просто не ожидали столь примитивного хода.

Я промолчал. Избавившись от слежки в аэропорту, Марша вернулась в город на автобусе и добралась до автовокзала. В этом и заключался наш план. У нее было двести долларов — все мои сбережения. На них на автобусе можно добраться до любой точки страны.

— Вы всегда так неразговорчивы? — поинтересовался Кресснер с неподдельным интересом.

— Марша посоветовала.

Он нахмурился:

— Тогда, полагаю, вы воспользуетесь своим правом не свидетельствовать против себя, когда вас арестуют. А мою жену вы в следующий раз увидите уже старушкой в кресле-качалке. Вы это понимаете? Насколько мне известно, за хранение шести уиций героина полагается до сорока лет.

— Но Маршу вы все равно не вернете.

Он усмехнулся:

— Позвольте мне вкратце обрисовать ситуацию. Вы с моей женой полюбили друг друга. И у вас возник роман.... Если, конечно, совместные посещения дешевых мотелей можно назвать романом. Жене удалось от меня уйти. Но

зато вы сами сейчас в моих руках. И оказались в довольно щекотливом положении. Я верно все изложил?

— Теперь я понимаю, чем вы ее так достали, — сказал я.

К моему удивлению, он, откинув голову, расхохотался.

— Знаете, а вы мне даже нравитесь, мистер Норрис. Вы, конечно, не бог весть что, но у вас, похоже, есть сердце. Марша тоже говорила об этом, но я, если честно, сомневался. Она неважно разбирается в людях. Но в вас есть некий... стержень. Вот почему я позволил себе все это устроить. Не сомневаюсь, Марша вам рассказывала о моем пристрастии к пари.

Теперь я понял, что показалось мне странным при взгляде на стекляиную стену. Поистио, что зимой вряд ли кто-нибудь захочет выпить чашку чая на балконе, поэтому мебель оттуда убрали. Но с какой целью с двери сияли защитный экран? Что затеял Кресснер?

— Я не люблю свою жену, — продолжал он, вставляя в мундштук новую сигарету. — Это ни для кого не секрет. Уверен, она вам об этом тоже говорила. И не сомневаюсь, что человек с вашим опытом знает: хорошие жены не изменяют мужьям с первым встречным тренером из местного теннисного клуба. На мой взгляд, Марша — обыкновенная лгунья и лицемерка, плакса и зануда, сплетница и...

— Довольно! — не выдержал я.

Он холодно улыбнулся:

— Прошу прощения. Я все время забываю, что мы говорим о вашей возлюбленной. Сейчас двадцать шесть-надцать. Нервничаете?

Я пожал плечами.

— Крутой и уиертый, — ухмыльнулся он. — Но вас, наверное, удивляет, почему я просто не отпущу Маршу на все четыре стороны, если совсем ее не люблю?

— Вовсе не удивляет.

Он недовольно нахмурился. Я продолжил:

— Вы — самодовольный, жадный и эгоистичный сукин сын. В этом объяснение. Никто не может у вас забрать то, что вы считаете своим. Даже если вам это и не нужно.

Он побагровел, но взял себя в руки и снова рассмеялся:

— Очко в вашу пользу, мистер Норрис. Очень хорошо! Я снова пожал плечами.

— Я хочу предложить вам пари, — обратился ко мне он. — Если выиграете, то уйдете отсюда с деньгами, получив мою жену и свободу. Ну а если проиграете, то умрете.

Я не удержался и взглянул на часы: 20.19.

— Ладио. — А что я еще мог сказать? По крайней мере это позволяло выиграть время. И придумать, как унести отсюда ноги — не важно, с деньгами или нет.

Кресснер взял трубку и набрал номер.

— Тони? План номер два. Все правильно, — подтвердил он и положил трубку на рычаг.

— И что за «план номер два»? — поинтересовался я.

— Я позвоню Тони через пятнадцать минут, и он вытащит... компрометирующий материал из багажника и вернет машину обратно. А если я не позвоню, он свяжется с полицией.

— Перестраховываетесь?

— По вполне понятным причинам, мистер Норрис. На ковре лежат двадцать тысяч долларов, а в этом городе убивали и за двадцать центов.

— И в чем суть спора?

Он с досадой поморщился:

— Пари, мистер Норрис, пари. Джентльмены заключают пари, а спорят только мужланы.

— Как скажете.

— Отлично! Я обратил внимание, что вас заинтересовал мой балкон.

— С двери сият защитный экран.

— Верно. Я распорядился об этом после обеда. А предлагаю я вот что. Вы обойдете все это здание по карнизу,

который опоясывает его на уровне нашего этажа. Если сумеете, то сорвите баик.

— Да вы с ума сошли!

— Отнюдь! За двенадцать лет, что живу в этом доме, я предлагал заключить подобное пари шести разным людям. Трое из них были профессиональными спортсменами вроде вас. Один — известный квортебек. Правда, играл он довольно посредственно, а славой был обязан рекламией роликам на телевиденин. Второй — бейсболист, а третий — знаменитый жокей, который не только зарабатывал баснословные деньги, но и платил баснословные алименты. Остальные трое были обычными людьми, которых объединяло два общих качества — нужда в деньгах и неплохая физическая форма. — Он задумчиво затянулся сигаретой и продолжил: — Пятеро сразу наотрез отказались. А шестой согласился. Условия были такими: двадцать тысяч долларов или полгода работы на меня. Я выиграл. Тот парень вышел на балкон, бросил взгляд вниз и чуть не потерял сознание. — Кресснер прозрительно хмыкиул. — Он сказал, что сверху все кажется таким крошечным. Это и лишило его мужества.

— А с чего вы взяли...

Кресснер раздраженно махнул рукой:

— Бросьте, мистер Норрис. Я думаю, вы согласитесь, потому что у вас нет выбора. Либо принять пари, либо обречь себя на сорок лет в Сан-Квентине. Деньги и моя жена — лишь скромные призовые, свидетельствующие о моем расположении.

— А какие у меня гарантин, что вы не сжульничаете? Вдруг я все сделаю, а вы все-таки позовите Тони и дадите ему добро на звонок в полицию?

Кресснер вздохнул:

— У вас ярко выраженные симптомы паранойн, мистер Норрис. Я не люблю свою жену. И ее присутствие рядом со мной отиудь не тешит мое пресловутое самолюбие. Двадцать тысяч долларов для меня — сущая ме-

лочь. Я каждую неделю отстегиваю в четыре раза больше на взятки полицейским. Что же касается пари...

Я задумался, и он мне не мешал. Наверное, он отлично понимал, что загнанный в угол человек сам сделает нужные выводы. Я был обыкновенным тренером тридцати шести лет, и теннисный клуб уже наверняка бы от меня избавился, если бы не вмешательство Марши, надавившей на кое-какие пружины. Игра в теннис была единственным, что я умел в жизни, и найти другую работу, пусть даже дворника, при наличии судимости будет очень непросто. Конечно, преступление было пустяковым, сродни детской шалости, но разве это кому-нибудь объяснишь?

А самое главное, я действительно полюбил Маршу. Двух первых уроков тенниса хватило, чтобы я совсем потерял голову. И Марша тоже. Нечего сказать — повезло! После тридцати шести лет холостяцкой жизни воснывать страстью не к кому-то, а к жене короля подпольного мира.

Сидевший напротив меня старый мерзавец, дымивший дорогими турецкими сигаретами, все это, конечно, знал. Как и многое другое. Не было никаких гарантий, что он сдержит слово, если я соглашусь на пари и выиграю. Но я не сомневался: если откажусь, то не позже десяти часов буду сидеть в каталажке, а выйду из нее только в новом тысячелетии.

— У меня есть один вопрос, — сказал я.

— И какой же, мистер Норрис?

— Вы держите слово? И платите по долгам?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Мистер Норрис, — с достоинством произнес он, — я всегда выполняю свои обещания.

— Согласен, — сказал я. А какой у меня был выбор?

Он просиял и поднялся:

— Чудесно! Просто чудесно! Давайте пройдем к балкону, мистер Норрис.

Мы подошли к стеклянной стене вместе. У Кресснера был такой вид, будто исполнялась самая заветная мечта его жизни, он весь светился от счастья.

— Ширина карниза иять дюймов, — мечтательно произнес он. — Я сам измерял. Вообще-то я даже постоял на нем, правда, держась за перила. Вам нужно лишь перебраться через поручень и немного спуститься. Низ балкона окажется у вас на уровне груди. Понятно, что за пределами балкона держаться вам будет не за что. Придется продвигаться на ощупь, стараясь не потерять равновесия.

И тут я заметил за окиом предмет, при виде которого внутри у меня все похолодело. Анемометр! Небоскреб стоял возле озера, и рядом не было высоких зданий, которые могли бы защитить от ветра. А ветер был холодным, наверняка проберет нас kvозь. Сейчас стрелка стояла, почти не двигаясь, на отметке в 10 миль в час, но при порыве могла запросто подскочить до 25, а потом снова уиасть.

— А, вижу, вы заметили мой анемометр! — весело воскликнул Кресснер. — Вообще-то ветер сильней на противоположной стороне, а здесь дует не так сильно. Но сегодня ночью довольно тихо. Я помню вечера, когда сила ветра достигала восьмидесяти ияти и даже здание раскачивалось. Ощущение такое же, как на марсовой площадке мачты парусника. Для этого времени года сегодня, можно сказать, довольно тепло.

Он сделал жест в сторону небоскреба баика слева — неоновые цифры на верху здания показывали температуру. Семь градусов тепла, а на таком ветре ощущение будет, как при минус трех.

— У вас есть пальто? — спросил я. На мне был только легкий пиджак.

— Увы, нет. — Теперь цифры на небоскребе показывали время. 20.32. — Мне кажется, вам лучше поспешнть, мистер Норрис, чтобы я мог позвонить Тони и дать

команду насчет плана номер три. Он — хороший парень, но уж больно нетерпеливый. Вы меня понимаете?

Я его хорошо понимал. Даже слишком хорошо.

Но мысль о Марше, выскользнувшей из щуналец Кресснера, и деньгах, которые позволяют нам начать новую жизнь, подтолкнула меня к раздвижной двери, и я оказался на балконе. Там было холодно и влажно, а ветер трепал волосы, залепляя глаза.

— Желаю вам приятного вечера, — послышался за спиной голос Кресснера, но я не стал оборачиваться и подошел к перилам. Смотреть вниз было еще рано, и я начал делать глубокие вдохи.

Это даже не столько специальное разминочное упражнение спортсменов, сколько способ самовнушения. С каждым вдохом-выдохом голова постепенно очищается от посторонних мыслей, а внимание концентрируется на предстоящей игре. После первого вдоха-выдоха я уже не думал о деньгах, после второго забыл о Кресснере. С Маршем было труднее — ее лицо все время стояло перед глазами, она словно умоляла не делать глупостей и не идти на поводу у Кресснера. Пусть он и не жульничал при pari, но уж точно всегда подстраховывался на случай возможного проигрыша. Я не слушал доводов рассудка. Я не мог себе этого позволить. Если я проиграю это pari, то дело не обойдется выставлением пива и подтруниванием приятелей. От меня останется лишь кровавое иятно, а разлетевшиеся останки будут сбирать по всей Дикман-стрит.

Решив, что достаточно собой овладел, я посмотрел вниз.

Стена здания, похожая на гладкий камениный утес, уходила вертикально вниз и упиралась в крохотную мостовую. Машины казались миниатюрными игрушечными моделями вроде тех, что продаются в любом сувенирном киоске, а их движение можно было уловить по крошечным огонькам. Если сорваться с такой высоты, то хватит времени и понять, что происходит, и увидеть, как ветер

раздувает одежду, а земля стремительно несется навстречу. И еще — издать долгий, долгий крик. А при ударе о мостовую звук будет как от лопнувшего перезревшего арбуза.

Я понимал, почему тот парень сдрейфил. Но альтернативой для него были какие-то жалкие шесть месяцев рабства. Мея же ожидала разлука с Маршем на долгие сорок лет, которые я проведу за решеткой.

Я взглянул на карниз. Пять дюймов, а кажется, не больше двух. Хорошо хоть, что здание не старое и карниз не будет осыпаться под ногами.

Во всяком случае, я на это надеялся.

Я перелез через перила и, держась за прутья декоративной чугунной решетки, начал осторожно сползать вниз. Наконец подошвы уперлись в карниз, и я встал на него: каблуки висели над пропастью. Низ балкона действительно оказался на уровне груди, и я бросил взгляд на апартаменты Кресснера. Он стоял в дверях и курил, внимательно наблюдая за мной, совсем как учений за подонятной морской свинкой после сделанной инъекции.

— Звоните, — сказал я, не отпуская прутьев решетки.

— Что?

— Звоните Тони. Я не тронусь с места, пока вы не позовите.

Он верпулся в гостиную, которая с улицы казалась на удивление теплой и уютной, и взял трубку. Правда, из-за свистевшего ветра я все равно не мог ничего услышать. Положив трубку, он вернулся.

— Все в порядке, мистер Норрис.

— Надеюсь.

— До свидания, мистер Норрис. До встречи... если, конечно, она состоится.

Пора приниматься за дело. Время разговоров позади. Я в последний раз позволил себе подумать о Марше, вспомнил ее светло-каштановые волосы, большие серые глаза, чудесное тело и решительно выбросил из головы.

И смотреть вниз тоже больше нельзя! На такой высоте легко растеряться от страха и холода, оступиться, а то и вообще отключиться. Сейчас самым важным было думать только о карнизе и сосредоточиться на движении: правая нога, левая нога.

Я устремился, держась за решетку, пока была такая возможность. Почти сразу выяснилось, что при висящих над пропастью иятах основная нагрузка будет ложиться на носки и тяжесть тела придется выдерживать сухожилиям лодыжки.

Добравшись до конца балкона, я никак не мог решиться отпустить прутья спасительной решетки. Но выбора не было, и я разжал пальцы. Черт побери, иять дюймов — это же очень миого! Да будь этот карниз на высоте фута от земли, а не четырехсот, как сейчас, я бы обежал это здание за четыре минуты. Значит, из этого и нужно исходить и все время помнить об этом.

Ну да, только если не удержишься на карнизе на высоте одного фута, можно просто выругаться и повторить попытку. А здесь другой попытки точно не будет.

Я осторожно подвинул правую ногу, перенес на нее тяжесть тела, подтянул к ней левую... и отпустил решетку. Раскинув руки, прижался ладонями к шершавой облицовке здания, нежно погладил ее и даже был готов поцеловать.

Налетел порыв ветра, и я невольно пошатнулся, а воротник пиджака больно хлестнул по лицу. Сердце гулко стукнуло и замерло, словно отказываясь биться, пока ветер не стихнет. Сильный порыв просто сорвет меня с этой жердочки и швырнет прямо в ночную мглу. А с другой стороны здания ветер точно сильнее.

Я повернул голову влево и прижался щекой к стене. Кресснер, уже в пальто из верблюжьей шерсти, перегнувшись через перила и внимательно за мной наблюдал.

— Нравится? — поинтересовался он дружелюбным тоном.

— А мне вы сказали, что пальто у вас нет.
— Я солгал, — невозмутимо признался он. — Мне часто приходится лгать.

— И как это понимать?

— Да никак... Не обращайте внимания. Или, наоборот, задумайтесь. В психологическом противостоянии все средства хороши. Верно, мистер Норрис? Хочу обратить ваше внимание, что вам лучше поторониться. Лодыжки скоро устанут, а если они не выдержат... — Он вытащил из кармана яблоко, надкусил и швырнул вниз. Очень долго ничего не было слышно, а потом раздался глухой шлепок. Кресснер с довольным видом хмыкиул.

Ему удалось-таки выбить меня из колеи, и я почувствовал, как волна паники стискивает разум железными клещами и подавляет волю. Я отвернулся и принялся делать глубокие вдохи, чтобы выдавить из себя страх. На зданин высотки горела другая надпись: «20.46. Мы ждем вас у себя в банке».

Когда часы показали 20.49, мне наконец удалось вновь обрести самообладание. Кресснер, судя по всему, решил, что на холоде мне не удастся сделать ни шагу и я примерз к стене. Увидев, что я продолжил движение, он издевательски захлопал в ладони.

Я начинал замерзать. Нанитавшись влагой озера, ветер пробирал насквозь, и ощущение было такое, будто в кожу вонзились тысячи острых иголок. Легкий пиджак пузырился на спине и мешал переставлять ноги, но я упрямо шел дальше, изо всех сил стараясь избегать резких движений. Как бы мне ни было холодно, я понимал: единственный шанс не сорваться и выжить заключался в крайней осторожности. Поспешность неминуемо обернется гибелью.

Когда я добрался до угла, на часах горели цифры 20.52. Карниз опоясывал все здание и заворачивал за угол, так что в плане опоры под ногами все оставалось по-прежнему. Однако стоило мне завести за угол правую руку, как

ощутился порыв встречного ветра. Малейшая ошибка — и меия швырнет вниз.

Я терпеливо ждал, пока уляжется ветер, но ожидание затянулось. Казалось, Кресснеру удалось заполучить ветер себе в союзники. Он налетал на меия, стегал колючими невидимыми шинами и пробирал до костей. Наконец после очередного и особенно яростного порыва, заставившего меия покачнуться, я появил, что так можно ждать до бесконечности — ветер и не думал стихать.

Улучив более или менее подходящий момент, я завел правую ногу за угол и перенес на нее центр тяжести. На меня обрушились сразу два воздушных потока, и я снова покачнулся. На какую-то долю секунды меня охватил ужас и мелькнула мысль, что Кресснер все-таки выиграл пари, но каким-то чудом мне удалось прижаться к стене. Только теперь я позволил себе выдохнуть — изо рта вырвался воздух, царапая пересохшее горло.

И тут прямо над ухом что-то громко взорвалось.

Я невольно вздрогнул, пошатнулся и, отпустив стену, отчаянно замахал руками, нытаясь восстановить равновесие. Думаю, задень я стену хотя бы одиой рукой, все было бы коичено. И все же через пару мгновений, покавшихся мне вечностью, сила тяжести сжалась надо мной и прижала к стене, а не отправила вниз на мостовую с высоты сорока этажей.

Воздух со свистом вырывался из легких. Ноги стали ватными. Сухожилия на лодыжках гудели, как высоковольтные провода. Никогда прежде смерть не подбиралась настолько близко, что я физически ощущил ее дыхание.

Я повернул голову и поднял глаза. Из окна спальни, примерно на четыре фута выше меия, высовывался улыбающийся Кресснер. В правой руке он держал новогоднюю хлопушку.

— Помогаю вам стоять на мысочках! — крикнул он.

Я не стал отвечать. Все равно, кроме хрена, из горла ничего бы не вырвалось. Сердце бешено колотилось.

С неимоверным трудом я сумел продвинуться еще на иять-шесть футов, чтобы лишить его возможности похлопать меня по плечу, на случай если это вдруг взбредет ему в голову. Затем я остановился, закрыл глаза и глубоко дышал, пока не почувствовал, что немного успокоился.

Теперь я находился на торце здания. Справа виднелись далекие башни небоскребов, а слева темнела гладь озера, по которой еле заметно двигались крошечные огоньки. Ветер не унимался, продолжая яростно завывать.

Следующий угол я прошел легче — там уже не было встречных порывов. А потом меня кто-то укусил в ногу.

Я дернулся и судорожно вдохнул. Опасаясь снова потерять равновесие, сумел прижаться к стене. И тут меня снова укусили. Нет, не укусили, а клюпули. Я опустил взгляд.

На карнизе стоял голубь и смотрел на меня блестящими ненавидящими глазами.

Голуби в городе — такая же привычная картина, как таксисты, у которых никогда не бывает сдачи с десятки. Эти птицы не любят летать и крайне неохотно уступают дорогу на тротуаре, который считают своим по праву рождения. И еще они часто оставляют свои визитные карточки на капотах машин. Но обычно мы не обращаем на них внимания, просто не замечаем. Конечно, они могут нас раздражать, но наш мир все-таки принадлежит нам.

И вот сейчас я вторгся на его терриорию, я был беззащитен, а голубь, казалось, это понимал. Он снова больно клюнул меня в правую лодыжку.

— Прочь! — крикнул я. — Убирайся!

В ответ голубь клюнул меня в очередной раз. Я вторгся в его владения и нарушил неприкосновенность жилища: эта часть карниза была усеяна пометом — как старым, так и свежим.

Сверху послышался ниск.

Я задрал голову, чтобы посмотреть, и перед глазами мельчиул клюв. Я невольно дерпнул головой в сторону, и

если бы не удержался, то стал бы первым человеком — жертвой голубей в нашем городе. Клюв принадлежал самке, защищавшей птенцов в гнезде, устроенному под самой крышей. По счастью, гнездо располагалось слишком высоко, и дотянуться до меня оттуда она не могла.

Ее суируг снова мея клюнул, теперь уже до крови. Я чувствовал, как по ноге побежала струйка. Я чуть переместился вперед, надеясь, что мне удастся его испугать и прогнать с карниза. Но не тут-то было! Голуби ничего не боятся, во всяком случае, городские голуби. Если даже мчащийся грузовик заставляет их лишь слегка ускорить неспешную поступь, то что с ними может поделать человек на карнизе на такой верхотуре?

Я осторожно продвигался вперед, а голубь медленно итился, не сводя блестящих глаз-бусинок с моего лица и изредка отвлекаясь, чтобы снова клюнуть в лодыжку. Боль стала острой — птица уже не просто клевала, а терзала живую плоть и... кто знает, может, даже глотала ее.

Я отпихнул голубя правой ногой. Но довольно неуверенно, страшась оступиться. Голубь только взмахнул крыльями и снова перешел в наступление. Я же чуть не свалился.

Голубь снова мея клюнул, потом еще и еще. Налетевший порыв ветра едва не лишил меня равновесия, но мне удалось вцепиться пальцами в стену и удержаться. Прижавшись левой щекой к стене, я замер, с трудом переводя дыхание.

Кресснер не мог бы придумать более изощренной ныtkи, даже если бы потратил на это годы. Один удар клювом был не страшен. Два и три тоже. Но проклятая птица клюнула меня раз шестьдесят, пока я наконец не добрался до решетки на балконе пентхауса, расположившегося напротив апартаментов Кресснера.

Ухватившись руками за прутья, я испытал настоящее счастье. Я любовно сжимал пальцами холодный металл, словно не веря, что он внезапно не исчезнет.

Оиять больно колыпуло в лодыжке.

Голубь нахально разглядывал мея блестящими глазами, уже ничуть не сомиеваясь в моей полной беспомощности и своей безнаказанности. Совсем как Кресснер, когда выставлял меня на балкон на противоположной стороне здания.

Ухватившись за прутья покреиче, я с размаху наподдал по птице ногой, и она закувыркалась в воздухе. Отчаянно забив крыльями, голубь издал громкий крик, от которого у меня потеилело на душе. Несколько сизых перьев остались на карнизе, и еще несколько зависли в воздухе и, медленно кружась, поплыли вниз навстречуочной мгле.

Судорожио хватая ртом воздух, я перелез через решетку и без сил свалился на пол балкона. Несмотря на холод, я был весь мокрый от пота. Не знаю, сколько времени я пролежал, собираясь с силами. Здание бафика с электронным табло было с другой стороны, а наручных часов я не нашу.

Пока мышцы не успели остыть, я сел и осторожно спустил носок. Исклеванная правая лодыжка кровоточила, но на вид ничего серьезного. Надо будет обязательно обработать рапу, если, конечно, удастся выйти из этой переделки живым. Кто знает, какую заразу мог занести голубь. Я хотел перевязать рапу, но передумал, сообразив, что могу нечаянно наступить на повязку. Сначала следовало закончить дело, а с двадцатью тысячами долларов в кармане недостатка в бинтах точно не будет.

Я поднялся и с тоской посмотрел на темные окиа соседского пентхауса, казавшегося заброшенным и необитаемым. Балконная дверь укреплена защитным экраном на случай непогоды. Впрочем, при желании мне удалось бы проникнуть внутрь, но тогда я бы нарушил условия пари. А на кону стояли не только деньги.

Решив, что тянуть с возвращением нельзя, я перелез через перила и снова ступил на карниз. Голубь, лишив-

шийся нескольких перьев, уже верпулся и злобно на меня смотрел, устроившись под гнездом, где помета было особенно много. Но я не думал, что он снова начнет меня доставать, тем более что я удалялся от него.

Отпустить прутья решетки здесь оказалось даже труднее, чем на балконе Кресснера. Я, конечно, понимал, что надо идти, но буквально каждая моя клеточка и особенно лодыжки взвывали к благоразумию и умоляли остаться в этом безопасном убежище. И все-таки я отиравился дальше: образ Марши, возникший перед глазами, придал мне сил.

Я добрался до следующего угла, обогнул его и, медленно переступая по карнизу, миновал вторую торцевую ступу. Чем ближе я подбирался к балкону Кресснера, тем труднее становилось сдерживать желание ускорить движение, чтобы побыстрее покончить с этим смертельно опасным искущением. Но любая спешка неминуемо привела бы к гибели. И я не торонился.

На четвертом углу я снова оказался во власти встречных порывов ветра, и мне удалось благополучно его обогнать скорее за счет везения, нежели за счет ловкости. Я ненадолго замер, чтобы восстановить дыхание, и вдруг поймал себя на мысли, что теперь окончательно уверился: я точно выиграю пари! Руки, похожие на замороженные отбивные, надсадно ныли, лодыжки горели (особенно исклеваянная голубем правая), глаза заливал пот, но я был уверен! Впереди показался балкон Кресснера, залитый мягким желтым светом. А за ним светилась реклама банка, похожая на приветственный транспарант 22.48, но ощущение было такое, будто на этом карнизе шинриной в иять дюймов прошла вся моя жизнь.

И не дай Бог Кресснеру попытаться сжульничать! Обретя уверенность, я почувствовал, что теперь никуда не спешу, и стал двигаться нарочито медленно. В 23.09 я ухватился за прутья решетки сначала правой рукой, потом левой, подтянулся и перебрался через перила. Слава

Богу — наконец-то я оказался в безопасности, на полу балкона... И тут мне в висок уиерся холодный ствол нистолета.

Я поднял глаза и увидел ухмыляющегося верзилу с такой отвратительной физиономией, что от испуга остановились бы даже часы Биг-Бена.

— Отлично! — послышался из гостиной голос Кressnera. — Примите мои поздравления, мистер Норрис. — В подтверждение своих слов он зааплодировал. — Тащи его сюда, Тони.

Тони рывком поднял меня и поставил на ноги так резко, что у меня подогнулись колени. Пошатываясь, я прошел в гостиную.

Кressner стоял возле горевшего камина и потягивал бреиди из огромного бокала размером с аквариум. Деньги были упакованы в пакет, по-прежнему лежавший на рыжем с подиалинами ковре.

Я бросил на себя взгляд в зеркало на противоположной стене. Волосы взъерошены, мертвенно-бледное лицо, лишь два ярких пятна на щеках. Глаза горят как у безумца.

Рассмотреть себя получше я не успел. Мощный удар Тони в солнечное сплетение отбросил меня на несколько футов, и я, налетев на шезлонг, плюхнулся на пол и скользнул, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Немного придавив себя, я сел и с трудом выдавил:

— Жалкий двурушник! Ты все рассчитал заранее!

— Рассчитал, — подтвердил Кressner, осторожно ставя бокал на каминную доску. — Но я не двурушник, мистер Норрис. Просто я не умею достойно проигрывать. Тони здесь только для того, чтобы вы не сделали... чего-то предосудительного. — Он с довольным смешком поскреб свой подбородок. Кressner совсем не походил на человека, расстроенного проигрышем. Скорее он был похож на кота, полакомившегося канарейкой и не успевшего очистить прилипшие к морде перья.

Я поднялся. Мне вдруг стало страшно. Даже страшнее, чем на карнизе.

— Ты смешенничал, — медлению произнес я. — И наверняка что-то задумал.

— Вовсе нет. Героин из багажника убрали, машину отогнали на прежнее место. Деньги здесь. Можете их забрать и идти.

— Отлично, — сказал я.

Тони, по-прежнему похожий на ряженого в канун Хэллоуина, встал у стеклянной двери. В руке он держал нистолет. Я подошел к пакету, поднял его и направился к двери нетвердой походкой, не сомневаясь, что получу нулю в спину. Дойдя до двери, я, как и на карнизе после четвертого поворота, поймал себя на мысли: у меня все получится!

Меня остановил насмешливый голос Кресснера.

— Вы ведь не рассчитывали всерьез, что старый трюк с туалетом может кого-то обмануть? — лениво произнес он.

Не вынуждая пакета из рук, я медленно повернулся:

— И что это значит?

— Я же говорил, что всегда держу слово, и это правда. Вы выиграли по трем пунктам, мистер Норрис. Деньги, свобода и моя жена. По первым двум расчет вы уже получили, а с третьим разберетесь в окружном морге.

Оцепенев от ужаса, я смотрел на него, не в силах пошевелиться.

— Неужели вы действительно рассчитывали, что я позволю вам уехать с ней? — сочувственно спросил он. — Ну нет! Деньги — да. Свобода — да. Но не Марша! И при этом я вас не обманул. Когда вы ее похороните...

Я не стал к нему подходить. Не сейчас. Для этого еще будет время. Я направился к Тони, который удивлению на меня смотрел, пока Кресснер не произнес устало:

— Пристрели его!

Я швырнул в громилу пакет с деньгами. На карнизе нагрузка приходилась в основном на ноги, а у теннисис-

тов, как известно, лучше всего развиты руки. Удар получился сильным и пришелся точно в руку с нистолетом. Пуля угодила в рыжий ковер, и теперь Тони оказался в моей власти.

Самым отвратительным в облике этого верзилы было его лицо, и я, вырвав нистолет, с размаху нанес удар ему прямо в переносицу. Тони охнул и осел — совсем как типичный бандит в исполнении незабвенного Рондо Хаттона в дешевом полицейском боевике.

Кресснер был уже в дверях, когда я остановил его выстрелом поверх головы и крикнул:

— Стоять, или я уложу тебя на месте!

Он замер, а когда обернулся, на его лице уже не играла снисходительная улыбка хозяина жизни. Увидев распостертого на полу Тони с залитым кровью лицом, он окончательно растерялся.

— Она жива! — быстро сказал Кресснер. — Не мог же я ничего не оставить себе?! — Он понытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой и кривой.

— Свой лимит доверня ты уже исчерпал, — глухо ответил я безжизненным голосом. И понятио почему — вся моя жизнь была в Марше, а этот человек безжалостию разделался с ней.

Дрожащей рукой Кресснер показал на пакет с деньгами, валявшийся у ног Тони:

— Это мелочь. Я дам вам сто... Нет, пятьсот тысяч долларов. Или даже миллион! Перевести на счет в швейцарском банке? Ну как? Или...

— Предлагаю спор, — медленно произнес я.

Он перевел удивленный взгляд с нистолета у меня в руке на лицо:

— Что?

— Спор, — повторил я. — Никакое не пари, а старый добрый спор. Спорю, что ты не сможешь пройти по карнизу вокруг здания.

Кресснер побелел как полотно. Я даже испугался, что он хлоинется в обморок.

— Как... — прошептал он.

— Ставки такие, — продолжал я все тем же бесцветным голосом. — Если обойдешь здание, я тебя отпущу. Согласен?

— Нет, — прошептал он с круглым от ужаса глазамн.

— Ты сам выбрал, — сказал я и наставил на него нистолет.

— Нет! — закричал он, взмахивая рукой. — Нет! Подождите! Я... хорошо! — Он судорожно облизнул пересохшие губы.

Я махнул иистолетом в сторону балкона и не спеша направился за ним.

— Ты дрожишь, — заметил я. — А там это лишнее.

— Два миллиона... — прохрипел он, не в силах унять дрожь. — Два миллиона непомеченными купюрами.

— Нет, — отрезал я. — Даже если этих миллионов будет десять. Но если тебе удастся пройти, я тебя отпущу. Честно.

Через минуту Кресснер уже стоял на карнизе. Он был ниже меня ростом, и мне была видна только его голова. Круглые от ужаса глаза молили о пощаде, а костяшки пальцев, вцепившиеся в прутья ограждения балкона, побелели от напряження. Казалось, он держится за прутья тюремной решетки.

— Пожалуйста... — прошептал он. — Все, что угодио.

— Теряешь время, — бросил я. — Лодыжки быстро устают.

Но он никак не мог решиться, и, чтобы помочь, я унерся дулом нистолета ему в лоб. Тогда он со стоном отпустил решетку и тронулся с места. Я взглянул на све-тящиеся цифры часов на здании баика. 23.29.

Я думал, он не сможет добраться и до первого угла. Он боялся пошевелиться, а когда все-таки решался на

шаг, то двигался резко, рискуя потерять равновесие. Полы халата разевались на ветру.

Он исчез за углом в полиочь, почти сорок минут назад. Помня, какой там встречный ветер, я напряжению прислушивался, ожидая услышать удалявшийся крик, но было тихо. Может, ветер улегся. Я помню, как тогда подумал, что ветер, должно быть, с ним в створе. А может, ему просто повезло. И сейчас он лежит на балконе соседнего пентхауса, не в силах унять дрожь и заставить себя продолжить путь.

Но он знает, что если я проникну в соседний пентхаус и застану его там, то пристрелю как собаку. И кстати, как ему понравился мой знакомый голубь?

Это был крик, или мне посыпалось? Наверное, просто ветер. Но это не важно. Часы показывают 00.44. Еще немного подожду и схожу проверить балкон в соседних апартаментах. А пока я сижу на балконе Кресснера с пистолетом Тони в руках. На случай, если Кресснер все же появится из-за последнего угла в развевающемся на ветру халате.

Он говорил, что всегда держит слово.

Я не могу похвастаться тем же.

ГАЗОНОКОСИЛЬЩИК

В прежние времена Гарольд Поркетт гордился своей лужайкой. Он приобрел большую серебристую газонокосилку «Лаунбой» и платил мальчишке из соседнего квартала по пять долларов за каждый покос. Сам Гарольд Поркетт любил тогда посидеть с байкой пива в руке, слушая по радио, как проводят очередной матч бостонские «Ред Сокс»*, зная, что Бог на небесах, а в мире (а значит, и на его лужайке) все в порядке. Но в прошлом году, в середине октября, судьба сыграла с Гарольдом Поркеттом злую шутку. Когда мальчишка в последний раз выкашивал лужайку, собака Кастонмейеров загнала кота Смитов под газонокосилку.

Дочь Гарольда выблевала полстакана вишневого «кульяда» на новый свитер, а его жене всю следующую неделю снились кошмары. Объявилась она после инцидента, но лицезрела, как Гарольд и мальчишка с позеленевшим лицом чистят ножи газонокосилки. Дочь Гарольда и миссис Смит стояли рядом и плакали. Алисня, однако, успела сменить свитер на джинсы и футболку: ей нравился мальчишка, который выкашивал их лужок.

Послушав с неделю, как на соседней кровати стонет и вскрикивает жена, Гарольд решил избавиться от газонокосилки. Пришел к выводу, что на самом деле она

The Lawnmower Man. © 1998. В. Вебер. Перевод с английского.

* «Ред Сокс» — профессиональная бейсбольная команда.

ему и не нужна. В этом году он нанимал парня, который выкашивал лужайку его газонокосилкой. В следующем мог нанять парня вместе с газонокосилкой. Может, тогда Карла перестанет стонать. И снова начнет выполнять супружеские обязанности.

Он отвез серебристого «Лаунбоя» на бензозаправку Фила и торговался с ним, пока они не нашли взаимоприемлемого решения. Гарольд вернулся домой с покрышкой «келли» и полным баком бензина «сунер», а Фил выставил «Лаунбоя» на одиом из бетонных возвышений для заправочных колонок с табличкой «Продается».

В этом году Гарольд затянул с первым покосом. А когда наконец прочноухался и позвонил мальчишке из соседнего квартала, его мать ответила, что Фрэнк уехал учиться в местный университет. Гарольд в изумлении покачал головой и потопал к холодильнику за банкой пива. Быстро идет время, не так ли?

Поиски нового мальчишки он отложил до мая, потом незаметно проскочил нюнь, а «Ред Сокс» продолжали плестись на четвертом месте. По уик-эидам Гарольд сидел на выходящей во двор веранде и мрачно наблюдал, как бесконечная череда парней, которых он никогда не видел раньше, скоренько здоровались с ним, прежде чем увести его грудастую дочь на гуляику. А трава в этом году росла преотлично. Идеальное выдалось лето для травы. Три дня — солице, один — дождь, как по часам.

К середине июля трава вымахала, как на заливном лугу, и Джек Кастонмейер начал отнускать удивительно плоские шуточки насчет цены на сено и люцерну. И Джинни, четырехлетняя дочь Дэна Смита, теперь пряталась в высокой траве, если ей не хотелось есть овсянку на завтрак или шпинат на ужин.

А в конце июля, выйдя во двор в перерыве после седьмого иннинга, Гарольд увидел сурка, сидевшего на дорожке. Пора, решил он. Выключил радио, взял газету, открыл раздел частных объявлений. И скоро нашел то,

что искал: *Выкашиваю лужайки. Разумные цены. 776-2390.*

Гарольд позвонил, ожидая услышать рев нылесоса и голос домохозяйки, зовущей с улицы сына. Но ему ответили коротко и по-деловому: ««Пастораль», озеленение и обслуживание прнусадебных участков». Чем мы можем вам помочь?»

Гарольд объяснил собеседище на другом конце провода, какой помощи он ждет от «Пасторали». Что же это делается, подумал он. С каких пор газонокосильщики организуют фирмы и пользуются услугами профессиональных секретарей? Он справился о цене и услышал в ответ вполне разумную цифру.

Гарольд положил трубку на рычаг и вернулся на веранду. С тяжелым чувством. Сел, включил радио, оглядел заросшую лужайку под субботними облаками, медлению плавающими по субботнему небу. Карла и Алисия уехали к теще, так что дом остался в полном его распоряжении. Хорошо бы, подумал он, чтобы этот парень скосил траву до их возвращения. Будет им приятный сюрприз.

Он открыл банку пива, вздохнул, когда Дик Драго не сумел добежать до второй базы. В высокой траве стрекотали цикады. Гарольд руганул Дика Драго и задремал.

Полчаса спустя его разбудил звонок в дверь. Поднимаясь, он опрокинул банку с недонитым пивом.

На крыльце стоял мужчина в джинсовом комбинезоне, заляпанием зелеными от травы нятнами. Толстый. С огромным животом. Гарольд даже подумал, а не проглотил ли тот баскетбольный мяч.

— Да? — Гарольд Поркетт еще оконачательно не проснулся.

Мужчина улыбнулся, перекатил зубочистку из одиого уголка рта в другой, поддернул комбинезон, чуть надвинул зеленую бейсболку на лоб. На козырьке темнело свежее масляное нятно. Пахнул он землей, травой, машинным маслом и улыбался Гарольду Поркетту.

— Меня послала «Пастораль», приятель, — радостию возвестил он. — Ты звонил, так? Я не ошибаюсь, приятель? — Он улыбался и улыбался.

— Да. Насчет лужайки. Ты? — таращился на него Гарольд.

— Да, я. — И газонокосильщик расхохотался в опухшее от сна лицо Гарольда.

Гарольд отступил в сторону, газонокосильщик протиснулся мимо него в холл, пересек гостиную и кухню, вышел на веранду. Теперь Гарольд понял, с кем имеет дело, и все встало на свои места. С такими тинами он уже встречался, они работали на департамент уборки территорий или в ремонтных бригадах на автострадах. Всегда находили свободную минуту, чтобы опереться о черенок лопаты и выкурить «Лаки страйл» или «Кэмел», при этом глядя на тебя так, будто они — соль земли и вправе двинуть тебе в челюсть или переспать с твоей женой, возникии у них такое желание. Гарольд немногоП побаивался таких мужчин, загоревших до черноты, с морщинками у глаз, в любой момент знающих, что надо делать.

— Лужайка во дворе особых проблем не доставит. — В голосе Гарольда подсознательно зазвучали заискивающие нотки. — Она квадратная, земля ровная, но вот трава очень уж выросла. Пожалуй, следовало скосить ее раньше.

— Нет проблем, приятель. Нет проблем. Все нормально. — Глаза газонокосильщика поблескивали, как у коммивояжера, готового рассказать анекдот по любому поводу. — Чем выше, тем лучше. Плодородная у тебя тут почва, клянусь Цирцеей. Такая уж у меня присказка.

Клянусь Цирцеей?

Газонокосильщик прислушался к работающему радиоприемнику. Комментатор как раз похвалил Ястрижемски.

— Болеешь за «Ред Сокс»? А мои любимчики — «Янки»*. — Он прошествовал через дверь, вышел на крыльцо. Гарольд только проводил его мрачным взглядом.

Он снова уселся. Виновато посмотрел на лужу пива, вытекшего из опрокинутой им банки на стол. Подумал о том, что не мешает принести из кухни тряпку и все вытереть, но не сдвинулся с места.

Нет проблем. Все нормально.

Гарольд раскрыл газету на финансовых страницах, посмотрел курсы акций. Правоверный реснубликанец, он полагал менеджеров Уолл-стрит, стоявших за сухими колонками цифр, как минимум полубогами...

(Клянусь Цирцеей?!)

…и уже столько раз ругал себя за то, что не может понять Слово. Не то Слово, что было сказано на горе или выбито на камених скрижалях, а читающееся в строчке: акции «Кодака» по 3.28, повышение на $\frac{2}{3}$. Однажды он купил три акции «Мидуэст бизонбургерз, инк», которая разорилась в 1968 году. И он потерял свои семьдесят пять долларов. Нынче, он это понимал, бизонбургеры приносили устойчивую прибыль. И сулили самые радужные перспективы. Он часто обсуждал эту тему с Сонни, барменом в «Золотой рыбке». Сонни объяснил Гарольду, в чем его беда: он опережал время на пять лет, и ему следовало...

Гарольд Поркетт вновь начал погружаться в дрему, и тут его барабанные перепонки едва не лопнули от громового рева.

Гарольд вскочил, перевернул стул, завертел головой, не понимая, что происходит.

— Это газонокосильщик? — спросил он у кухни. Боже мой, это газонокосильщик?

---

* «Янки» — нью-йоркская профессиональная бейсбольная команда.

Кухня ему не ответила, и он выбежал на крыльцо. Но увидел лишь зеленый фургончик с надписью «ПАСТОРАЛЬ» на борту. Рев теперь доносился со двора. Гарольд нулей пролетел дом, выскочил на веранду и замер.

Ужас! Кошмар! Мрак!

Красная газонокосилка, которую толстяк выкатил из фургона, двигалась сама по себе. Никто ее не толкал, не направлял. Собственно, футах в няти от нее никого не было. Она вгрызаясь в высоченную траву, словно красный дьявол, вырвавшийся из ада. Она визжала, ревела, плеваясь сизым дизельным дымом — механический монстр, от одиого вида которого Гарольду стало нехорошо. А воздух уже пропитался запахом свежескошениной травы.

Но куда больше поразил Гарольда газонокосильщик. Он разделся — догола. Одежду аккуратной стойкой сложил посреди лужайки. В чем мать родила, перепачканный в зелени, он на четвереньках ковылял за газонокосилкой, в няти футах от нее, и ел траву. Зеленый сок тек по подбородку, нятиал толстый живот. И всякий раз, когда газонокосилка поворачивала, он поднимался и исполнил какой-то странный прыжок или иирузэт, прежде чем вновь принасть к земле.

— *Прекрати!* — проорал Гарольд Поркетт. — *Немедленно прекрати!*

Но газонокосильщик не обратил внимання на его крики, во всяком случае, не остановился. Наоборот, стал пожирать траву с еще большей скоростью. А газонокосилка, выкосив очередную полосу, вроде бы еще и улыбнулась Поркетту стальной улыбкой.

Потом Гарольд увидел крота. Должно быть, оцепенев от ужаса, он прятался в траве перед газонокосилкой, в той полосе травы, которой предстояло лечь на землю. Крот бросился через уже скошенный участок к спасительной темноте под верандой.

Газонокосилка развернулась.

Гремя металлом, накатилась на крота и выплюнула клочки шерсти и ошметки плоти. Гарольду живо вспомнился кот Смитов. Покончив с кротом, газонокосилка вернулась на прежний маршрут.

Газонокосильщик ковыляя следом, ел траву. Гарольд стоял, парализованный ужасом, напрочь забыв про акции, проценты, бизонбургеры. Он видел, как раздувается и без того огромный живот. *Газонокосильщик развернулся и пожрал останки крота.*

Именно тогда Гарольд высунулся из сетчатой двери, и его вырвало аккурат на циннии. Окружающий мир посерел, и внезапно Гарольд понял, что теряет сознание, уже потерял. Он откинулся назад, спина коснулась прохладного пола веранды, глаза закрылись...

Кто-то его тряс. Карла его тряслася. Он не помыл грязную посуду, не вынес мусорное ведро, Карла сейчас закатит ему скандал, но это даже и к лучшему. Главное, что она вырвет его из приснившегося кошмара, вернет в нормальный мир, где живет нормальная Карла с ее очаровательной улыбкой и ровными зубами.

Ровные зубы — да. Но не Карлы. У нее зубы гладенькие, как у бурундучка, а эти зубы...

Волосатые.

У этих зубов росли зеленые волосы. И выглядели эти волосы совсем как...

Трава?

— Боже мой, — вырвалось у Гарольда.

— Ты лишился чувств, приятель, так? — Газонокосильщик склонился над ним, улыбаясь волосатыми зубами. Оволосели губы и подбородок. Оволосело все. Зелеными волосами. Во дворе пахло травой и гарью. И внезапной тишиной.

Гарольд сел, посмотрел на застывшую газонокосилку. Вся трава скошена. И нет нужды в граблях, отметил он, подавляя приступ тошноты. Если газонокосильщик где

и пронустил стебелек, в глаза это не бросалось. Гарольд повернулся к газонокосильщику, его передернуло. Такой же голый, такой же толстый, такой же ужасный. И зеленые ручейки, бегущие из уголков рта.

— Что это было? — взмолился Гарольд.

Толстяк обвел рукой лужайку.

— Это? Ну, босс отрабатывает новую технологию. Получается неплохо. Просто хорошо, приятель. Одним выстрелом убиваем двух зайцев. Одновременно заканчиваем покос и уборку травы и зарабатываем деньги для финансирования других наших проектов. Понимаешь, о чем я? Разумеется, иной раз попадается клиент, который не понимает, некоторые люди ни в цент не ставят производительность труда, так, но босс всегда соглашается на жертвоприношение. Главное, чтобы колесики крутились, если ты не потерял ход моих мыслей.

Гарольд промолчал. Одно слово вертелось у него в голове: жертвоприношение. А мысленим взором он видел крота, исчезающего под красной газонокосилкой.

Он поднялся медленно, как немощный старик.

— Разумеется. — И сподобился на фразу с какой-то из пластинок Алисни: — Господи, благослови траву.

Газонокосильщик хлоинул себя по бедру.

— Отлично сказано, приятель. Просто потрясающе. Я вижу, ты все понимаешь как надо. Не возражаешь, если я процитирую тебя, вернувшись в контору? Может, получу повышение.

— Конечно. — Гарольд понялся, нытаясь выдавить из себя улыбку. — Продолжай. А я хочу немного вздремнуть...

— Будь спок, приятель. — Газонокосильщик поднялся. Тут Гарольд заметил неестественно большой зазор между первым и вторым пальцами ног, словно это были не ноги... а коныта.

— Сначала все удивляются, — продолжил газонокосильщик, — но потом привыкают. — Он оценивающе

оглядел приличных размеров живот Гарольда. — Может, тебе захочется попробовать самому? Босс постоянно ищет новые таланты.

— Босс, — повторил Гарольд.

Газонокосильщик уже спустился с веранды и пристально посмотрел на Гарольда Поркетта.

— Да, конечно, приятель. Видать, ты смекнул, что к чему. Я знал, что так оно и будет. Господи, благослови траву, и все такое.

Гарольд покачал головой, и газонокосильщик расходился.

— Пан. Босс — Пан. — И полуподпрыгнул, полускачнул по свежескошениой лужайке. Газонокосилка, взревев, ожила и покатила к углу дома.

— Соседи... — начал Гарольд, но газонокосильщик весело помахал ему рукой и исчез за углом.

На лужайке перед домом гремела и завывала газонокосилка. Гарольд отказывался лицезреть это действие, возможно, с тем, чтобы потом Кастонмейеры и Смиты, демократы поганые, не смогли одарить его укоряющим взглядом, говорящим яснее слов: чего еще можно ждать от республиканца?

Вместо этого Гарольд направился к телефонному аппарату, схватил трубку, позвонил в полицейский участок по «горячей» линии.

— Сержант Холл, — ответили на другом конце провода.

Гарольд зажал пальцем свободное ухо.

— Меня зовут Гарольд Поркетт. Мой адрес — дом 1421 по Восточиой Эидикотт-стрит. Я хотел бы сообщить... — Что? О чем он хотел бы сообщить? Какой-то мужчина насилиует и убивает его лужайку, работает он у некоего Пана и у него ноги-коныта?

— Слушаю вас, мистер Поркетт.

Тут его осенило.

— Я хочу сообщить о случае непристойного обнажения.

— Непристойного обнажения? — повторил сержант Холл.

— Да. Тут мужчина косит мне лужайку. Он... без всего.

— Вы хотите сказать, он голый? — В голосе сержанта Холла слышались недоверчивые нотки.

— Голый! — согласился Гарольд, надеясь, что его не примут за психа. — Обнаженный. Раздетый. С голой задницей. На моей лужайке перед домом. Пришлите наконец кого-нибудь.

— Вы живете в доме 1421 на Западной Эндишотт? — Сержант Холл никак не хотел ему поверить.

— Восточией! — прокричал Гарольд. — Ради Бога...

— Так вы говорите, он совершенно голый? И вы видите его гениталии и все такое?

Гарольд нытался заговорить, но из горла вырвалось только клокотание. А рев безумной газонокосилки становился все громче и громче, глуша все остальные звуки. Гарольд чувствовал, как его охватывает страх.

— Что вы говорите? — переспросил сержант Холл. — У вас там какой-то ужасный шум.

Входная дверь распахнулась.

Гарольд обернулся и увидел вкатывающуюся в холл газонокосилку. За ней следовал газонокосильщик, по-прежнему голый. Гарольд увидел, что лобковые волосы у него зеленые, словно мох. На одном пальце он крутил бейсболку.

— Тут ты погорячился, приятель. — В голосе газонокосильщика слышался укор. — Не следовало тебе отходить от «Боже, благослови траву».

— Эй, мистер Поркетт? Мистер Поркетт...

Телефонная трубка выпала из онемевших пальцев Гарольда, когда газонокосилка двинулась на него по новенькому, с длинным коричневым ворсом, ковру Карлы, выстригая его, как лужайку.

Гарольд заворожению смотрел на нее, как кролик на удава, пока она не добралась до кофейного столика. Когда же газонокосилка отбросила его в сторону, превратив одну ножку в щепу и опилки, Гарольд схватил стул и понялся к кухне, волоча его за собой, как прикрытие.

— Это тебе не поможет, приятель, — покачал головой газонокосильщик. — Только все перепачкаем. Лучше покажи мне, где у тебя самый острый нож, и мы сделаем так, чтобы жертвоприношение прошло максимально безболезненно... Я думаю, понадобится и ваниочка для птиц. А потом...

Гарольд швырнул стул в газонокосилку, которая уже обошла его с флаига, пока голый мужчина отвлекал внимание, и рванул к двери черного хода. Газонокосилка с ревом обогнула стул, вынустила облако сизого дыма. Открывая сетчатую дверь и сбегая по ступенькам, Гарольд слышал, чувствовал, что газонокосилка наседает ему на пятки.

Она сиганула с верхней ступени, как прыгун на лыжах — с трамплина. Гарольд бежал по свежевыкошеним лужайке, но он выидал слишком много банок пива, слишком часто спал после сытого обеда. Он чувствовал, что расстояние между ним и газонокосилкой сокращается, что она совсем рядом, оглянулся, одна нога зацепилась за другую, и он унал.

Последними Гарольд увидел лыбящуюся предохранительную решетку надвигающейся газонокосилки, поднимающейся вверх, чтобы открыть бешено вращающиеся, запачканные зеленым ножи, а над ней толстое лицо газонокосильщика, покачивающего головой в добродушном упреке.

— Черт знает что, — вздохнул лейтенант Гудвии. Фотограф закончил работу, и лейтенант кивнул двум мужчинам в белых халатах. Те потащили через выкошенную лужайку белый контейнер. — Не прошло и двух часов, как он сообщил, что перед его домом появился голый мужчина.

— Правда? — спросил патрульный Кули.

— Да. Позвонил и его сосед. По фамилии Кастон-мейер. Он подумал, что это сам Поркетт. Может, так и было, Кули. Может, так и было.

— Сэр?

— Обезумел от жары. — Лейтенант Гудвин постучал по виску. — Шизофрения, знаешь ли.

— Вы уноминали о ваниочеке для птиц? — спросил один из мужчин в белом.

— Действительно, уноминал, — согласился Гудвин, указывая на ваниочку. Патрульный Кули проследил за его пальцем и внезапно резко побледиел. — Сексуальный маньяк, — уверено продолжил лейтенант Гудвин. — Другого и быть не может.

— Отпечатки пальцев? — полюбопытствовал патрульный Кули.

— С тем же успехом ты мог спросить и про следы. — Гудвин указал на свежескошеннюю траву.

В горле у патрульного Кули хрюкнуло.

Лейтенант Гудвин сунул руки в карманы, покачался на каблуках.

— Мир полон психов, — глубокомысленно изрек он. — Никогда об этом не забывай, Кули. Эксперты говорят, что кто-то гонялся за Поркеттом по его собственной гостиной с газонокосилкой. Можешь ты себе такое представить?

— Нет, сэр, — честно признал Кули.

Гудвин оглядел аккуратно подстриженную лужайку и зашагал к дому. Кули последовал за ним. В воздухе висел приятный запах только что скошенной травы.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «БОЛЬШЕ НЕ КУРИМ»

Рейс, который встречал Моррисон в международном аэропорту Кениеди, задерживался из-за скопившихся в воздухе лайнеров, ожидавших своей очереди совершить посадку. Заметив у стойки бара знакомое лицо, Моррисон двинулся навстречу.

— Джимми? Джимми Маккэнн?

Это был действительно он, причем выглядел потрясающе, хотя и слегка поправился со времени их последней встречи на выставке в Атланте. В колледже Маккэнн постоянно носил огромные очки в роговой оправе и был заядлым курильщиком — худющим, с нездоровым цветом лица. Судя по всему, сейчас он перешел на контактные линзы.

— Дик Моррисон?

— Он самый! Отлично выглядишь! — Моррисон протянул ладонь, и они обменялись рукопожатием.

— Ты тоже, — отозвался Маккэнни, но Моррисон знал, что это неправда. Он слишком много работал, слишком много ел и слишком много курил. — Что будешь нить?

— Бурбон и тоник, — ответил Моррисон и, устроившись на высоком табурете за стойкой, закурил. — Кого-то встречаешь, Джимми?

— Нет. Лечу на встречу в Майами. Важный клиент — тянет на шесть миллионов. Придется сдувать с него ны-

линки, потому что мы и так проиграли крупный тендер на следующую весну.

— А ты по-прежнему трудишься на старом месте? В компании «Крейгер и Бартон»?

— Да, только теперь я там вице-президент.

— Неужели?! Поздравляю! И давно? — Он постарался убедить себя, что непрнятие ощущение в животе было вызвано вовсе не завистью, и, достав таблетки от изжоги, сунул одну в рот.

— С прошлого августа. Знаешь, в моей жизни произошло одно важное событие, после которого все изменилось. — Маккэнн бросил на Моррисона изучающий взгляд и сделал глоток. — Думаю, тебе это тоже может быть интересно.

Моррисон насторожился, решив, что Джимми Маккэнни подался в религию, но виду не подал.

— Само собой, — сказал он и, взяв бокал, отхлебнул виски.

— Дела у меня шли неважно, — начал Маккэнн. — Семейные проблемы с женой, от инфаркта умер отец, меня стали одолевать жуткие приступы сухого кашля. И Бобби Крейгер заявился ко мне в кабинет и провел воспитательную беседу. Ты помнишь эти беседы?

— Еще бы! — До того как перейти в агентство «Мортон», Моррисон полтора года проработал в компании «Крейгер и Бартон». — Или брось валять дурака, или убрайся на все четыре стороны!

— Вижу, ты действительно помнишь, — засмеялся Маккэнни. — Короче говоря, доктор сказал, что у меня начинается язва, и велел бросить курить. — Он поморщился. — А это все равно что приказать больше не дышать.

Моррисон понимающе кивнул. Некурящим «пай-мальчикам» легко давать советы. Он с отвращением взглянул на дымящуюся сигарету и потушил ее, зная, что через минуту все равно закурит новую.

— И ты бросил? — поинтересовался он.

— Да, бросил. Сначала я думал, что никогда не смогу, — постоянно куда-то уходил и продолжал курить украдкой. А потом знакомый посоветовал обратиться в одну контору на Сорок шестой улице, где работают настоящие специалисты. Я сказал себе, что терять все равно нечего, и отправился к ним. С тех пор я не курю.

Моррисон настолько удивился, что у него округлились глаза.

— Как им это удалось? Напичкали тебя какими-то препаратами?

— Нет. — Маккэнн вытащил бумажник и покопался в нем. — Вот! Я так и думал, что найду. — Он положил на стойку скромную белую визитную карточку.

Акционерное общество «Больше не курим»

Перестаньте себя убивать!

Восточная Сорок шестая улица, 237

Лечение по предварительной записи

— Можешь взять, если хочешь, — предложил Маккэнни. — Там тебя точно вылечат. Не сомневайся!

— Каким образом?

— Этого я сказать не могу.

— Не можешь? Почему же?

— Таково обязательное условие контракта, который там придется подписать. Но при встрече тебе все расскажут.

— Ты подписал *контракт*?

Маккэнн кивнул.

— И поэтому ты...

— Ну конечно! — Он улыбнулся Моррисону, и тот подумал, что Джим Маккэнн, похоже, успел стать полноправным членом сообщества «пай-мальчиков».

— А зачем делать из этого тайну, если у них там и впрямь такая эффективная методика? Я ни разу не видел

их рекламы ни по телевизору, ни на щитах, ни в объявлениях...

— У них хватает клиентов, которых приводят знакомые.

— Ты же сам в рекламном бизнесе, Джимми! Неужели ты этому веришь?

— Верю, — кивнул Маккэнн. — Девяносто восемь процентов обратившихся в это общество больше не курят.

— Погоди. — Моррисон подал знак бармену, чтобы ему принесли еще выпить, и закурил новую сигарету. — Они что — привязывают к креслу и заставляют обкуряться до рвоты?

— Нет.

— Дают лекарство, которое вызывает рвоту каждый раз, когда закурива...

— Нет, все совсем не так. Сходи туда сам, и все узнаешь. — Маккэнн показал на сигарету Моррисона. — Тебе же самому это не нравится?

— Нет, но...

— Когда я бросил, у меня все изменилось, — сказал Маккэнни. — Наверное, у всех бывает по-разному, но в моем случае это было похоже на эффект домино. Я стал лучше себя чувствовать, отношения с женой наладились, и на работе все стало получаться.

— Слушай, ты меня заинтриговал. А ты не можешь хотя бы...

— Извини, Дик. Я действительно не могу об этом говорить. — В его голосе звучал металл.

— А когда бросил курить, поправился?

Ему показалось, что Джимми Маккэнн помрачил.

— Да. Даже слишком. Но потом согнал лишний вес. Сейчас я в норме. А раньше был чересчур худым.

— Объявляется посадка на рейс номер двести шесть. Пассажиров просят пройти к девятому выходу, — объявили по громкой связи.

— Это — мой. — Маккэин, поднимаясь, положил на стойку пять долларов. — Если хочешь, закажи себе еще. И подумай о моих словах, Дик. Я серьезно.

Он направился к эскалаторам, прокладывая себе путь через толпу пассажиров. Моррисон взял карточку, задумчиво повертел ее и убрал в бумажник. Больше он о ней не вспоминал.

Карточка выпала из бумажника в другом баре месяц спустя. Моррисон ушел с работы пораньше и заглянул туда вынить, желая снять напряжение. Дела на работе складывались неважко. А точнее — хуже некуда.

Протянув бармену десятку, он перечитал адрес на карточке: Восточная Сорок шестая улица, 237. Всего в двух кварталах отсюда. Стоял октябрь, на улице было прохладно, но светило солнце. «Зайти, что ли, смеха ради?..» Получив от бармена сдачу, Моррисон залиом донил заказанную выпивку и вышел на улицу.

Акционерное общество «Больше не курим» располагалось в новом здании, за ареиду тут каждый месяц, похоже, платили больше, чем Моррисон зарабатывал за целый год. Судя по справочнику в вестибюле, эта фирма занимала целый этаж: значит, деньги там не просто водились — акционеры общества «Больше не курим» в них просто купались.

Моррисон поднялся на лифте и оказался в коридоре, устланном толстым ковром, по которому и прошел к элегантно обставлениной приемной. Из широкого окиа пешеходы и машины казались маленькими жучками, спешишими по своим делам. Вдоль стен стояли кресла, расположившиеся в них трое мужчин и женщина листали журналы. Моррисон подошел к секретарше.

— Вашу карточку дал мне друг, — сказал он, протягивая ей визитку. — Он, если можно так выражаться, ваш выпускник.

Секретарша улыбнулась и заправила блаик аикеты в пишущую машинку.

— Ваше имя, сэр?

— Ричард Моррисон.

Клавиши застучали, но звук был приглушенным — пишущая машинка оказалась творением Ай-би-эм.

— Где вы живете?

— Мейнл-лейн, 29, Клинтон, штат Нью-Йорк.

— Женаты?

— Да.

— Дети?

— Один, — ответил он и, подумав об Элвине, слегка нахмурился. «Один» было неправильным словом, точнее было бы назвать сына «половиной» — он был умственно отсталым и жил в интернате в Нью-Джерси.

— Откуда вы про нас узнали, мистер Моррисон?

— От Джеймса Маккэнна. Мы с ним вместе учились.

— Отлично. Вы не присядете? Придется немножко подождать — у нас сегодня много народа.

— Хорошо.

Опустившись в кресло между женщиной в строгом синем костюме и молодым человеком с модными бачками и в пиджаке «в елочку», он достал пачку сигарет и поискан глазами пепельницу, однако нигде ее не увидел.

Моррисон убрал пачку обратно. Ладно, он честно досмотрит этот спектакль до конца, а закурит, когда будет уходить. Возможно, он даже стряхнет пепел на их шикарный ковер, если ожидание затянется. Моррисон взял экземпляр «Тайм» и начал листать.

Его пригласили через четверть часа сразу после женщины в синем костюме. Курить хотелось уже просто невыносимо. Очередной посетитель, мужчина, появившийся вслед за ним, вытащил портсигар и щелкнул крышкой, но, увидев, что пепельница нет, спрятал его с виноватым видом. Моррисону чуть полегчало.

Секретарша, одарив его ослепительной улыбкой, произнесла:

— Проходите, мистер Моррисон.

Дик толкнул дверь, находившуюся рядом с ней, и оказался в неярко освещенном коридоре, где его ждал крупный мужчина с неестественно светлыми волосами. Пожав Моррисопу руку, он приветливо улыбнулся и предложил проследовать за ним.

Миновав несколько дверей без табличек, они остановились возле одной из них, пройдя примерно половину коридора, и мужчина отпер ее ключом. Комната оказалась маленькой, стены обшиты белыми пробковыми панелями, а из мебели там стояли только стол и два стула. На стене за столом имелось небольшое продолговатое окошко, задернутое короткой зеленой занавеской, а на стене слева от Моррисона — фотография высокого седого мужчины с листком бумаги в руках. Его лицо показалось смутно знакомым.

— Меня зовут Вик Донатти, — представился мужчина. — Если вы решите пройти наш курс, то вашим куратором буду я.

— Рад познакомиться, — отозвался Моррисон, уже изнемогая от желания закурить.

— Присаживайтесь.

Донатти положил заполненную секретаршей анкету перед собой и достал из стола еще один бланк.

— Вы хотите бросить курить? — спросил он, глядя Моррисону прямо в глаза.

Моррисон, кашлянув, положил ногу на ногу и хотел ответить как-то неопределенно, но не смог.

— Да, — произнес он.

— Тогда я попрошу вас подписать эту бумагу. — Донатти протянул ему бланк.

Моррисон быстро пробежал текст глазами: нижеподписавшийся обязуется не разглашать методы, приемы, средства и так далее.

— Нет проблем, — согласился он и, получив от Донатти ручку, расписался.

Донатти поставил свою подпись чуть ниже его и убрал листок в ящик стола.

«Ну вот, очередное торжественное обещание», — не без ехидства подумал Моррисон. Он уже не раз давал зарок не курить и однажды продержался без сигарет целых два дня.

— Отлично, — произнес Донатти. — Мы здесь не занимаемся пропагандой здорового образа жизни, мистер Моррисон. Мы — деловые люди, и нас не интересует, почему вы хотите бросить курить.

— Понятно, — безучастно кивнул Моррисон.

— Мы не используем никаких лекарств и специальных диет, не используем методик самовнушения. И выставляем счет за услуги только по истечении года, прожитого вами без сигарет.

— Поразительно! — удивился Моррисон.

— А разве мистер Маккэнн вам не говорил?

— Нет.

— Кстати, как у него дела? Все в порядке?

— Да.

— Чудесно. Просто замечательно. А сейчас... я попрошу вас ответить на несколько вопросов, мистер Моррисон. Они могут показаться чересчур личными, но мы гарантируем полную конфиденциальность.

— И что это за вопросы? — поинтересовался Моррисон.

— Как зовут вашу жену?

— Люсинда Моррисон. В девичестве Рэмси.

— Вы любите ее?

Моррисон удивленно посмотрел на Донатти, но его лицо выражало лишь крайнюю предупредительность и учтивость.

— Разумеется!

— У вас когда-нибудь были семейные проблемы? Возможно, вы какое-то время жили врозь?

— Какое отношение это имеет к желанию бросить курить? — поинтересовался Моррисон. Ответ прозвучал слишком резко, но ему ужасно, *просто невыносимо* хотелось курить.

— Поверьте — самое прямое, — сказал Донатти.

— Нет, никаких проблем не было. — Хотя в действительности их отношения в последнее время не были *совсем уж* безоблачными.

— У вас один ребенок?

— Да. Элвин. Он в частной школе.

— В какой именно?

— А вот на этот вопрос я отвечать не стану, — угрюмо отрезал Моррисон.

— Ладно, — сразу же уступил Донатти и обезоруживающе улыбнулся. — На все свои вопросы вы получите ответы завтра после первого сеанса терапии.

— Отлично! — Моррисон поднялся, желая уйти.

— И последний вопрос, — остановил его Донатти. — Вы не курили больше часа. Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — солгал Моррисон.

— Чудесно! — воскликнул Донатти и, обойдя стол, открыл дверь. — Сегодня можете курить сколько хочется, а после завтрашнего сеанса вы уже не выкурите ни одной сигареты.

— В самом деле?

— Мистер Моррисон, — торжественно произнес Донатти, — мы это гарантируем.

На следующий день ровно в три часа он сидел в приемной фирмы «Больше не курим». С самого утра он терзался сомнениями: может, лучше вообще не приходить на встречу, назначенную секретаршей перед уходом? Или все-таки проявить волю и дать им шанс показать, на что они способны?

В конце концов, вспомнив слова Джнмми Маккэина о том, как у него все изменилось, он решился. Его собственную жизнь точно следовало изменить. И еще его терзalo любонытство. Прежде чем зайти в лифт, он выкурил сигарету до самого фильтра. Жалко, если она окажется последней, поскольку никакого удовольствия от курения он сейчас не испытал. На вкус сигарета показалась отвратительной.

На этот раз ждать долго не пришлось, и, когда секретарша предложила Моррисопу пройти, Донатти уже был рядом. Он протянул руку, здороваясь, и хищно, как показалось Моррисопу, улыбнулся. Ему стало не по себе и снова захотелось курить.

— Пройдемте со мной, — пригласил Донатти и привел его в знакомую комиату. Он сел на один стул, а Моррисон запаял другой.

— Я очень рад, что вы пришли, — начал Донатти. — После первой встречи многие перспективные клиенты нередко изменяют планы и не приходят. Они вдруг понимают, что не так сильно хотят избавиться от этой привычки, как им казалось. Работать с вами будет для меня удовольствием.

— И когда начнется лечение? — Наверное, здесь используют гипноз. Точно используют.

— Оно уже началось. С того момента, когда мы обменялись рукопожатиями. У вас есть с собой сигареты, мистер Моррисон?

— Да.

— Вы не отдадите их мне?

Пожав плечами, Моррисон протянул пачку Донатти. В ней все равно оставалось две или три сигареты. После чего тот, улыбаясь и глядя Моррисопу прямо в глаза, вдруг сжал кулак и начал колотить им по пачке, которая тут же расплющилась. Оторвавшийся кончик сигареты отлетел в сторону, а табачные крошки рассыпались. В закрытой

комнате звук ударов казался очень громким. С яростью круша пачку, Донатти по-прежнему продолжал улыбаться, отчего у Моррисона поползли мурашки по коже.

«Наверное, именно такого эффекта они и добиваются», — подумал он.

Наконец Донатти перестал колотить по столу, собрал ошметки пачки и выбросил в урну.

— Вы даже не представляете, как мне это нравится. Я в бизнесе уже три года, а удовольствие так и не пришло.

— В плане лечения это вряд ли что-то изменит, — мягко произнес Моррисон. — В вестибюле вашего здания есть киоск, где продаются любые сигареты.

— Вам виднее, — не стал спорить Донатти и сложил руки на грудь. — Ваш сын Элвин Доус Моррисон находится в интернате Паттерсона для неполиоцейных детей. Он родился с нарушением деятельности головного мозга. При коэффициенте умственного развития 46 он практически не обучаем. Ваша жена...

— Как вы это узнали? — взвился Моррисон. Он был поражен и взбешен. — Какое вы имеете право совать нос в...

— Мы знаем о вас очень много, — ровным голосом произнес Донатти. — Но как я и говорил, все это останется в тайне.

— Я немедленно ухожу отсюда, — с трудом выговорил Моррисон и поднялся.

— Прошу вас задержаться еще ненадолго.

Моррисон внимательно посмотрел на куратора. Донатти явно не испытывал никакой неловкости. Более того, казалось, сцена даже забавляет его. Было видно, что он наблюдал подобную реакцию десятки, а то и сотни раз.

— Хорошо. Но надеюсь, что это будет не напрасно.

— Могу вас в этом заверить. — Донатти откинулся на спинку стула. — Я говорил вам, что мы — pragmatики и нам отлично известно, как трудно излечить человека от

табачной зависимости. Частота рецидивов достигает почти восьмидесяти пяти процентов, а это выше, чем у наркоманов, принимавших героин. Это чрезвычайно сложная проблема. *Чрезвычайно.*

Моррисон бросил взгляд на урпу. Одну сигарету, даже в деформированном виде, еще можно было использовать по назначению.

Проследив за его взглядом, Донатти искреине рассмеялся, достал из урны сигарету и раскрошил пальцами.

— В законодательные собрания штатов иногда поступают законопроекты об исключении сигарет из рациона содержания заключенных. Подобные инициативы неизменно проваливаются, а в тех редких случаях, когда их принимали, в тюрьмах вспыхивали мятежи. Представляете, мистер Моррисон, настоящие *мятежи!*

— Меня это не удивляет, — заметил Дик.

— Однако давайте задумаемся вот над чем. Когда человека отравляют за решетку, его лишают привычного образа жизни, свободы передвижения, возможностнвести нормальную половую жизнь, у него нет доступа к сниртному. И никаких буитов, во всяком случае, на фоне общего количества тюрем. Но стоит лишить заключенных *курения* и — бам! — Для убедительности Донатти с размаху стукнул кулаком по столу. — Во время Первой мировой войны, когда в Германии был дефицит сигарет, никого не удивляло, что немецкие аристократы не гнушились подбирать окурки из грязи. А во время Второй мировой многие американки перешли на трубки, поскольку не могли достать сигарет. Потрясающе интересная проблема для pragmatиков, мистер Моррисон!

— А нельзя ли поближе к делу?

— Разумеется! Подойдите, пожалуйста, сюда. — Донатти поднялся и, сделав пару шагов, оказался возле зеленых занавесок, на которые Моррисон обратил внимание еще вчера. Донатти раздвинул занавески, за которыми оказалось прямоугольное окошко, выходившее в пустую

комиату. Точнее, в комиате находился кролик, поедавший что-то из миски.

— Милое создание, — заметил Моррисон.

— Верно. А теперь — смотрите! — Донатти нажал на киопку возле подоконника. Кролик перестал есть и бешено заметался по комнате, непрерывно подпрыгивая. Стоило ему коснуться пола, как его тут же подбрасывало. Шерсть вздыбилась, а глаза наполнились ужасом.

— Прекратите! Вы же убьете его током!

Донатти убрал палец с киопки.

— Отнюдь. На пол подается очень слабое напряжение. Посмотрите, как поведет себя кролик теперь, мистер Моррисон.

Кролик припал к земле футах в десяти от миски и судорожно водил носом. Неожиданно он, рванув с места, забился в угол.

— Если кролик во время еды будет достаточно часто получать удар током, — продолжил Донатти, — то очень быстро поймет: еда вызывает боль. У него выработается соответствующий рефлекс, и он перестанет есть. Если рефлекс закренить, кролик умрет от голода перед миской с едой. Это называется дрессировкой через рефлекс отвращения.

Моррисон все понял.

— Спасибо, не надо, — сказал он и направился к двери.

— Пожалуйста, подождите, мистер Моррисон.

Дик взялся за ручку двери, но она оказалась заперта.

— Откройте!

— Мистер Моррисон, я прошу вас вернуться на место...

— Немедленно отоприте, или я вызову полицию...

— *Сядьте!* — скомандовал Донатти ледяным тоном.

Взгляд его карих глаз подернула дымка, он стал пустым и пугающим.

Сообразив, что заперт в компании сумасшедшего, Моррисон провел языком по сухим губам: никогда в жизни ему не хотелось курить так сильно.

— Позвольте мне объяснить суть леченя, — сказал Донатти.

— Вы не понимаете, — произнес Моррисон с напускным спокойствием. — Мне не требуется лечение. Я решил от него отказаться.

— Нет, мистер Моррисон, это вы не понимаете. У вас нет выбора. Когда я сказал, что лечение уже началось, я говорил истинную правду. Мне показалось, у вас была возможность в этом убедиться.

— Вы — сумасшедший, — удивленно протянул Моррисон.

— Нет, я — прагматик. Позвольте изложить вам все детали леченя.

— Пожалуйста, — согласился Моррисон. — Только имейте в виду, что как только отсюда выйду, я куплю пять пачек сигарет и выкую их все по дороге в полицейский участок. — Он вдруг сообразил, что грызет ноготь большого пальца, и заставил себя опустить руку.

— Дело ваше, но мне кажется, вы измените свое решение, когда получите полуию картину.

Моррисон промолчал и сел, сложив руки на груди.

— В первый месяц вы будете находиться под неусыпным контролем наших оперативников, — сообщил Донатти. — Кое-кого из них вам удастся заметить, но наверняка не всех. Наблюдать за вами будут постоянно. *Постоянно!* Если вы закурите, мне тут же позвонят.

— И тогда, судя по всему, вы притащите меня сюда и проделаете тот же трюк, что и с кроликом. — Моррисон нытался говорить с издевкой, но чувствовал, как его охватывает ледепящий ужас.

— Вовсе нет, — возразил Донатти. — Место кролика займет ваша жена.

Моррисон лишился дара речи.

— А вы, — продолжил Донатти, улыбаясь, — будете наблюдать за ней в окошко.

* * *

Оказавшись наконец на улице, Моррисон бесцельно бродил больше двух часов в каком-то оцепенении. День был отличным, но он этого не замечал. Перед глазами стояла омерзительная улыбка Донатти.

«Дело в том, — пояснил тот, — что практическая проблема требует практических решений. И вы должны понимать: мы действуем в ваших собственных интересах».

Он рассказал, что фирма «Больше не курим» была своего рода некоммерческой организацией, основанной человеком, чья фотография висела на стене. Этот джентльмен чрезвычайно успешно занимался несколькими «бизнес-проектами», включая игровые автоматы, массажные салоны, подпольные лотереи и бойкие (хоть и нелегальные) поставки наркотиков из Турции в Нью-Йорк. Морт Минелли по прозвищу Трехногий был заядлым курильщиком, выкурившим по три пачки сигарет в день. Лист бумаги, который он держал в руках, был медицинским заключением с диагнозом «рак легких». Морт умер в 1970 году, передав все активы «семьи» акционерному обществу «Больше не курим».

«Наша цель не заработать деньги, а просто покрыть текущие расходы, но главное, конечно, это помочь ближнему. К тому же статус некоммерческой организации позволяет значительно сэкономить на налогах».

Концепция «лечения» была ужасающе проста. Стоит Моррисопу нарушить запрет на курение в первый раз — и Люсинду привезут в комнату, которую Донатти называл «крольчатником». Второе нарушение — и в «крольчатнике» окажется сам Моррисон. После третьего нарушеня они с Люсиндой окажутся там вместе. Четвертое нарушение будет свидетельствовать об устойчивом нежелании сотрудничать и потребует более сурового наказания. Оперативник отправится в интернат к Элвину и займется мальчиком.

«Представьте, — говорил, улыбаясь, Донатти, — как ужасно это будет для парнишки. Он же ничего не поймет, даже если ему объяснят. Он будет только знать, что ему больно из-за паны. И ему будет очень страшно».

«Мерзавец! — беспомощно произнес Моррисон. — Жалкий, грязный мерзавец!»

«Поймите меня правильно, — продолжал Донатти, сочувственно улыбаясь. — Я уверен, что до этого не дойдет. Сорок процентов наших клиентов вообще не подвергались никакому наказанию, поскольку ни разу не срывались, и только десять процентов допускали более трех нарушений. Разве эти цифры не обнадеживают?»

Моррисона они не только не обнадеживали, но приводили в ужас.

«Конечно, если вы нарушите запрет в пятый раз...»

«Что тогда?»

Донатти расцвел:

«Вы окажетесь в «крольчатнике» вместе с женой, вального сына избьют во второй раз, и жену избьют тоже».

Моррисон, утратив всякую способность соображать, бросился через стол на Донатти. Для человека, казавшегося благодушным и расслабленным, тот проявил удивительное проворство. Он резко подался вместе со стулом назад и ударил Моррисона ногами в живот. Дик отлетел и, согнувшись, закашлялся, не в силах вдохнуть.

«Сядьте, мистер Моррисон! — мягко произнес Донатти. — Давайте поговорим как разумные люди».

Отдышавшись, Моррисон подчинился. Этот кошмар не мог продолжаться вечно.

Донатти сообщил, что в фирме существуют десять степеней наказания. Шестое, седьмое и восьмое нарушения влекли за собой новые посещения «крольчатника» (с увеличением силы тока) и жестокие избиения. После девятого нарушения сыпь Дика сломают руки.

«А после десятого?» — спросил он пересохшими губами.

Донатти печально покачал головой:

«Тогда мы сдаемся, мистер Моррисон. И вы войдете в два процента клиентов, не поддающихся исправлению».

«Вы действительно сдаетесь?»

«В определенном смысле. — Он открыл ящик и достал «кольт» 45-го калибра с глушителем. — Но даже в этом случае мы гарантируем, что и те, кто не поддается исправлению, никогда больше курить не будут», — добавил он, улыбаясь и глядя в глаза Моррисону.

В тот вечер по телевизору показывали полицейский боевик «Буллит», который очень нравился Синден, но через час непрестанных вздохов Моррисона и его ерзанья на месте она не выдержала.

— Да что с тобой не так? — поинтересовалась она во время очередной заставки телекомианин.

— Ничего... Вернее, все! — раздраженно отозвался он. — Я бросил курить.

— И когда? — рассмеялась она. — Пять минут назад?

— С трех часов дня.

— Ты что — действительно не курил все это время?

— Да, — подтвердил он и снова принялся грызть ноготь большого пальца, хотя и грызть-то уже было нечего.

— Какой же ты молодец! Но как ты решился?

— Ради тебя, — ответил он, — и... и Элвина.

Ее глаза расширились от удивления, и она даже не заметила, что закончилась реклама и показ фильма возобновился. Дик редко говорил о сыне. Синден подошла, бросила взгляд на пустую пепельницу, стоявшую справа от него, и заглянула ему в глаза:

— Ты правда бросил курить, Дик?

— Правда, — подтвердил он, мысленно добавив, что если он обратится в полицию, то тут же заявится баида головорезов и «разукрасит» ей лицо.

— Я так рада! И даже если у тебя ничего не получится, мы оба очень тронуты твоей заботой.

— Думаю, получится, — заверил он жепу, вспомнив, как кровожадно вспыхнули глаза Донатти, когда он нанес удар ему в живот.

Той ночью Дик почти не спал, то проваливаясь в полудрему, то вдруг просыпаясь. В три часа ночной сон окончательно пропал. Желание закурить было столь сильным, что Дик дрожал, как в лихорадке. Он спустился вниз и прошел в кабинет, располагавшийся в середине дома. Окон здесь не было. Он выдвинул верхний ящик стола и с вожделением уставил на пачку сигарет. Потом обернулся и облизнул губы.

Донатти предупредил, что в первый месяц слежка будет постоянной. В следующие два — по восемнадцать часов в сутки, но *в какое именно время* — неизвестно. В четвертый месяц, когда большинство клиентов «срывались», наблюдение снова станет круглосуточным. А потом до конца года — выборочная ежедневная двенадцатичасовая слежка. А затем? Выборочная слежка до конца жизни.

До конца жизни.

«Мы можем проверять вас каждый второй месяц, — говорил Донатти, — или каждый второй день. Или постоянно неделю в месяц на протяжении двух лет. Вся штука в том, что вы этого никогда не узнаете. А если закурите, то считайте, что шансов у вас — как в игре против шулеров, у которых карты крапленые. «И следят ли за мной сейчас? А вдруг в этот самый момент выкрадывают жепу или посылают громилу к сыпу?» Правда, чудесно? А если и удастся украдкой выкурить сигарету, то ее вкус покажется ужасным. Как будто она пропитана кровью сыпа».

Но они не могут следить прямо сейчас, посреди ночи, в его собственном кабинете. В доме царила полная тишина.

Моррисон смотрел на сигареты почти две минуты, не в силах отвести от пачки взгляд. Потом подошел к двери, выглянул в гостиную и снова вернулся посмотреть на сигареты. Перед глазами пронеслась ужасная картина

грядущей жизни, в которой сигаретам нет места. Как, черт возьми, ему удастся убедить сомневающегося клиента разными графиками и диаграммами, если в руке не окажется вечно дымящейся сигареты? Как без сигарет он сможет выносить соседей, которых Синди то и дело приглашает полюбоваться садом? Как вообще, в конце концов, можно начинать день без сигареты за чашкой кофе?

Дик проклял себя, что ввязался в эту историю. Проклял Донатти. Но особую ярость испытывал, вспоминая Джимми Маккэина. Как он мог так поступить? Сукин сын *все знал* с самого начала! Руки так и чесались придушить этого Иуду.

Еще раз украдкой оглянувшись, Моррисон достал из ящика сигарету и с нежностью провел по ней пальцем. Совсем как в рекламном слогане: *Круглая, ровная и плотно набитая*. Лучше не скажешь! Он сунул сигарету в рот и прислушался, наклонив голову.

Кажется, в стенном шкафу послышался какой-то шорох? Будто кто-то шевельнулся? Или ему показалось?

Но тут перед глазами возникла другая картина: кролик, обезумевший от ударов током, скачет по комнате. Если там окажется Синди...

Он напряженно вслушивался, но ничего не уловил. Конечно, проще всего было бы подойти к стенному шкафу и распахнуть дверцу, но Моррисон слишком боялся, что его опасения оправдаются. Он вернулся в постель, однако сон долго не приходил.

Хотя утром Дик чувствовал себя абсолютно разбитым, у него проспулся аппетит. Съев привычную тарелку кукурузных хлопьев с молоком, он вдруг сделал себе еще и омлет. Когда Синди спустилась вниз, она увидела, что он моет сковородки.

— Ричард Моррисон! Последний раз ты ел на завтрак яйца, когда Гектор был еще щенком!

Моррисон недовольно хмыкнул. Он терпеть не мог ее любимого выражения «когда Гектор был еще щенком» и считал его таким же дурацким, как и «за показ денег не берут».

— Пока держишься? — спросила она, наливая апельсиновый сок.

— Держусь.

— К обеду наверняка сдашься, — беззаботно бросила она.

— Вот спасибо за поддержку! — взорвался он. — Ты, да и все остальные, кто не курит, вы считаете... Ладно, не важно!

К его удивлению, жена не только не разозлилась, но посмотрела на него с искренним изумлением:

— Господи! Так это не фантазия?! Ты серьезно??!

— Еще как! — Он надеялся, что ей никогда не доведется узнать, насколько все серьезно.

— Бедняга! — сказала она, подходя ближе. — Ты выглядишь просто ужасно. Но я тобой очень горжусь!

Моррисон креико прижал ее к себе.

Сцены из жизни Ричарда Моррисона в октябре — ноября:

...Моррисон и его старинный приятель из «Ларкин студиос» сидят в баре «Джек Демпси». Пряятель протягивает сигарету, но Моррисон, нервно сжав бокал, отвечает:

— Я бросаю.

Пряятель со смехом говорит:

— *Больше недели все равно не продержишься.*

...Моррисон ждет утреиннюю электричку, поглядывая поверх «Таймс» на молодого человека в синем костюме. Он видит его здесь почти каждый день, а иногда замечал и в других местах. В ресторане, где встречался с клиентом. В магазине музыкальных товаров Сэма Гуди, где искал

альбом Сэма Кука, тот копался в сорокаянтах. А однажды заметил его на поле для гольфа, где играл с друзьями.

...Моррисон выпивает лишнего на вечеринке и хочет закурить, но все-таки удерживается.

...Моррисон навещает сына и привозит ему в подарок большой мяч, который пищит, если на него нажать. Придя в восторг, сын слопяво его целует. И почему-то Моррисону не так противно, как обычно. Прижав Элвина к себе в порыве чувств, он осознает истину, которая давно не является секретом для циничного Донатти и его коллег: самой разрушительной силой, перед которой ничто не может устоять, является любовь. И пока лирики спорят о ней, прагматики вовсю этим пользуются.

Хотя физиологически Моррисон постепенно привыкает к жизни без сигарет, психологически он по-прежнему иснытывает тягу к курению и безуспешно пытается заменить сигарету то пастилками от кашля, то леденцами, то зубочисткой.

И вот Моррисон застревает в громадной автомобильной пробке в туннеле Мидтаун. Кругом темно. Ревут клаксоны, неподвижные машины исторгают клубы зловещих выхлопных газов. Он лезет в бардачок, видит открытую пачку сигарет и после секундного раздумья вытаскивает одну и закуривает, воспользовавшись прикуривателем. Он успокаивает себя мыслью, что если что-нибудь и случится, то Синди сама виновата — он же просил ее выкинуть все сигареты.

После первой затяжки он сильно кашляет. После второй — на глазах выступают слезы. После третьей — кружится голова, и он едва не теряет сознание. Во рту ужасно противно.

И тут же приходит мысль: «Господи, что же я делаю?»

Позади отчаянно засигналили машины — те, что впереди, уже тронулись с места. Он погасил сигарету в пепельнице, открыл оба окна и помахал рукой, разгоняя

дым, совсем как подросток, спустивший в уинтаз бычок первой выкуреиной сигареты.

Рывком тронувшись с места, он поехал домой.

— Синди, я дома! — объявил он, но ответа не последовало. — Синди, ты где, дорогая?

Зазвонил телефон, и Моррисон схватил трубку.

— Здравствуйте, мистер Моррисон. — Голос Донатти был деловитым и бодрым. — Похоже, нам надо обсудить одну небольшую проблему. В пять часов вас устроит?

— Моя жена у вас?

— Разумеется, у нас, — снисходительно подтвердил Донатти.

— Послушайте, отпустите ее, — залепетал Моррисон. — Это больше никогда не повторится! Я и сам не понимаю, как такое произошло. Я сделал всего три затяжки, и видит Бог, *самому стало противно*.

— Обидно. Так я могу рассчитывать, что увижу вас в пять?

— Пожалуйста, — чуть не плача, повторил Моррисон. — Пожалуйста... — Но в трубке уже послышались короткие гудки.

В пять часов в приемной никого не было, если не считать секретарши, которая одарила Моррисона лучезарной улыбкой, не обращая внимания на его растрепанный вид и явное волниение.

— Мистер Донатти, к вам пришел мистер Моррисон, — сообщила она, нажав киопку селекторной связи, и кивнула: — Пожалуйста, проходите.

Донатти ждал его возле знакомой двери. Рядом с ним переминался с ноги на ногу похожий на обезьяну верзила в футболке с надписью «УЛЫБАЙТЕСЬ!» и с револьвером в руках.

— Послушайте, — сказал Моррисон, обращаясь к Донатти. — Мы же можем это уладить? Правда? Я заплачу! Я...

— Заткнись! — прервал его мужчина в футболке.

— Рад вас видеть, — произнес Донатти. — Мне жаль, что наша встреча вызвана столь непрятными обстоятельствами. Попрошу вас пройти за мной. Мы постараемся все сделать быстро. И могу вас заверить, что особого вреда вашей жене никто не причинит... на этот раз.

Моррисон был готов броситься на Донатти.

— И я бы не советовал совершать никаких глупостей, — устало предупредил куратор. — В противном случае мой коллега Мусорщик просто изобьет вас, а вашей жене это все равно не поможет. Какой тогда в этом смысл?

— Надеюсь, что вам уготовано место в аду, — сказал Моррисон.

Донатти вздохнул:

— Если бы каждый раз, когда я слышу подобные слова, мне давали монетку, я бы давно обогатился и ушел на покой. Пусть это послужит вам уроком, мистер Моррисон. Если романтик берется за доброе дело и у него ничего не выходит, то все равно его все хвалят и превозносят. Но если цели достигает прагматик, его осыпают бранью. Пойдемте?

Мусорщик взмахнул револьвером.

Моррисон вошел первым, не чувствуя под собой ног.

Маленькая зеленая занавеска была отодвинута. Мусорщик подтолкнул Дика ближе к окну, и он подумал, что так, наверное, наблюдают за казнью в газовой камере.

Он посмотрел в окою: в комнате ошеломленно озиралась Синди.

— Синди! — жалобно окликнул Моррисон. — Синди, они...

— Она вас не видит и не слышит, — вмешался Донатти. — Здесь установлено одностороннее зеркало. Давайте не будем с этим затягивать. Ваш простуиок оказался не таким уже серьезным. Полагаю, тридцати секунд будет достаточно. Как думаешь, Мусорщик?

Одной рукой Мусорщик нажал на киопку, а второй — уперся дулом револьвера в спину Моррисона.

Это были самые долгие тридцать секунд в его жизни.

Когда все закончилось, Донатти положил руку на плечо Моррисону и поинтересовался:

— Вас не стошнит?

— Нет, вряд ли, — едва слышно ответил Моррисон. Он прижимался лбом к стеклу, чувствуя, что подкашиваются колени. Обернувшись, увидел, что Мусорщика в комнате больше нет.

— Пойдемте со мной, — позвал Донатти.

— Куда? — безучастно поинтересовался тот.

— Мне кажется, вам нужно кое-что объяснить. Разве не так?

— Как же я посмотрю ей в глаза? Как скажу, что я... я...

— Полагаю, вас ожидает сюрприз, — сказал Донатти.

Из мебели в комнате был только диван, на котором лежала, всхлипывая, Синди.

— Синди? — тихо окликнул он жену.

Она подняла залитые слезами глаза.

— Дик? Ты? О Господи... — прошептала она, и он крепко ее обнял. — Двое мужчин... — продолжила она, уткнувшись ему в грудь. — Сначала я подумала, что это грабители, потом, что они хотят меня изнасиловать. Они забрали меня, завязали глаза и куда-то отвезли... а потом... был настоящий ужас...

— Все кончилось, — успокаивал он, — теперь все хорошо.

— Но почему? — спросила она, поднимая глаза. — Зачем они...

— Это все из-за меня, — ответил он. — Выслушай меня, Синди... — Закончив рассказ, он помолчал и добавил: — Наверное, ты меня теперь ненавидишь. И я это заслужил!

Отвернувшись, он смотрел в пол, но она, прикоснувшись к его лицу, заставила его смотреть ей в глаза.

— Нет! Никакой ненависти я к тебе не испытываю.

— Правда? — От удивления он едва не потерял дар речи.

— Да, — подтвердила она и поцеловала его. — Поехали домой? Сейчас мне намного лучше. Честно!

Через неделю Донатти позвонил снова, и Моррисон, узнав его голос, сказал:

— Тут какая-то ошибка! Я не притрагивался к сигаретам!

— Нам это известно. Но надо кое-что обсудить. Вы можете заехать завтра после обеда?

— А это...

— Нет-нет, ничего особенного. Надо кое-что уточнить. Кстати, поздравляю с повышением в должности.

— Откуда вы про это знаете?

— Просто знаем, и все, — уклончиво ответил он и повесил трубку.

Когда они вошли в маленькую комнату, Донатти сказал:

— Не надо так нервничать — никто вас не укусит. Пройдите, пожалуйста, сюда.

Моррисон увидел обычные напольные весы.

— Послушайте, я действительно немного поправился, но...

— Да, это случается с семьюдесятью тремя процентами наших клиентов. Встаньте-ка на весы.

Моррисон подчинился, и весы показали сто семьдесят четыре фунта.

— Отлично. Можете сойти. А какой у вас рост, мистер Моррисон?

— Пять футов восемь дюймов.

— Что ж, давайте посмотрим. — Куратор вытащил из нагрудного кармана маленькую ламинированную табличку. — Совсем неплохо. Я выпишу вам рецепт на очень эффективные таблетки для контроля веса. Не увлекайтесь ими и принимайте строго по инструкции. Я поставлю вам

максимальный вес в... минутку... — Он снова сверился с карточкой. — Сто восемьдесят два фунта. Согласны? И раз сегодня первое декабря, я буду ждать вас каждое первое число месяца на взвешивание. Если не сможете явиться именно первого, не страшно, только, пожалуйста, позвоните и предупредите заранее.

— А что будет, если я окажусь тяжелее ста восьмидесяти двух фунтов?

— Мы пришлем кого-нибудь к вам домой отрезать у жены мизинец руки, — ответил Донатти с улыбкой. — Вы можете выйти в эту дверь, мистер Моррисон. Всего вам доброго.

Прошло восемь месяцев.

Моррисон снова встречает старого приятеля из «Ларкин студиос» в баре «Джек Демиси». Моррисон в отличной форме — Синди даже называет ее идеальной — и весит сто шестьдесят семь фунтов. Он трижды в неделю занимается в спортзале, и в нем нет ни капли лишнего жира. Приятель, напротив, выглядит как развалина.

Приятель:

— Господи, как же тебе удалось бросить курить?! Уму непостижимо! — Он с отвращением тушит в пепельнице сигарету и залпом допивает виски.

Моррисон бросает на него оценивающий взгляд, достает из бумажника маленькую белую визитную карточку и кладет на барную стойку.

— Знаешь, — говорит он, — эти ребята изменили всю мою жизнь.

Через год на имя Моррисона приходит счет:

Акционерное общество «Больше не курим»
Восточная Сорок шестая улица, 237
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10017
Лечение (1 курс) — 2500 долларов

Куратор (Виктор Донатти) — 2500 долларов

Электричество — 50 центов

ИТОГО К ОПЛАТЕ — 5000 долларов 50 центов

— Сукины дети! — взрывается он. — Они включили в счет даже плату за электричество, которым... которым...

— Просто заплати, — говорит жена и целует его.

Прошел еще год.

Совершено случайно Моррисон с женой встречают Джимми Маккэина с супругой в театре Хелен Хейз на Бродвее. Все знакомятся. Джимми по-прежнему отлично выглядит, может, даже лучше, чем во время той памятной встречи в аэропорту. Его жену Моррисон видит впервые. Она красива, как иногда бывают красивы дурнушки, когда они очень и очень счастливы.

Она протягивает руку, и Моррисон ее пожимает. В рукопожатии что-то не так, и только в середине второго акта Моррисон понимает, что имею: на ее правой руке нет мизинца.

Я ЗНАЮ, ЧЕГО ТЕБЕ ХОЧЕТСЯ

— Я знаю, чего вам хочется.

Вздрогнув от неожиданности, Элизабет отвела взгляд от учебника по социологии и увидела довольно невзрачного молодого человека в зеленой армейской куртке. Сначала он показался ей знакомым, будто они уже встречались раньше. Настоящее дежа-вю. Затем это ощущение исчезло. Он был одного с ней роста, худой и... какой-то неспокойный. Да, именно неспокойный. Он просто стоял и не двигался, но чувствовалось, как сильно он напряжен, хоть внешне это никак не проявлялось. Черные волосы растрепаны. Темные карие глаза увеличиваются грязными толстыми линзами в массивной роговой оправе. Нет, теперь она окончательно убедилась, что никогда его раньше не видела.

— Знаете, чего мне хочется? Сомиеваюсь, — сказала она.

— Вам хочется двойной порции клубничного мороженого. Верно?

Элизабет уставилась на него в изумлении. Вообще-то она уже давно подумывала сделать перерыв и побаловать себя мороженым. Готовясь к экзаменам за семестр, она

целыми днями просиживала в библиотеке студенческого союза, но выучить еще предстояло удручающее много.

— Так как? — Он улыбнулся. От этого его напряженое и некрасивое лицо странным образом преобразилось и даже стало привлекательным. «Милым», — подумала она, но тут же решила, что для парня это слово не подходит, хоть оно точно передавало смысл. Элизабет невольно улыбнулась в ответ, чего делать не собиралась. Ей совсем ни к чему тратить драгоценное время на какого-то чудака, выбравшего на редкость неудачный момент, чтобы произвести впечатление. Ей предстояло проштудировать целых шестнадцать глав «Введения в социологию».

— Нет, спасибо, — отказалась она.

— Бросьте, если вы не прерветесь, то наверняка заработаете головную боль. Вы и так занимаетесь без перерыва уже целых два часа.

— Откуда вы знаете?

— Я наблюдал за вами, — с готовностью ответил он и снова улыбнулся, но на этот раз его улыбка не тронула ее. Голова действительно начинала болеть.

— И напрасно! — Ответ прозвучал довольно резко, хотя она этого и не хотела. — Мне не нравится, когда меня разглядывают.

— Извините.

Элизабет стало немного жаль незнакомца, как бывает жалко бездомных псов. Зеленая армейская куртка была ей явно велика в плечах, а носки... Они явно были из разных пар. Один черный, а другой коричневый. Она снова едва не улыбнулась, но сумела сдержаться.

— Я готовлюсь к экзаменам, — пояснила она уже мягче.

— Понятно. Ладно.

Проводив его задумчивым взглядом, Элизабет снова уткнулась в книгу, но в голове продолжало вертеться: *двойная порция клубничного мороженого*.

В тот вечер она вернулась в общежитие в четверть двенадцатого. Ее соседка по комнате Элис лежала на кро-

вати, слушала Нила Даймонда и читала эротический роман Доминика Ори «История О».

— А я и не знала, что это входит в список изучаемой литературы по истории экономики, — сказала Элизабет.

Элис села:

— Расширяю свой кругозор, дорогая. Расправляю крылья интеллекта. Повышаю... Лиз?

— Хм?..

— Ты меня слушаешь?

— Нет, извини, я...

— У тебя какой-то озадаченный вид.

— Я сегодня встретила одного парня. Довольно забавного.

— Правда? Наверное, в нем и вправду что-то есть, если он сумел отвлечь непрступную Роуган от ее драгоценных книг.

— Его зовут Эдвард Джексон Хэмиер-младший. Представляешь? Невысокий. Худой. Последний раз мыг голову, наверное, в день рождения Вашингтона. И к тому же носит разные носки. Один черный, другой коричневый.

— А мне всегда казалось, что тебе нравятся мужчины другого типа.

— Дело совсем не в этом, Элис. Я занималась на третьем этаже студенческого центра, а он вдруг подошел и предложил угостить меня мороженым. Я отказалась, и он ушел. Но мысль о мороженом не давала мне покоя, и в конце концов я решила сделать перерыв, а он уже поджидал меня со стаканчиками моего любимого клубничного мороженого в руках.

— Не томи, выкладывай, что было дальше. Мне не терпится узнать.

Элизабет усмехнулась:

— Конечно, я не смогла отказаться. Он присел рядом, мы разговорились, и выяснилось, что в прошлом году он тоже слушал курс лекций профессора Брейнера.

— Чудеса, да и только! Прямо как в сказке!

— Но это и в самом деле удивительно! Ты же знаешь, сколько сил у меня уходит на этот курс.

— Да, ты даже во сне о нем вспоминаешь.

— Пока мой средний балл семьдесят восемь. Чтобы снова получать стинеидию, мне нужно набрать не менее восьмидесяти, а это значит, что по социологин я должна получить восемьдесят четыре. Так вот, этот Эд Хэмнер утверждает, что профессор каждый год на экзаменах задает одни и те же вопросы. И Эд их точно помнит.

— Ты хочешь сказать, что у него... как это... фотографическая память?

— Да. Вот посмотри. — Элизабет открыла учебник и достала три исписанных листка.

Элис взяла их.

— Похоже на тест.

— Он самый. Эд утверждает, что здесь *слово в слово* то, что было в прошлом году.

— Я не верю, — решительно заявила Элис.

— Но вопросы теста охватывают весь материал!

— Все равно не верю! — Она вернула листки. — Только потому, что этот сунергений...

— Никакой он не сунергений! Не смей так говорить!

— Ладно. Надеюсь, этот парень не заморочил тебе голову настолько, что ты решишь учить только ответы на эти вопросы, а не весь курс.

— Конечно, нет, — неохотно подтвердила Элизабет.

— И даже если это точно те самые вопросы, разве этично ими пользоваться?

Элизабет от негодования вспыхнула, и слова сорвались с ее губ еще до того, как она сумела взять себя в руки:

— Ну конечно! Еще бы! Ты же в сниске лучших студентов, и за обучение платить не надо — все оплачивают родители! У тебя нет необходимости... Извини, я вснылила и наговорила глупостей.

Элис пожала плечами и открыла «Историю О» с подчеркнуто равнодушным видом.

— Да нет, ты права. Это не мое дело. Но я бы все равно проштудировала весь курс... На всякий случай, чтобы подстраховаться.

— Именно так я и собираюсь поступить.

Однако при подготовке Элизабет сделала основной упор на вопросы из сниска Эдварда Джексона Хэмнера-младшего.

Когда она вышла из аудитории после экзамена, он сидел в фойе и ждал. На нем была все та же великоватая ему зеленая армейская куртка. Заметив Элизабет, Эд робко улыбнулся и поднялся:

— Ну, как все прошло?

Она импульсивно чмокнула его в щеку, вне себя от радости, что волнения и переживания уже позади:

— Думаю, все в порядке.

— Правда? Вот здорово! Гамбургер хочешь?

— Еще как! — рассеянно ответила она, не в силах быстро переключиться с мыслей об экзамене на что-то более приятное. Вопросы почти слово в слово совпадали с теми, что дал Эд, и она отлично с ними справилась.

За едой Элизабет поинтересовалась, как у самого Эда дела с экзаменами.

— А мне и не нужно ничего сдавать. Я освобожден от экзаменов по итогам текущих оценок за семестр и сдавать их могу, только если сам захочу. Так что я — свободная птица.

— Тогда почему ты здесь?

— Я же должен был узнать, как у тебя все сложится, верно?

— Нет, не должен. Мне, конечно, приятно, но... — Увидев, как он на нее смотрит, она смущилась, хотя, будучи красивой девушкой, часто ловила на себе подобные взгляды.

— А вот я думаю иначе, — мягко возразил он.

— Эд, я очень тебе благодарна. Думаю, обязана тебе своей стинендней. Правда. Но у меня есть парень. Понимаешь?

— И у вас все серьезно? — спросил он, нытаясь говорить с беззаботным видом, но у него ничего не вышло.

— Более чем, — подтвердила она, желая подстроиться под его тон. — Мы собираемся обручиться.

— Он знает, что ему повезло? Он понимает, как ему повезло?

— Мне тоже повезло, — сообщила она, подумав о Тони Ломбарде.

— Бет, — неожиданно произнес Эд.

— Что? — опешила она.

— Тебя же никто так не называет, верно?

— Нет... никто.

— Даже этот парень?

— Даже он. — Тони звал ее Лиз. Иногда Лиззи, что ей совсем не нравилось.

Эд подался вперед:

— А тебе ведь очень хочется откликаться на имя Бет?

— Да с чего ты взял?.. — засмеялась она, нытаясь скрыть замешательство.

— Не важно. — Он снова озорно улыбнулся. — Я буду звать тебя Бет. Так и знай! А теперь доедай гамбургер.

Потом учебный год закончился, Элизабет и Элис расстались на время каникул. Лиз искренне переживала, что их отношения в последние дни слегка подпортились. Наверное, она сама в этом виновата — не надо было *так бурно* радоваться, когда объявили результаты экзамена по социологии. Она набрала девяносто семь баллов — самый лучший результат на потоке!

Ожидая, когда объявят посадку на рейс, Элизабет успокаивала себя тем, что зубрежка на третьем этаже библиотеки ничуть не этичнее подготовки по вопросам. Зубрежка — просто механическое запоминание, все знания после экзамена тут же улетучиваются из головы, и к системному освоению предмета это не имеет никакого отношения.

Она вынула торчавший из сумки конверт. Уведомление о стипендиин в две тысячи долларов на последний год обучения по программе образовательного займа. Они с Тони будут вместе работать в Бутбэе, штат Мэн, и того, что она там получит, ей должно хватить с лихвой. Благодаря Эду Хэмнеру лето обещало быть просто отличным. А будущее — безоблачным.

Однако на поверку это лето оказалось самым ужасным в ее жизни.

Июнь выдался дождливым, перебои с бензином отпугнули многих туристов, а чаевые в «Бутбэй инн» были так себе. Мало того, Тони настаивал на свадьбе. Он говорил, что может найти работу в студенческом городке или поблизости, а с учетом ее гранта на образование завершить учебу и получить диплом ей будет легко. Но почему-то такая перспектива не обрадовала Элизабет, а скорее испугала.

Что-то было *не так*.

Она не понимала, что с ней происходит и почему — вот так, на ровном месте и без всякой причины. А однажды в конце июля с ней вдруг случилась истерика, она разрыдалась в подушку. Хорошо хоть, что в этот момент она оказалась дома одна: ее соседка по квартире — похожая на мышку Сандра Аккерман — ушла на свидание.

А в начале августа Элизабет приснился кошмар. Она лежала на дне глубокой могилы, не в силах пошевелиться, небо было затянуто серыми облаками, и по лицу струились капли дождя. Потом на краю могилы появился Тони в желтой строительной каске.

— Выходи за меня замуж, Лиз, — произнес он безучастным тоном, равнодушно глядя вниз. — Выходи, иначе пожалеешь.

Она хотела ответить, что согласна, что готова на все, лишь бы он вытащил ее из этой ужасной грязной ямы. Но не могла пошевелиться.

— Ладно, — сказал он. — Ты сама так решила.

И он ушел. Она изо всех сил старалась сбросить око-
вы охватившего ее паралича, но ничего не получалось.

Затем послышался звук подъезжавшего бульдозера.

И через мгновение появился он сам — огромный жел-
тый монстр, толкающий перед собой гору мокрой земли.
В открытой кабине она увидела безжалостное лицо Тони.

Он собирался закопать ее заживо!

Не в силах пошевелиться и издать хотя бы звук, она с
ужасом наблюдала за происходящим. В могилу посыпа-
лись первые комья земли.

И вдруг — знакомый голос:

— Прочь! Оставь ее! *Проваливай!*

Тони выбрался из бульдозера и убежал.

Она почувствовала, как ее захлестиула волна облег-
чения, и точно заплакала бы, если бы могла. На краю
могилы появился ее спаситель, похожий на могильщика.
Это — Эд Хэмнер с взъерошенными волосами, одетый в
зеленую армейскую куртку. Очки в тяжелой оправе съе-
хали на кончик носа. Он протянул ей руку.

— Вылезай, — нежно сказал он. — Я знаю, чего тебе
хочется. Поднимайся, Бет.

И силы вдруг вернулись к ней. По щекам заструнлись
слезы облегчения. Она попыталась поблагодарить его, но
слова путались и громоздились одно на другое. А Эд толь-
ко мягко улыбался и кивал. Она схватила его протянутую
руку и посмотрела вниз, чтобы выбрать опору для ноги.
А когда подняла взгляд, то вдруг увидела, что держится
за лану огромного жуткого волка с налитыми кровью
глазами и оскаленой пастью с острыми зубами, готовы-
ми вцепиться ей в горло.

Проснувшись, Элизабет поняла, что сидит на кровати
в мокрой от липкого пота ночной рубашке и никак не
может унять дрожь. Даже приняв душ и выпив стакан
молока, она не смогла заставить себя погасить свет и так
и уснула с горящей лампой.

А через неделю Тони погиб.

Она открыла дверь в халате, думая, что пришел Тони, но это оказался Дэнни Килмер — один из его товарищей по работе. Дэнни был веселым и жизнерадостным парнем: пару раз они с Тони и Дэини со своей девушкой отлично провели время вместе. Но сейчас на пороге ее квартиры на втором этаже он показался ей не просто печальным, но осунувшимся и больным.

— Дэини! — воскликнула она. — Что...

— Лиз, — сказал он. — Лиз, пострайся взять себя в руки... Ты... О Господи! — Он с размаху ударил огромным грязным кулаком по косяку двери, и она увидела, что он плачет.

— Дэини, что-то с Тони?..

— Тони погиб, — ответил Дэини. — Он был...

Но она ничего больше не услышала — провалилась в темноту.

Вся следующая неделя прошла как во сне. Из прискорбно скучных заметок в газетах и рассказа Дэнни в баре «Харбор инн» выяснилось следующее.

Они занимались ремонтом водопропускных труб, проходящих под полотном автомагистрали. Часть шоссейного покрытия была сията, и Тони с флагком направлял машины в объезд. С горы на красном «фиате» мчался какой-то парнишка. Тони подал ему знак свернуть, но парень даже не сбросил скорость. Позади Тони стоял грузовик, и он не мог отпрыгнуть назад. У водителя перелом руки и рваные раны на голове — с ним случилась истерика, но он был совершенно трезв. Полиция нашла в шлангах тормозной системы отверстия, как будто они перегрелись и расплавились. Парнишка никогда раньше не нарушал правил движения — он просто не мог остановиться. Тони стал жертвой трагического стечения обстоятельств. Несчастный случай в чистом виде.

Шок от случившегося и сменившую его депрессию усиливало чувство вины. Судьба сама распорядилась, как

быть с Тони, не спрашивая Элизабет. Но в глубине души она даже испытала облегчение, что все решилось само собой. Потому что выходить за Тони замуж она не хотела... во всяком случае, после того ночного кошмара.

За день до отъезда домой у нее произошел нервный приступ.

Она долго сидела на камнях, погрузившись в горестные мысли, и вдруг неожиданно разрыдалась. Слезы пошлились ручьем, и она сама удивилась, что их может быть так много. Элизабет плакала, пока в животе не появилась резь, а голова не начала раскалываться от боли. И хотя облегчения слезы не принесли, зато теперь она ощущала в душе только нустоту.

И в этот момент раздался голос Эда Хэмнера:

— Бет?

Она резко обернулась и, страшась увидеть оскаленную пасть волка из ночного кошмара, ощутила во рту металлический привкус страха. Но это был просто Эд Хэмиер, который без привычной армейской куртки и джинсов выглядел каким-то удивительно беззащитным. На нем были красные шорты до колен, белая футболка на тщедушной груди болталась, как обвисший в поливый штиль парус, на ногах — резиновые вьетнамки. Он не улыбался, а отблески яркого солица на стеклах очков не позволяли разглядеть глаза.

— Эд? — неуверенно спросила она, подозревая, что от нервного расстройства у нее началась галлюцинации. — Это правда ты?..

— Да, это я.

— Но как?..

— Я работал в лейквудском театре в Скоухегане и встретил твою соседку по комнате... Элис, кажется?

— Да.

— Она рассказала мне, что случилось. И я сразу приехал. Бедная Бет! — Он чуть повернул голову, и блики на стеклах очков исчезли. В его глазах не было ничего вол-

чего или звериного — они излучали только спокойное сочувствие.

Она снова всхлипнула и пошатнулась от нахлынувших слез. Он поддержал ее за плечи, успокаивая.

Они вместе поужинали в ресторанчике «Сайлент вуман» в Уотервилле, находившемся в двадцати милях от Бутбэя. Элизабет было необходимо именно это — оказаться там, где ничто не напоминало бы о пережитой трагедии. Они поехали на машине Эда — новеньком «шевроле-корвett». Хороший водитель, Эд ехал не быстро и не медленно, что наверняка подействовало бы ей на нервы. Ей не хотелось разговаривать или слушать слова утешения. Казалось, понимая это, он включил спокойную музыку по радио.

Не спрашивая, Эд заказал морепродукты. Она думала, что не голодна, однако когда официантка принесла заказ, жадно набросилась на еду.

Съев все, Элизабет подняла глаза и нервно засмеялась. Эд курил сигарету и молча наблюдал за ней.

— Скорбящая девушка с аппетитом поела, — сказала она. — Наверное, это выглядит ужасно.

— Вовсе нет, — заверил он. — Ты пережила большое потрясение, и теперь нужно восстановить силы. Это ведь как после болезни, верно?

— Верно. Очень похоже.

Он взял ее за руку, мягко сжал и тут же отпустил.

— Теперь ты пойдешь на поправку, Бет.

— Думаешь?

— Уверен. Скажи, ты уже решила, что будешь делать дальше?

— Завтра я возвращаюсь домой. А потом — не знаю.

— Но ты ведь продолжишь учебу?

— Я правда не знаю. После того, что случилось... все утратило смысл. Стало каким-то ненужным и неинтересным.

— Это пройдет. Тебе сейчас трудно поверить, но это так. Через полтора месяца сама в этом убедишься. Жизнь-то продолжается. — Последняя фраза прозвучала как вопрос.

— Наверное, ты прав. Но... можно, я возьму сигарету?

— Конечно. Только они с ментолом. Извини.

Она закурила.

— А откуда ты знаешь, что я не люблю с ментолом?

Он пожал плечами:

— Просто ты не похожа на тех, кто любит такие.

— Ты очень забавный, — улыбнулась она.

Он вежливо улыбнулся в ответ.

— Нет, правда. Так странно, что из всех моих знакомых здесь появился именно ты... Мне казалось, я никого не хочу видеть. А вот тебя я видеть рада, Эд. Честно.

— Иногда хорошо оказаться рядом с кем-то посторонним.

— Наверное. — Она помолчала. — А кто ты вообще, Эд? Не считая, конечно, того, что ты мой добрый ангел. Кто ты на самом деле? — Ей вдруг почему-то стало очень важно это узнать.

— Да как тебе сказать... — пожал плечами он. — Просто один из тех чудиков, которых встречаешь в студенческом городке с кипой книг под мышкой...

— Эд, ты — не чудик.

— Еще какой чудик! — возразил он и улыбнулся. — Так и не избавился от подростковых прыщей, студенческие братства никогда не пытались заполучить меня в свои ряды, я всегда сторонился всяких тусовок и вечеринок. Типичная книжная крыса, грызущая гранит науки. Когда следующей весной крупные корпорации начнут искать новых сотрудников среди выпускников, я, наверное, подпишу с какой-нибудь контракт и исчезну из твоей жизни навеки.

— И тебе не стыдно так говорить? — с мягким укором спросила она.

Он улыбнулся, но улыбка вышла какой-то вымученной.

— А родители? — спросила она. — Где ты живешь, что любишь делать?..

— Расскажу как-нибудь в другой раз, — пообещал он. — А сейчас я отвезу тебя домой. Завтра тебе предстоит долгий и утомительный перелет, и еще многое надо успеть сделать.

В тот вечер впервые после смерти Тони она почувствовала себя лучше, успокоилась, и ей уже не казалось, что где-то внутри продолжает заводиться пружина, которая рано или поздно обязательно лопнет. Элизабет думала, что уснет быстро, но сон пришел не сразу.

Ей не давали покоя разные мысли.

Элис рассказала мне... Бедная Бет...

Но Элис проводила лето в Киттери, а до Скоухегана оттуда восемьдесят миль. Наверное, она приезжала в Лейквуд посмотреть ньесу.

«Шевроле-корветт» был последней модели. Очень дорогой. На зарплату рабочего сцены в Лейквуде такую не купишь. Богатые родители?

Эд заказал именно то, что она заказала бы сама. Может, это было единственным блюдом в меню, которое позволило ей ощутить чувство голода.

Ментоловые сигареты. И он ее поцеловал, пожелав спокойной ночи, именно так, как ей бы хотелось. И...

Завтра тебе предстоит долгий и утомительный перелет.

Он знал, что она уезжала домой, потому что она сама рассказала об этом. Но с чего он взял, что она полетит на самолете? И что перелет долгий?

Все это беспокоило ее. Беспокоило еще и потому, что появилось отчетливое чувство: она начинает в него влюбляться.

Я знаю, чего тебе хочется.

Эти слова, произнесенные при знакомстве размежеванным тоном капитана подлодки, отмерявшего глубину

погружения, продолжал крутиться в голове, когда сон наконец взял свое.

Он не приехал проводить ее в маленький аэропорт Огаста, и она огорчилась. Ожидая приглашения на посадку, Элизабет размышляла о том, как незаметно можно привязаться к человеку. Наверное, так и у наркоманов постепенно вырабатывается зависимость. Они обманывают себя надеждой, что могут «зазывать» в любой момент, однако...

— Элизабет Роуган, — раздалось по громкой связи, — просят подойти к белому телефону возле службы информации.

Она поспешила туда и услышала в трубке голос Эда:

— Бет?

— Эд! Я так рада тебя слышать! Я подумала, что, может быть...

— Я тебя встречу? — Он засмеялся. — В этом нет необходимости. Ты уже большая и сильная девочка. И очень красивая. Ты сама отлично справишься. Мы увидимся в колледже?

— Я... наверное.

— Это отлично! — Он немного помолчал и добавил: — Потому что я тебя люблю. С той самой минуты, как увидел в первый раз.

У нее перехватило дыхание, и она не могла выдавить ни слова. В голове завертелись тысячи мыслей.

Он снова тихо рассмеялся:

— Нет, сейчас не надо ничего говорить. Мы еще увидимся. Тогда и поговорим. Времени будет достаточно. Счастливого пути, Бет. И до встречи.

Послышались короткие гудки, а она все продолжала стоять, прижимая к уху белую трубку, не в силах разобраться с ворохом обрушившихся на нее мыслей.

Сентябрь.

Элизабет вернулась к привычной жизни, ритм которой диктовался учебой, как женихина, ненадолго отвле-

чейная от привычного занятия вроде вязания. Она, конечно, как и все предыдущие годы учебы, снова жила в одной комнате с Элис. Еще на первом курсе их свел вместе компьютер, распределявший места в общежитии. Девушки всегда хорошо ладили, хотя у них были разные интересы и характеры. Элис, прилежная студентка, специализировалась на химии, и ее средний балл успеваемости был одним из самых высоких. Что касается общительной и не такой усидчивой Элизабет, то она изучала две основные специальности: педагогику и математику.

Они по-прежнему ладили, но после минувшего лета уже не были так близки. Элизабет считала, что причиной их отдаления стал тот памятный экзамен по социологии, но сама этой темы больше не поднимала.

Постепенно трагедия, произошедшая летом, начала терять остроту, и Элизабет порой казалось, что с Тони она встречалась давным-давно в вынужденном классе школы. Мысли о нем по-прежнему причиняли ей боль, и она старалась не говорить об этом с Элис, но теперь эта боль напоминала скорее ноющий синяк, а не открытую и кровоточащую рану.

Гораздо больше ее беспокоило то, что Эд Хэммер все не звонил.

Прошла неделя, потом другая, наступил октябрь. Она достала список студентов и разыскала его имя, но толку от этого было мало: в графе «Адрес» напротив его фамилии была указана только длинная Милл-стрит. Элизабет продолжала терпеливо ждать и отказывала в свидании всем поклонникам, а их было немало. Элис только удивленно вскидывала брови, но предпочитала не вмешиваться и полностью ушла в работу над проектом по биохимии, на который полагалось шесть недель. Почти все вечера она проводила в библиотеке.

Элизабет обратила внимание, что раз или два в неделю на имя соседки по комнате приходят длинные белые конверты. Она забирала их с почты, поскольку обычно

возвращалась с учебы первой, но ее любонытства они не возбудили. Отправитель — частное агентство — по вполне понятным причинам свои данные не афишировало и обратный адрес не указывало.

Элис занималась, когда раздался сигнал внутреиней связи.

— Лиз, ответь, пожалуйста. Наверняка это тебя.

Элизабет подошла к интеркому и спросила:

— Да?

— Тебя тут спрашивает один джентльмен, Лиз.

О Господи!

— Как его зовут? — поинтересовалась она, перебирая в памяти привычный набор отговорок. Головная боль! На этой неделе она на нее еще не ссылалась.

— Его зовут Эдвард Джексон Хэмнер-младший, — торжественно произнесла дежурная и добавила, понизив голос: — И у него разные носки!

Элизабет нервно поправила ворот халата:

— Боже мой! Передай ему, я прямо сейчас спущусь. Нет! Через минуту. Или нет! Через две! Ладно?

— Как скажешь, — неуверенно согласилась дежурная. — Только не надо так нервничать!

Элизабет достала из шкафа брюки. Потом джинсовую юбку. Нащупала в волосах бигуди и, издав стон, судорожно начала их стаскивать.

Элис невозмутимо за ней наблюдала, не говоря ни слова, а когда Элизабет ушла, проводила долгим задумчивым взглядом.

Он совсем не изменился. Все та же зеленая армейская куртка на два размера больше. Одна из дужек массивных роговых очков обмотана изоляционной лентой. Джинсы, правда, оказались новыми и топорчились. А вот на Тони даже новые джинсы всегда смотрелись так, будто давно уже сели по фигуре. И носки у Эда были действительно разными: один зеленый, а другой коричневый.

Элизабет поняла, что любит его.

— Почему ты так долго не звонил? — спросила она, подходя ближе.

Он сунул руки в карманы куртки и смущено улыбнулся:

— Хотел дать тебе время подумать. Повстречаться с другими парнями. Поищь, чего ты хочешь.

— Мне кажется, я поняла.

— Отлично. Хочешь, сходим в кино?

— Куда угодно, — ответила она и повторила: — Куда угодно!

С каждым днем она все больше убеждалась, что никогда в жизни не встречала никого, кто бы так хорошо понимал ее желания и настроение, причем без всяких слов. Их вкусы совпадали. Если Тони нравились жесткие фильмы типа «Крестного отца», то Эд предпочитал комедии и мелодрамы. Однажды, когда у Элизабет было плохое настроение, он отвел ее в цирк, и вечер получился просто потрясающим. Если они встречались, чтобы вместе заниматься, то проводили время действительно за учебой, а не обжимались в тесной кабинке для занятий на третьем этаже библиотеки. Он водил Элизабет в данс-клуб и сам был отличным партнерием в старых танцах, которые так ей нравились. Они даже заняли первое место на конкурсе исполнителей танцев иятидесятых годов на вечере встреч выпускников колледжа. Мало того, он отлично чувствовал, когда в ней вдруг просыпалась страсть. Он не настаивал и не торопил ее: с ним у нее никогда не возникало ощущения, которое она часто испытывала при встречах с другими парнями. Те как будто действовали по отработанной схеме с целью уложить ее в постель. На первом свидании — невинный поцелуй в щеку на прощание, а на десятом — визит в нынешнюю квартиру приятеля. Эд жил на третьем этаже в доме без лифта на Милл-стрит и снимал квартиру один. Они часто туда заходили, и у Элизабет никогда не возникало чувства, что она оказывается в любовном гнездышке мест-

ного донжуана. Эд никогда от нее ничего не требовал, но их желания странным образом всегда совпадали. Все шло как нельзя лучше.

Когда начался новый семестр, Элис все чаще казалась серьезно озабоченной. Она часто хмурилась, бросая взгляд на большие белые конверты у себя на столе, продолжавшие приходить с завидной регулярностью. Одиажды Элизабет едва не решилась спросить о них у подруги, но в последний момент передумала, решив, что они как-то связаны с подготовкой очередного реферата.

В тот день Эд пригласил Элизабет поужинать в ресторан, и когда они вернулись, шел сильный снег.

— До завтра? — спросил он. — У меня дома?

— Договорились. Я приготовлю поп-корн.

— Отлично, — сказал он и поцеловал ее. — Я люблю тебя, Бет.

— И я тебя.

— Может, завтра останешься у меня? — тихо спросил он.

— Хорошо, — ответила она, заглядывая ему в глаза. — Если хочешь.

— Хочу, — еле слышно подтвердил он. — Спокойной ночи, малышка.

— И тебе спокойной ночи.

Элизабет тихо, чтобы не разбудить Элис, вошла в комнату, но та не спала и сидела за своим столом.

— Элис, у тебя все в порядке?

— Мне нужно поговорить с тобой, Лиз. Об Эде.

— А в чем дело?

— Боюсь, когда я скажу все, что собираюсь, нашей дружбе придет конец, к моему глубокому сожалению. Поэтому я прошу тебя все внимательно выслушать.

— Может, тогда лучше вообще ничего не говорить?

— Нет, не лучше. Я уже решила.

Элизабет чувствовала, как ее любопытство уступает место злости.

— Ты что — следила за Эдом?

Элис только молча посмотрела на нее.

— Ты нам завидуешь?

— Нет. Если бы завидовала тебе или ревновала к поклонникам, я бы переехала еще два года назад.

Элизабет озадачено посмотрела на Элис. Она понимала, что та говорит правду. И вдруг ей стало страшно.

— Мея насторожили два момента, — начала Элис. — Во-первых, ты написала мне о смерти Тони и упомянула о том, как удачно получилось, что я встретила Эда в лейквудском театре. Ведь он сразу же помчался в Бутбэй и очень тебя поддержал. Но я не встречала его, Лиз. Летом я даже не приближалась к этому театру.

— Но...

— Но как ему стало известно, что Тони погиб? Понятия не имею. Знаю одно: не от меня. А второе, что не давало мне покоя, так это его «фотографическая память». Господи, Лиз, да он же непомнит, какие надел носки!

— Это совсем другое, — сухо возразила Лиз. — Это...

— Прошлое лето Эд Хэмнер провел в Лас-Вегасе, — тихо сказала Элис, не дав ей договорить. — Он вернулся в середине июля и снял номер в мотеле прибрежного городка Пемаквид, совсем рядом с Бутбэем. Как будто знал, что может тебе понадобиться, и ждал своего часа.

— Глупость какая-то! А с чего ты вообще взяла, что он был в Лас-Вегасе?

— Я разговаривала с Ширли д'Антонио перед началом семестра. Она работала в ресторане «Пайнс», прямо напротив театра. Она сказала, что ни разу не видела никого, даже отдаленно похожего на Эда Хэмнера. Так я выяснила, что он несколько раз тебе солгал. Потом я отправилась к отцу, все ему рассказала, и он разрешил.

— Что разрешил? — озадачено спросила Элизабет.

— Обратиться в частное сыскное агентство.

Элизабет вскочила.

— Хватит, Элис! Достаточно! — Она сидет на автобус и отправится ночевать к Эду. Она и так собиралась это сделать.

— Хотя бы выслушай меня, а уж потом поступай, как знаешь, — попросила Элис.

— Я ничего не желаю слушать! Я знаю только, что он мягкий и добрый, и...

— Любовь слепа, верно? — заметила Элис и грустно улыбнулась. — Что ж, может, и мне совсем небезразлична твоя судьба. Такая мысль тебе не приходила в голову?

Элизабет повернулась и пристально посмотрела на подругу.

— Если так, то ты выбрала довольно необычный способ это продемонстрировать. Ладно, продолжай. Может, мне и стоит тебя выслушать, хотя бы ради нашей прежней дружбы. Говори!

— Ты давно уже с ним знакома... — тихо начала Элис.

— Я... Что?!

— Начальная школа номер сто девятиадцать в Бриджпорте, штат Коннектикут.

Элизабет потеряла дар речи. Она с родителями жила в Бриджпорте целых шесть лет, а после второго класса ее семья переехала туда, где живет и поныне. Она училась в 119-й начальной школе...

— Элис, ты уверена?

— Ты помнишь его?

— Нет! Конечно, нет! — Но ведь у нее *действительно* появилось ощущение дежа-вю при первой встрече с Эдом.

— Это легко объяснить: хорошилькие девочки никогда не обращают внимания на гадких утят. Может, он в тебя еще тогда влюбился. Вы учились вместе в первом классе, Лиз. Может, он сидел на задней парте... и не сводил с тебя глаз. Или на площадке для игр. Он был просто заморышем, который уже тогда носил очки и наверняка брекеты. Понятие, что ты не помнишь его, но держу пари, что тебя он точно помнит!

— Что еще? — спросила Элизабет.

— Агентство проследило его жизненный путь по отпечаткам пальцев, снятым еще в школе. А найти потом кое-каких людей и поговорить с ними было вопросом техники. Детектив, занимавшийся делом, сказал: многое из того, что удалось выяснить, он не понимает. Я тоже. И это пугает.

— Вот как? — сухо поинтересовалась Элизабет.

— Эд Хэмнер-старший был заядлым игроком. Он работал на крупное рекламное агентство в Нью-Йорке, а потом сбежал оттуда и поселился в Бриджпорте. По словам детектива, этот человек отметился почти во всех заведениях, где ставили по-крупному, будь то покер или тотализатор.

Элизабет прикрыла глаза.

— Вижу, за твои деньги детективы с удовольствием перерыли кучу грязного белья, верно?

— Может, и так. Как бы то ни было, в Бриджпорте отец Эда снова влез в долги. И снова из-за карт. Только на этот раз он задолжал крупному ростовщику. Дело кончилось сломанными рукой и ногой. И детектив считает, что это произошло не в результате несчастного случая.

— Что-нибудь еще? — поинтересовалась Элизабет. — Изdevательство над детьми? Растрата?

— В тысяча девятьсот шестьдесят первом году он нашел работу в маленьком рекламном агентстве в Лос-Анджелесе. А это уже совсем рядом с Лас-Вегасом. Он стал выезжать туда на выходные, ставил по-крупному и... проигрывал. А потом начал брать с собой Эда-младшего и выигрывать!

— Ты все выдумываешь. Этого не может быть!

Элис постучала пальцем по папке, лежавшей на столе:

— Все в отчете, Лиз. Для суда, конечно, это не подойдет, но детектив уверяет, что людям, с которыми он разговаривал, врать не имело смысла. Отец называл Эда

своим «талисманом удачи». Сначала никто не возражал, что он проводил в казино мальчика, хотя официально такое запрещено. Но Хэмнер был желанным клиентом. Эд-старший стал играть только в рулетку, причем ставил на «чет-нечет» или «красное-черное». К концу года мальчика перестали носить во все игорные заведения города. И тогда отец переключился на другое.

— На что же?

— Он стал играть на бирже. Когда в середине шестьдесят первого Хэмнеры обосновались в Лос-Анджелесе, они снимали крохотную квартирку за девяносто долларов в месяц, а отец семейства ездил на стареньком «шевроле» иятьдесят второго года выпуска. К концу шестьдесят второго, всего через шестиадцать месяцев, Эд-старший ушел с работы, и они приобрели собственный дом в Сан-Хосе. Мистер Хэмнер разъезжал уже на новеньком «тандерберде», а миссис Хэмнер — на «фольксвагене». Понимаешь, закон запрещает маленьким детям находиться в казино Невады, а запретить играть на бирже им никто не может.

— Ты хочешь сказать, что Эд... что он... Да ты с ума сошла, Элис!

— Я ничего не хочу сказать. Разве только что он знал, чего хотелось его отцу.

Я знаю, чего тебе хочется.

Элизабет показалось, будто Эд прошептал эти слова прямо ей в ухо, и она невольно вздрогнула.

— На протяжении следующих шести лет миссис Хэмнер не раз лечилась в психиатрических лечебницах. Судя по всему, от нервных расстройств. Однако детективу удалось разговорить одного санитара, который заявил, что она страдала психозом. Она утверждала, что ее сын — подручный дьявола. В шестьдесят четвертом году она пыталась его убить и ударила ножницами. Она... Лиз! Лиз, что с тобой?

— Шрам, — пробормотала та. — В прошлом месяце, когда открывали университетский бассейн, мы решили

сходить поплавать. У него на плече большой шрам... вот здесь! — Она приложила руку чуть выше левой груди. — Он сказал... — К горлу подступил комок, и она молчала, пока приступ не прошел. — Он сказал, что упал на ограду из кольев, когда был маленьким.

— Мне продолжать?

— Продолжай. Какая теперь разница?

— В шестьдесят восьмом году его мать вынисали из очепь дорогой психиатрической клиники в Сан-Хоакин-Вэлли. Они втроем поехали отдохнуть и решили остановиться перекусить на площадке для пикника на высоком обрыве над морем возле Сто первой автострады. Эд-младший вылез из машины и пошел собирать дрова для костра, а мать, сидевшая за рулем, помчалась прямо на сына, видимо, собираясь задавить его насмерть. Он увернулся, а машина с родителями сорвалась с крутого обрыва в море. Оба погибли. Эду-младшему тогда было почти восемнадцать, и он унаследовал миллион долларов в ценных бумагах. Через полтора года он уехал на восток, где и поступил в университет. Вот и все.

— Больше никаких семейных тайн?

— Лиз, разве этого мало?

Элизабет поднялась с кресла:

— Теперь понятию, почему он избегает разговоров о семье. А тебе-то зачем понадобилось ворошить прошлое?

— Ты слепа, — сказала Элис, глядя, как подруга надевает пальто. — Ты к нему собираешься?

— Да.

— Потому что любишь?

— Потому что люблю.

Элис подошла к ней и схватила за руку.

— Да перестань нанускать на себя оскорбленный вид и подумай! Эду Хэмнеру подвластно нечто, о чем можно только мечтать. С его помощью отец выигрывал в рулетку и разбогател на биржевых спекуляциях. Похоже, этот парень способен добиваться желаемого силой мысли.

Может, он — экстрасенс и обладает даром предвидения. Я не знаю. Ведь есть же люди, наделенные такими талантами. Лиз, а тебе не приходило в голову, что он заставил тебя влюбиться?

Лиз медленно повернулась к Элис:

— В жизни не слышала ничего более абсурдного!

— Правда? Он дал тебе вопросы теста по социологии, а отцу говорил, на что ставить в рулетке. Он никогда не изучал социологию и не сдавал по ней экзаменов. Я проверяла! Он пошел на это, чтобы ты обратила на него внимание. Ни больше ни меньше!

— Замолчи! — закричала Лиз, закрывая уши.

— Он знал вопросы теста. Знал, когда погибнет Тони. Знал, что ты полетишь домой на самолете! Он даже точно знал, когда именно стоит снова появиться в твоей жизни, и дождался октября.

Элизабет отпрянула и распахнула дверь.

— Пожалуйста, — не унималась Элис. — Прошу тебя, послушай! Я не знаю, как ему это удается. Сомневаюсь, что *он сам* понимает. Может, он и не хочет причинить тебе вреда, но уже делает это! Он знает все твои желания, и поэтому ты, как тебе кажется, его полюбила. Но это все не любовь, Лиз, а настоящее насилие!

Элизабет хлопнула дверью и бросилась по ступенькам вниз.

Она успела на последний автобус, отправлявшийся в город. Снег усилился, и автобус, похожий на жука-инвалида, с трудом пробирался через заносы на дороге. В салоне сидело всего шесть или семь пассажиров, и Элизабет устроилась сзади, пытаясь привести мысли в порядок.

Сигареты с ментолом. Фондовая биржа. Он знал, что ее мать часто называли Ди. Маленький мальчик сидит в первом классе на задней парте и не сводит глаз с жизнерадостной девочки, — я знаю, чего тебе хочется.

Нет, нет и еще раз — нет! Я люблю его!

Разве? Или ей просто нравилось быть с человеком, который всегда заказывал нужное ей блюдо, водил в кино на интересный ей фильм и всегда хотел только того, чего хотелось ей самой? А может, он, как обычное зеркало, просто отражал ее желания и показывал то, что ей хотелось увидеть? Подарки, которые он дарил, всегда были желанными. Когда вдруг неожиданно похолодало и ей понадобился фен, кто ей подарил его? Эд Хэмнер, конечно! Сказал, что случайно увидел его на распродаже и купил. Поистио, что она обрадовалась!

Но это вовсе не любовь, а настоящее насилие!

Элизабет вышла на пересечении Мейн- и Милл-стрит, ветер тут же вцепился в лицо колючими когтями. Она невольно зажмурилась, и автобус, урча двигателем, отъехал. Через мгновение красный свет его габаритных фар скрыла снежная пелена.

Никогда в жизни она еще не чувствовала себя такой одинокой.

Эда не оказалось дома.

Минут иять Элизабет стучала в дверь, не зная, как поступить. Она вдруг сообразила, что поиятия не имеет, как проводит время Эд и с кем он общается, когда они не вместе. Она просто никогда об этом не задумывалась.

Не исключено, что сейчас он поднимает ставки в покере, чтобы купить очередной фен.

Вспомнив, где Эд держал запасной ключ, она решилась и, привстав на цыпочки, пошарила рукой над дверью. Ключ действительно оказался там: она задела его пальцем, и он со звоном упал на пол.

Элизабет подняла его и вставила в замочную скважину.

В отсутствие Эда квартира казалась нежной и напоминала театральные декорации. Элизабет всегда удивляло, как человек, совершенно не обращавший внимания на свой внешний вид, мог содержать свое жилье в образцовом порядке — хоть снимай на обложку журнала. Как

будто Эд специально обставил квартиру не для себя, а для нее. Но это, конечно, полная глупость. Или нет?

Она вдруг почему-то вспомнила, как ей понравилось кресло, в котором она здесь смотрела телевизор или занималась. Оно было ей в самый раз — совсем как в сказке про девочку и трех медведей. Не слишком мягкое и не слишком жесткое. Такое, как нужно. Впрочем, как и все прочее, что у нее ассоциировалось с Эдом.

В гостиной было две двери. Одна вела на кухню, а другая — в спальню. За окном завывал ветер, и на его порывы старое деревянное здание отзывалось скрипом.

В спальне Элизабет долго смотрела на широкую металлическую кровать. Тоже не слишком мягкую и не слишком жесткую. Такую, как надо.

Идеальная, верно? — ехидно поинтересовался внутренний голос.

Элизабет подошла к книжному шкафу и пробежала взглядом по корешкам, остановившись на одном названии. Она вытащила книгу.

«Любимые танцы иятидесятых». Книга раскрылась на странице ближе к концу. Заголовок «Стролл» — один из ее самых любимых танцев — был обведен журным красным карандашом, и сбоку было написано крупными и похожими на обвинение буквами — «БЕТ».

Элизабет подумала, что самым разумным было бы немедленно уйти. Их отношения еще можно спасти. Но если он сейчас войдет, она уже никогда не сможет посмотреть ему в глаза и Элис победит. Получится, что депьги на сыщиков она потратила не зря.

Но остановиться она уже не могла. Все зашло слишком далеко.

Элизабет подошла к встроенному шкафу и попробовала повернуть ручку, но тщетно. Шкаф был заперт.

Она снова привсталла на цыпочки и наудачу провела рукой по верхнему краю дверцы. Ключ действительно оказался там! Она взяла его, хотя внутренний голос и

предостерег: *Не делай этого!* Ей почему-то вспомнилась жена Синей Бороды и то, что получилось, когда открылась запретная дверь в каморку. Но сейчас все действительно зашло слишком далеко — если она не посмотрит, то никогда себе не простит. Элизабет открыла шкаф.

У нее вдруг появилось странное чувство, что за этой дверцей и скрывается настоящий Эд Хэмнер-младший.

В шкафу царил жуткий беспорядок: там вперемежку валялись скомканная одежда, книги, теннисная ракетка без струп, пара стоптанных теннисных туфель, старые конспекты и рефераты, вскрытая упаковка трубочного табака «Боркум Рифф». В углу приютилась знакомая зеленая армейская куртка.

Она подняла одну книгу и удивилась названию: «Золотой сук». Взяла другую — «Старинные обряды и загадки современности». Следующая называлась «Вуду на Гаити», а последним оказался старинный фолиант, обтянутый потрескавшейся от времени кожей и источавший запах тухлой рыбы. Тисненое название почти стерлось, но Элизабет все же удалось его разобрать: «Некрономикон». Она открыла книгу наугад, но тут же с отвращением отбросила: иллюстрация поразила своей омерзительностью и даже снуя какне-то мгновения продолжала стоять перед глазами...

Чтобы прийти в себя, Элизабет машинально потянулась к зеленой куртке и подняла ее, чувствуя, что ей ужасно хочется порыться в карманах. Под курткой оказалась маленькая жестяная коробка...

Охваченная любопытством, Элизабет взяла ее и повертела в руках. Внутри что-то гремело. В таких коробках мальчишками обычно храяют свои сокровища. На дне выдавлена надпись: «Бриджпорт кэиди комнани». Элизабет открыла коробку.

Сверху лежала кукла, и эта кукла явно изображала ее! Элизабет содрогнулась.

Кукла была обернута в красный нейлоновый лоскут, отрезанный от шарфика, потерянного ею два-три месяца назад, когда они с Эдом ходили в кино. Вместо рук торчали ершики для чистки трубок, к которым были привязаны какие-то голубые кусочки, похожие на мох, обычно растущий на кладбищах. К резиновой голове куклы прикреплены волосы, но не такого, как у Элизабет, песочного цвета, а то иные, мягкие, льняные. Такие волосы были у нее в детстве!

Она с трудом проглотила комок, подступивший к горлу, и вспомнила, как в первом классе им раздали специальные маленькие ножницы для детей с закругленными кончиками. Неужели тот маленький мальчик незаметно отстриг у нее прядь? Он мог подкрасться, когда после обеда их уложили спать, и... Элизабет отложила куклу в сторону и стала перебирать сокровища Эда дальше.

В коробке была голубая фишка для ставок в покере с нарисованной на ней красными чернилами непонятной шестиугольной фигурой. Потрепанная газетная вырезка, извещавшая о смерти мистера и миссис Эдвард Хэмнер. На фотографии, сопровождавшей заметку, на их лицах с глуповатыми улыбками была нарисована та же шестиугольная фигура, что и на фишке, закрывая их, как саваном. Еще две куклы — мужчина и женщина, их сходство с лицами на фотографии не вызвало сомнений.

Но в коробке хранилось еще кое-что.

Не веря своим глазам, она вытащила новый предмет, и у нее так задрожали руки, что он едва не упал. С губ сорвался стон.

Это была миниатюрная машина — модели для их сборки продаются в сувенирных лавках, и мальчишки любят склеивать такие и коллекционировать. «Фиат», выкрашенный в красный цвет. А к переднему бамперу прилеплен скотчем кусочек ткани, словно оторванный от одиой из рубашек Тони.

Она перевернула модель вверх дном — оно все было искорежено.

— Значит, ты все-таки нашла, неблагодарная тварь!

Элизабет закричала и выронила из рук и коробку, и машинку. Нечестивые сокровища рассыпались по полу.

Эд стоял в дверях, не сводя с нее глаз. Никогда прежде ей не доводилось видеть на чьем-то лице такой ненависти.

— Ты убил Тони! — воскликнула она.

Его губы скривились в неприятий улыбке.

— И ты сможешь доказать?

— Это не важно, — ответила она, удивляясь твердости своего голоса. — Я это знаю. И я не хочу тебя больше видеть! Никогда! И если ты снова... хоть кому-нибудь... что-нибудь сделаешь, я про это узнаю! И тогда — берегись!
Я найду, как с тобой разделаться!

Его лицо исказилось.

— Вот она — благодарность! Разве не я дал тебе все, чего ты хотела? Никто и никогда не относился к тебе с таким вниманием и заботой! Признай это. Я сделал тебя счастливой!

— Ты убил Тони! — закричала она.

Он сделал шаг в комнату.

— Да, и я сделал это ради тебя. А что же ты, Бет? Ты понятия не имеешь, что такое любовь! Я полюбил тебя с того самого дня, когда семнадцать лет назад увидел в первый раз. Разве Тони мог этим похвастаться? Для тебя жизнь всегда была праздником. Ты красива. Тебе никогда не приходилось испытывать нужду или страдать от одиночества. Ты никогда не добивалась того, что тебе требовалось. Всегда находился какой-нибудь Тони, принесивший все на блюдечке. Тебе нужно было лишь улыбнуться и сказать «пожалуйста». — Он повысил голос. — *Mне* же никогда и ничего не давалось просто так. Неужели ты думаешь, что я не пытался? Отец меня не замечал и только требовал все больше и больше. Он ни разу не поцеловал меня на ночь и не обиял, разве что когда я

сделал его богатым. И мать была такой же. Я сохранил их брак, но разве что-то изменилось? Она ненавидела меня! И избегала! Она считала меня чудовищем. Я дарил ей... Бет, не надо! *Не делай этого! Не...*

Элизабет наступила на куклу, похожую на нее, и раздавила подошвой. В голове что-то вспыхнуло, но это ощущение тут же пропало. Она его больше не боялась. Перед ней был маленький заморыш в теле молодого мужчины. И в разпых носках.

— Теперь ты вряд ли сможешь угадывать мои желания, Эд, — сказала она. — Я права?

Он отвернулся.

— Уходи, — попросил он. — Просто уходи. Но оставь мне коробку. Выполню хотя бы эту просьбу.

— Я оставлю тебе коробку. Но не то, что в ней лежит.

Когда она проходила мимо него, он встрепенулся, будто хотел повернуться и схватить ее, но тут же отступил.

Она уже спустилась до второго этажа, когда он выскочил на лестницу и визгливо крикнул ей вслед:

— Что ж, уходи! Но после меня ты уже никогда не будешь счастлива с другим мужчиной! А когда ты состаришься и мужчины больше не будут потакать твоим прихотям, то вспомнишь обо мне. И пожалеешь!

Едва Элизабет вышла из подъезда и оказалась на улице, как на нее обрушился снегопад. На лицо падали снежинки и приятно холдили. До студеического городка было две мили, но прогулка пешком ее не пугала. Ей хотелось побывать на холоде. Хотелось очиститься.

Ей даже стало немного жаль этого маленького мальчика, обладающего такой огромной силой и столь слабого духом. Маленького мальчика, желавшего превратить людей в игрушечных солдатиков, а потом безжалостию их давившего в приступе гнева или просто потому, что они раскрыли его тайну.

А что же она сама? Счастливая обладательница всего, чего он был лишен, причем лишен не по своей вине?

Элизабет вспомнила свою реакцию на слова Элис, как не желала ничего слушать, как слепо цеплялась за нечто, на поверку оказавшееся не чем-то действительно хорошим, а просто подвернувшимся под руку...

А когда ты состаришься и мужчины больше не будут потакать твоим прихотям, то вспомнишь обо мне... Я знаю, чего тебе хочется.

Неужели ей действительно нужно так мало?

Боже, сделай так, чтобы это оказалось неправдой!

На мосту через речку, отделявшую камнус от города, она остановилась и один за другим выбросила в воду все колдовские атрибуты Эда Хэмнера. Последним туда отправилась красная модель «фиата». Когда она, кувыркаясь, скрылась из глаз в снежной мгле, Элизабет повернулась и продолжила путь.

ДЕТИ КУКУРУЗЫ

Берт включил радио слишком громко и не стал делать тише, потому что у них с женой назревала очереднаяссора, а ему уже не хотелось ругаться. Совсем не хотелось.

Вики что-то сказала.

— Что? — прокричал он.

— Сделай потише! Хочешь, чтобы у меня лопнули барабанные перепонки?

Он сдержался. Он промолчал. И сделал радио потише.

Вики обмахивалась косыпкой, словно ей было жарко. Хотя в машине работал кондиционер.

— Кстати, а где мы?

— В Небраске.

Она одарила его холодным, неопределенным взглядом:

— Да, Берт. Я знаю, что это Небраска, Берт. Но где мы, черт побери, конкретно?

— У тебя же есть атлас. Вот, возьми и посмотри. Или ты разучилась читать?

— Какой ты умный! Наверно, поэтому мы и свернули с автострады. Чтобы проехаться среди кукурузных полей. Насладиться сплошной кукурузой на три тысячи миль вокруг и поиметь счастье приобщиться к великой мудрости Берта Робсона.

Он сжимал руль с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Он даже знал почему: если сейчас он расслабится, если не вцепится в руль мертвой хваткой, его рука может сорваться сама собой и ударить бывшую королеву школьного выпускного бала прямо в челюсть. *Мы спасаем наш брак*, твердил он мысленно. *Да. Мы спасаем наш брак. Точно так же, как пехотинцы спасают деревни во время войны.*

— Вики, — сказал он, тщательно подбирая слова, — с тех пор как мы выехали из Бостона, я проехал по автотрассе полторы тысячи миль. Все это время я был за рулем, потому что ты отказалась вести машину. А потом...

— Я не отказывалась! — с жаром возразила Вики. — У меня начинается мигрень, если я долго сижу за рулем, и только поэтому...

— А потом я спросил, сможешь ли ты поработать штурманом, если мы съедем с автомагистрали и поедем по второстепенным дорогам. И ты сказала: «Да, Берт, конечно». Да, именно так, слово в слово. «Да, Берт, конечно». А потом...

— Я иногда поражаюсь... как я вообще вышла за тебя замуж?

— Я сделал тебе предложение, и ты ответила мне «да».

Пару секунд она просто смотрела на него, поджав губы. Потом взяла в руки атлас автодорог и принялась яростно перелистывать страницы.

Да, зря они съехали с автотрассы, мрачно подумал Берт. Причем «зря» — во всех смыслах. Потому что до этого они очень неплохо ладили и общались друг с другом почти по-человечески. Иногда ему даже казалось, что из этой поездки на побережье — якобы навестить брата Вики с его женой, хотя, если по правде, это была отчаянная попытка сохранить их собственный брак — действительно получится что-нибудь путное.

Но когда они съехали с автострады, все оиять стало плохо. Насколько плохо? Да просто ужасно.

— Мы съехали с трассы у Гамбурга, так?

— Ну да.

— Дальше будет Гатлин. А до него вообще ничего не будет, — сказала Вики. — Двадцать миль. Вроде и не совсем крошечный городок. Может, остановимся там и перекусим? Или, следя твоему всемогущему и непреклонному распорядку, мы снова не станем обедать строго до двух часов дня, как было вчера?

Берт оторвал взгляд от дороги и посмотрел на жену:

— Все, с меня хватит, Вики. По мне, так можно вот прямо сейчас развернуться и поехать домой — и сразу пойти к адвокату, с которым ты хотела увидеться. Потому что и так уже ясно: все бесполезно...

Вики смотрела прямо перед собой. С камениным выражением лица. И вдруг у нее на лице отразилось изумление и испуг.

— Берт, смотри, куда едешь...

Он снова сосредоточил внимание на дороге, и тут что-то угодило под бампер их «тандерберда». Снуя долю секунды, когда Берт только начал давить на тормоз, он почувствовал, как машина проехалась по чему-то мягкому. Сначала — передними колесами, потом — задними. Их с Вики швырнуло вперед. Автомобиль вынесло на разделительную полосу. За считанные секунды скорость упала с иятидесяти до нуля. За «тандербердом» протянулись черные полосы — след от жженой резины.

— Собака, — проговорил он. — Вики, скажи мне, что это была собака.

Ее лицо было бледно-творожного цвета.

— Мальчик. Маленький мальчик. Выскочил из зарослей кукурузы, и... мои поздравления, охотник. — Она нашупала ручку, открыла дверцу, высунулась наружу — и ее стопнило.

Берт сидел неподвижно, по-прежнему сжимая руль обеими руками. На какое-то время он вообще перестал

воспринимать все вокруг — кроме густого, насыщенного запаха удобрений.

Потом он заметил, что Вики уже нет рядом. В боковое зеркало ему было видно, как жена обходит машину и приближается к бесформенному бугорку, напоминавшему кучу тряпья. Вообще-то Вики была грациозной, изящной женщиной, но сейчас она еле передвигала ноги и спотыкалась на каждом шагу.

Я человекаубийца. Да, именно так это называется. Я отвлекся и не смотрел на дорогу.

Берт заглушил двигатель и выбрался из машины. Ветер тихо шелестел среди стеблей кукурузы высотой в человеческий рост. Жутковатый был звук. Похожий на чье-то дыхание. Вики стояла над кучей тряпья на дороге и рыдала в голос.

Он был уже на полпути к Вики, как вдруг краем глаза заметил кое-что необычное. Слева, в зарослях кукурузы. Ярко-красные брызги среди зеленых стеблей. Как будто там пролили краску.

Берт остановился и присмотрелся внимательнее. В голову лезли какие-то совсем неуместные мысли (все, что угодно, лишь бы не думать о груде тряпья, которая была отнюдь не тряпьем), что вот в этом году кукуруза скорее всего уродится на славу. Сочные стебли, уже готовые дать плоды, росли аккуратными ровными рядами, тесно прилегающими один к другому. Если поглубже войти в эти тенистые заросли, можно весь день пролуждать в поисках пути назад. Но в одном месте, у самой дороги, ровный строй кукурузных стеблей был нарушен. Причемказалось, что эти стебли сломали совсем недавно. А чуть дальше, в тени... что там такое?

— Берт! — позвала Вики. — Может, все-таки подойдешь посмотреть? Ну, чтобы потом рассказать партиерам по покеру, кого ты прикончил в Небраске. Может, все-таки... — Она разрыдалась, даже не договорив. Ее тель-

лежала у самых ног темным густым иятном. Был почти полдень.

Берт вошел в заросли кукурузы, и над ним сразу сомкнулся прохладный сумрак. Красная краска на стеблях — это была кровь. Среди стеблей монотонно и соино жужжали мухи: подлетали, садились, угощались и улетали прочь... может быть, сообщить другим мухам. Кровь на листьях была даже здесь, в нескольких метрах от дороги. Но ведь она не могла брызнуть так далеко? А потом Берт подошел к этой самой штуковине, которую видел с обочины. Наклонился, подиял с земли.

Ровный ряд кукурузы был нарушен и здесь. Несколько стеблей погнуто, два — отломаны подчистую. Земля притоптана. На земле — кровь. Кукуруза вновь зашелестела. Берт невольно поежился, развернулся и пошел обратно. К дороге.

Вики билась в истерике, ругалась, кричала что-то невразумительное, плакала и смеялась. Кто бы мог подумать, что все закончится как в плохой мелодраме? Он посмотрел на жену и вдруг понял, что у него нет никакого возрастного кризиса, никаких трудностей с поиском своего «я» или своего места в жизни — и никаких других модных психологических заморочек. Просто он ненавидит жену — вот и все. Он вленил ей пощечину. Как говорится, от всей души.

Вики сразу заткнулась и прижала руку к щеке, на которой уже наливались красные отметины от его пальцев.

— Тебя посадят, Берт, — мрачно проговорила она.

— Ну уж вряд ли, — ответил он и поставил к ее ногам чемодан, который нашел в зарослях кукурузы.

— Это что?

— Не знаю. Наверное, его чемодан. — Берт указал на бездыханное тело, распростертное на дороге лицом в асфальт. Совсем мальчишка. Лет тринадцать, не больше.

Старый коричневый кожаный чемодан, изрядно обтрепанный и потертый, был обмотан двумя бельевыми

веревкамн, завязаннымн на бантик. Вики хотела развязать веревкин, но увидела кровь, пронитавшую узлы, и быстро убрала руку.

Берт встал на колени и осторожно перевернул тело на спину.

— Не буду смотреть. Не хочу, — сказала Вики, но все равно посмотрела. И опять закричала, встретившись взглядом с широко распахнутыми глазамн мертвого мальчика. Его чумазое лицоискажала гримаса ужаса. У него было перерезано горло.

Вики покачнулась. Берт поднялся и обхватил жену обеими рукамн.

— Только не падай в обморок, — попросил он очень тихо. — Слышишь, Вики? Не падай в обморок.

Он повторял это снова и снова, пока Вики не начала успокаиваться. Она тоже обняла мужа и прижалась к нему. Сейчас они были похожи на двух танцоров — под полуденным солицем, на заброшенной дороге, над телом мертвого мальчика.

— Вики?

— Что? — пробормотала она, уткнувшись ему в илечо.

— Сходи к машине, достань ключи из замка зажигания, положи их в карман. Возьми с задиего сиденья одеяло. И мое ружье. И принеси все сюда.

— И ружье тоже?

— Ему перерезали горло. Может, тот, кто его убил, до сих пор где-то рядом. Может, он наблюдает за нами.

Она вскинула голову и испуганно осмотрелась. По обеим сторонам дороги простирались бескрайние кукурузные поля.

— Скорее всего он ушел. Но я не хочу рисковать. Да-вай. Иди.

Вики медленно пошла к машине неестественной, напряженной походкой. Тень скользила за ней темным итиом под ногами, словно привязчивый ручной зверек, который в это время суток всегда старается держаться

поближе к хозяину. Берт присел на корточки рядом с телом мальчишки. Самый обыкновенный мальчишка, без особых примет. Да, он попал под машину. Но не машина перерезала ему горло. Разрез был рваный, сделанный неловко и неумело, — человек, прикончивший мальчика, явно не обучался у армейских сержантов тоикостям рукопашного боя, — но в итоге удар все равно оказался смертельным. Последние тридцать шагов из зарослей кукурузы мальчик либо пробежал сам, либо его — уже мертвого или смертельно раненного — попросту вытолкинули на дорогу, где его сбил Берт Робсон на своем «тандерберде». Если тогда мальчик был еще жив, он все равно не продержался бы и тридцати секунд.

Вики легонько похлопала Берта по плечу, и он буквально подпрыгнул от неожиданности.

Она стояла у него за спиной, старательно отводя глаза в сторону. Через левую руку перекинуто плотное армейское одеяло, а в правой — зачехленное помповое ружье. Берт взял одеяло и, расстелив на дороге, перекатил на него тело мальчика. Вики болезненно застонала.

— Ты там как, держишься? — Он взглянул на нее. — Вики!

— Держусь, — сдавленным голосом проговорила она.

Берт накинул края одеяла на тело, сгреб жуткий сверток в охапку и кое-как поднял с земли. Тело было тяжелым, оно перегнулось и чуть не выско�нуло у него из рук. Берт прижал его к себе крепче, и они с Вики вернулись к машине.

— Открой багажник, — прохрипел он.

Багажник был полон: чемоданы, сувениры, дорожные сумки. Вики пришлось переставить почти все на заднее сиденье, чтобы освободить место. Берт положил тело мальчика внутрь, захлопнул крышку и с облегчением вздохнул.

Вики стояла у водительской дверцы, по-прежнему сжимая в руках зачехленное ружье.

— Клади на место и садись в машину.

Берт взглянул на часы: прошло всего пятиадцать минут. А казалось, целая вечность.

— А чемодан? — спросила Вики.

Берт вернулся туда, где стоял чемодан. Прямо на белой разделятельной полосе, словно центр композиции на какой-нибудь импрессионистской картине. Он поднял чемодан за потертую ручку и настороженно замер. У него было стойкое ощущение, что за ним наблюдают. Раньше он только читал о таких ощущениях, по большей части в дешевых бульварных романах, и не верил, что так бывает на самом деле. Но теперь он поверил. Ему казалось, что там, среди зарослей кукурузы, скрывались люди. Возможно, много людей. И они бесстрастно оценивали обстановку, нытаясь прикинуть, успеет ли женщина расчехлить ружье и открыть огонь, прежде чем они схватят Берта, утащат в сумрак среди стеблей и перережут ему горло...

С бешено бьющимся сердцем он добежал до машины, выдернул ключи из замка багажника и забрался на водительское сиденье.

Вики снова расплакалась. Берт завел двигатель и поддал газу. Не прошло и минуты, как страшное место осталось далеко позади.

— Какой там, ты говорила, следующий городок? — спросил он.

— Сейчас. — Она снова склонилась над атласом автодорог. — Гатлин. Мы будем там минут через десять.

— Надеюсь, там есть полицейский участок... Большой городок?

— Небольшой. Просто точка на карте.

— Ну, может, там будет хотя бы констебль.

Какое-то время они ехали молча. Проехали мимо си-лосной башни, по левую сторону дороги. А кроме башни, не было вообще ничего. Сплошная кукуруза. На дороге —

и на их полосе, и на встречной — ни единого автомобиля. Ни легковушек, ни грузовиков.

— Слушай, Вики, а после того как мы съехали с автотрассы, нам попадались автомобили?

Она на секунду задумалась.

— Была одна легковая машина. И трактор. На том перекрестке.

— Нет. На *этой* дороге. Шоссе номер 17.

— Нет. На *этой* дороге — нет.

Раньше она бы не ограничилась столь лаконичным ответом. Это было бы только вступление к очередному язвительному замечанию. Но сейчас Вики просто смотрела в оконо, прямо перед собой, на дорогу и бесконечные белые штрихи разделительной полосы.

— Вики, может, откроешь его чемодан?

— Думаешь, надо?

— Не знаю. Наверное.

Пока Вики возилась с узлами (при этом выражение ее лица было специфическим: вроде бы безучастным и совершенно пустым, но с напряженно поджатыми губами; точно такое же лицо — Берт хорошо это помнил — всегда было у его мамы, когда та потрошила цыпленка к воскресному обеду), он опять включил радио.

На воле легкой музыки, которую они слушали раньше, шли сплошные помехи. Берт прилялся крутить ручку настройки. Какая-то сельскохозяйственная программа. Вести с полей. Бак Оуэнс. Тэмми Уайлд. Звук едва пробивался сквозь помехи. А потом, уже в самом конце шкалы, из динамика неожиданно вырвалось одно-единственное слово — прпчем так громко и четко, словно тот, кто его произнес, сидел прямо здесь, за решеткой динамика на приборной доске.

— ИСКУПЛЕНИЕ! — проревел голос.

Берт тихо крякнул от неожиданности. Вики вздрогнула.

— МЫ СПАСЕМСЯ ЛИШЬ КРОВЬЮ АГНЦА! — прогрохотал голос, и Берт поспешил убавил звук. Станция явно была где-то рядом. Совсем близко... да вот же она. Паукообразное сооружение прямо на горизонте, над морем кукурузных стеблей. Красная тренога на фоне голубого неба. Радиомачта.

— Искупление — вот наш путь, братья и сестры, — продолжал голос в динамике, но теперь он звучал не так громко и не бил по ушам. На заднем плане, вдали от микрофона, приглушенный хор голосов отзывался: «Аминь». — Кое-кто убежден, что возможно пройти путями мирскими — и не запятнать свою душу грехом, коим полнится мир. Но разве тому учит нас слово Божье?

Вдали от микрофона, но все равно громко: «Нет!»

— СВЯТЫЙ БОЖЕ! — снова возвысил голос проповедник. Теперь его речь наполнилась мощной нульсацией, в которой был некий захватывающий драйв, почти как в ритмах рок-н-ролла. — Когда же уразумеют они, что путь греха ведет к смерти? Когда они уразумеют, что за все надо платить и возмездне ждет по ту сторону? Иисус сказал: «В доме Отца Моего обителей много». Но нет в нем обители для блудодеев. Нет в нем обители для зависимников. Нет обители для осквернителей кукурузы. Нет обители для мужеложцев. Нет обители...

Вики выключила радио.

— Иначе меля сейчас точно стошнит.

— Что он сказал? — спросил Берт. — Что-то про кукурузу.

— Не знаю, не слышала. — Вики запялясь вторым узлом.

— Он что-то сказал про кукурузу. Точно сказал, я слышал.

— Готово! — воскликнула Вики и открыла чемодан, лежавший у нее на коленях.

Они проехали указатель: ГАТЛИН. 5 МИЛЬ. ВОДИТЕЛЬ, БУДЬ ОСТОРОЖЕН. ПОБЕРЕГИ НАШИХ ДЕ-

ТЕЙ. Указатель, установленный в свое время членами ордена лосей*, был изрешечен нулями 22-го калибра.

— Носки, — принялась перечислять Вики. — Две пары брюк... рубашка... ремень... галстук-ленточка с... Кто это, не знаешь? — Она показала ему облупившуюся позолоченную застежку для галстука с портретом какого-то ковбоя.

Берт посмотрел на застежку.

— По-моему, Хопалонг Кэссиди**.

— Ага. — Вики положила галстук с застежкой обратно в чемодан и снова расплакалась.

Помолчав пару секунд, Берт спросил:

— А ты не заметила ничего странного в этой проповеди по радио?

— Нет. Я еще в детстве наслушалась этого бреда. На всю оставшуюся жизнь. Я же тебе рассказывала.

— А тебе не показалось, что у него слишком уж молодой голос? У проповедника?

Она невесело рассмеялась:

— Да, молодой. Ну и что? Может, это подросток. А может, и вовсе ребенок. В том-то и ужас. Им с малых лет промывают мозги, пока они еще гибкие и податливые. Те, кто их обрабатывает, они знают, как сыграть на чувствах, и мастерски давят на психику. Ты бы послушал эти «выездные проповеди», на которые мепя таскали родители... ну, где мепя «спасали». Ладно, давай вспоминать. Вот, к примеру, малышка Гортензия, Поющее чудо. Ей было восемь. Она пела на улицах «Только под рукой Все-вышнего», а ее папаша со шляпой обходил зрителей и говорил всем и каждому: «Не скучитесь, давайте больше, не покиньте в нужде дитя Божне». Потом был еще Норман

---

* Полное официальное название: Благотворительный и покровительствующий орден лосей США — мужская патриотическая и благотворительная организация, основанная в 1868 г.

**Хопалонг Кэссиди — герой вестернов американского писателя Луиса Ламура (1908—1988).

Стонтон. Этакий маленький лорд Фауптлерой в пиджачке и коротких штанишках. Прочил всем вечные муки и адское пламя. Ему было семь лет.

Берт недоверчиво покачал головой, и Вики кивнула: мол, она не врет.

— И если бы их было всего двое! Но их было много, таких вот детей. Они хорошо привлекали нублику и *пользовались успехом*. — Последнюю фразу Вики проговорила, скривившись от отвращения. — Руби Стэмпнелл. Десятилетняя знахарка. Лечила молитвами и наложением рук. Сестрички Грейс. Они выходили на нублику с nimбами из фольги и... *ой!*

— Что там? — Берт резко повернул голову и взглянул на вещицу в руках у жены. Вики достала ее, не глядя, с самого дна чемодана. Берт наклонился пониже — хотел рассмотреть, что там такое. Вики без слов отдала эту штуку ему.

Это было распятие с крестом из перекрученных кукурузных листьев, когда-то зеленых, а теперь высохших и пожелтевших. Толстыми нитками, сплетенными из кукурузных рылец, к кресту был привязан стержень маленького кукурузного початка. Большая часть зерен аккуратно вынута — наверное, их выковыривали по одному крошечным перочинным ножом. Оставшиеся зернышки образовали грубое изображение распятой фигуры в виде «мозаичного» барельефа. Глаза — желтые зерна с продольными надрезами зрачков. Раскинутые руки. Над головой у фигуры — четыре буквы: INRI*.

— Мастерски сделано, — сказал Берт.

— Мерзкая вещица, отвратительная, — напряженно проговорила Вики. — Выброси.

— Вики, в полиции наверняка захотят на нее посмотреть.

— Зачем?

---

*INRI (Jesus Nazarenus Rex Iudeorum) — Иисус Пазарянин, Царь Иудейский (*лат.*).

— Ну, не знаю. Может...

— Выброси. Можешь ты выполнить мою просьбу? Я не хочу, чтобы *это* было в машине.

— Я пока уберу его на заднее сиденье. А как только мы доберемся до участка, сразу отдаю полицейским. Даю честное слово. Хорошо?

— Да делай что хочешь! — закрпчала она. — Ты все равно всегда делаешь все по-своему!

Встревоженный и раздраженный, Берт зашвырнул кукурузное распятие на заднее сиденье. Оно приземлилось на стопку одежды. Глаза-зерна сосредоточено уставились на плафон верхнего света. Берт прибавил газу. Из-под колес полетел гравий.

— Мы отдадим полицейским и тело, и чемодан, и все, что лежит в чемодане, — пообещал он жене. — И развяземся с этой историей раз и навсегда.

Вики ему не ответила. Она разглядывала свои руки. Они проехали еще милю, и бесконечные кукурузные поля отдвигнулись от дороги, уступив место фермерским домам и хозяйственным постройкам. В одном из дворов вялые, грязные куры равнодушно ковырялись в земле. На крышах амбаров — поблекшие щиты с рекламой кокаколы и жвачки. Рекламный щит у дороги: ЛИШЬ БЛАГОДАТИЮ ИИСУСА СПАСЕМСЯ. Кафе с автозаправкой. Но Берт решил туда не заезжать. Подумал, что лучше добраться до центра. Если в этом местечке вообще имелся центр. Если нет, тогда можно будет вернуться на автозаправку. И только когда он проехал кафе, до него вдруг дошло, что на стоянке перед входом не было ни единой машины, если не считать старого замызганного пикапа, у которого, как ему показалось, были спущены шины.

Вики вдруг рассмеялась — резко, пронзительно. Как подумал Берт, она опять была на грани истерики.

— Чего смешного?

— Да указатели, — выдавила она, икая и задыхаясь. — Ты их вообще видишь? Читаешь? Эти штаты не зря на-

зывают Библейским поясом. Те, кто придумал такое название, не шутили. О Господи! Очередное божественное откровение. — Она опять рассмеялась все тем же надрывным истеричным смехом и зажала рот обеими руками.

На каждом из указателей, закрепленных на побеленных столбах вдоль дороги, было написано по одному слову. Столбы стояли через равные интервалы примерно в восемьдесят футов, причем, судя по облезлой побелке, стояли довольно давно. Слова, если читать их подряд, складывались в предложение. Берт прочел:

СТОЛП... ОБЛАЧНЫЙ... ДНЕМ... И... СТОЛП... ОГНЕННЫЙ... НОЧЬЮ.

— Кое-что они явно забыли. — Вики опять хохотнула, не в силах сдержаться.

— Что забыли? — нахмурился Берт.

— Добавить в конце: «Бирма шейв»*. — Она прикусила кулак, чтобы сдержать смех, но истерическое хихиканье все равно пробилось наружу, словно шипучие нузырьки имбирного эля.

— Вики, ты хорошо себя чувствуешь?

— Пока не очень. Но мне сразу же станет лучше, когда мы доберемся до гречной солиечиой Калифорнии, за тысячу миль отсюда. И чтобы между нами и Небраской были Скалистые горы.

Они проехали еще одну серию рекламных щитов.

ВОЗЬМИТЕ... СИЕ... И... ЕШЬТЕ... СКАЗАЛ... ГОСПОДЬ.

Берт сам не знал, почему эта фраза вызвала у него стойкую ассоциацию с кукурузой. Кажется, эти слова

* Имеется в виду марка пены для бритья «Birma Shave», знаменитая своей «щитовой» рекламной кампанией, длившейся с 1925 по 1963 г. На рекламных щитах, установленных вдоль автотрасс на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга, располагались короткие, порой забавные фразы, которые складывались в рифмованные слоганы типа: «Девушкам хочется/Чтобы мужчины/Ходили с лицами/Без щетины». На последнем щите обычно было написано название рекламируемой продукции: «Birma Shave».

произносят священники, когда совершают таинство причастия. Но Берт не смог вспоминить точно — слишком давно не был в церкви. Впрочем, он бы не удивился, если бы ему сказали, что в здешних краях вместо облаток используют кукурузные хлебцы. Он хотел поделиться своими мыслями с Вики, но передумал.

Они поднялись на вершину холма, откуда открывался вид на Гатлин — маленький городок в три квартала, похожий на декорацию из фильма о Великой депрессии.

— Там наверняка есть констебль, — сказал Берт и вдруг удивился, почему при одном только взгляде на этот крохотчики захолустный городишко, дремлющий под полуденным солицем, его сердце сжалось от страха.

Они проехали знак ограничения скорости. Не больше тридцати миль в час. Еще один знак, весь в струпьях ржавчины: ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В ГАТЛИН, ЛУЧШИЙ ГОРОДОК ВО ВСЕМ ШТАТЕ НЕБРАСКА — И НА ВСЕМ БЕЛОМ СВЕТЕ! НАСЕЛЕНИЕ 4531.

Вдоль дороги росли проныленные вязы, большинство — явно больные.

Они проехали мимо склада ниломатериалов. Потом была автозаправка. Таблички с расценками и информацией вяло покачивались под горячим полуденным ветерком: ОБЫЧН. 35,9, ОЧИЩ. 38,9. ВОДИТЕЛИ ГРУЗОВИКОВ! ДИЗЕЛЬНОЕ ТОПЛИВО — С ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Минаяв два перекрестка, улицу Вязов и Березовую, они подъехали к городской площади. Все жилые дома в городке были деревянными, с застекленными верандами. Строгие, функциональные постройки. Без украшений и архитектурных изысков. Заброшенные лужайки с пожелтевшей, пожухлой травой. На Кленовой улице им повстречалась дворняга — она медленно вышла прямо на середину улицы, пару секунд постояла, глядя в их сторону, а потом улеглась на проезжей части, положив морду на ланы.

— Остановись, — сказала Вики, — прямо здесь остановись.

Берт послушно подъехал к обочине.

— Разворачивайся, и поедем назад. Отвезем тело в Грайд-Айлейд. Это не так уж и далеко. В общем, поехали.

— Вики, что случилось?

— А то ты не знаешь! — В ее голосе явственно зазвучали визгливые нотки. — В этом городе никого нет. Кроме нас с тобой — ни единой живой души. Ты сам разве не чувствуешь?

Да, он что-то такое почувствовал и до сих пор не избавился от этого ощущения. Но...

— Это просто так кажется, — сказал Берт. — Тихое, провинциальное mestечко. Делать особепно нечего, все сидят по домам. Или, может, они все на площади. На распродаже домашней выпечки или на розыгрыше лотереи.

— Здесь никого нет, — проговорила она с нажмом, выделяя каждое слово. — Ты видел ту автозаправку?

— Рядом со складом? Конечно, видел. И что?

Берт отвечал машинально, думая о своем. В кроне ближайшего вяза стрекотали цикады. Пахло засохшими розами, кукурузой и, разумеется, удобрениями. В первый раз за все время их путешествия они с Вики свернули с автомагистрали — и вот приехали в этот маленький городок в штате Небраска, где Берт еще никогда не бывал (хотя несколько раз пролетал над ним на самолете). Действительно странное место. Что-то в нем не так. И в то же время это самый обыкновенный провинциальный городок. Если проехать чуть дальше, там наверняка будет аптека с нитьевым фонтанчиком с содовой, и кинотеатр под названием «Киноклуб», и школа имени Джона Кепнедн.

— Берт, там указаны цены. Тридцать пять девяносто — обычный бензип, тридцать восемь девяносто — очищенный. Когда ты в последний раз видел такие цены?

— Ну, года четыре назад, — признался он. — Но, Вики...

— Мы почти в центре, Берт, и не видели ни единой машины! *Вообще ни одной!*

— До Грайд-Айлеида — семьдесят миль. Если мы привезем тело туда, это будет выглядеть страшно по меньшей мере.

— Мне все равно, как это будет выглядеть!

— Слушай, давай хотя бы доедем до здания здешней администрации и...

— *Нет!*

Ну все, началось. Вот вам вкратце ответ на вопрос, почему разваливается брак: «Нет. Ни за что. Никогда. Позеленою и сдохиу, но добьюсь, чтобы все вышло по-моему».

— Вики...

— Уедем отсюда. Немедленно. Мне здесь не нравится, Берт.

— Вики, послушай меня...

— Разворачивайся, и поедем.

— Вики, можешь ты пару минут помолчать и послушать?

— Я помолчу и послушаю на обратном пути. Все, поехали.

— *У нас в багажнике мертвый ребенок!* — заорал он ей в лицо и не без удовольствия отметил, как она вздрогнула и поникла. Он продолжил уже не так громко, но все-таки на повышенных тонах: — Ему перерезали горло, а потом вытолкнули на дорогу, где я его сбил. И теперь я собираюсь найти полицейский участок, или городскую управу, или что еще у них тут есть, я не знаю, и сообщить о случившемся. Если тебе так хочется вернуться на трассу, иди пешком. Я тебя подхвачу на обратном пути. Делай что хочешь. Только не говори мне, чтобы я развернулся и ехал семьдесят миль до Гранд-Айленда, как будто у нас в багажнике не мертвый ребенок, а куча мусора. Он был чьим-то сыпом, и мать лишилась ребенка, и мы должны

сообщить обо всем куда следует, пока убийца не ушел далеко и его можно поймать.

— Ты скотина, — расплакалась Вики. — Как я живу с тобой, не понимаю!

— Я тоже не понимаю. Давно не понимаю. Но это можно исправить, Вики.

Он отъехал от тротуара. Дворняга, лежавшая на дороге, на миг подняла голову и вновь онустила ее на ланы.

До площади оставалось проехать всего полквартала. На пересечении с улицей Радости Главная улица разделялась на две дорожки, огибавшие лужайку с маленьkim сквером и летней эстрадой посередине. Собственно, это и была центральная площадь. На другом конце сквера, там, где Главная улица снова сливалась в одну дорогу, стояли два дома, более или менее похожие на административные здания. Берт разглядел надпись над входом в одно из них: ГАТЛИНСКАЯ ГОРОДСКАЯ УПРАВА.

— Ну вот, — сказал он.

Вики не сказала вообще нищего.

Берт остановил машину примерно в центре площади. Перед входом в закусочную «Гриль-бар “Гатлин”».

— Ты куда? — встревожилась Вики, когда Берт открыл дверцу.

— Попробую выяснить, где все. Видишь, табличка в окне. «Открыто».

— Но ты же не оставишь меня здесь одну.

— Ну так пойдем вместе. Кто тебе мешает?

Вики открыла дверцу и выбралась из салона. Он увидел, какое бледное у нее лицо, и на мгновение ощутил к ней жалость. Безысходную жалость.

— Слышишь? — спросила жена.

— Что?

— Нищего. Ни машины. Ни людей. Ни тракторов. Нищего.

А потом откуда-то со стороны соседнего квартала до несся звонкий и радостный детский смех.

— Я слышу, как смеются дети, — сказал Берт. — А ты разве нет?

Вики встревоженно посмотрела на мужа.

Он открыл дверь закусочкой и вошел в сухую и душную тишину. Толстый слой ныли на полу. Потускившие хромированные покрытия. Неподвижные вентиляторы под потолком. Пустые столики. Пустые табуреты у барной стойки. Но зеркало позади стойки разбито. И что-то еще... что-то явно не так... через пару секунд Берт сообразил, что именно. Все пивные краны были отломаны и лежали на стойке, словно оригинальные сувениры для раздачи гостям на празднике.

— Ну да. Спроси у кого-нибудь... — В голосе Вики сквозило натужное веселье на грани срыва. — Прошу прощенья, сэр, вы не подскажете...

— Помолчи! — рявкнул Берт, но как-то тускло, без всякого выражения. Они стояли прямо напротив большого окиа, в проныленном луче яркого света, и у Берта снова возникло тревожное ощущение, что за ними наблюдают. Он подумал о мертвом мальчике в багажнике. Подумал о звонком смехе детишек. В голове почему-то крутилось одно: *Вслепую, вслепую, вслепую*.

Его взгляд скользил по пожелтевшим картонкам, приколотым киоиками к стене за стойкой: ЧИЗБУРГЕР 35 центов. ЛУЧШИЙ В МИРЕ КОФЕ 10 центов. КЛУБНИЧНЫЙ ПИРОГ С РЕВЕНЕМ 25 центов. БЛЮДО ДНЯ: ВЕТЧИНА С СОУСОМ «ВЫРВИ-ГЛАЗ» И КАРТОФЕЛЬНОЕ ПЮРЕ 80 центов.

Когда он в последний раз видел такие цены?

Ответ на невысказанный вопрос подсказала Вики.

— Вот, смотри! — Она ткинула в календарь на стене. — Свежайшие блюда двенадцатилетней давности! — Она рассмеялась с наигранный веселостью.

Берт подошел поближе, чтобы как следует рассмотреть календарь. На картинке были изображены два мальчика, купавшиеся в пруду, и забавный щенок, упосивший в

зубах их одежду. Под картикой шла подпись: ГАТЛИНСКИЙ МАСТЕРОВОЙ. ПИЛОМАТЕРИАЛЫ И СКОБЯНЫЕ ТОВАРЫ. ВЫ ЛОМАЕТЕ, МЫ ПОЧИНЯЕМ. Месяц — август. Год — 1964.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Но я уверен...

— Ты уверен! — взбеленилась Вики. — Конечно, уверен! Кто бы сомневался! Вот что меня в тебе бесит, Берт, — ты всегда и во всем уверен!

Он пошел к выходу, и Вики бросилась следом за ним:

— Ты куда?

— В городскую управу.

— Берт, ну почему ты такой упрямый? Ты же сам видишь: здесь что-то не так. И все равно не желаешь признать очевидное.

— Я не упрямый. Просто хочу поскорее избавиться от того, что в багажнике.

Они вышли на улицу, и Берт вновь поразился тому, как здесь тихо. Ни единого звука. И запах... Да, запах. Про него как-то не вспоминаешь, когда мажешь маслом только что сваренную кукурузу, посыпаешь ее солью, откусываешь и жуешь. Но вот же он, тот самый запах, в котором слились солице, дождь, всевозможные химические удобрения и хорошая порция экологически чистого навоза. Хотя здесь он чуть-чуть отличался от запаха упакованной земли, каким Берт его помнил из детства. (Он вырос в деревне, на севере штата Нью-Йорк.) Да, органические удобрения — это тебе не душистые ландыши, но в середине весны, ранним вечером, когда теплый ветер доносил запах навоза со свежеспаханных полей, на душе становилось тепло и уютно, и ты вдруг очень отчетливо понимал, что зима наконец-то ушла и уже не вернется, и впереди будет лето, и учиться осталось всего ничего, месяца полтора-два, а потом школу закроют на летние каникулы, самые длинные в году. Для Берта запах навоза — прямо скажем, не самый благоуханный — навсегда связан с дру-

гими запахами весны, *по-настоящему* пропитными и ароматными: тимофеевки, клевера, свежей земли, алтея и кизила.

Но здесь они удобрят как-то по-другому, подумал он. Запах очень похожий, но не совсем тот же. Был в нем какой-то сладковатый привкус. Тошнотворный дух смерти. Как бывший санитар на войне во Вьетнаме, Берт хорошо знал этот запах.

Вики сидела в машине, пристально глядя на кукурузное распятие, лежавшее у нее на коленях. Берту это не понравилось.

— Убери эту штуку подальше, — сказал он.

— Нет. — Вики даже не подняла голову. — У тебя свои игры, а у меня — свои.

Берт завел мотор и проехал немного вперед, до угла, где неработающий подвесной светофор тихонько покачивался на ветру. Слева стояла аккуратная белая церквушка. Трава на лужайке была пострижена. Вдоль дорожки, ведущей к крыльцу, росли ухоженные цветы. Берт остановился.

— Что ты делаешь?

— Хочу зайти в церковь, — ответил Берт. — Похоже, это единственное место в городе, не покрытое вековой нылью. И посмотри на доску объявлений. Там расписание воскресных проповедей.

Вики взглянула на объявление под стеклом: ГНЕВ И МИЛОСТЬ ТОГО, КТО ПРОХОДИТ В ПОЛЯХ.

Внизу была дата: 27 июля 1976 года. Прошлое воскресенье.

Берт заглушил двигатель и сказал:

— Тот, Кто Проходит в Полях. Надо думать, одно из девяти тысяч имен Господних, припятых исключительно на территории штата Небраска. Ты идешь?

Вики даже не улыбнулась.

— Я никуда не пойду.

— Ладно, как скажешь.

— Я не была в церкви, с тех пор как сбежала из дома. Я не хочу заходить ни в какую церковь. И уж тем более в эту церковь в *этом* городке. Мне страшно, Берт. Неужели ты не понимаешь? Давай уедем.

— Я всего на мишуру.

— У меня есть ключи от машины. Если ты не вернешься через пять минут, я уеду сама. Без тебя.

— Нет, погодн...

— Я уеду сама. Да, Берт, уеду. Если только ты не отберешь ключи силой. Ты на это способен, я знаю.

— Но ты уверена, что до этого не дойдет.

— Думаю, не дойдет.

Ее сумочка лежала на сиденье между ними. Берт быстро схватил ее. Вики вскрикнула и попыталась ухватиться за ремешок, но Берт отвел руку подальше, и Вики не дотянулась. Он не стал рыться в сумке, а просто открыл ее, перевернул и вытряхнул все на сиденье. Салфетки, косметика, мелкие монетки, смятые листочки со снисками покупок, ключи от машины. Вики хотела их перехватить, но Берт вновь ее опередил: забрал ключи и спрятал в карман.

— Зачем ты так? — Вики расплакалась. — Отдай!

Он недобро усмехнулся:

— Не отдам.

— *Берт, пожалуйста! Мне страшно!* — Она протянула руку, умоляюще глядя на мужа.

— Ты бы подождала две минуты и решила, что этого более чем достаточно.

— Нет, я бы...

— А потом ты бы уехала и еще посмеялась бы: «Так ему, дураку, и надо. Будет знать, как со мной спорить!» Это же твой главный принцип семейной жизни: «Все должно быть по-моему, а если Берт не согласен, то сам дурак. Будет знать, как со мной спорить».

Он вышел из машины.

— Берт, пожалуйста... — умоляюще проговорила она, передвинувшись на водительское место. — Послушай... я знаю... можио же позвонить по телефону... Давай уедем из этого города! И позвоним из первого же автомата, который попадется по пути... У меня много мелочи. Просто ведь можио же что-то придумать... *Не оставляй меня, Берт. Не оставляй меня одну!*

Он захлопнул дверцу, привалился к машине, креико зажмурился и пару секунд постоял, давя на глаза большими пальцами. Вики стучала кулаками в боковое стекло и выкрикивала его имя. М-да... Его женушка произведет неизгладимое впечатление на представителей местных властей, когда он наконец-то разыщет кого-нибудь, кто заберет тело мальчика. Поистине неизгладимое впечатление.

Он развернулся и направился по мощеной дорожке к входу в церковь. Мипуты две-три, не больше. Он просто заглянет — и сразу назад. Вполне вероятно, что церковь и вовсе закрыта.

Но двери открылись, бесшумно и плавно, на хорошо смазанных петлях («Смазанных с трепетным благоговением», — почему-то подумал Берт, и ему стало смешно), и он вошел в притвор, где было сумрачно и прохладно. Даже, наверное, холодновато. Глаза не сразу привыкли к полумраку.

Берт осмотрелся. Первое, на что унал взгляд, — ныльные деревянные буквы, сваленные кучей в дальнем углу. Он подошел поближе рассмотреть их, из чистого любопытства. С виду они казались такими же старыми и заброшенными, как и календарь на стене в гриль-баре, в отличие от остального убранства церкви, где было чисто и прибрано. Каждая буква — высотой фута в два. Очевидно, когда-то они составляли целую фразу. Берт разложил их на ковре — букв было шестиадцать — и попытался составить что-то осмысленное. ГОРОД ЕЛКА БИТА ВЪЦ.

Нет, явно не то. ДВЕРЬ ИКОТА БОГ ЦЛА. Опять поливай бред. И вообще, хватит страдать идиотизмом. Пока он тут занимается глупостями, переставляя буковки, Вики сходит с ума в машине. Берт уже собирался уйти, как вдруг его осенило. Он же в церкви! Конечно! Он быстро составил слово ЦЕРКОВЬ. А из оставшихся букв через две-три попытки сложилось слово БЛАГОДАТИ. Ну да! Конечно! Ведь есть же такая баптистская церковь! Видимо, раньше здесь была надпись над входом. А потом ее сняли, буквы свалили в угол, стену покрасили заново, и от прежней надписи теперь и следа не осталось.

Но почему?

Ответ напрашивался сам собой: потому что здесь больше нет никакой баптистской церкви. А есть другая... Вот только какая? Берт невольно поежился. Почему-то этот простой вопрос отозвался в его душе смутным страхом. Он быстро поднялся, отряхивая руки от ныли. Ну подумаешь, сняли надпись над входом! И что с того? Может, здесь теперь филиал церкви «Что тут у нас происходит» короля юмора Флипа Уилсона*.

Кстати, хороший вопрос: что тут у них происходит?

Берт решил не ломать себе голову над ответом и открыл дверь, ведущую из притвора в помещение самого храма. Оказавшись внутри, он взглянул в сторону нефа, и его сердце сжалось от страха. Он нервно втянул носом воздух, и в многозначительной сумрачной тишине его вдох прозвучал как-то уж слишком громко.

Почти всю стену за кафедрой занимало огромное изображение Христа. Берт подумал: «Вики бы точно сейчас заорала как резаная и забилась в истерике».

Христос ухмылялся — этакой хитроватой ухмылкой. Его широко распахнутые глаза непрятанно напоминали глаза Лона Чейни в «Призраке оперы». В больших черных

---

* Уилсон, Флип — первый афроамериканский исполнитель, которому дали возможность вести собственное шоу на американском телевидении.

зрачках нылал огонь, в котором горели какие-то люди (предположительно грешники). Но самое странное — у Христа были зеленые волосы, оказавшиеся при ближайшем рассмотрении молодыми кукурузными побегами. Нарисовано грубо, но впечатление производит убийственное. Словно картинка из комикса, сделанного одаренным ребенком, — ветхозаветный, а то и вовсе языческий Христос, не наставляющий свою паству, а ведущий ее на заклание.

По левую руку, между кафедрой и первым рядом церковных скамеек, стоял орган, и поначалу Берт даже не попял, что с ним не так. Он подошел ближе и с ужасом обнаружил, что клавиши выдраны, клапаны раскурочены... а трубы забиты сухими кукурузными листьями. Над органом висела табличка, написанная от руки аккуратными печатными буквами: **НЕ СОТВОРИ ИНОЙ МУЗЫКИ, КРОМЕ КАК РЕЧЬЮ, ДАННОЙ НАМ ГОСПОДОМ, — СКАЗАЛ ИИСУС.**

Вики была права. Здесь явно творятся какие-то странные — страшные — вещи. Берт подумал, что, может быть, стоит немедленно вернуться в машину и уехать из этого города как можно скорее, и черт с ней, с городской управой. Но ему не хотелось сдаваться так быстро. «Давай уж начистоту, — сказал он себе. — Тебе просто хочется, чтобы она там сходила с ума и мучилась по полной программе, прежде чем ты вернешься и признаешь ее правоту».

Он решил, что еще чуть-чуть — и он вернется.

А пока все же посмотрит, что здесь и как.

Берт направился к кафедре, размысливая примерно в таком ключе: Гатлин располагается у дороги, а значит, сюда постоянно кто-то заезжает. У здешних жителей на верпяка есть родственники и друзья в соседних городках. Полиция штата должна время от времени патрулировать город. А инспектора из комиции по энергосбыту? Светофор не работал. Если бы в городе в течение двенадцати лет не было электропечства, уж кто-то бы это заметил,

правильно? Отсюда вывод: ничего страшного в Гатлине произойти не могло. Бояться нечего.

Но его все равно пробирал озноб.

Берт поднялся на возвышение, где стояла кафедра — четыре ступеньки, застеленные ковром, — и окунул взглядом нустые скамьи, тускло мерцавшие в полумраке. Он буквально физически ощущал, как ему в спину впиваеться взгляд жутких, явно не христианских глаз.

На аналее лежала толстенная Библия, открытая на тридцать восьмой главе Книги Иова. Берт прочел: «Господь отвечал Иову из бури и сказал: Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?.. Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь». Господь. Тот, Кто Проходит в Полях. *Скажи, если знаешь.* И прими благодать кукурузы.

Он припялся лихорадочно перелистывать Библию. Страницы сухо зашелестили в тишине нустой церкви — наверное, так перешептывались бы привидения, если бы они существовали. Хотя, когда попадаешь в подобное место, очень просто поверить и в привидения, и вообще в любую чертовщину. Из Библии были вырезаны целые куски. В основном — из Нового Завета. Кто-то изрядно подправил старого доброго короля Якова с помощью ножниц.

Но Ветхий Завет остался нетронутым.

Берт уже собирался снуститься с кафедры, как вдруг заметил еще одну книгу на нижней полке. Должно быть, в ней записаны даты венчаний, конфирмаций и похорон.

Берт взял книгу в руки и невольно поморщился, прочитав надпись, неумело выдавленную на обложке позолоченными буквами: И СКАЗАЛ ГОСПОДЬ: «И ДА СРЕЖУТ ПОД КОРЕНЬ НЕПРАВЕДНЫХ И УДОБРЯТ ЗЕМЛЮ, ДАБЫ ВНОВЬ ДАЛА ВСХОДЫ».

У них тут, похоже, все мысли в одном направлении, и Берт уже вроде бы понял — в каком, но ему это было нисколько не интересно.

Он открыл книгу на первой разлинованной странице. Сразу видно, что записи делал ребенок. Где-то чернила стирали специальной резинкой, чтобы исправить ошибки. Ошибок, кстати, не было. Но буквы были большие, по-детски нескладные. Скорее нарисованные, чем написанные. Берт начал читать с первой страницы:

Амос Дейган (Ричард) 4 сент. 1945 — 4 сент. 1964
Исаак Ренфру (Уильям) 19 сент. 1945 — 19 сент. 1964
Софрония Кирк (Джордж) 14 окт. 1945 — 14 окт. 1964
Мария Уэллс (Роберта) 12 ноября 1945 — 12 ноября 1964
Иеремия Холлис (Эдвард) 5 янв. 1946 — 5 янв. 1965

Хмурясь, Берт пролистал всю книгу. Ближе к концу вторая колонка с датами резко и окончательно обрывалась:

Рахиль Стигмен (Доина) 21 июня 1957 — 21 июня 1976
Моисей Ричардсон (Генри) 29 июля 1957
Малахия Бордмен (Крейг) 15 августа 1957

Последняя запись: «Руфь Клоусон (Сандра) 30 апреля 1961». Берт еще раз заглянул под кафедру и увидел на нижней полке еще две книги. На первой была та же надпись «И ДА СРЕЖУТ ПОД КОРЕНЬ НЕПРАВЕДНЫХ», а внутри — точно такие же записи в две колонки: имя и дата рождения. Сентябрь 1964 года начинался с Иова Гилмана (Клейтона), который родился 6 сентября. А дальше шла Ева Тобин: 16 июня 1965 года. Просто Ева, без второго имени в скобках.

Третья книга была чистой.

Берт задумался.

Что-то случилось здесь в 1964-м. Что-то, связанное с религией, кукурузой... и детьми.

Благослови нам, Господи Боже наш, год сей и все его урожаи, аминь.

И занесли уже жертвенный нож над агнцем... но был ли то агнец, вот в чем вопрос! Может, весь городок поразила какая-то религиозная мания? Они здесь одии, на отшибе, отрезанные от мира бесконечными полями сплошной кукурузы, шепчущей ветру свои секреты. Сoverшеинно одии, под необъятным небесным сводом. Одни под недремлющим взором Господа, этого странного зеленоволосого Бога, Бога кукурузных посевов — такого старого, неумолимого и ненасытиого. Того, Кто Проходит в Полях.

Берту вдруг стало не по себе.

Вики, хочешь, я расскажу тебе сказку? Про Амоса Дейгана, который родился 4 сентября 1945 года и получил при крещении имя Ричард? Амосом он стал в 1964-м. Амос, кстати, — нормальное ветхозаветное имя. Был такой библейский пророк. Так вот, Вики, слушай, что с ним приключилось... только не смейся... этот самый Дик Дейган и его друзья: Билли Ренфру, Джордж Кирк, Роберта Уэллс, Эдди Холлис и все остальные — вдруг преисполнились религиозного рвения и перебили своих родителей. Всех до единого. Весело, правда? Застрелили в постели, во сне. Зарезали в ванной. Отравили, повесили, выпотрошили, как цыплят... в общем, так или иначе, эти дети убили своих родителей.

Почему? Из-за кукурузы. Не знаю, может, она погибала. И они почему-то решили, что так получилось из-за людских прегрешений. Потому что все забыли о Боге и перестали приносить ему жертвы. И опи взялись это исправить — прямо на поле, среди кукурузы.

И знаешь, Вики, я абсолютно уверен, что они определили себе крайний срок жизни: девяносто лет, и пиднем больше. Герой нашей сказки, Ричард Дейган, который потом стал Амосом... ему исполнилось девяносто лет 4 сентября 1964 года. Вторая дата в церковной книге. Дата смерти. Я думаю, его убили. Принесли в жертву на кукурузном поле. Правда, дурацкая сказка?

А теперь смотри: Рахнль Стигмен, которая до 1964-го была Донной, исполнилось девятнадцать в этом году. 21 июня, месяц назад. Моисей Ричардсон родился 29 июня. Через три дня у него день рождения. Ему исполняется девятнадцать. Как ты думаешь, что произойдет с Моисеем двадцать девятого?

Догадайся с трех раз.

Берт облизнул пересохшие губы.

И еще одно, Вики. Смотри. Иов Гилман (Клейтон) родился 6 сентября 1964 года. А потом до 16 июня 1965-го здесь, в Гатлине, никто не рождался. Перерыв в десять месяцев. Знаешь, как я это себе представляю? Опи убили своих родителей. Всех до единого. Даже беременных матерей. А в октябре 1964-го одна из *них* забеременела. Шестнадцати- или семнадцатилетняя девчонка. Она забеременела и родила Еву. *Еву. Первую женщину.*

Берт принял лихорадочно перелистывать книгу, пока снова не нашел заскочку о Еве Тобин. Сразу за ней шел Адам Гринлоу. 11 июля 1965-го.

Им сейчас по одиннадцать, подумал Берт, и его снова пробрал озноб. И опи, может быть, прячутся где-то поблизости. Где-то здесь.

Как такое возможно, чтобы никто ничего даже не заподозрил за столько лет?! Так не бывает...

Разве что с одобрения их кукурузного Господа.

— О Боже! — прошептал Берт в глухой тишине, и в ту же секунду до него донесся автомобильный гудок. Долгий, настойчивый, непрерывный.

Берт спрыгнул с кафедры и побежал по центральному проходу. Распахнул дверь и выскочил на крыльцо, на встречу сленяющему жаркому свету. Вики сидела на водительском месте, давя на клаксон обеими руками и отчаянно мотая головой. Отовсюду к машине сходились дети. С радостным смехом опи размахивали топорами, ножами, обрезками труб, молотками, камнями. Маленькая девочка с красными длинными золотистыми волосами —

ей было лет восемь, не больше — держала в руках рукоятку домкрата. Деревенское оружие. Никаких самопалов и ружей. Берт еле сдержался, чтобы не закричать: «Кто из вас Ева? А кто Адам? Где здесь мамы? Где дочери? Где сыновья? Где отцы?»

Ответь, если знаешь.

Опи выходили из боковых улиц, из сквера на площади, со школьного двора, огороженного сетчатым забором. Одни равнодушно поглядывали на Берта, застывшего на ступенях церковного крыльца. Другие толкали друг друга локтями, показывали на него пальцем и улыбались, как улыбаются дети, радостно и невинно.

Девочки были одеты в длинные коричневые платья из шерстяной пряжи и светлые, вылинявшие чепцы. Мальчики напоминали квакерских пасторов: все в одинаковых черных костюмах и широкополых шляпах. Опи приближались к машине со всех сторон. Несколько человек прошли через двор бывшей баптистской церкви, совсем близко от Берта, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки.

— Ружье! — крикнул Берт. — Вики, возьми ружье!

Но она уже ничего не соображала от страха. Это было заметно даже отсюда, с церковного крыльца. К тому же Берт сомневался, что она слышит его в машине с закрытыми окнами.

Дети окружили «таидерберд», сомкнувшись. На машину со всех сторон обрушились топоры, тесаки, куски металлических труб. «Господи, неужели все это происходит на самом деле?!» — подумал Берт, не в силах сдвинуться с места, словно его вдруг разбил паралич. От борта отвалилась хромированная стрела. Фирменный знак отлетел от капота. Ножи пропороли все четыре шины. Гудок продолжал надрываться. Лобовое стекло и боковые окна сделались матовыми, непрозрачными и пошли мелкими трещинками под ударами топоров и молотков... а потом безопасное небьющееся стекло все-таки поддалось и рас-

сыпалось мелкими осколками, брызнувшими в салон, и Берту вновь стало видно, что происходит в машине. Вики сжалась в комок на сиденье, одной рукой прикрывая лицо, а другой по-прежнему давя на клаксон. Нетерпеливые детские руки потянулись в салон, пытаясь нашупать кнопку, открывавшую замок дверцы. Вики отчаянно отбивалась. Гудок зазвучал с перебоями, а потом умолк.

Смятая, побитая дверца открылась. Дети схватили Вики и пытались вытащить наружу, но она мертвой хваткой вцепилась в руль. Кто-то из них наклонился поближе, с ножом в руке, и... и вот тут Берт наконец вышел из ступора, спрыгнул с крыльца и со всех ног рванул к машине. Один из мальчишек — лет шестиадцать, не больше — с длинными рыжими волосами, выбившимися из-под шляпы, обернулся к нему этак небрежно, как бы вскользь, и что-то сверкнуло в воздухе. Левая рука Берта дернулась, словно ее резко рванули назад, и на мгновение его посетила абсурдная мысль, что парень ударил его на расстоянии. А потом предileчье пронзило болью — такой внезапной и острой, что у него потемело в глазах.

Берт с тупым удивлением взглянул на свою руку, из которой торчал складной нож, похожий на страний нарост. Рукав рубашки медленно наливался красным. Время как будто остановилось. Берт все смотрел и смотрел на свою руку и никак не мог понять, почему у него из руки вдруг вырос нож... ведь так не бывает... не может быть.

Когда он наконец поднял взгляд, парень с рыжими волосами был уже совсем рядом. Он улыбался, уверенный, что Берт никуда не денется.

— Ах ты скотина... — Голос Берта дрожал и срывался.

— Обрати свою душу и помыслы к Богу, ибо представишь сейчас перед Его престолом. — Парень с рыжими волосами резко выбросил руку вперед, целясь Берту в глаза.

Берт отшатнулся, вырвал нож у себя из своей руки и вонзил рыжему в горло. Хлынула кровь. Алый фонтан

брьзнул прямо на Берта. Рыжеволосый мальчишка с глухим булькающим звуком пошел по широкой дуге, нытаясь выдернуть нож из горла, но он засел намертво. Берт смотрел на парнишку как заворожеиний. Это все — не на самом деле. Это просто сон. Дурной сон. Рыжий мальчишка медленно шел по кругу и тихо хринел. И кроме этого хрена никаких других звуков не было. Все как будто застыло в жарком послеполуденном мареве. Другие дети стояли, в потрясении молчанин наблюдая за происходящим.

Это не по сценарию, подумал Берт в полном оцепенении. Такого в сценарии не было. Мы с Вики — были. И тот мальчик в зарослях кукурузы, который нытался спастиесь. Да, и он тоже. Но не эти другие. Он смотрел на детей, и внутри у него все бурлило от ярости. Ему хотелось закричать: «Что, не ждали?!»

Рыжий мальчишка издал последний, едва слышный хрин и упал на колени. Пару секунд он смотрел прямо на Берта, а потом его руки бессильно упали, вынувшись рукой из ножа, и он плашмя повалился на землю.

Среди детей, окружавших машину, пробежал тихий шелест. Как будто прежде они задержали дыхание, а теперь выдохнули, все разом. Они смотрели на Берта. Берт смотрел на них. Смотрел, не осознавая происходящее... и только потом до него дошло, что Вики уже нет в машине. Ее вообще нигде нет.

— Где она? — спросил он. — Что вы с ней сделали?

Один из мальчишек приставил к горлу испачканный кровью охотничий нож, выразительно чиркнул им в воздухе и ухмыльнулся. Это и было ответом.

Откуда-то из задних рядов донесся тихий голос юноши постарше:

— Взять его.

Мальчишкн угрожающе двинулись на Берта. Он принялся отступать. Опи прибавили шаг. Он тоже ускорился. Черт, ему бы ружье! Но до него не добраться. Никак. Тем-

ные тени мальчишек уже подбирались к нему по зеленой лужайке на церковном дворе... а потом Берт вышел на тротуар. Развернулся и побежал.

— *Убейте его!* — раздался крик у него за спиной, и дети бросились следом за ним.

Он бежал со всех ног, но все-таки видел, куда бежит. Обогнул здание городской управы — внутрь было нельзя: там его сразу загонят в угол, — и выскочил на Главную улицу, которая буквально через пару кварталов переходила в шоссе, уводящее из города прочь. Если бы он послушал жену, сейчас опи были бы уже далеко-далеко отсюда.

Подошвы его мокасин шлепали по асфальту. Впереди показалось еще несколько общественных зданий, в том числе «Кафе-мороженое «Гатлин»» и — кто бы сомневался! — кинотеатр «Киноклуб». На запыленной, заляпайной грязью афише еще можно было прочесть: ТОЛ О НА Э ОЙ НЕ ЕЛЕ ЭЛИ А ЕТ ТЕЙЛОР КЛЕОПА РА. За следующим перекрестком была автозаправка, город заканчивался, начинались поля кукурузы. Сплошное зеленое море стеблей по обеим сторонам дороги.

Берт бежал. Ему уже не хватало дыхания. Раненая рука разболелась не на шутку. Кровь, вытекавшая из раны, капала на асфальт. Берт на бегу вытащил из кармана носовой платок и засунул под рукав.

Он бежал. Подошвы мокасин глухо стучали по растрескавшемуся асфальту, дыхание рвалось из горла горячим скрежещущим хрином. Рука налилась обжигающей болью. В голове билась одна-единственная едкая мысль: сможет ли он добежать до ближайшего города, хватит ли сил на то, чтобы пробежать двадцать миль по щебеноно-асфальтовому проселку?

Он бежал. За спиной слышались крики и топот ног. Дети. Опи нагоняли его. Опи были моложе, выпослинее, быстрее. Опи улюлюкали и радостно перекрикивались друг с другом. Им было весело. Да уж, подумал Берт без всякой связи, это значительно веселее, чем пожар высо-

чайшей категорин сложности. Им потом будет что вспомнить.

Он бежал.

Каждый вдох отдавался в груди резкой, саднящей болью. Берт уже миновал автозаправку на самой окраине городка. Теперь у него оставался единственный выход. Единственный шанс уйти от погони и спасти свою жизнь. Дома закоичились, город закоичился. Осталась только дорога и зеленое море стеблей кукурузы, подступавшее к самому краю дороги с обеих сторон. Зеленые мечевидные листья тихо шелестели под ветром. Там, в глубине кукурузного поля, среди этих стеблей высотой в человеческий рост, будет прохладная тень. Там будет тень и прохлада.

Он пробежал мимо знака с надписью: ВЫ ПОКИДАЕТЕ ГАТЛИН, ЛУЧШИЙ ГОРОДОК ВО ВСЕМ ШТАТЕ НЕБРАСКА — И НА ВСЕМ БЕЛОМ СВЕТЕ! ПРИЕЗЖАЙТЕ ЕЩЕ!

«Всенепремено приеду», — мрачио подумал Берт.

Он пробежал мимо знака, как спринтер, пересекающий финишную черту, резко свернул налево, пересек дорогу и сбросил мокасины. И вот он уже в зарослях кукурузы. Шуршащие стебли сомкнулись у него за спиной. Сомкнулись над головой, словно волны зеленого моря. Принимая его. Пряча его. Он испытал несказанное облегчение — ощущение было внезапным и острым, — и в ту же секунду у него неожиданно открылось второе дыхание. Легкне, которые, казалось, сжались в тугой комок, вдруг разомкнулись, и он онять задышал.

Он бежал прямо, по тому ряду, через который вошел на поле. Бежал, задевая плечами листья, отчего те дрожали. Преодолев ярдов двадцать, свернул направо. Теперь он бежал параллельно дороге — бежал, пригнувшись, чтобы его темиоволосую голову не заметили среди желтых кукурузных метелок. Стараясь запутать следы, он взял чуть правее, в сторону дороги, пересек несколько рядов,

потом повернулся спиной к шоссе и принялся беспорядочно перебегать от одиого ряда к другому, углубляясь все дальше и дальше в поле.

Наконец он упал на колени и прижался лбом к земле. Он слышал лишь звук своего собственного тяжелого дыхания, и в голове крутилась одна-единственная мысль: «Слава Богу, я бросил курить, слава Богу, я бросил курить, слава Богу...»

А потом он услышал голоса — дети перекрикивались между собой, а иногда и натыкались друг на друга («Эй, это мой ряд!»), — услышал и приободрился. Опи были достаточно далеко слева, и, судя по всему, системы в их поисках не было никакой.

Берт вытащил из-под рукава носовой платок, которым затыкал рану, и осмотрел порез. Кровотечение вроде бы прекратилось, хотя по идеи после такой интенсивной физической нагрузки кровь должна была течь и течь. Берт сложил платок и снова засупул под рукав.

Он решил отдохнуть еще пару секунд и вдруг с удивлением понял, что ему *хорошо*. Если не брать в расчет боль в руке, то в плане физического самочувствия он себя чувствовал просто прекрасно — наверное, впервые за несколько лет. Он словно получил хороший заряд бодрости и неожиданно нашел очень простое (нусть даже и совершенно безумное) решение, как одиим махом избавиться от проблемы, над которой бился почти два года, нытаясь бороться со злобными бесами, что испортили их с Вики брак, высосав из него все соки.

Ему стало стыдно за эти мысли. Это какне-то не те мысли — совершеино неправильные. Его жизнь в опасности. Жену увеличили неизвестно куда. Может, ее уже нет в живых. Берт понытался представить лицо Вики, чтобы прогнать это странное, неуместное ощущение радостией легкости, но у него ничего не вышло. Вместо лица жены перед глазами встал образ рыжеволосого парня с ножом, вонзенным в горло.

Берт только теперь ощутил аромат созревающей кукурузы. Он был везде, этот запах. Ветер, качавший верхушки стеблей, напоминал чьи-то голоса. Мягкие, утешающие. Что бы здесь ни творилось именем этой самой кукурузы, сейчас она стала ему защитой.

Но опи приближались.

Берт онять побежал, беспорядочно меняя ряды и стараясь держаться так, чтобы голоса ищущих его детей всегда оставались по левую руку, но с каждой новой минутой это давалось ему все труднее и труднее. Голоса сделались тише, и нередко шелест зеленых стеблей полостью их заглушал. Берт бежал, замирал на мгновение, прислушивался. Бежал дальше. Земля была хорошо утрамбована, и его ноги в одиных носках практически не оставляли следов.

Он бежал очень долго, а когда наконец остановился, солице, которое теперь было справа, уже склонялось к горизонту, алое и воспаленное. Берт взглянул на часы: четверть восьмого. Солнце окрасило верхушки кукурузных стеблей в красноватое золото, но здесь, ближе к земле, тени были густыми и совсем-совсем темными. Берт прислушался. С приближением заката ветер стих, и кукуруза стояла молчаливая и неподвижная, наполняя теплый нагретый воздух ароматом безудержного созревания. Если опи — те, кто искал его в зарослях кукурузы, — еще не ушли с поля, то опи либо были сейчас далеко-далеко, либо затаились и тоже прислушивались к тишине. Впрочем, Берт сомневался, что большая комиания детей, пусть даже и сумасшедших детей, сможет так долго хранить молчание. Скорее всего опи поступили совсем по-детски, не считаясь с возможными последствиями своего поступка: забросили поиск и разошлись по домам.

Он повернулся лицом к заходящему солице, красневшему в прорези в облаках пизко над горизонтом, и пошел в ту сторону. Если двигаться по диагонали сквозь ряды

кукурузы, так чтобы солице всегда было прямо по курсу, рано или поздно он выйдет к шоссе номер 17.

Боль в руке превратилась в приглушенную нульсацию. Ощущение было почти приятным. Берта не покидало хорошее настроение. Он решил, что на данный момент можио и не терзаться по этому поводу. Чувство вины не-пременно вернется, когда он станет объясняться с влас-тями и рассказывать о том, что случилось в Гатлине. Но это будет потом.

Он шел сквозь заросли кукурузы и думал, что еще никогда в жизни не испытывал такой пронзительной ос-троты ощущений. Солнце уже онускалось за горизонт. Минут через нятиадцать от красного круга осталась лишь половина. Что-то заставило Берта остановиться. Его обос-тринвшееся воспринятие уловило какне-то изменения, опи ему не понравились. Ощущение было... смутно тревож-ным, пугающим.

Берт прислушался. Кукуруза шелестела.

Да, он и до этого слышал ее тихий шелест, но только теперь до него дошло, в чем тут странность. Ветра не было. Как такое возможно?

Он насторожено осмотрелся, почти уверенный, что вот-вот из зеленых зарослей высокочат улыбающиеся маль-чишки в черных квакерских пиджаках и с ножами в руках. Но его опасения оказались напрасными. Кукуруза по-прежнему шелестела. Звук доносился откуда-то слева.

Берт пошел в ту сторону. Ему уже не приходилось продираться сквозь заросли. Ряд, по которому он шел, вел его именно в том направлении, что было нужно. По-том ряд закончился. Закончился? Нет, просто вывел его на поляну. Шелест доносился оттуда.

Берт замер на месте. Ему вдруг стало страшио.

Запах кукурузы был настолько густым и насыщенным, что каждый вдох оставлял приторно-сладкий прнвкус. Кукуруза, нагретая солицем, хранила тепло, накопивше-ся за день, и Берт только теперь осознал, что он весь

мокрый от пота. И весь облеплен какими-то чешуйками и кукурузными рыльцами, тонкими, как паутинка. По идеи сейчас по нему должны ползать десятки жучков-пачков... но они почему-то не ползали.

Он стоял неподвижно, глядя на эту поляну. Большой круг голой земли.

Здесь не было ни комаров, ни мух, ни мелкой мошки — всех этих летучих букашек, которые так допимали их с Вики, когда Берт еще только обхаживал свою будущую жену и возил ее в кинотеатр на открытом воздухе. Они называли их «киномошками», вспомнил он с неожиданной ностальгической грустью. Ворон, кстати, тоже не было видно. Как-то странно... кукурузное поле — и без ворон!

В угасающем свете дня Берт внимательнее присмотрелся к ближайшим к нему кукурузным стеблям. Каждый лист, каждый стебель — все безупречно, без единого изъяна. Но так не бывает. Ни одиого бурого нятиышка. Ни одиого рваного или сухого листочка, никаких гусениц и личинок, ни одной червоточинки, ни одного...

Берт удивленно нахмурился.

Господи, ни одного сорняка!

Ни единого. Только ровные ряды кукурузных стеблей, растущие на расстоянии в полтора фута один от другого. Ни лопухов, ни полыни, ни лаконоса, ни нырея, ни осота — ничего.

Берт поднял глаза. Солице уже почти село. Облака плыли пизко над горизонтом. Золотое свечение под пими бледиело, окрашиваясь розовым и блекло-желтым. Уже скоро стемнеет.

И пока не стемнеет, надо выйти на эту поляну и посмотреть, что там такое, — ведь так все и было задумано, да? Все это время, пока Берт мчался по полю в полной уверенности, что выбирается к шоссе, его вели к этому месту.

Обминая от страха, он дошел до конца ряда и встал на самом краю поляны. Хотя день уже угасал, света было

достаточно, так что Берт все увидел. Он не смог закричать. Из легких как будто выкачали весь воздух. Ему вдруг стало трудно дышать. Он прошел чуть вперед на негнущихся, деревянных ногах. Он смотрел и не верил своим глазам.

— Вики, — прошептал он. — О Господи, Вики...

Это было так страшно. Ее расняли на грубо сбитом кресте, прикрутив руки и ноги колючей проволокой, что продается по семьдесят центов за ярд в любой скобяной лавке штата Небраска. Ей вырвали глаза, а глазницы набили кукурузными рыльцами. Рот, раскрытый в беззвучном крике, заткнули зелеными обертками кукурузных початков.

На другом кресте, слева от Вики, висел скелет в полу-сгнившем стихаре. Казалось, скелет ухмылялся. Его пустые глазницы чуть ли не весело смотрели на Берта, как будто бывший служитель баптистской церкви Благодати нытался сказать: «Это не так уж и плохо, когда маленькие дьяволята-язычники приносят тебя в жертву на кукурузном поле; это не так уж и плохо, когда тебе вырывают глаза по Моисеевым законам; это не так уж и плохо, когда...» Слева от скелета в стихаре был еще один — в синем форменном книтеle и надвинутой на глаза фуражке с зеленой кокардой: «Начальник полиции».

А потом Берт услышал шаги: не детей, а кого-то другого — кого-то огромного, кто пробирался по полю и уже приближался к поляне. Это были не дети, нет. Опи никогда бы не осмелились войти в кукурузные заросли ночью. Это было священное место, место Того, Кто Проходит в Полях.

Берт развернулся, хотел бежать, но прохода, что вывел его на поляну, уже не было. Ряды кукурузы сомкнулись. Все ряды, все до единого. А тот, другой — он приближался. Берт слышал, как он пробирается сквозь плотные заросли кукурузы. Слышал его дыхание. Берт застыл в странном оцепенении, охваченный экстатическим первобытым ужасом. Шаги были уже совсем близко. Куку-

руза на дальней стороне поляны внезапно потемнела, словно ее накрыла гигантская тень.

Он пришел.

Тот, Кто Проходит в Полях.

Вот он уже выбирается на поляну. Берт увидел нечто огромное, закрывшее собой полиеба... нечто зеленое, с красными горящими глазами, каждый — размером с футбольный мяч.

От него пахло, как пахнет от сухих кукурузных оберток, много лет пролежавших в каком-нибудь темном амбаре.

Берт закричал. Но кричал он недолго.

А чуть погодя в небе взошла полиая луна, набухшая ораижевым светом.

В полдень дети кукурузы собрались на круглой поляне, где к двум раснятым скелетам теперь прибавились еще два тела, которые пока не превратились в скелеты, но потом превратятся. Со временем. Ибо здесь, в самом сердце Небраски, посреди кукурузных полей, времени было в избытке. Здесь не было ничего, кроме времени.

— Слушайте все! Был мие сон ныиче ночью. Явился Господь предо мной и со мной говорил.

Все повернулись к Исааку и замерли в благоговейном страхе. Все до единого, даже Малахия. Исааку было всего девять лет, но он стал Пророком еще в прошлом году, когда кукуруза забрала Давида. Давиду исполнилось девятнадцать, и в свой день рождения он ушел в кукурузу, как только вечерние сумерки снустились на летнее поле.

Лицо маленького Исаака было насупленным и серьезным. Он продолжал:

— Во сне Господь явился мне тенью, что проходит в полях, и обратился ко мие с наставлением, как Он обращался когда-то к нашим старшим братьям. Он весьма недоволен последней жертвой.

Они затаили дыхание, испуганно глядя на зеленые стебли, что окружали поляну сплошной стеной.

— И сказал Господь: «Разве я не дал вам места для жертвенного закланья, дабы вы там оставляли свои приношения? Разве я не даровал вам свою благодать? Но сей человек совершил святотатство в моих пределах, и я самолично принес его в жертву. Как полицейского, как подложного священника, которые тоже пытались сбежать».

— Как полицейского... как подложного священика, — шепотом повторили опи, встревожено переглядываясь друг с другом.

— А *посему* Возраст Благодати теперь исчисляется не девятиадцатью урожаями, как было прежде, а восемнадцатью, — суроно и непреклонно продолжал Исаак. — Плодитесь и размножайтесь, как плодится сама кукуруза, дабы милость моя пребывала с вами и впредь.

Исаак замолчал.

Теперь все смотрели на Иосифа и Малахию, которым уже исполнилось восемнадцать. На поляне таких было двое. Но в городе были и другие восемнадцатилетние. Всего, наверное, человек двадцать.

Все ждали, что скажет Малахия — Малахия, предводитель охоты на Иафета, который отныне и впредь будет известен под именем Ахаз, проклятый Богом. Имеин он, Малахия, перерезал Ахазу горло и вытолкнул из кукурузы, дабы тело богоотступника не осквернило священные посевы.

— Я подчиняюсь Господней воле, — прошептал Малахия.

Кукуруза одобрительно зашелестела.

В ближайшие пару недель девочкам предстоит сделать немало кукурузных раснятий, дабы отвратить зло.

В тот же вечер все, кто достиг Возраста Благодати, молча ушли в кукурузу — обрести бесконечную благодать Того, Кто Проходит в Полях.

— До свидання, Малахия! — крикнула Руфь, безутешно махая рукой. Она носила под сердцем ребенка Мала-

хии, и тихие слезы текли по ее щекам. Малахия не обернулся. Он уходил с высоко поднятой головой. Кукурузные стебли сомкнулись за пим.

Руфь отвернулась, давясь слезами. Втайне она ненавидела кукурузу и мечтала о том, чтобы взять в каждую руку по факелу и войти в эти заросли — но не сейчас, а в сухом сентябре, когда стебли совсем пересохнут и загорятся от первой же искры. И в то же время ей было страшно. Там, в кукурузных полях, по ночам ходил кто-то, кто видел все... даже самые сокровенные тайны, спрятанные в глубине человеческих сердец.

Небо совсем потемнело, настала ночь. Вокруг Гатлина шелестела довольная кукуруза. Ей угодили на славу.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕКЛАДИНА

Письмо от Катрин я получил вчера, меньше чем через неделю после того, как мы с отцом вернулись из Лос-Анджелеса. Адресовано оно было в Вилмингтон, штат Делавэр, а я с тех пор, как жил там, переезжал уже два раза. Сейчас люди так часто переезжают, что все эти перечеркнутые адреса на конвертах и наклейки с новыми порой вызывают у меня чувство вины. Конверт был мятый, в пятнах, а один угол его совсем обтрепался. Я прочел письмо и спустя секунду уже держал в руке телефонную трубку, собираясь звонить отцу. Потом в растерянности и страхе положил ее на место: отец стар и перенес два сердечных приступа. Если я позвоню ему и расскажу о письме Катрин сейчас, когда мы только-только вернулись из Лос-Анджелеса, это почти наверняка его убьет.

И я не позвонил. Рассказать мне тоже было некому... Такие вещи, как это письмо, — они слишком личные, чтобы рассказывать о них кому-то, кроме жены или очень близкого друга. За последние несколько лет я не завел близких друзей, а с Элен мы развелись еще в 1971-м. Изредка шлем друг другу рождественские открытки... «Как поживаешь? Как работа? Счастливого Рождества!»

Из-за этого письма я не спал всю ночь. Его содержание могло бы уместиться на открытке. Под обращением

«Дорогой Ларри» стояло только одно предложение. Но одио предложение могло значить очень многое. И очень многое сделать.

Я вспомнил отца, вспомнил, как мы летели на самолете на запад от Нью-Йорка, и в ярком солнечном свете на высоте 18 000 футов его лицо казалось мне старым и истощенным. Когда мы, по словам пилота, пролетали над Омахой, отец сказал:

— Это гораздо дальше, чем мне всегда казалось, Ларри.

В его голосе явственно звучала тяжелая печаль, и мне стало неловко оттого, что я его не понимаю. Но, получив письмо Катрин, я начал попинать.

Мы выросли в восемидесяти милях от Омахи, в маленьком городке с названием Хемингфорд-Хоум: отец, мать, я и моя сестра Катрин, которую все звали просто Китти. На два года младше меня, она была красивым ребенком и уже тогда краснвой женщины: даже в ее восемь лет, когда произошел тот случай в амбаре, все попимали, что ее шелковые пшеничные волосы никогда не потемнеют, а глаза навсегда сохранят свою скандинавскую голубизну. Один взгляд в эти глаза — и мужчина готов.

Росли мы, можно сказать, по-деревенски. У отца было три сотни акров хорошей ровной земли, где он выращивал кормовую кукурузу и разводил скот. Мы называли ферму просто «наш дом». В те дни все дороги, кроме шоссе номер 80 между штатами и автострады номер 96 в Небраску, были групповые, а поездка в город считалась праздником, которого с волением ждешь несколько дней.

Сейчас я один из лучших независимых юристконсультов, так по крайней мере говорят, и, чтобы быть честным до конца, признаюсь, я думаю, это так и есть. Президент одио крупной компаниин как-то представил меня совету директоров как своего «наемного убийцу». Я ношу дорогие костюмы и ботинки из самой лучшей кожи. На меня работают полный день три помощника, и если понадо-

бится, я могу взять еще дюжину. Но в те дни я ходил по групповой дороге в однокомнатную школу с перевязанными ремнем книгами за плечами, а Катрин ходила со мной. Иногда весной мы ходили босиком. Это было еще тогда, когда никто не возражал, если вы зайдете в кафе или магазин без обуви.

Когда умерла мама, мы с Катрин уже учились в школе Коламбия-Сити, а еще через два года отец потерял ферму и занялся продажей тракторов. Семья наша, таким образом, распалась, хотя в то время нам не казалось, что это так уж плохо. Отец продолжал работать, вошел в долю, и девять лет назад ему предложили один из руководящих постов комиании. Я получил в Университете Небраски стипендию за участие в футбольной команде и успел научиться чему-то еще, кроме умения гонять мяч.

А Катрин? Имеино о ней-то я и хочу рассказать. Тот самый случай в амбаре произошел в одну из суббот в начале ноября. Сказать по правде, я не помню точно год, но Айк тогда еще был президентом. Мать уехала на пекарную ярмарку в Коламбия-Сити, а отец отиравился к нашим ближайшим соседям (до них целых семь миль) помогать хозяину фермы чинить сенокосилку. В доме должен был остаться его помощник, но в тот день он так и не появился, и примерно через месяц отец его уволил.

Мне он оставил огромный список поручений (для Китти там тоже кое-что нашлось) и наказал, чтобы мы не смели играть, пока не переделаем все, что поручено. Но дела отняли у нас совсем немного времени. Наступил ноябрь, и горячая пора на фермах уже прошла. Тот год мы завершили успешно, что случалось не всегда.

День я помню совершиенно отчетливо. Небо хмурилось, и хотя холода еще не наступили, чувствовалось, что стуже не терпится прийти, не терпится заняться своим делом, начать морозить и покрывать иеем, сыпать снегом и ледепить. Поля лежали голые. Медлительной и безрадостию стала скотина на ферме, а в доме появились

страшные маленькие сквозняки, которых раньше никогда не было.

В такие дни амбар становился единственным местом, где можно было приятно проводить время. Там всегда держалось тело, настоящее на запахах сена, шерсти и навоза, а где-то высоко вверху, над третьим ярусом, тайно переговаривались прижившиеся под крышей ласточки. И, запрокинув голову, можно было увидеть сочащийся сквозь щели в крыше белый ноябрьский свет.

А еще там была прибитая к поперечной балке третьего яруса лестница, снускавшаяся до самого пола. Нам запрещалось лазить по ней, поскольку лестница могла вот-вот развалиться от старости. Отец тысячу раз обещал матери снять ее и заменить новой и креикой, но у него всегда находились какие-нибудь другие дела. Например, помочь соседу починить сенокосилку. А помощник, которого он нанял, работой себя особенно не утруждал.

Взобравшись по этой шаткой лестнице — ровно сорок три перекладины, мы с Китти считали столько раз, что это запомнилось на всю жизнь, — можно было попасть на деревянный брус, идущий в семидесяти футах от засыпанных соломой пола. А если продвинуться по нему еще футов двенадцать (коленки дрожат, лодыжки болят от напряження, а в пересохшем рту вкус словно от пробитого капсюля), то прямо под ногами оказывался сеновал. И можно прыгнуть и падать вниз все семьдесят футов с истощено-радостным «предсмертным» воием в огромную мягкую пышную перину из сена. Сено пахнет чем-то сладким, и когда наконец утопаешь и останавливаешься в этом запахе возрожденного лета, живот остается где-то там, в воздухе, и ты чувствуешь себя... Должно быть, как Лазарь: упал и остался жив, чтобы об этом рассказать.

Разумеется, нам это запрещалось. Если бы нас поймали, мать подняла бы такой крик, что всем стало бы тошно, а отец, несмотря на то, что мы уже выросли, хорошенько вытянул бы нас обоих вожжами. И из-за самой

лестницы, и из-за того, что, если потеряешь равновесие не добрашившись до края бруса, нависающего над рыхлой бездной сена, можешь упасть и разбиться насмерть о жесткий дощатый пол амбара.

Однако искушение было слишком велико. Когда кошки сият... Сами понимаете.

Тот день, как и все остальные подобные дни, начался восхитительной смесью чувства страха и предвкушения. Мы стояли у основания лестницы, глядя друг на друга. Китти раскраснелась, глаза ее стали темнее, но блестели ярче обычного.

— Кто первый? — спросил я.

— Кто предложил, тот и первый, — тут же ответила Китти.

— А девочек надо пропускать вперед, — парировал я.

— Если опасно, то нет, — сказала она, застенчиво опуская взгляд, как будто никто не знает, что в Хемингфорде она сорванец номер два. Но так уж она себя держала. Она соглашалась участвовать в чем угодно, но не первой.

— Ладно, — сказал я. — Я пошел.

В тот год мне, кажется, исполнилось десять, я был худой как черт и весил около девяноста фунтов. Китти было восемь, и весила она фунтов на двадцать меньше. Лестница всегда выдерживала нас, и нам казалось, что она никогда не подведет. Надо заметить, подобная философия постоянно ввергает в неприятности многих людей и даже целые нации.

Забираясь все выше и выше, в тот день я впервые почувствовал, как лестница вздрогивает в ныльном воздухе амбара. Как всегда, на полпути вверх я представил себе, что будет, если лестница вдруг испустит дух, но продолжал лезть, пока не обхватил руками брус, потом взобрался на него и посмотрел вниз.

Повернутое вверх лицо Китти казалось оттуда маленьким белым овалом. В клетчатой рубашке и голубых джин-

сах она выглядела как куколка. А надо мной, еще выше, в ныльных углах под самой крышей ворковали ласточки.

И оиять как всегда:

— Эй, там внизу! — закричал я, и слова плавно опустились к ней на танцующих в воздухе нылинках.

— Эй, там наверху!

Я встал, чуть покачиваясь вперед-назад. Снова начало казаться, что в воздухе какие-то странные течения, которых не было внизу. Двигаясь с раскинутыми для равновесия руками дюйм за дюймом вперед по брусу, я слышал стук собственного сердца. Однажды во время этого этапа над самой моей головой пролетела ласточка, и, отпрянув назад, я едва не сорвался. С тех пор я постоянно боялся, что это случится вновь.

Но в тот раз все обошлось, и я добрался до безопасного участка над стогом. Теперь взгляд вниз вызывал уже не страх, а скорее какое-то тревожно-восторженное чувство. Сладкий миг предвкушения...

Потом зажимаешь нос и делаешь шаг в пустоту. И, как всегда, мгновенно цепкие объятия силы тяжести бросают тебя вниз. Хочется закричать: *О Господи, прости меня, я ошибся, верни меня обратно!*.. Но тут ты влетаешь в сено, словно артиллерийский снаряд, и падаешь, падаешь все медленнее в ныльном и сладком запахе вокруг, как в густой воде, пока не останавливаешься совсем в глубине стога. Где-то рядом шуршат, разбегаясь по безопасным углам, перепуганные мыши. А у тебя появляется странное чувство, будто родился вновь. Я помню, Китти как-то сказала, что после такого прыжка чувствует себя новой и свежей, как маленький ребенок. Тогда я пожал плечами: вроде бы появлял, что она имеет в виду, а вроде и нет, но после ее письма я часто об этом думаю.

Я выбрался из сена, загребая руками и ногами, как в воде, пока не слез на пол амбара. На спине под рубашкой, в штанах — везде было сено. Сено на кроссовках, сено на рукавах, ну и, само собой разумеется, на голове.

Китти к тому времени уже добралась до середины лестницы, подпимаясь в пыльном столбе света. Ее золотые косички болтались за спиной и стучали ей по лопаткам. Порой свет бывал таким же ярким, как ее волосы, но в тот день мне казалось, что ее косы ярче и красивее.

Помню, мне тогда не понравилось, как раскачивается лестница, и я подумал, что она никогда не выглядела такой шаткой.

Но потом Китти забралась на брус высоко надо мной, и теперь я стал маленьким человечком внизу с повернутым вверх маленьким овалом лица, а ее голос плавно опустился сверху на пляшущих облаках ныли, поднятой моим прыжком.

— Эй, там внизу!

— Эй, там наверху!

Китти двинулась по брусу, и, когда я решил, что она добралась до безопасного участка над сеновалом, сердце у меня забилось чуть спокойнее. Я всегда волновался за нее, хотя она была и грациознее мея, и, пожалуй, спортивнее, что, может быть, звучит странно, когда говоришь о младшей сестре.

Она замерла с вытянутыми вперед руками, приподнявшись на носках кроссовок, а потом бросилась вниз, словно лебедь. Это невозможно забыть и невозможно передать словами. Я могу лишь попытаться описать, что происходило. Но, видимо, не настолько точно, чтобы вы пояли, как это было красиво и как совершенно. Таких моментов, кажущихся бесконечно реальными и искренними, в моей жизни совсем немного. Нет, наверно, я не смогу передать вам, что имею в виду. Настолько хорошо я не владею ни словом, ни пером.

На какое-то мгновение она, казалось, повисла в воздухе, словно ее подхватила одна из этих непостижимых поднимающихся воздушных струй, что живут только на третьем ярусе амбара: светлая ласточка с золотым орео-

лом, каких в Небраске никто никогда не видел. Это была Китти, моя сестреика. Как я любил ее за эти мгновения полета с раскинутыми за выгнутой спиной руками!

А затем она унала впиз и исчезла из виду в куче сена. Из пробитой норы вырвался фонтан смеха и ныли. Я тут же забыл, как шатко выглядела лестница, когда по ней поднималась Китти, и к тому времепи, когда она выбрались наружу, я был уже на полпути вверх.

Я понытался прыгнуть лебедем, но, как всегда, страх скрутил меия, и мой лебедь превратился в пушечное ядро. Наверно, я никогда не был до коица уверен, что сено окажется на месте, как верила в это Китти.

Трудно сказать, сколько это продолжалось, но прыжков через десять или двенадцать я посмотрел вверх и увидел, что стало темнее. Скоро должны были вернуться родители, а мы с Китти так обвалялись в сене, что опи пояли бы все, едва на нас взглянув. Мы решили прыгнуть по последнему разу.

Поднимаясь первым, я снова почувствовал, как ходят подо мной лестница, и услышал очень слабый писклявый скрин выдирающихся из дерева старых гвоздей. В первый раз я по-настоящему испугался. Наверно, если бы я был ближе к полу, то слез бы, и на этом все закончилось, но брус казался ближе и безопаснее. За три перекладины до верха скрип вырываемых гвоздей стал еще сильнее, и я похолодел от страха, решив, что вот теперь-то мое везение уходит.

Потом я обхватил руками занозистый брус, чуть облегчая нагрузку на лестницу, и почувствовал, как ко лбу из-за выступившего неприятного пота прилипает соломенная труха. Забавы кончились. Я торопливо добрался до края, нависающего над сеном, и спрыгнул. Даже всегда приятная часть, падение, не доставила мне удовольствия. Падая, я представил, как бы я себя чувствовал, если бы вместо податливого сена мне навстречу летел деревянный пол.

Выбравшись на середину амбара, я увидел, что Китти взбирается по лестнице, и закричал:

— Слезай! Там опасно!

— Выдержит! — ответила она уверенно. — Я легче тебя!

— Китти!..

Я не закончил фразу, потому что в этот момент лестница не выдержала, издав гпилой треск ломающегося дерева. Я вскрикнул. Китти завизжала. Она добралась примерно до того же места, где был я, когда решил, что удача оставляет меня.

Перекладина, на которой стояла Китти, оторвалась, а затем расщепились обе боковые доски. Какое-то мгновение оторвавшаяся часть лестницы под ней выглядела словно нескладное насекомое богомол или палочник, которое стояло-стояло и вдруг решило двинуться вперед.

Потом, ударившись об пол с коротким сухим хлюпком, лестница рухнула, подняв клубы пыли. Испуганно замыкали коровы, и одна из них ударила конытом. Китти пронзительно завизжала.

— *Ларри! Ларри! Номоги!*

Я появлялся, что надо делать, появлялся сразу. Испугался я ужасно, но рассудок до конца не потерял. Китти висела на высоте шестидесяти футов от пола, бешено работая в пустом воздухе ногами в голубых джинсах, а где-то еще выше ворковали ласточки. Конечно, я испугался. До сих пор не могу смотреть на цирковых воздушных гимнастов, даже по телевизору, потому что при этом у меня внутри все сжимается. Но я знал, что надо делать.

— Китти! — крикнул я. — Держись! *Не дергайся!*

Она послушалась мгновенно. Ее ноги перестали держаться, и она повисла, держась своими маленькими руками за последнюю перекладину на обломившемся конце лестницы, словно акробат, замерший на трапеции.

Я кинулся к сеновалу, схватил обеими руками огромную охапку сена, вернулся, бросил. Побежал обратно. И еще раз. И еще.

Дальнейшее осталось в памяти смутно. Помню лишь, что мне в нос попало сено и я начал чихать и никак не мог остановиться. Я метался туда-обратно, скидывая сено в кучу там, где раньше было основание лестницы. Куча росла очень медленно. При взгляде на нее, а потом на Китти, висящую так высоко вверху, на память вспомнила прыгнувшую карикатуру, на которой кто-нибудь прыгает с трехсотфутовой вышки в стакан с водой.

Туда-обратно, туда-обратно...

— Ларри, я не могу больше держаться! — В голосе ее звучало отчаяние.

— Китти, ты должна! Продержись еще!

Туда-обратно. Сено набилось в рубашку. Туда-обратно. Куча выросла уже до подбородка, но на сеновале, куда мы прыгали, стог был высотой футов в двадцать иять, и я подумал: если Китти только сломает ноги, можно будет считать, что ей повезло. И еще я знал, что упав мимо кучи, она убьется наверняка. Туда-обратно...

— *Ларри! Нерекладина.. Она отрывается!*

Я услышал ровный скрипящий крик выдирающихся под ее тяжестью гвоздей в перекладине. В панике Китти снова задергала ногами. Если она не остановится, то может не попасть в стог.

— Нет! — закричал я. — Нет! Прекрати! Отпускай руки! Падай, Китти!

Бежать еще раз за сеном было поздно. Времени не осталось ни на что, кроме слепой надежды.

Как только я закричал, Китти отпустила перекладину и упала вниз, словно нож, хотя мне показалось, что падала она целую вечность. С торчащими вверх косичками, с закрытыми глазами и бледным, как фарфор, лицом она молча падала, сложив ладошки перед губами, как будто молилась.

Она ударила в самый центр стога и исчезла из виду. Сено взметнулось, словно в стог попал снаряд, и я услышал удар о доски пола. От этого звука, громкого глухого удара, я похолодел. Слишком громко, слишком... Но мне нужно было увидеть.

Чуть не плача, я кинулся разгребать сено, огромными охапками бросая его за спину. Откопал ногу в голубых джинсах, затем клетчатую рубашку и, наконец, лицо Китти, смертельно бледное, с зажмуренными глазами. Глядя на нее, я решил, что она мертва. Весь мир тут же стал серым, по-ноябрьски серым, и только золотые ее косички сохраняли свою яркость.

Потом она подняла веки, и в бесцветном сером мире возникли два темно-синих глаза.

— Китти? — еще не веря, хрипло позвал я, давясь нылью от сена. — Китти?

— Ларри? — удивленно спросила она. — Я жива?

Я вытащил ее из сена и креико обнял, а она обхватила меня за шею и креико сжалась в ответ.

— Жива, — ответил я. — Жива, жива!

Она отделалась переломом левой лодыжки. Доктор Педерсен, врач из Коламбия-Сити, когда пришел вместе со мной и отцом в амбар, долго вглядывался в тени под крышей. Там на одном гвозде еще висела наискось последняя лестничная перекладина.

Он долго смотрел, затем сказал, обращаясь к отцу:

— Чудо.

Потом презрительно ннул ногой натасканную мной кучу сена, сел в свой заныленный «де сото» и уехал.

Рука отца легла на мое плечо.

— Сейчас мы пойдем в дровяной сарай, Ларри, — сказал он очень спокойным голосом. — Я полагаю, ты знаешь, что там произойдет.

— Да, сэр, — прошептал я.

— И при каждом ударе ты будешь благодарить Бога за то, что твоя сестра осталась жива.

— Да, сэр.

И мы пошли. Он здорово меия отдал, так здорово, что я ел стоя целую неделю и еще две после этого подкладывал на стул подушечку. И каждый раз, когда он шлепал меня своей большой красной мозолистой рукой, я благодарили Бога.

Громко, очень громко. Когда наказание заканчивалось, я был уверен, что он меия услышал.

К Китти меия пустнли перед тем, как ложиться спать. Я почему-то помню, что за окиом у нее на подоконнике сидел дрозд. Сломанную ногу ей забилтовали и притянули к дощечке.

Китти смотрела на меня так долго и с такой любовью, что мне стало неловко. Потом она сказала:

— Сено. Ты подложил сено.

— Конечно, — буркнул я. — А что еще мне оставалось делать? Когда лестница сломалась, я уже не мог забраться наверх.

— Я не знала, что ты делаешь, — сказала она.

— Да ты что? Я же был прямо под тобой!

— Я боялась смотреть вниз. Все это время я висела с закрытыми глазами.

Меня словно громом ударило.

— Ты не знала? Ты не знала, что я там делал?

Она кивнула.

— Китти, да как же ты?..

Она посмотрела на меия своим глубокими синими глазами и сказала:

— Я знала, что ты сделаешь что-нибудь, чтобы помочь мне. Ты же мой старший брат. Я знала, что ты меня спасешь.

— Китти, ты даже не представляешь, как все было... на волоске...

Я закрыл лицо руками, но она приподнялась с постели, отняла мои руки и поцеловала меия в щеку.

— Нет, Ларри. Я же знала, что ты там внизу... Ой, я уже хочу спать. Поговорим завтра. Доктор Педерсен сказал, что мне наложат гипс.

Гипсовую повязку она носила меньше месяца, и все ее одноклассники на ней расписались. Она даже меня уговорила расписаться. Потом ее сияли, и на этом все закончилось. Отец поставил новую крепкую лестницу на третий ярус, но я никогда больше не забирался наверх и не прыгал в сено. Насколько я знаю, Китти тоже.

Впрочем, я не могу сказать, что дело этим закончилось. На самом деле все закончилось девять дней назад, когда Китти бросилась вниз с последнего этажа здания страховой компании в Лос-Анджелесе. В бумажнике я держу вырезку из «Лос-Анджелес таймс» и, наверное, всегда буду носить ее с собой, но это совсем не то, как люди хранят, например, фотографии тех, кого хотели бы помпить, или театральные билеты на действительно хорошее представление, или вырезку из программы чемпионата мира. Я ношу с собой эту вырезку, как человек носит тяжелый груз, потому что носить тяжестн — это его работа. Заметка называется: «СЛОЖИВ КРЫЛЬЯ. САМОУБИЙСТВО МОЛОДОЙ ПРОСТИТУТКИ».

Мы выросли. Это единственное, что я знаю, кроме фактов, не имеющих к делу в общем-то никакого отношения. Китти — собиралась изучать коммерцию в колледже в Омахе. Тем летом после выпуска из школы она победила на конкурсе красоты и вышла замуж за одного из членов жюри. Не правда ли, похоже на грязную шутку? Это моя-то Китти...

Пока я изучал в колледже закон, она развелась и написала мне длинное письмо, страниц десять или даже больше, о том, как плохо ей было и что было бы лучше, если бы она родила ребенка. Спрашивала, не могу ли я приехать. Но в юридическом колледже пропустить неде-

лю на последнем курсе — все равно что пропустить целый семестр, когда изучаешь, скажем, живопись. Преподаватели — звери. Упустил что-то — пиши пропало.

Китти переехала в Лос-Анджелес и снова вышла замуж. Когда и этот брак распался, я уже закончил учебу. Получил еще одно письмо, уже не такое длинное, но еще более напитанное горечью.

«Видимо, я никогда не удержусь на этой карусели, — писала она. — Если ухватнлся за медное кольцо, то обязательно свалишься с лошади и расшибешь себе голову... А если так, кому все это нужно? Р. С. Можешь ли ты приехать, Ларри?.. Очень давно тебя не видела».

Я ответил, написав, что хотел бы приехать, но никак не могу. Как раз в то время я получил должность в одной очень престижной фирме: маленький человек у всех на виду, масса работы и никакой благодарности. Если я собирался подняться на следующую ступеньку, это нужно было сделать именно в том году, и мое длинное письмо было целиком о работе, о моей будущей карьере.

Я отвечал на все ее письма. Но почему-то никогда до конца не верил, что писала их сама Китти, примерно так же, как когда-то в детстве мне не верилось, что стог сена все-таки окажется внизу. До тех пор, пока я не падал в него, и оно оиять спасало мне жизнь. Я не мог поверить, что моя сестренка и та побитая жизнью женщина, что подписывала свои письма обведенным в кружочек именем Китти внизу страницы, одно и то же лицо. Моя сестренка была девочкой с косичками и с еще плоской грудью.

Писать перестала она. Изредка мы получали рождественские открытки или поздравления с днем рождения, и отвечала на них моя жена. Потом мы развелись, я переехал и просто забыл. В следующее Рождество и на день рождения открытки переслали мне уже на новый адрес. Первый новый адрес. Я подумал, что надо бы написать

Китти и сообщить, что я переехал. Но так этого и не сделал.

Как я и говорил, эти факты ровным счетом ничего не значат. Важно лишь то, что мы выросли и Китти выбросилась из того здания страховой компании. Китти, которая всегда верила, что стог окажется на месте. Китти, которая сказала: «Я знала, что ты сделаешь что-нибудь, чтобы помочь мне».

Это важно. И письмо Китти.

Люди в наше время так часто переезжают, что порой все эти перечеркнутые адреса и наклейки с новыми кажутся мне немымыми обиваниями. В левом углу конверта Китти напечатала обратный адрес, адрес места, где она жила до того, как бросилась из окна. Очень симпатичный многоквартирный дом на Ван-Найс. Мы с отцом ездили туда забрать вещи. Хозяйка отнеслась к нам хорошо. Китти ей нравилась.

Письмо было погашено за две недели до ее смерти. Я получил бы его гораздо раньше, если бы не переехал еще раз. Должно быть, она просто устала ждать.

«Дорогой Ларри!

Я много думала в последнее время... и решила, что для меня было бы гораздо лучше, если бы та последняя перекладина оторвалась раньше, чем ты смог натаскать сена.

Твоя Китти».

Да, видимо, она устала ждать. Мне легче верить в это, чем в то, что она решила, будто я забыл. Я бы не хотел, чтобы она так думала, потому что это письмо в одно предложение, наверное, единственная вещь, которая заставила бы меня бросить все и ехать к ней.

Но даже не из-за этого так трудно бывает теперь заснуть. Закрывая глаза и впадая в дрему, я снова и снова вижу, как моя Китти с широко раскрытыми темно-сиими глазами, прогнувшись и раскинув руки, летит вниз с третьего яруса амбара.

Китти, которая всегда верила в то, что внизу окажется стог сена.

МУЖЧИНА, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ЦВЕТЫ

Ранним майским вечером 1963 года молодой человек, держа одну руку в кармане, быстро шагал по Третьей авеню Нью-Йорка. Небо постепенно темнело в чистом прозрачном воздухе, переходя от синевы дия к фиолетовым сумеркам. Есть люди, которые любят Нью-Йорк, и город достоин их любви за такие вот вечера. Улыбались все — в кафетериях, химчистках, ресторанах. Старушка, толкавшая перед собой детскую коляску с двумя пакетами, в которых лежали продукты, подмигнула молодому человеку и крикнула: «Привет, красавчик!» Молодой человек ответил ей милой улыбкой, помахал рукой.

Она двинулась дальше, думая: он влюблен.

Такое уж он производил впечатление. Легкий серый костюм, узкий галстук, узел приспущен, верхняя пуговица рубашки расстегнута. Кожа белая, глаза светло-синые. В лице ничего экстраординарного, но в тот теплый вечер мая 1963 года он был ослепительно красив, вот старая женщина и подумала ностальгически, что весной всякий становится красавцем... если спешит на встречу со своей мечтой... пригласить ее на обед, а потом, возможно, на танцы. Весна — единственное время года, когда ностальгия не оборачивается горечью, и ее радовало, что она

обратилась к нему, а он ответил на ее комплимент улыбкой и взмахом руки.

Молодой человек пересек Шестьдесят третью улицу все тем же пружинистым шагом, с легкой улыбкой на губах. Посреди квартала старик продавал цветы с зеленой тележки. Преобладал желтый цвет, жонкалии, поздние крокусы, но на тележке нашлось место и гвоздикам, и чайным розам, красным, белым и оиять же желтым, выращенным в теплице. Стариk ел претцель* и слушал транзисторный приемник, притулившийся, словно котенок, на борту тележки.

Радио передавало плохие новости, которые едва ли кто хотел слышать: убийца, орудующий молотком, по-прежнему на свободе, Джи-эф-кей** заявил, что Америке следует внимательно следить за развитием ситуации в маленькой азиатской стране, называемой Вьетнамом (диктор произнес ее название как «Вайт-нам»), неопознанную женщину выловили из Ист-Ривер, Большое жюри*** не поддержало меры, предлагаемые администрацией города для борьбы с распространением герояпа, русские взорвали ядерное устройство. Ноказалось, что события эти какие-то нереальные, а если и происходят в действительности, то где-то далеко-далеко и не имеют никакого отношения к вечернему майскому Нью-Йорку. Потому что воздух чист и свеж, а весна готова перейти в лето в городе, где лето — сезон исполнения желаний.

Молодой человек мировал передвижной цветочный лоток, и плохие новости затихли. Он замедлил шаг, обернулся, задумался. Вытащил руку из кармана, сунул вновь, нашунал что-то пальцами. На мгновение на его лице отразились недоумение, какая-то растерянность,

---

* Претцель — сухой крендельек, посыпанный солью.

** Джи-эф-кей (JFK) — Джон Фицджеральд Кеннеди, в то время президент США.

*** Большое жюри — присяжные, определяющие обоснованность обвинительного заключения в соответствии с уголовным правом.

тревога, потом рука покинула карман, и тут же взгляд стал прежним, в нем читалось предвкушение радостной встречи с любимой.

Улыбаясь, молодой человек вернулся к лотку с цветами. Он принесет ей цветы, ей будет приятно. Ему нравилось наблюдать, как вспыхивали ее глаза, когда он покупал ей всякие пустячки (на другое денег не хватало, в богачах он не ходил). Коробку конфет. Браслет. Однажды пакет апельсинов из Валенсии: он знал, что Норма любит их больше других.

— Желаете что-нибудь приобрести, мой юный друг? — встретил цветочник молодого человека в легком сером костюме, вернувшегося к лотку. Сам он, шестидесятивосьмилетний, несмотря на теплый вечер, стоял в толстом вязаном свитере и шерстяной шапочке. Лицо его покрывала сетка морщин, глаза глубоко запрятались в темных впадинах, между пальцами прыгала сигарета. Но он поморщил, каково быть весной молодым — молодым и влюбленным. Обычно цветочник хмурился, но тут его губы разошлись в улыбке, совсем как у старухи, толкавшей детскую коляску с продуктами: молодой человек влюблен, тут уж никаких сомнений. Старик стряхнул со свитера крошки претцеля. Будь любовь болезнью, этого пострадавшего поместили бы в реанимацию.

— Сколько стоят ваши цветы? — спросил молодой человек.

— За доллар я могу подобрать вам красивый букет. А вот эти чайные розы выращены в теплице. Опи подороже, семьдесят центов за штуку. Но я продам вам пол-дюжины за три доллара и пятнадцать центов.

— Дороговато.

— Хорошее задешево не купишь, мой юный друг. Разве вас не учила этому мать?

Молодой человек улыбнулся:

— Вроде бы она что-то такое говорила.

— Конечно. Наверняка говорила. Возьмите шесть роз: две красные, две желтые и две белые. Лучше не подберешь, не так ли? Они это любят. Но можете взять букет и за доллар.

— Опи? — Молодой человек все улыбался.

— Мой юный друг. — Цветочник бросил окурок в сливную канаву и улыбнулся в ответ. — В мае никто не покупает цветы для себя. Это как закон, вы понимаете, о чем я?

Молодой человек подумал о Норме, о ее счастливых, полных восторга глазах, нежной улыбке и кивнул:

— Полагаю, что да.

— Естественно, попимаете. Так что скажете?

— А что думаете вы?

— Я скажу вам, что думаю. Почему нет? За совет денег не берут, не так ли?

Молодой человек оиять улыбнулся:

— Пожалуй, это единственное, за что нынче не надо платить.

— Вы чертовски правы, — покивал цветочник. — Так вот, мой юный друг. Если цветы для вашей матери, я бы посоветовал взять букет. Несколько жоикалий, крокусов, лилий. Тогда она не испортит вам настроение словами: «О, сынок, цветы мне очень нравятся, но они так дорого стоят. Неужели ты не нашел лучшего применения своим деньгам?»

Молодой человек откинулся на спинку стула, рассмеялся.

— Однако если цветы для девушки, — продолжил цветочник, — это совсем другая история, и вы это знаете. Вы припосите ей чайные розы, и она не превращается в бухгалтера, вы меня попимаете? Нет, она бросается вам на шею, обнимает вас...

— Я беру чайные розы, — прервал его молодой человек, и теперь рассмеялся цветочник. Двое мужчин с пивными животами, стоящие у дверей паба, смотрели на них и улыбались.

Цветочник выбрал шесть чайных роз, подрезал стебли, побрызгал водой, унаковал в бумажный копус.

— О такой погоде, как сегодня, можно только мечтать, — сообщило радио. — Сухо, тепло, температура чуть выше шестидесяти*. Если вы романтик, самое время посидеть на какой-нибудь крыше. Любуйтесь Большим Нью-Йорком, любуйтесь!

Цветочник перевязал вершину конуса скотчем, посоветовал молодому человеку сказать своей даме, что в воду надо добавить немного сахара, если она хочет, чтобы розы стояли дольше.

— Я ей скажу, — кивнул молодой человек, протягивая иятерку. — Спасибо вам.

— Такая работа, мой юный друг. — Цветочник вернул ему доллар и два четвертака. Улыбка погрустнела. — Поцелуйте ее за меня.

По радио «Четыре времени года» запели «Шерри». Молодой человек убрал сдачу в карман и зашагал дальше, с широко раскрытыми глазами, в ожидании скорой встречи с любимой, не оглядываясь, не обращая внимания на бьющую на Третий авеню жизнью. Но какие-то образы откладывались в сознании: мать с коляской, в которой сидел перепачканный мороженым малыш. Девочка, прыгающая через скакалку. Две женщины у прачечной с сигаретами, обсуждающие чью-то беременность. Группа мужчин у магазинной витрины, в которой стоял цветной телевизор с огромным экраном и табличкой с указанием цены: транслировали бейсбольный матч. Лица игроков позеленели, а травяное поле, наоборот, краснело. «Нью-Йорк» был «Филадельфией» со счетом шесть — один. Завершался последний, девятый, иннинг.

Молодой человек шагал и шагал с букетом в руке, не замечая, что две женщины у прачечной прервали разговор и провожают взглядом и его, и чайные розы: дни, когда

---

* По шкале Фаренгейта, соответствует 18—20 градусам по Цельсию.

им дарили цветы, остались в далеком прошлом. Не заметил он и того, как молодой коп-регулировщик свистком остановил транспортный поток на пересечении Третьей авеню и Шестьдесят девятой улицы, чтобы он мог перейти дорогу. Коп только-только обручился и узнал мечтательное выражение, которое в последнее время постоянно видел в зеркале по утрам, когда брился. Он не заметил и двух девочек-подростков, которые прошли мимо него, оглянулись и захихикали.

На пересечении с Семьдесят третьей он остановился, повернул направо. Улица с кирпичными жилыми домами и итальянскими ресторанчиками на первых этажах уже погрузилась в полумрак. В трех кварталах впереди дети играли в палочки-выручалочки. Молодой человек так далеко не пошел, миная квартали, свернул в узкий проулок.

В небе уже засияли звезды, в проулке меж высоких стен царствовала ночь. Молодой человек замедлил шаг. Из-за какого-то мусорного контейнера, в проулке их хватало, донеслось яростное мяуканье: уличный кот выводил любовную серенаду.

Молодой человек нахмурился, посмотрел на едва различимый в темноте циферблат часов. Четверть восьмого. Норме пора бы...

И тут он увидел ее, выходящую навстречу со двора, в темно-синих слаксах, блузе в синюю и белую полоску. У него перехватило дыхание. Такое всегда случалось с ним, когда он видел ее. Его словно пронзило током... она выглядела такой юной.

Лицо его озарила улыбка, сияя, он поспешил к ней.

— Норма!

Она вскинула голову, заулыбалась... но по мере того как сокращалось расстояние между пими, улыбка блекла.

Да и он уже не так сиял, его что-то обеспокоило. Лицо над матроской внезапно расплылось. Стало совсем темно... Может, он ошибся? Да нет же! Это *Норма*.

— Я принес тебе цветы. — Вздох облегчения вырвался из его грудн. Он протянул ей бумажный конус с розами.

Она бросила на них короткий взгляд, вновь улыбнулась, вернула букет.

— Спасибо, но вы ошиблись. Мэри зовут...

— Норма, — прошептал он и выхватил из кармана молоток с короткой рукояткой, который лежал там все время. — Я принес их тебе, Норма... только тебе... всегда тебе.

Она подалась назад, лицо — круглое белое пятно, рот — черная дыра, зев пещеры ужаса. Конечно, она — не Норма, Норма умерла, мертвя уже десять лет, но сейчас это и не важно, потому что она собирается закричать, и он взмахнул молотком, чтобы остановить крик, убить крик, и когда он взмахнул молотком, букет выпал из его руки, бумажный конус раскрылся, красные, желтые и белые розы рассыпались меж мусорных баков, где справлялись кошачьи свадьбы, где коты пели своим дамам.

Он взмахнул молотком, и она не закричала, но она могла закричать, потому что она — не Норма, ни одна из них не была Нормой, и он взмахивал молотком, взмахивал молотком, взмахивал молотком. Она — не Норма, и поэтому он взмахивал молотком, как и иять раз в недавнем прошлом.

Какое-то время спустя он сунул молоток во внутренний карман пиджака и появился от тела, кулем лежащего на брускатке, от чайных роз, валяющихся в грязи. Он повернулся и покинул узкий проулок.

Стемнело оконачательно. В палочки-выручалочки уже не играли. Если на его костюме и остались иягтины крови, они растворились в темноте, мягкой вечерней майской темноте, и ее звали не Норма, но он знал свое имя. Его звали... звали...

Его звали *любовь*.

Его имя — Любовь, и он шагал по этим темным улицам, потому что Норма ждала его. И он ее найдет. Не сегодня, так в ближайшие дни.

Он заулыбался. Походка вновь стала пружинистой. Супружеская пара средних лет, сидевшая на крыльце своего дома на Семьдесят третьей улице, проводила его взглядом. Мечтательная задумчивость на лице, легкая улыбка, играющая на губах. Женщина повернулась к мужчине:

— Почему ты уже не бываешь таким?

— Что?

— Ничего. — Она вновь посмотрела в спину уходящему в ночь молодому человеку в сером костюме и подумала, что прекраснее весны может быть только первая любовь.

НА ПОСОШОК

В четверть одиннадцатого, когда Херб Туклаидер уже собрался закрывать свое заведение, в «Тукис бар», что находится в северной части Фолмаута, ввалился мужчина в дорогом пальто и с белым как мел лицом. Дело было десятого января, когда народ в большинстве своем только учится жить по правилам, нарушенным в Новый год, а за окном дул сильнейший северо-западный ветер. Шесть дюймов снега намело еще до наступления темноты, и снегопад только усиливался. Дважды Билли Ларриби проехал мимо нас на грейдере, расчищая дорогу, второй раз Туки вынес ему пива, из милосердия, как говорила моя матушка, и, Господь знает, в свое время этого пива она выпила сколько надо. Билли сказал ему, что чистится только главное шоссе, а боковые улицы до утра закрыты для проезда. Радио в Портлеиде предсказывает, что толщина снежного покрова увеличится еще на фут, а скорость ветра усилится до сорока миль в час.

В баре мы с Туки сидели вдвоем, слушая завывания ветра да вглядываясь в языки пламени в камине.

— Давай на посошок, Бут, — говорит Туки. — Пора закрываться.

Он налил мне, потом себе, тут открылась дверь, и вошел этот незнакомец, обсыпанный снегом, словно сахарной пудрой. Ветер тут же полез в бар снежным языком.

— Закрывайте дверь! — орет на него Туки. — Или вас воспитывали в сарае?

Никогда я не видел более перепуганного человека. Он напомнил мне лошадь, которая весь день ела крапиву. Он вытаращился на Туки, пробормотал: «Моя жена... моя дочь...» — и повалился на пол.

— Святой Иосиф, — говорит Туки. — Закрой дверь, Бут, ладно?

Я подошел и закрыл дверь, борясь с ледяным ветром. Туки опустился на колено рядом с мужчиной, приноднял голову, похлопал по щекам. Тут я увидел, что выглядит парень паршиво. Лицо уже покраснело, на нем появились серые иятия. А тот, кто пережил в Мэне все зимы с тех самых пор, когда президентом был Вудро Вильсон (это я о себе), знает, что эти серые ията — верный признак обморожения.

— Отключился, — прокомментировал Туки. — Принеси-ка бренди.

Я взял с полки бутылку, верпился. Туки расстегнул парню пальто. Тот чуть оклемался: глаза приоткрылись, он что-то забормотал, но очень уж тихо.

— Налей чуток.

— Чуток? — переспрашиваю я.

— Брендн — чистый динамит, — отвечает он. — А ему и так сегодня досталось.

Я плеснул бренди в стопку, посмотрел на Туки. Тот кивнул.

— Лей прямо в горло.

Я выпил. Реакция последовала незамедлительно. Мужчина задрожал всем телом, закашлялся. Лицо покраснело еще больше. Глаза широко раскрылись. Я обеспокоился, но Туки усадил его, как большого ребенка, стукнул по спине.

Мужчина попытался выблевать бренди, Туки стукнул его снова.

— Нельзя. Продукт дорогой.

Мужчина все кашлял, но уже не так натужно. Тут я смог к нему приглядеться. Судя по всему, из большого города, откуда-то к югу от Бостона. Перчатки дорогие, но тонкие, так что на руках наверняка серые иятии, и ему еще повезет, если он не потеряет палец-другой. Пальто дорогое, это точно, триста долларов, никак не меньше. И сапожки, едва доходящие до щиколоток. Я подумал, а не отморозил ли он мизинцы.

— Полегчало, — просинел он.

— Вот и хорошо, — кивнул Туки. — Можете подойти к огню?

— Моя жена и дочь... Опи там... Мы попали в буран.

— Да я уж поиял, что опи не сидят дома перед телевизором, — ответил Туки. — Вы расскажете нам обо всем у камина. Помогай, Бут.

Мужчина со стоном поднялся, рот перекосило от боли. Вновь я подумал, а не отморозил ли он ноги. Оставалось только гадать, что чувствовал Господь, создавая идиотов из Нью-Йорка, которые пытаются пересекать южную часть Мэна наперекор северо-восточным буранам. Оставалось только надеяться, что его жена и маленькая дочь одеты теплее, чем он.

Мы довели его до камина и усадили в кресло-качалку, в которой всегда сидела миссис Туки, пока не преставилась в 1974 году. Именно стараниями миссис Туки этот бар получил известность. О нем писали в «Даун ист», «Санди телеграф» и даже в воскресном приложении «Бостон глоб». Действительно, «Тукис бар» скорее тяпул на таверну, с паркетным полом, баром из клена, тяжелыми потолочными балками, большим каменным камином. После статьи в «Даун ист» миссис Туки хотела дать бару новое название, «Тукис инн» или «Тукис рест», действительно, они лучше соответствовали бы интерьеру, но я предпочитаю старое — «Тукис бар». Одно дело — потакать вкусам туристов, наводящих летом наш штат, и другое — работать зимой, когда обслуживаешь только сосе-

дей. А частенько случалось, что зимние вечера мы, я и Туки, коротали вдвоем, пили виски с содовой или пиво. Моя Виктория умерла в 1973-м, и, кроме как к Туки, пойти мие было некуда: здесь голоса заглушали тиканье часов, отмеряющих мне жизнь, даже два голоса, мой и Туки. Но едва ли я приходил бы сюда, измени Туки название своего заведения на какое-нибудь «Тукас рест». Глупость, конечно, но тем не менее правда.

Мы усадили парня перед огнем, и он задрожал еще сильнее. Обхватил колени руками, зубы стучали, из носа потекло. Я думаю, он начал осознавать, что не выжил бы, провели на улице еще пятнадцать минут. И убил бы его не снег, а пропизывающий ветер, выдувающий из тела все тепло.

— Где вы сбились с дороги? — спросил его Туки.

— В-в-в ш-ш-шести м-м-милях к-к-к юг-гу от-т-т-сюда.

Туки и я переглянулись, и внезапно меня прошиб озноб.

— Вы уверены? — переспросил Туки. — Вы прошли в снегопад шесть миль?

Он кивнул.

— Я посмотрел на одометр, когда мы проехали через город. Следовал указаниям... собирались повидать сестру жены... в Камберлеиде... первый раз здесь... мы из Нью-Джерси...

Нью-Джерси. Вот уж где живут идиоты почище нью-йоркских.

— Шесть миль, вы уверены? — не отставал от него Туки.

— Да, уверен. Я нашел указатель, но его занесло... его...

Туки схватил его за плечо. В отсветах пламени мужчина выглядел куда старше своих тридцати шести лет.

— Вы повернули направо?

— Да, направо. Моя жена...

— Вы разглядели указатель?

— Указатель? — Он тупо посмотрел на Туки, вытер нос. — Разумеется, разглядел. Я же следовал указаниям сестры моей жены. По Джойтнер-авеню через Джеруса-лемс-Лот доехать до выезда на шоссе номер 295. — Он переводил взгляд с Туки на меня. На улице все завывал ветер. — Что-то не так?

— Лот, — выдохнул Туки. — О Боже.

— В чем дело? — Мужчина повысил голос. — Что я сделал не так? Да, дорогу занесло, но я подумал... если впереди город, то ее расчистят... и я...

Он смолк.

— Бут, — повернулся ко мне Туки, — звони шерифу.

— Конечно, — глаголет этот дурень из Нью-Джерси, — дельная мысль. А что с вами такое, парни? Вы словно увидели привидение.

— В Лоте привидений нет, мистер. Вы предупредили своих, чтобы они не выходили из автомобиля?

— Конечно. — В голосе слышалась обида. — Я же не сумасшедший.

У меня, кстати, имелись на этот счет сомнения.

— Как вас зовут? — спросил я. — Чтобы сказать шерифу.

— Ламли, — отвечает он. — Джералд Ламли.

Он вновь начал что-то объяснять Туки, а я пошел к телефонному аппарату. Сиял трубку. Мертвая тишина. Пару раз нажал на клавишу. Никакого результата.

Вернулся к камину. Туки налил Джералду Ламли еще стопку бренди. Эта сразу нашла путь в желудок.

— Его нет? — спросил Туки.

— Телефон не работает.

— Черт, — говорит Туки, и мы переглядываемся.

А снаружи ветер швырял снег в окна.

Ламли посмотрел на Туки, на меня, снова на Туки.

— У кого-нибудь из вас есть машина? — В голос вернулась тревога. — Обогреватель работает только при

включеином двигателе. Бензина оставалось четверть бака, а мне понадобилось полтора часа... Ответите вы мне или нет? — Он поднялся, схватил Туки за грудки.

— Мистер, — говорит Туки, — по-моему, ваши руки зажнли собственным умом.

Ламли покосился на руки, потом на Туки, пальцы разжались.

— Мэн, — прошипел он. Словно выругался. — Где тут ближайшая заправка? У них должен быть тягач...

— Ближайшая заправка в Фолмаут-Сентре, — ответил я. — В трех милях отсюда.

— Благодарю. — В голосе его слышались нотки сарказма. Он повернулся и направился к двери, застегивая пальто.

— Едва ли она работает, — добавил я.

Он обернулся и взорвался на нас.

— Что ты такое говоришь, старина?

— Он нытает втолковать вам, что автозаправка в Фолмаут-Сентре принадлежит Билли Ларриби, а Билли сейчас расчищает дороги на грейдер, дуралей вы несчастный, — терпеливо объясняет Туки. — Так почему бы вам не вернуться и не присесть у огня, прежде чем вы лопнете от злости?

Он вернулся, ничего не понимающий, испуганный.

— Вы говорите мне, что не сможете... что здесь нет...

— Я ничего не говорю, — отвечает Туки. — Это у тебя рот не закрывается. А вот если ты хоть минуту помолчишь, мы, может, все и обдумаем.

— Что это за город, Джерусалемс-Лот? — спросил он. — Почему дорогу занесло снегом? И огней я не видел.

— Джерусалемс-Лот сгорел два года назад, — ответил я.

— И его не отстроили заново? — Вроде бы он не мог этому поверить.

— Похоже на то. — Я посмотрел на Туки. — Так что будем делать?

— Нельзя их там оставлять.

Я придвинулся к нему. Ламли как раз отошел к окиу, выглянул в снежную ночь.

— А если до них добрались? — спросил я.

— Такое возможно, — ответил он. — Но точно мы этого не знаем. Библия у меня на полке. Крест при тебе?

Я полез за пазуху, показал ему освященный в католической церкви крест. Родился я и воспитывался конгрегационистом, но многие из тех, кто живет неподалеку от Джерусалемс-Лота, теперь носят или крест, или медальон святого Кристофера, или четки. Потому что два года назад, темным октябрем, в Лот пришла беда. Иной раз, поздним вечером, когда у Туки собираются завсегдатаи, разговор заходит о случившемся. И это не досужие байки. Видите ли, в Лоте начали исчезать люди. Сначала по одному, по двое, потом целыми семьями. Школы закрылись. Чуть ли не год город пустовал. Да, некоторые, наоборот, переселились туда, идиоты из других штатов, вроде того, что сидел сейчас с нами, наверное, привлеченные дешевизной домов. Но долго не продержались. Одни уехали, прожив в Лоте месяц или два. Другие... скажем так, исчезли. А потом город сгорел. На исходе долгой засушливой осени. Вроде бы пожар начался с Марстен-Хауса, что стоял на холме над Джойтиер-авеню, но точно этого никто не знает, даже сейчас. Город горел три дня, никто его не тушил. На какое-то время жнзнь вошла в нормальное русло. А потом все началось по новой.

При мне слово «вампиры» произносилось вслух лишь однажды. В тот вечер Ричи Мессина, водила из Фринпорта, креинко набрался. «Святый Боже, — ревел он, выпрямившись во все свои девять футов роста, в шерстяных брюках, байковой рубашке, кожаных сапогах, — чего вы боитесь сказать все как есть? Вампиры! Вот о чем вы думаете, не так ли? Иисус Христос и святые угодники! Вы что — дети, насмотревшиеся фильмов ужасов? Вы знаете, что

творится в Джерусалемс-Лоте? Хотите, чтобы я сказал вам? Хотите?»

«Скажи, Ричи, — ответил Туки. И в баре повисла гробовая тишина. Только в камине потрескивали дрова да по крыше барабанил ноябрьский дождь. — Мы тебя слушаем».

«Кроме стаи бродячих собак, никого там нет, — заявил нам Ричи Мессипа. — Никого. А все остальное — болтовня старух, обожающих сказки о привидениях. Так вот, за восемьдесят баксов я готов поехать туда и провести ночь в этом логове призраков. Что скажете? Кто поспорит со мной?»

Никто не поспорил. Ричи много болтал и креико пил, мы не стали бы лить слезы на его могиле, но никому не хотелось отиравлять его в Джерусалемс-Лот с наступлением темноты.

«Ну и хрен с вами, — заявил Ричи. — Ружье, что лежит в багажнике моего «шеви», остановит любого в Фолмайте, Камберленде или Джерусалемс-Лоте. Вот туда я и поеду».

Он выскочил из бара, громко хлопнув дверью, и долго никто не смел нарушить тишину. Наконец подал голос Ламонт Генри: «Больше никто не увидит Ричи Мессину. Господи, унокой его душу». И Ламонт, методист, перекрестился.

«Онпротрезвеет и передумает, — заметил Туки, но голосу его недоставало уверенности. — Появится к закрытню и постараётся обратить все в шутку».

Но прав оказался Ламонт, потому что Ричи никто больше не увидел. Его жена сказала полиции, что он рванул во Флориду, потому что не смог внести очередной взнос за автомобиль, но правда читалась в ее глазах: испуганных, затравленных. Вскоре она переехала в Род-Айленд. Может, боялась, что Ричи придет за ней темной ночью. И я ее не осуждаю.

Теперь Туки смотрел на меня, а я, засовывая крестик под рубаху, на Туки. Никогда в жизни не испытывал я такого страха, никогда раньше так не давил на меня груз прожитых лет.

— Мы не можем оставить их там, Бут, — повторил Туки.

— Да. Я знаю.

Какое-то время мы еще смотрели друг на друга, потом он протянул руку, сжал мне плечо.

— Ты настоящий мужчина, Бут.

Этого хватило, чтобы взбодрить меня. Когда переваливает за семьдесят, начинаешь забывать, что ты мужчина или был им.

Туки подошел к Ламли.

— У меня вездеход «Скаут». Сейчас подгоню его.

— Господи, почему вы молчали об этом раньше?! — Ламли повернулся, пронзил Туки злым взглядом. — Почему потратили десять минут на пустые разговоры?

— Мистер, захлопните пасть, — мягко ответил Туки. — И прежде чем захотите открыть ее вновь, вспомните, кто в буран свернул на нерасчищенную дорогу.

Ламли хотел что-то сказать, потом закрыл рот. Его щеки густо покраснели. А Туки отправился в гараж за «Скаутом». Я же обошел стойку бара и наполнил хромированную фляжку бреиди. Решил, что спиртное может нам понадобиться.

Буран в Мэне... доводилось вам попадать в него?

Валил густой снег, скрежещет о борта, словно песок. Дальний свет включать бесполезно: он бьет в глаза, отражаясь от снежных хлоньев, и в десяти футах уже ничего не видно. С ближним светом видимость увеличивается до пятнадцати футов. Но снег еще полбеды. Ветер, вот чего я не любил, его пронзительный вой, в котором слышались ненависть, боль и страх всего мира. Ветер нес смерть, белую смерть, а может, что-то и пострашнее смерти. От этих завываний становилось не по себе даже в теплой

постели, с закрытыми ставнями и запертыми дверьми. А уж на дороге опи просто сводили с ума. Тем более на дороге в Джерусалемс-Лот.

— Не можете прибавить скорость? — спросил Ламли.

— Вы только что едва не замерзли, — ответил я. — Странно, что вам не терпится вновь шагать на своих двоих.

Теперь злобный взгляд достался мне, но больше он ничего не сказал. Ехали мы со скоростью двадцать иять миль в час. Просто не верилось, что час тому назад Ларриби расчищал этот участок дороги: снега нанесло на два дюйма, и он все падал и падал. Фары выхватывали из темноты только кружашуюся белизну. Ни одной машины нам не встретилось.

Десять минут спустя Ламли крикнул: «Эй! Что это?»

Он тыкал пальцем в окою по моему борту. Я смотрел прямо перед собой. Повернулся, наверное, слишком поздно. Увидел, как что-то бесформенное растворялось в снегу, но, возможно, у меня просто разыгралось воображение.

— Кого вы видели? Лося?

— Наверное. — Голос его дрожал. — Но глаза... Красные глаза! — Он посмотрел на меня. — Так выглядят в ночи глаза лося? — Голос жаждал утвердительного ответа.

— По-всякому выглядят, — отвечаю я, надеясь, что так оно и есть, хотя мие не раз доводилось смотреть на лосей из кабины автомобиля и ночью, но никогда отблеск фар от их глаз не окрашивался красным.

Туки предпочел промолчать.

Пятнадцать минут спустя мы подъехали к месту, где сугроб по правому борту резко убавил в высоте: снегоочистители всегда принодпимали «ножи», проходя перекресток.

— Вроде бы мы повернули здесь. — Голосу Ламли недоставало уверенности. — Правда, указателя я не вижу...

— Здесь, — кивнул Туки. Голос у него изменился до неузнаваемости. — Верхняя часть указателя торчит из снега.

— Да. Конечно. — Ламли облегчено вздохнул. — Послушайте, мистер Туклаидер, я хочу извиниться. Я замерз, переволоился, вот и вел себя как последний идиот. И я хочу поблагодарить вас обоих...

— Не благодарите меня и Бута, пока мы не посадим их в эту машину, — оборвал его Туки. Перевел «Скaut» в режим четырехколесного привода и через сугроб свернул на Джойтнер-авеню, которая через Лот выходила на шоссе 295. Снег фонтаном полетел из-под брызговиков. Задние колеса пошли юзом, но Туки водил машину по снегу с незапамятных времен, так что легким движением руля выровнял внедорожник, и мы двинулись дальше. В свете фар то появлялись, то исчезали следы другого автомобиля, проехавшего этой дорогой раньше, — «мерседеса» Ламли. Сам Ламли наклонился вперед, глядываясь в снежную пелепу.

И вот тут Туки заговорил:

— Мистер Ламли.

— Что? — повернулся он к Туки.

— Среди местных жителей ходят всякие истории о Джерусалемс-Лоте. — Голос его звучал спокойно, но морщины стали глубже, а глаза тревожно бегали из стороны в сторону. — Возможно, все это лишь досужие выдумки. Если ваши жена и дочь в кабине, все отлично. Мы их заберем, отвезем ко мне, а завтра, когда буран утихнет, Билли с радостью отбуксирует ваш автомобиль. Но если в кабине их не будет...

— Как это не будет? — резко обрывается Ламли. — Почему их не будет в кабине?

— Если в кабине их не будет, — продолжает Туки, не отвечая, — мы разворачиваемся, возвращаемся в Фолмаут и извещаем о случившемся шерифа. В такой буран, да еще ночью, искать их бессмысленно, не так ли?

— Мы найдем их в кабине. Где им еще быть?

— И вот что еще, мистер Ламли, — добавил я. — Если мы кого-то увидим, заговаривать с ними нельзя. Даже если они что-то начнут говорить нам. Понимаете?

— Что это за истории? — медленно, чуть ли не по слогам, спрашивает Ламли.

От ответа — одному Богу известно, что я мог ему ответить — меня спас возглас Туки: «Приехали».

Мы пристроились в затылок большому «мерседесу». Снег толстым слоем лег на багажник и крышу, у левого борта намело большой сугроб. Но светились задние огни, и из выхлопной трубы вырывался дымок.

— Бензина им хватило, — вырвалось у Ламли.

Туки, не выключая двигателя, потянул вверх рукоятку ручного тормоза.

— Помпите, что сказал вам Бут, мистер Ламли.

— Конечно, конечно. — Но думал он только о жене и дочке. Едва ли можно его в этом винить.

— Готов, Бут? — повернулся ко мне Туки. Наши взгляды встретились.

— Думаю, что да.

Мы вылезли из кабины, и ветер тут же облапил нас, бросая в лица пригоршки снега. Ламли шел первым, наклонившись вперед, полы его модного пальто раздулись, как паруса. Он отбрасывал две тени: одну — от фар внедорожника Туки, вторую — от задних огней «мерседеса». Я следовал за пим, Туки замыкал нашу маленькую колонну. Когда я поравнялся с задним бампером «мерседеса», Туки придержал меня.

— Обожди!

— Джейни! Френси! — проорал Ламли. — Все в порядке? — Он открыл дверцу у водительского сиденья, сунулся в кабину. — Все...

И замер. Ветер выхватил тяжелую дверцу из его руки, распахнул до предела.

— Святый Боже, Бут, — пробормотал Туки. — Видать, та же история.

Ламли повернулся. На лице недоумение и испуг, глаза круглые. И тут же бросился к нам, поскольку заснул, чуть не унал. Пролетел мимо меня, вцепился в Туки.

— Как вы могли это знать? — проревел он. — Где они? Что у вас тут творится?

Туки оторвал его руки, протиснулся к распахнутой дверце. Мы вместе заглянули в салон «мерседеса». Тепло и уютно, но красный индикатор указывал, что бензина осталось на донышке. И никого. Только кукла Барби на коврике у переднего пассажирского сиденья. Да детская лыжная курточка на заднем.

Туки закрыл лицо руками... и исчез. Ламли схватил его и отшвырнул в сугроб. Бледный, с безумным взглядом. Губы его шевелились, но он не мог произнести ни звука. Залез в салон, достал куртку.

— Куртка Френси? — свистящий шепот, и тут же крик. — *Куртка Френси!* — Он повернулся, держа ее перед собой, маленькую курточку с отороченным мехом капюшоном. Посмотрел на меня, сбитый с толку, ничего не понимающий. — Она не могла выйти из машины без куртки, мистер Бут. Почему... почему... она же замерзнет.

— Мистер Ламли...

Он шагнул в снеговерть с курткой в руке, крича:

— *Френси! Джейни! Где вы? Где вы-ы-ы?*

Я протянул Туки руку, помог подняться.

— Ты в...

— Что я, — отвечает он. — Мы должны удержать его, Бут.

Мы бросились следом за пим, не бросились — поплелись: снега насыпало выше колена. Но он остановился, и мы настигли его.

— Мистер Ламли... — Туки положил руку ему на плечо.

— Туда! — крикнул Ламли. — Опи пошли туда. Посмотрите!

Мы посмотрели. Две цепочки следов, больших и маленьких, которые быстро заносил снег. Еще иять минут, и мы не увидели бы их вовсё.

Он двинулся было по следу, наклонив голову, но Туки схватил его за пальто.

— Нет! Ламли, нет!

Обезумевшее лицо Ламли повернулось к Туки, он сжал пальцы в кулак, замахнулся, но что-то в глазах Туки заставило его опустить руку. Он посмотрел на меня, потом взглядело его вернулся к Туки.

— Она замерзнет. — Он словно разговаривал с двумя глупыми мальчишками. — Разве вы этого не понимаете? Она без куртки, и ей всего семь лет...

— Опи могут быть где угодно, — ответил Туки. — Нельзя идти по следам. Очередной порыв ветра полиостью их занесет.

— Так что вы предлагаете? — истерично выкрикнул Ламли. — Если мы поедем за полицией, они замерзнут! Френси и моя жена!

— Возможно, опи уже замерзли. — Туки встретился с Ламли взглядом. — А может, с ними случилось что-то похуже.

— О чём вы? — прошептал Ламли. — Выкладывайте, черт побери. Скажите мне!

— Мистер Ламли, — говорит Туки. — Дело в том, что в Лоте...

Но именно я, неожиданно для самого себя, произнес ключевое слово:

— Вампиры, мистер Ламли. В Джерусalemс-Лоте полно-полно вампиров. Я понимаю, осознать это трудно...

Он вытаращился на меня так, словно я позеленел у него на глазах, и прошептал:

— Психи. Вы оба — психи. — Потом отверпился от нас, сложил руки рупором и завопил: — *ФРЕНСИ! ДЖЕЙНИ!*

Двинулся по следу, полы его пальто стелились по снегу.

Я посмотрел на Туки:

— Что будем делать?

— Пойдем за ним, — говорит он. Снегом волосы прилепило ко лбу, выглядел он таки странно. — Не могу оставить его здесь. А ты?

— Пожалуй что нет.

И мы пошли за ним. Но расстояние между нами все увеличивалось. На его стороне была сила молодости. Он прорубал снег, словно грейдер. А тут дал себя знать мой артрит, и я уже посматривал на ноги, умоляя их: еще немного, пожалуйста, продержитесь еще немного...

Я ткнулся в спину Туки. Он стоял, широко расставив ноги, голову опустил, руки прижал к груди.

— Туки, — говорю, — с тобой все в порядке?

— Все нормально, — ответил он, опуская руки. — Нам бы не упустить его из виду, Бут. Скоро он выдохнется и начнет лучше соображать.

Мы добрались до вершины взгорка и впизу увидели Ламли, оглядывавшегося в поисках следов. Бедняга, шансов найти их у него не было. Там, где он стоял, ветер дул так сильно, что заметал любую впадину через три минуты.

Ламли поднял голову и прокричал в ночь:

— *ФРЕНСИ! ДЖЕЙНИ! РАДИ БОГА, ОТЗОВИТЕСЬ!*

В голосе слышались отчаяние, ужас, боль. Но ответил ему лишь рев ветра. Ветер словно смеялся над ним, говоря: *Я забрал их, мистер Нью-Джерси, а вы оставайтесь с дорогой машиной и пальто из кашемира. Я забрал их и занес их следы, а к утру они будут у меня, что две клубнички в морозилке...*

— Ламли! — завопил Туки, перекрывая вой ветра. — Не хотите верить в вампиров — не надо! Но так вы им ничем не поможете. Мы должны...

Но внезапно Ламли ответили, из темноты донесся голосок, зазвеневший, как серебряные колокольчики, и внутри у меня все похолодело.

— Джерри... Джерри, это ты?

Ламли развернулся на голос. И тут появилась она, выплыла из тени маленькой рощи, как привидение. Мало того что городская, да к тому же еще самая прекрасная из виденных мною женищ. Так мне хотелось подойти к ней и выразить свою радость: как не радоваться, если она жива и здорова. Одета она была в зеленый пулlover и накидку без рукавов — вроде бы такие называют пончо. Накидка колыхалась, черные волосы струились на ветру, как вода в ручье в декабре, перед тем как мороз скует ее льдом.

Может, я даже шагнул к ней, потому что почувствовал руку Туки на своем плече, грубую и горячую. И все же (как я могу такое говорить?) я *возжелал* ее, такую черноволосую и прекрасную, в зеленом пончо, колышущемся уши и илеч, экзотическую и странную, навевающую мысли о прекрасной незнакомке из стихотворения Уолтера де ла Мэра.

— Джейни! — закричал Ламли. — Джейни!

И через снег поспешил к ней, вытянув руки.

— Нет! — попытался остановить его Туки. — Ламли, нельзя!

Он даже не оглянулся... а она посмотрела на нас. Посмотрела и усмехнулась. И от ее усмешки моя страсть, мое вожделение всыхнули синим пламенем, обратившись в черные угли, серую золу. От нее веяло могильным холодом, белыми костями, завернутыми в саван. Даже с такого расстояния мы видели красный блеск ее глаз. Скорее волчьих, чем человечьих. А при ухмылке обнажились и неестественно длинные зубы. Мы видели перед собой не человеческое существо. Мертвеца, каким-то образом ожившего в этом жутком воющем буране.

Туки перекрестил ее. Она отпрянула... а потом вновь ухмыльнулась. Мы находились слишком далеко и, наверное, перетрусили.

— Надо его остановить! — прошептал я. — Мы можем его остановить?

— Слишком поздно, Бут! — мрачно ответил Туки.

Ламли уже добрался до нее. Вывалившись в снегу, он сам напоминал скорее призрака, чем человека. Он потянулся к ней... и тут начал кричать. Я еще услышу этот крик в своих кошмарах: взрослый человек кричал, как ребенок, которому приснился страшный сон. Он попытался отирянутуть, но ее руки, длинные, обнаженные, белые как снег, выпростались вперед и потянули его к ней. Я видел, как она склонила голову набок, а потом наклонилась к нему...

— Бут! — прохрипел Туки. — Надо сматываться!

И мы побежали. Побежали, как крысы. Кто-то, на-верное, так и скажет, из тех, кого не было там в ту ночь. Мы помчались по нашим следам, падая, поднимаясь, поскользываясь, взмахивая руками, чтобы удержаться на ногах. Я поминутно оглядывался, дабы убедиться, что за нами не гонится эта женщина, с ухмылкой во весь рот и красивым блеском глаз.

У самого «Скаута» Туки согнулся пополам, схватился за грудь.

— Туки! — перепугался я. — Что...

— Мотор, — прошептал он. — Барахлит последние иять лет. Посади меня на пассажирское сиденье, Бут, и мотаем отсюда.

Я подхватил его под руку, помог обойти внедорожник, каким-то образом усадил в кабину. Он откинулся на спин-ку, закрыл глаза. Кожа его пожелтела, стала восковой.

Я обежал «Скаут» спереди и чуть не сшиб с ног ма-ленькую девочку. Она стояла у дверцы: волосы забраны в два хвостика, из одежды — желтое платьице.

— Мистер, — голос ясный, чистый, сладкий, как ут-ренний туман, — вы не могли бы помочь мне найти маму? Она ушла, а мне так холодно...

— Милая, тебе лучше залезть в кабину. Твоя мама...

Я замолчал на полуслове — если когда в жизпи я и мог сойти с ума, так именно в тот самый момент. Потому что стояла она, видите ли, не в, а на снегу, не оставляя следов.

И, вскинув головку, смотрела на меня. Френси, дочь Ламли. Семи лет от роду, и семилетней ей предстояло оставаться в бесконечной череде ночей. Ее лицо отливало трупной бледностью, а глаза светились красным. Под подбородком девочки я увидел две маленькие ранки, словно от укола иглой, но с искромсайной по краям кожей.

Она протянула ко мне ручки и улыбнулась.

— Подпишите меня, мистер, — прощебетала она. — Я хочу вас поцеловать. Тогда вы сможете отвести меня к моей мамочке.

Не хотел я ее целовать, но ничего не мог с собой поделать. Уже наклонился вперед, вытягивал руки. Видел, как открывается ее рот, видел маленькие клыки за розовыми губками. Что-то поползло у нее по подбородку, блестящее и серебристое, и в ужасе я осознал, что она пускает слюни.

Ее маленькие ручки сомкнулись на моей шее, и я уже думал: может, все не так страшно, не так страшно... когда что-то черное и тяжелое выплеснуло из окиа «Скавта» и ударило ей в грудь. Взвился клуб странно пахнущего дыма, что-то блеснуло, а потом, шипя, она отпрянула. Лицо перекосило гримасой ярости, ненависти, боли. Она повернулась ко мне боком... и пропала. Только что стояла передо мной, а мгновение спустя превратилась в снежный вихрь, формой отдаленно напоминающий детскую фигуру. И тут же ветер закрутил его и унес в поле.

— Бут! — прошептал Туки. — Садись за руль, скорее!

Я сел за руль, но лишь после того, как наклонился и поднял то, чем он швырнул в эту девчушку из ада. Библию его матери.

* * *

Случилось это довольно-таки давно. Я совсем старик, но и тогда был не первой молодости. Херб Тукландер скончался два года назад. Умер легко, во сне. Бар работает, его купили мужчина и женщина из Уотервилла, милые люди, они стараются ничего там не меять. Но я хожу туда редко. Без Туки мне неуютио.

И в Лоте все как и прежде. На следующее утро шериф нашел автомобиль Ламли. Без капли бензина, с севшим аккумулятором. Ни Туки, ни я ничего ему не рассказали. Зачем? Время от времени какой-нибудь автостопщик или турист пропадают в этих краях, в окрестностях Школьного холма и кладбища на холме Гармонии. Потом находят рюкзак, или книгу в бумажной обложке, или что-то еще, но тела — никогда.

Мне все еще снится та буранная ночь, когда мы поехали в Джерусалемс-Лот. Не столько жеищина, как маленькая девочка, ее улыбка в тот самый момент, когда она тянула ко мне ручки, чтобы я мог поднять ее, а она — поцеловать меня. Но я глубокий старик, и время мое на исходе, а со миой уйдут и сны.

Возможно, и вам доведется путешествовать по Южному Мэну. Прекрасные места. Может, вы даже заглянете в «Тукис бар», чтобы пропустить рюмочку-другую. Хороший бар. И название новые владельцы сохранили. Выпить — выпейте, а потом последуйте моему совету и поезжайте дальше на север. И пи в коем случае не сворачивайте к Джерусалемс-Лоту.

Особенно с наступлением темноты.

Где-то там маленькая девочка. И я думаю, она все еще хочет кого-то поцеловать.

ЖЕНЩИНА В ПАЛАТЕ

Вопрос один: сможет ли он это сделать?

Он не знает. Ему известно, что иногда она их жует, морщась от неприятного вкуса, а изо рта доносится звук, будто она грызет леденцы. Но это другие пилюли... желатиновые капсулы. На коробочке надпись: ДАРВОН КОМПЛЕКС. Он нашел их в шкафчике для лекарств и, задумавшись, долго вертел в руках. Иногда доктор прописывал их ей, до того как она снова легла в больницу. Чтобы она могла спать по ночам, не чувствуя боли. Шкафчик битком набит лекарствами, опи выстроились, словно колдовские снадобья. Альфа и омега западной цивилизации. ФЛИТ СУППОЗИТАРИЗ. Он никогда не пользовался свечами. Сунуть в задницу что-то восковое ради того, чтобы отогнать болезнь: сама мысль об этом вызывала у него тошноту. Это же непристойно, совать что-то в задницу. ФИЛЛИПС МИЛК ОФ МАГНЕЗИЯ. АНАГИН АРТРИТИС ПЕЙН ФОРМУЛА. ПЕПТО-БИСМОЛ. И еще, и еще. По лекарствам он мог составить список всех ее болезней.

Но эти пилюли — другие. С обычным дарвоном их родпит только серая желатиновая капсула. Размером опи больше, отец называл пилюли таких размеров лошадиными таблетками. На коробочке указано: асп. 350 мг, дарвон

100 мг, и сумеет ли она прожевать их, даже если он сможет дать ей эти капсулы? Захочет ли? Дом живет обычной жизнью: включается и выключается холодильник, отопительная система обеспечивает нормальную температуру, даже кукушка, как положено, выскакивает из «гнезда», чтобы возвестить, что прошли очередные полчаса. Он полагает, что после ее смерти Кевину и ему придется все отключать. Ее нет уже. В доме об этом говорит все. Она в центральной больнице штата Мэн, в Льюистоне. Палата 312. Отправилась туда, когда боль стала такой невыносимой, что она уже не могла снестись на кухню, чтобы сварить себе кофе. Временами, когда он навещал ее, она плакала, не подозревая об этом.

Кабина лифта подпирается, поскрипывая, он изучает синюю табличку-сертификат на стене. В сертификате указано, что лифт проверен и им можно пользоваться без опаски, скрипит он или нет. В больнице она уже три недели, и сегодня ей сделали операцию, которая называется «кортотомия». Он не уверен, что пишется это слово именно так, но звучит как «кортотомия». Врач сказал ей: кортотомия включает введение иглы через шею в головной мозг. Врач сказал, что это то же самое, как если бы в апельсин вогнать спицу и проткнуть косточку. Когда игла войдет в болевой центр, на ее кончик подадут радиосигнал и электрический разряд уничтожит болевой центр. Точно так же выключается телевизор, если штепсель выдернуть из розетки. И тогда раковая опухоль в желудке уже не будет вызывать такие мучения.

Мысль об операции еще более неприятна ему, чем мысли о свечах, медленно тающих в его прямой кишке. Она заставляет его вспомнить роман Майкла Крайтона «Человек-компьютер»*, в котором людям тоже вживляли в голову провода. Согласно Крайтону, процедура эта — не из приятных. Он писателю верил.

---

* Название оригинала «The Terminal Man». Роман переведен на русский язык и опубликован в 1991 г.

Двери кабинки открываются на третьем этаже, и он выходит в коридор. Это старое крыло больницы, и пахнет тут опилками, которыми обычно посыпают лужи блевотины на окружной ярмарке. Пильюли он оставил в бардачке. На этот раз он ничего не пил до приезда в больницу.

Стены выкрашены в два цвета: коричневые понизу и белые поверху. Он думает, что из двухцветных сочетаний более тоскливыми, в сравнении с коричневым и белым, является только черное и розовое.

Два коридора пересекаются буквой Т перед лифтом. Там же находится и фонтанчик с водой, где он всегда останавливается, чтобы отсрочить свое появление в палате. Тут и там он видит медицинское оборудование, почему-то ассоциирующееся у него со странными, но игрушками. Каталка с хромированными стойками и резиновыми колесами, на которой везут в операционную, где врачи уже готовы к проведению «кортотомии». Большой цилиндр, назначение которого ему неизвестно. Чем-то он похож на колеса, какие ставят в беличью клетку. Вращающийся подиос с торчащими из него двумя бутылками — прямотаки груди в представлении Сальвадора Дали. В глубине одного из коридоров сестринский пост. Оттуда до него доносится смех и запах кофе.

Он глотает воду и плется к ее палате. Боится того, что может открыться его глазам, и надеется, что она спит. Если так, будить ее он не собирается.

Над дверью каждой палаты маленький квадратный фонарь. Когда пациент нажимает киоинку вызова медсестры, фонарь оживает, загорается красным. Вдоль по коридору медленно прогуливаются пациенты в дешевых больничных халатах поверх больничного белья. Халаты в белую и синюю полосы, с круглыми воротничками. Больничное белье называют «джоини». «Джоини» нормально смотрятся на женщинах и странновато на мужчинах, поскольку «джоини» — то ли платье, то ли комбинация, едва прикрывающая колени. На мужчинах шлепанцы из

коричневого кожзамениеля. На женщинах шлепаицы вязаные, с помпонами из питок. Такие и у матери. Она называет их бабушками.

Пациенты напоминают ему фильм ужасов «Ночь живых мертвецов». Двигаются они очень осторожно, словно кто-то скрутил пробки с их внутренних органов, как с банок с майонезом, и теперь они боятся расплескать жидкости, которые плещутся в их телах. Некоторые пользуются палками. Их походка пугает, но и вызывает уважение. Походка людей, которые неспешно движутся в неведомое, походка студентов в шапочках и мантиях, направляющихся на выпускной вечер.

Из транзисторных приемников доносится музыка, голоса. Он слышит, как «Блэк оук Арканзас» поют «Джим Дэнди» («Уходи, Джим Дэнди, уходи, Джим Дэнди», фальцет словно подгоняет медленно вышагивающих пациентов). Он слышит, как гость ток-шоу хринловатым, прокуренным голосом обсуждает политику Никсона. Он слышит, как под польку кто-то поет по-французски — Льюистон все еще фраинкоговорящий город, здесь по-прежнему любят джигу и обожают резать друг друга в барах на Лиссабон-стрит.

Он останавливается у палаты матери и...

какое-то время он приходил сюда только выпивши. Он стыдился этой привычки, хотя мать, накачаинная наркотиками и элавилом, ничего не замечала. Элавил — транквилизатор, который дают раковым больным, чтобы те поменьше боялись неизбежной смерти.

Порядок он завел следующий. Днем покупал в «Соннисиз маркет» две упаковки (по шесть банок каждая) пива «Черная метка». Три выпивал за «Улицей Сезам», две — во время «Мистера Роджера», одну — с «Электрической компанией»*. Потом одну за ужином.

---

* Речь идет о телепередачах.

Пять банок он брал в машину. От Реймоида до Льюистона — 32 мили, по шоссе 302 и 202, так что он прилично набирался к тому моменту, когда подъезжал к больнице. Полиыми оставались лишь одна или две банки. Если он что-то привозил матери, то оставлял в кабине, чтобы иметь повод спуститься вниз и ополовинить еще одну банку.

Опять же у него появлялась возможность облегчиться на улице, и ему это особенно нравилось. Автомобиль он всегда ставил с краю, на замершую ноябрьскую грязь, и холодный воздух способствовал более полному опорожнению мочевого нузыря. В больничный туалет ему входить не хотелось: киоика для вызова сестры за унитазом, хромированная ручка для слива воды, торчащая под углом сорок иять градусов, бутылка с розовым дезинфицирующим средством над раковиной нагоняли жуткую тоску.

По дороге домой пить не хотелось вовсе. Остающиеся полбанки он ставил в холодильник, и когда их набралось шесть, он...

никогда бы не поехал, если бы знал, что все будет так плохо. Первая мысль, которая приходит ему в голову: *Она не апельсин*, и тут же ее сменяет вторая: *Теперь она действительно быстро умрет?* Она вытянулась на кровати, неподвижная, за исключением глаз, но ему кажется, что тело напряжено, будто внутри не прекращается какое-то движение. Шея ее замазана чем-то оранжевым, вроде бы меркурихромом, под левым ухом накладка. Туда доктор загнал иглу и вместе с центром боли уничтожил те участки мозга, что контролировали шестьдесят процентов двигательных функций. Ее глаза следят за ним, похожие на глаза смотрящего с иконы Иисуса.

— Мне кажется, тебе не следовало приезжать сегодня, Джоини. Я не в форме. Может, завтра мне будет получше.

— А что такое?

— Чешется. Все чешется. Ноги вместе?

Он не видит, вместе ли у нее ноги. Они согнуты в коленях и скрыты под больничной простыней. В палате очень жарко. Вторая кровать нустует. Он думает: сопалатники приходят, и сопалатники уходят, но моя мама остается. Господи!

— Опи вместе, мама.

— Распрями их, Джонни. А потом тебе лучше уйти. Никогда со мной такого не случалось. Ничем не могу пошевелить. Нос чешется. Как ужасно, когда у тебя чешется нос, а ты не можешь его почесать, не правда ли?

Он чешет ей нос, а потом осторожно онускает ноги. Не ноги — спички, так она исхудала. Она стонет. Слезы бегут по щекам к ушам.

— Мама?

— Ты можешь онустить мне ноги?

— Я только что онустил.

— Да? Тогда хорошо. Кажется, я плачу. Я не хотела плакать при тебе. Как же мне хочется покончить со всем этим. Покончить навсегда.

— Может, покуришь?

— Не мог бы ты принести мне воды, Джойни? Во рту все пересохло.

— Конечно.

Он берет стакан с гибкой соломинкой и идет к питьевому фонтанчику. Толстяк с эластичным бинтом на одной ноге медленно проплыает мимо. Он без полосатого халата и придерживает «джойни» за спиной.

Он наполняет стакан в фонтанчике и возвращается в палату 312. Она перестала плакать. Губы сжимают соломинку. Почему-то он вспоминает о верблюдах, которых иной раз показывают в телепередачах о путешествиях. Лицо у нее такое ссохшееся. Его самое живое воспоминание отиосится к тому времени, когда ему было двенадцать. Он, его брат Кевин и эта женщина переехали в штат Мэн,

чтобы она могла заботиться о старицах родителях. Мать не подпималась с постели. Высокое кровяное давление привело к старческому маразму и слепоте. Велико счастье дожить до восьмидесяти шести лет. И она весь день лежала в постели, старая и слепая, с большими подгузниками в резиновых трусах. Не могла вспомнить, что ела на завтрак, зато перечисляла всех президентов, вплоть до Айка*. Так что три поколения жили в том самом доме, где он недавно нашел эти таблетки (хотя дедушка и бабушка давно умерли). В двенадцать лет он что-то ляпнул за столом, он уже не помнил что, но точно ляпнул, и его мать, которая стирала записанные бабкины подгузники и пронускала их через выжималку допотопной стиральной машины, обернулась, схватив один из подгузников, и ударила им его. Правда, первый удар пришелся по миске с овсянкой, которая запрыгала по столу, как большая синяя блоха, зато второй достиг цели, его спины, не очень болезненный, но разом заставивший его заткнуться. А потом эта женщина, что сейчас сама лежала на больничной койке, вновь и вновь хлестала его мокрым подгузником, приговаривая: «Не распускай язык, ты достаточно большой, чтобы знать, что можешь говорить, а чего — нет». И чуть ли не каждое слово сопровождалось смачным шлейком подгузника. Так что многое из того, что он мог бы сказать, осталось невысказанным. Этот мир — не место для лишних слов. Он уяснил сие в тот день. И как выяснилось, мокрый бабушкин подгузник оказался прекрасным учителем, потому что урок он усвоил четко. Прошло четыре года, прежде чем он вновь начал осваивать азы остроумия.

Она поперхивается водой, и это пугает, потому что он еще думает о том, чтобы дать ей таблетки. Он вновь спрашивает, не хочет ли она покурить, и она отвечает:

— Если тебя это не затруднит. А потом тебе лучше уйти. Может, завтра мне станет лучше.

---

*Айк — Дуайт Дэвид Эйзенхауэр, 34-й президент США.

Он вытряхивает сигарету из одиой из пачек, лежащих на столике, раскуриивает ее. Держит сигарету большим и указательным пальцами правой руки, а она затягивается, обхватив губами фильтр. Затягивается с трудом. Часть дыма улетучивается, не попадая в горло.

— Пришлось прожить шестьдесят лет, чтобы мой сын держал мне сигарету.

— Я не против.

Она затягивается вновь. Так долго не отпускает фильтр, что он переводит взгляд на ее глаза и видит, что опи закрылись.

— Мама?

Веки дергаются.

— Джонпи?

— Я.

— Давно ты здесь?

— Не очень. Я лучше пойду. Тебе надо поспать.

— Х-р-р-р-р.

Он тушит окурок в пепельнице и выскользывает из палаты, думая: я хочу поговорить с врачом. Черт подери, я хочу поговорить с врачом, который это сделал.

Входя в кабину лифта, он думает, что слово «врач» становится синонимом слову «человек» после того, как набран определенный профессиональный онит, словно жестокость врачей — это аксиома, и для них характерна эта отличительная черта человека. Но...

«Я не думаю, что она долго протянет», — говорит он брату этим вечером. Брат живет в Эидовере, в семидесяти милях к западу. В больнице он бывает раз или два в неделю.

— Но боли ее больше не мучают? — спрашивает Кев.

— Она говорит, что у нее все чешется. — Таблетки у него в кармане жакета. Жена спит. Он достает их: таблетки украдены из опустевшего дома матери, в котором когда-то он и брат жили вместе с бабушкой и дедушкой. Продолжая

разговор, он крутит и крутит коробочку в руке, словно кроличью лапку.

— Что ж, значит, ей лучше.

Для Кева будущее всегда лучше прошлого, словно жизнь движется к всеобщему раю. В этом младший брат расходился со старшим.

— Она парализована.

— Разве в нынешнем состоянии это имеет для нее значение?

— Разумеется, *имеет!* — взорвался он, вспомнив о ногах, которые ему пришлось передвигать под простыней.

— Джон, она умирает.

— Она еще не умерла. — Вот что ужасает его больше всего. Разговор дальше пойдет кругами, накручивая прибыль телефонной компании, но главное сказано. Она еще не умерла. Лежит в палате с больничной биркой на запястье, слушая голоса, долетающие из радиоприемников, движущихся взад-вперед по коридору. И...

она будет адекватно реагировать на ход времени, говорит врач. Крупный мужчина с русой бородой. Рост у него шесть футов четыре дюйма, широченные плечи. Врач тактично увел его в холл, когда она начала засыпать.

— Видите ли, — продолжает врач, — некоторые нарушения двигательной функции неизбежны при такой операции, как кортотомия. Ваша мать начала шевелить левой рукой. Вполне возможно, что через две — четыре недели она обретет контроль и над правой.

— Будет она ходить?

Врач задумчиво смотрит в потолок. Борода приподнимается над рубашкой. Окладистая борода. По какой-то нелепой причине, глядя на бороду, Джонни вспоминает об Олгероне Суинбурне. Почему, понять невозможно. Этот человек — полная противоположность Суинбурну.

— Осмелюсь предположить, что нет. Слишком многое разрушено.

— То есть до конца жизни она останется прикованной к постели?

— Думаю, это предположение соответствует действительности.

Он начинает восхищаться этим человеком, которого надеялся возненавидеть. Лучше услышать правду, нусть и горькую.

— И сколько она проживет в таком состоянии?

— Трудно сказать (и это тоже правда). Опухоль блокирует одну из почек. Вторая работает нормально. Когда опухоль доберется и до нее, ваша мать уснет.

— Уремическая кома?

— Да, — отвечает врач, голос звучит подозрительно. «Уремия» — специальный, патологоанатомический термин, обычно знакомый только врачам. Но Джонпи знает его, потому что его бабушка умерла от того же, только без рака. У нее отказали почки, и она умерла, с внутренностями, плавающими в моче. Джоини первым появился, что на этот раз она умерла, а не заснула с открытым ртом, как свойственно старицам. Две маленькие слезинки выдавились из уголков ее глаз. Старый беззубый рот напоминал ему вычищенный под фаршировку и забытый на кухонной полке помидор. Он с минуту держал у ее рта маленькое зеркало и, поскольку гладкая поверхность не туманилась и не скрывала рот-помидор, позвал мать. Тогда все казалось нормальным, теперь — нет.

— Она говорит, что по-прежнему чувствует боль. И у нее все чешется.

Доктор солидно качает головой, как Виктор Дегрут в каком-то старом фильме.

— Она *воображает* боль. Но тем не менее ощущение боли реально. Реально для нее. Вот почему время так важно. Ваша мать больше не сможет отсчитывать секунды, минуты или часы. Она должна суметь перейти с этих единиц измерения на дни, недели и месяцы.

Он понимает, что говорит ему этот бородатый здоровяк, и его это пугает. Тихонько звякает звонок на часах врача. Он больше не может его задерживать. Тому надо куда-то идти. Как легко он говорит о времепи, словно время для него — открытая книга. Может, так оно и есть.

— Можете вы еще что-то для нее сделать?

— Очень мало.

Но говорит он откровенно, и это хорошо. Во всяком случае, не «вселяет ложных надежд».

— Кома — это наихудший исход?

— Разумеется, нет. В данной ситуации прогнозы — зрячное дело. В вашем теле словно поселяется акула. И никому не ведомо, к чему это приведет. Она может раздуться.

— Раздуться?

— Нижняя часть живота увеличится в размерах, опустится вниз, снова увеличится. Но к чему рассуждать об этом сейчас? Я полагаю, мы можем сказать...

что свою работу опи сделали, а если предположить, что нет? Или, допустим, они поймают меня? Я не хочу идти в суд по обвинению в убийстве из сострадания. Даже если меня оправдают. Я не хочу мучиться угрызениями совести. Он думает о газетных заголовках вроде «СЫН УБИВАЕТ МАТЬ» и морщится.

Сидя на автостоянке, он вертит коробочку в руках. ДАВРОН КОМПЛЕКС. Вопрос один: *сможет ли он это сделать? Должен ли?* Она сказала: *Как бы мне хотелось покончить с этим. Я готова на все, лишь бы покончить с этим.* Кевин говорит о том, чтобы перевезти ее к нему. Незачем ей умирать в больнице. И больница не хочет оставлять ее. Они дали ей какие-то новые таблетки, но видимых улучшений нет. После операции прошло четыре дня. Они хотят избавиться от нее, потому что еще никто не научился делать эти операции без побочных эффектов.

А опухоль вырезать бесполезно. Надо убирать все, за исключением головы и ног.

Он думал о том, как воспринимается ею время, как реагирует она на потерю контроля над пим. Дпи в палате 312. Ночн в палате 312. Им пришлось протянуть нитку от киопки вызова и привязать к указательному пальцу на ее левой руке, потому что теперь она не может протянуть руку и нажать на киопку, если решит, что ей требуется судио.

Впрочем, особого значения это не имеет, потому что чувствительность в средней части потеряна полностью. Живот вместе со всеми внутренностями превратился в мешок с опилками. Теперь она испражняется в постель и мочится в постель, узнавая об этом только по запаху. Она похудела со ста иятидесяти фунтов до девяноста ияти, и мышцы превратились в веревочки. Будет ли по-другому в доме Кева? Сможет ли он пойти на убийство? Он знает, что это убийство. Самое худшее из убийств, убийство из сострадания, словно он — разумный зародыш из одного раннего рассказа ужасов Рэя Брэдбери, жаждущий вызвать аборт у животного, давшего ему жизнь. Может, вина все равно его. Он — единственный ребенок, которого она выносала, ребенок, который мог что-то изменить в ее организме. Его брата усыновили, когда другой улыбающийся врач сказал ей, что своих детей у нее больше не будет. И естественно, рак зародился в ее матке, словно второй ребенок, его черный двойник. У его жизни и ее смерти отиравная точка одиа. Так почему ему не сделать то, что уже делает двойник, только медленно и неумело?

Он давал ей аспирин, чтобы упять боль, которую она воображала. Она держит эти таблетки в ящике прикроватного столика вместе с открытками, в которых родственники и подруги желают ей скорейшего выздоровления, и очкам для чтения, теперь уже ненужным. Опи выпули у нее изо рта вставные челюсти из опасения, что она может затолкнуть их в горло и задохнуться, поэтому она просто сосет аспирин, пока не побелеет язык.

Конечно, он мог бы дать ей пилюли. Трех или четырех хватило бы. Тысяча четыреста миллиграммов аспирина и четыреста миллиграммов дарвона женщине, вес которой за последние иять месяцев уменьшился на треть.

Никто не знает, что у него есть эти таблетки, пи Кевин, ни его жена. Он думает, что, возможно, в палату 312 положили кого-то еще и он может забыть о своих замыслах. Может, это наилучший выход, думает он. Он спокойно уйдет с таблетками. Действительно, чего брать грех на душу? Если в палате будет другая женщина, он сочтет сие за знак свыше. Он думает...

— Сегодня ты выглядишь получше.

— Правда?

— Точно. А как ты себя чувствуешь?

— Не очень. Этим вечером не очень.

— Давай посмотрим, как ты двигаешь правой рукой.

Она поднимает правую руку. С растопыренными пальцами рука плывет у нее перед глазами, потом падает. Шмяк. Он улыбается, и она улыбается в ответ.

— Врач заходил к тебе сегодня? — спрашивает он.

— Да, заходил. Он заходит каждый день. Дай мне воды, Джон.

Он протягивает ей стакан, она ньет воду через гибкую соломинку.

— Ты тоже часто приходишь ко мне, Джон. Ты хороший сын.

Она плачет. Вторая кровать по-прежнему нустует. По коридору проплывают полосатые сине-белые халаты. Он видит их через приоткрытую дверь. Он берет у нее стакан, в голове крутится идиотская мысль: стакан наполовину нуст или наполовину полон?

— Как твоя левая рука?

— Очень неплохо.

— Давай посмотрим.

Она поднимает левую руку. Она — левша, должно быть, поэтому после кортотомпи левая рука оправляется быстрее. Она сжимает пальцы в кулак, разжимает, щелкает пальцами. Потом рука падает на покрывало. Шмяк. Она жалуется:

- Но я ее не чувствую.
- Давай с этим разберемся.

Он идет к гардеробу, открывает дверцу, тянется рукой за пальто, в котором она пришла в больницу, чтобы достать сумочку. Сумочку она держит там, потому что панически боится грабителей. Она слышала, что некоторые из санитаров — первоклассные воришки и тащат все, что плохо лежит. Одна из соседок по палате, давно выписавшаяся, рассказала ей, что у какой-то женщины в новом крыле больницы украли иятьсот долларов, которые та хранила в туфле. Его мать в последнее время много чего боится, а одиажды сказала ему, что под ее кроватью иногда прячется мужчина. Частично причиной тому сочетания наркотиков, которые ей дают. В сравнении с ними «ко-леса», которым он иногда закидывался в колледже, — детская микстура. В запертом шкафчике у сестринского поста можно найти полиый набор. Наркоманы плясали бы от счастья, добравшись до такого шкафчика. Полная гарантия счастливой смерти. Вот опи, чудеса современной науки.

- Он приносит сумочку к кровати, открывает ее.
- Сможешь ты что-нибудь из нее достать?
- Джонпи, я не знаю...
- Попытайся, — убеждает он. — Ради меня.

Левая рука поднимается с покрывала, словно калека-вертолет. Достает из сумочки бумажную салфетку. Он аплодирует:

- Хорошо! Хорошо!
- Но она отворачивается:
- В прошлом году я могла вытащить этими руками две стойки с посудой.

Если делать, то сейчас, думает он. В палате очень жарко, но лоб у него в холодном поту. Если она не попросит аспирин, отложим, решает он. На другой день. Но он знает: если не сегодня, то никогда. Другого не дано.

Она искоса смотрит на дверь.

— Можешь дать мне пару моих таблеток, Джонпи?

Так она спрашивает всегда. Она не должна ничего принимать сверх тех лекарств, что прописывает ей врач, потому что потеряла слишком много веса и у нее выработалась стойкая наркотическая зависимость. И теперь лишь тонкая черта отделяет ее от передозировки. Одна лишняя таблетка, и она эту черту перейдет. Говорят, такое случилось с Мэрилин Монро.

— Я принес тебе таблетки из дома.

— Правда?

— Опи хорошо снимают боль.

Он протягивает ей коробочку. Прочитать название она может только на очень близком расстоянии. Она всматривается в большие буквы, потом говорит:

— Раньше я принимала дарвон. Он мне не помогает.

— Эти сильнее.

Ее глаза поднимаются от коробочки к его глазам.

— Правда? — повторяет она.

Он может лишь глупо улыбнуться. Дар речи пропал начисто. Как в тот раз, когда он впервые поимел женщину на заднем сиденье автомобиля приятеля. Он пришел домой, мать спросила, хорошо ли он провел время, а он смог ответить лишь этой самой глупой улыбкой.

— Их можно жевать?

— Не знаю. Попробуй.

— Хорошо. Не надо никому этого видеть.

Он открывает коробочку, спимает с нузырька пластиковой крышкой. Могла она все это проделать левой рукой, напоминающей подбитый вертолет? Поверят ли они? Он не знает. Они, наверное, тоже не скажут, могла или нет. А может, им будет без разницы.

Он вытрясает из нузырька шесть таблеток. Чувствует на себе ее взгляд. Много, слишком много, даже она должна это попимать. Если она ничего не скажет, он бросит их в нузырек и предложит ей одну таблетку «артритис пейн формула».

Медицинская сестра проплывает мимо, и его рука сжимается в кулак, прикрывая серые капсулы, но сестра не смотрит в их сторону, а потому не видит, что делается в палате, в которой лежит пациент после кортотомпи.

Его мать ничего не говорит, только смотрит на капсулы, внешние ничем не отличающиеся от любых других, разве что цветом (если бы так оно и было). Но с другой стороны, она никогда не любила нышных церемоний. Не стала бы разбивать бутылку шампанского о собственный корабль.

— Принимай. — Голос естественный, без натуги. Первая капсула попадает в рот.

Она жует ее деснами, пока не растворяется желатин, потом кривится.

— Вкус не нравится? Я не...

— Нет, все нормально.

Он дает ей вторую капсулу. Третью. Она их сжевывает с задумчивым выражением на лице. Четвертую. Она улыбается, и он в ужасе видит, что язык у нее желтый. Может, если ударить ее в живот, она все отрыгнет. Но он не может. Он никогда не бил свою мать.

— Ты не взглянешь, вместе ли мои ноги?

— Сначала прими таблетки.

Он дает ей пятую капсулу. И шестую. Потом смотрит, вместе ли лежат ее ноги. Вместе.

— Думаю, теперь я посплю, — говорит она.

— Хорошо. А я пойду глотнуть воды.

— Ты всегда был хорошим сыном, Джоини.

Он кладет нузырек в сумочку, оставляет на покрывале рядом с матерью. Сумочка остается открытой, и он репетирует ответ на вопрос, который ему неминуемо зададут:

Она попросила дать ей сумочку. Я принес ее и открыл, прежде чем уйти. Она сказала, что сама сможет взять из нее все, что нужно. Она сказала, что попросит медсестру убрать сумочку в гардероб.

Он уходит, пьет воду. Перед зеркалом над фонтаном высовывает язык, смотрит на него.

Когда он возвращается в палату, она спит, руки лежат рядом друг с другом. Он видит набухшие вены. Он целует ее, глазные яблоки перекатываются под веками, но глаза не открываются.

Да.

Ничего особого он не испытывает — ни хорошего, ни плохого. Все как обычно.

Он уже направляется к двери, когда новая мысль приходит ему в голову. Он возвращается к кровати, достает бутылочку, вытирает о рубашку. Затем прижимает бутылочку к расслабленным пальцам левой руки. Убирает в сумочку и уходит быстро, не оглядываясь.

Возвращается домой, ждет телефонного звонка и жалеет, что не поцеловал ее еще раз. В ожидании звонка смотрит телевизор и пьет воду.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Перевод П. Рейн</i>	5
К читателю. <i>Перевод П. Рейн</i>	10
Иерусалемов Удел. <i>Перевод С. Лихачевой</i>	30
Ночная смена. <i>Перевод П. Рейн</i>	77
Ночиой прибой. <i>Перевод П. Рейн</i>	103
Я — дверь отверстая. <i>Перевод А. Аркелова</i>	116
«Мясорубка». <i>Перевод П. Рейн</i>	132
Бука. <i>Перевод А. Аркелова</i>	162
Серая дрянь. <i>Перевод П. Рейн</i>	177
Поле боя. <i>Перевод С. Скворцова</i>	194
Грузовики. <i>Перевод В. Вебера</i>	207
Иногда они возвращаются. <i>Перевод Т. Покидаевой</i> .	228
Земляничная весна. <i>Перевод В. Вебера</i>	269
Карниз. <i>Перевод В. Антонова</i>	281
Газонокосильщик. <i>Перевод В. Вебера</i>	304
Акционерное общество «Больше не курим».	
<i>Перевод В. Антонова</i>	316
Я знаю, чего тебе хочется. <i>Перевод В. Антонова</i> .	343
Дети кукурузы. <i>Перевод Т. Покидаевой</i>	374
Последняя перекладина. <i>Перевод А. Корженевского</i> .	416
Мужчина, который любил цветы. <i>Перевод В. Вебера</i> .	432
На посошок. <i>Перевод Д. Вебера</i>	440
Женщина в палате. <i>Перевод В. Вебера</i>	459

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
НОЧНАЯ СМЕНА

Сборник

Ответственный редактор *А. Батурина*
Художественный редактор *Е. Фрей*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жүлдөздө гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 белме
Білдиңгі электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E - mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша арыз-таларапарды қабылдаушы-
ның өкіл «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский кеш, ЗА», литер Б, офис 1.
Тел. 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107,
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өтімнің жарагамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаган

Подписано в печать 02.07.2015. Формат 84x108 1/32
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж   экз. Заказ

**Представляем культовый роман
Стивена Кинга «СИЯНИЕ»
В НОВОМ ПЕРЕВОДЕ!**

Потрясающий роман Мастера, который и сейчас, спустя тридцать с лишним лет после триумфального выхода в свет, читается так, словно был написан вчера. Книга, вновь и вновь издающаяся едва ли не на всех языках мира.

...Проходят годы, десятилетия, но история писателя Джека Торранса, его сынишки Дэнни, наделенного необычным даром, и поединка с темными силами, обитающими в роскошном отеле «Оверлук», по-прежнему завораживает и держит в неослабевающем напряжении читателей самого разного возраста...

**«ДОКТОР СОН» — продолжение
легендарного романа «Сияние»!**

Дэнни Торранс, сын писателя, уничтоженного темными силами отеля «Оверлук», до сих пор тяготится своим необычайным даром. Ведь способность «сиять» вновь и вновь напоминает ему о трагических событиях, пережитых в детстве и едва не сломавших ему жизнь.

На плаву Дэнни поддерживает лишь работа в хосписе, где его способности помогают облегчить пациентам мучительную боль. Но однажды к Дэну приходит двенадцатилетняя девочка Абра, которая излучает «сияние» невероятной, немыслимой силы. И девочке этой угрожает смертельная опасность — на нее объявлена настоящая охота.

Дэн Торранс — единственный, кто может ее спасти...

Спрашивайте во всех книжных!

**Уже в продаже
«СТРАНА РАДОСТИ» —
новая захватывающая история
от Стивена Кинга!**

Студент Девин Джонс, решивший подработать в парке развлечений «Страна радости», внезапно словно попадает в своеобразный параллельный мир.

Здесь живут по своим правилам, говорят на особом языке и очень не любят, когда кто-то задает «лишние» вопросы. Особенно – если они касаются убийства молодой девушки Линды Грей, тело которой было обнаружено в парке, в павильоне «Дом ужасов».

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, Девин понимает: за ярким фасадом парка развлечений скрываются опасные тайны, а если развернуть прошлое обитателей «Страны радости», то его собственная жизнь может непостижимым образом измениться раз и навсегда...

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем. Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великоленных романов, потрясающих новостей и блестательных рассказов. Среди шедевров Мастера — полное мистики и сасненса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Вы решились отправиться в странствие по закоулкам кошмаров, таящихся за гранью реальности. Здесь царит только безумие и паника. Здесь все, что кажется надежным и знакомым, может обернуться смертельно опасной ловушкой. Даже дневной свет здесь просачивается сквозь ночную тьму...

За поворотом дороги — мир, где под масками людей таится Серое Зло. Зло, в котором нет ни искорки человеческой души.

Новый поворот — и вот он, городок, где сверхсовременная мясорубка обрела свою собственную волю и разум.

Еще поворот — и трижды раскаются те, кто столкнется с одержимым Газонокосильщиком. Потому что в глубинах его изломанной души таится Смерть.

И опять дорога делает поворот — в школу возвращаются мертвые, возвращаются с жаждой нести гибель живым. И надо проплатить душу дьяволу, чтобы дьявола победить...

Читайте сборник рассказов «Ночная смена» именно таким, как его задумал Стивен Кинг!

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-092566-7

9 785170 925667